

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Источники

Исследования

Историография

Библиография

ПЯТЫЙ ВЫПУСК

Рецензии на I–III выпуски
сборника «14 декабря 1825 года»

Выход в свет сборника статей «14 декабря 1825 года» — событие неординарное... В сборнике, действительно лишенном всякой идеологической предвзятости, собраны статьи по самым разным вопросам истории декабризма.

Издание это в полной мере отражает современное состояние исторической науки в России: оно ставит перед читателями больше вопросов, чем дает ответов... Хочется верить, что появление этого издания знаменует собой возрождение отечественного декабристоведения. Насколько оправданы эти ожидания, покажет ближайшее будущее.

О. Киянская «Отечественная история». 1998. № 6.

Сборник «14 декабря 1825г. Источники, исследования, историография, библиография» явился успешной попыткой продолжения традиции таких изданий, как «Декабристы. Неизвестные материалы и статьи», «Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925», «Памяти декабристов. Сборник материалов» и т.д.

М.Хартанович «Клио»
(С.-Петербург). 1999. № 2.

Сборник о декабристах мне очень понравился, и я считаю его очень полезным и хорошим делом... Я хорошо сознаю — и это не однократно говорил публично и частным образом — что необходимо пересмотреть бытующие взгляды и суждения о декабристах и декабризме.

Надеюсь, что молодым русским историкам будет даны возможность и поддержка это осуществить.

М.Раев.

Международный проект «Нестор»

**Партнерство во имя
истории**

Руководитель проекта:

Сергей Эрлих

Издатель:

Сергей Марар

**Библиотека журнала «Нестор»:
Источники и исследования истории и культуры
России и Восточной Европы**

Том V

Главный редактор

к.и.н. И.В.Лукоянов

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

Редакционная коллегия:

акад. РАН Б.В.Ананьич

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

д.и.н. Е.В.Анисимов

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

чл.-корр. РАН Р.Ш.Ганелин

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

проф. Ж.Нива

(Женевский университет)

д.и.н. В.Н.Плешков

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

проф. У.Розенберг

(Мичиганский университет)

проф. Л.Хеймсон

(Колумбийский университет)

проф. М.Хильдемайер

(Геттингенский университет)

д.и.н. А.Н.Цамутали

(Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

проф. Х.Ян

(Кембридж)

Представитель редакции в Москве

д.и.н. О.И.Княнская

*(Российский государственный гуманитарный
университет)*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

---

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

---

*источники
исследования
историография
библиография*

**Выпуск
V**

**НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
«ДЕКАБРИСТЫ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ»
(С.-Петербург, Государственный Музей
истории С.-Петербурга, 13 декабря 2000 г.)**

«Nestor – Historia»

Санкт-Петербург – Кишинев
2002

УДК 94(470)«1825.14.12»

ЧЗ7

14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. V. СПб.; Кишинев: Nestor–Historia, 2002. 365 с.

ISBN 9975–9693–0–5

1000 эк.

94(470)«1825.14.12»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В.Андреева, П.В.Ильин (*ответственный редактор*),
А.А.Кононов, А.Н.Цамутали, С.Е.Эрлих

Составители:

П.В.Ильин, М.В.Вершевская

Рецензенты:

В.Г.Чернуха, А.Д.Марголис

Обложка:

Д.Н.Горячев

Перевод аннотаций:

Ю.Д.Тимогина

Корректор:

Г.В.Засыпкина

Издательство «Nestor–Historia»

Кишинев, ул. Болгарская 24-а.

nestor@nestor.mldnet.com

www.nestor.md

Подписано к печати 15.04.2002 г. Формат 60X84^{1/16}.

Бумага офсет № 1. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Тираж 1000. Заказ 416.

Изготовлено в Молдавии. Ручной переплет.

© «Nestor–Historia», 2002 г.

© Ильин П.В., Вершевская М.В.,
составление, 2002 г.

ISBN 9975–9693–0–5

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	9
----------------------	---

ИСТОЧНИКИ

Опись библиотеки П.И.Пестеля на русском языке. Вступительная статья и подготовка текста <i>О.И.Киянской</i> , комментарии <i>О.И.Киянской</i> и <i>Д.Б.Азиатцева</i>	17
А.Г.Муравьева – В.А.Муравьевой: Письма из Сибири 1830–1832 гг. Вступительная статья, публикация и комментарии <i>Т.Г.Любарской</i>	27

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Жуковская Т.Н.</i> «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. Часть I.....	63
<i>Ильин П.В.</i> Предполагаемые декабристы. Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.....	95
<i>Коржов С.Н.</i> Декабристы – узники северо-западных крепостей России.....	214
<i>Новоселова З.А.</i> К вопросу о местах заключения декабристов в Выборгской крепости.....	268
<i>Туманик Е.Н.</i> Новые материалы об административной деятельности декабриста А.Н.Муравьева.....	275

<i>Дмитриев А.П.</i> Теодицея в религиозной поэзии А.П.Барятинского и В.К.Кюхельбекера в свете их духовной биографии.....	286
<i>Вершевская М.В.</i> Зарубежный некрополь декабристов: Германия.....	303
<i>Мартынова Н.Ф.</i> Софья Михайловна фон дер Бригген – жена декабриста.....	312
<i>Мозгалеvская Е.А.</i> Военная династия Мозгалеvских.....	325

ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Ильин П.В.</i> Возобновление документальной серии «Восстание декабристов» (Рец.: <i>Восстание декабристов. Документы. Т.ХІХ. М., 2001</i>).....	335
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Публикации авторов сборника по декабристской тематике.....	357
---	-----

**DECEMBER 14, 1825: SOURSES, RESEARCHES,
HISTORIOGRAPHY, BIBLIOGRAPHY. VOL. V.
SCIENTIFIC READINGS «DECEMBRISTS. NEW MATERIALS»
(State Museum of History of St.-Petersburg, December 13, 2000).**

It is traditional for the State Museum of History in St.-Petersburg to hold scientific readings called «Decembrists. New Materials». This time the readings dedicated to the 175th anniversary of the Uprising on the Senate Square gathered many historians from various regions of Russia, who specialise in Decembrists' history. Some of the papers presented during the readings are published in this volume. Papers of these scientific readings published here may be divided into two parts – publication of new historical documents and research articles.

The published articles are dedicated to history of privy societies, special views of the members, specific circumstances of their lives, family connections and genealogy problems.

CONTENTS

From the Compilers.....9

SOURCES

P.I.Pestel's Library in the Russian language: an Inventory.

Introduction and preparation of the text by *O. I. Kiyanskaya*,
comments by *O.I. Kiyanskaya* and *D.B. Asiatsev.....17*

**A.G.Muravieva to V.A. Muravieva: Letters from Siberia in
1830–1832. Introduction, publication and comments by**

T.G.Lyubarskaya.....27

RESEARCHES

***T.N.Zhukovskaya.* «Privy Societies» in the first third of XIX c.
and organisational models in the Decembrist**

movement. Part I.....63

<i>P.V.Ilyin. Supposed Decembrists: On Possible Participants of Privy Societies and Military Actions of 1825–1826.....</i>	<i>95</i>
<i>S.N.Korzhov. Decembrists imprisoned in North–Western Fortresses of Russia.....</i>	<i>214</i>
<i>Z.A.Novoselova. A Contribution to Locating Places of Jail of the Decembrists in Vyborg Fortress.....</i>	<i>268</i>
<i>E.N.Tumanik. New Data about Administrative Activities of the Decembrist A.N.Muraviev.....</i>	<i>275</i>
<i>A.P.Dmitriev. The Theodicy in Religious Poetry by A.P. Baryatinski and V.K. Kuhelbecker in View of their Spiritual Biography.....</i>	<i>286</i>
<i>M.V.Vershevskaya. A Decembrists’ Necropolis Abroad: Germany.....</i>	<i>303</i>
<i>N.F.Martynova. Sofia Mihailovna von der Briggen: a Wife of a Decembrist.....</i>	<i>312</i>
<i>E.A.Mozgalevskaya. The Mozgalevski’s Military Dynasty.....</i>	<i>325</i>

HISTORIOGRAPHY. REVIEWS.

<i>P.V.Ilyin. Documentary Series «Decembrists Uprising», Renewed. (Rev.: Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Vol.XIX. M., 2001).....</i>	<i>335</i>
--	------------

BIBLIOGRAPHY

<i>Publications dedicated to Decembrist issue by contributors to this volume.....</i>	<i>357</i>
---	------------

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий пятый выпуск сборника «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография» публикует материалы научных чтений, состоявшихся в Государственном Музее истории Санкт-Петербурга 13 декабря 2000 года, в юбилейные Дни памяти декабристов.

Дни памяти декабристов традиционно проходят в Петербурге 14 декабря, в годовщину выступления на Сенатской площади, и 13 июля, в день казни на кронверке Петропавловской крепости. Инициаторами их проведения являются Государственный Музей истории Санкт-Петербурга и Декабристская секция Совета содействия Музею, объединяющая потомков декабристов и тех, кто интересуется историей декабристского движения.

С 1990 года в рамках Дней памяти декабристов, помимо торжественных церемоний на Сенатской площади и у обелиска на кронверке Петропавловской крепости, музейных выставок, литературно-музыкальных вечеров, проходят научные чтения «*Декабристы. Новые материалы*», объединившие исследователей, занимающихся проблематикой декабристской истории. В юбилейном 2000 году научные чтения состоялись уже в четвертый раз. Они привлекли широкий круг участников из Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской области, Петрозаводска, Новосибирска, других городов и регионов.

В отличие от проходившей в Петербурге в связи с 175-летним юбилеем выступления декабристов конференции, посвященной истокам и судьбам российского либерализма, и научного семинара «Декабристы: 175 лет спустя», состоявшегося 26 декабря 2000 г. в Москве, на котором обсуждались итоги и перспективы изучения декабристского движения¹, IV научные чтения, проведенные Государственным Музеем истории Санкт-Петербурга 13 декабря 2000 г., ориентировали участников

---

¹ Материалы семинара опубликованы в составе IV выпуска сборника «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография».

на освещение более «камерных», ранее неисследованных сюжетов, раскрытие новых подходов к изучению казалось бы уже известных фактов, событий и персоналий, на введение в научный оборот новых документов.

Отдельные исследования и публикации, подготовленные на основе докладов, сделанных на предыдущих II и III научных чтениях, публиковались в сборнике трудов Государственного Музея истории Санкт-Петербурга «Краеведческие записки»² и в тематическом «декабристском» выпуске журнала «Мера»³. В рамках настоящего сборника материалы IV научных чтений, представленные их участниками, публикуются в своем полном объеме.

Пятый выпуск сборника «14 декабря 1825 года» сохраняет свою традиционную структуру и состоит из четырех разделов, включающих публикации новых источников, исследовательские статьи, статьи историографического характера и библиографические материалы. Печатаемые в настоящем сборнике материалы научных чтений размещены в нем в соответствии с этой традиционной структурой.

Публикации новых источников, помещенные в данном выпуске, осуществлены участниками научных чтений, выступившими на них с сообщениями о подготовленных ими к печати документах.

Публикация *О.И. Киянской* (Москва, Российский государственный гуманитарный университет) вводит в научный оборот опись части библиотеки П.И. Пестеля, состоявшей из книг на русском языке и выставленной на аукцион в 1827 г. Этот документ позволяет расширить существующие представления о круге чтения одного из видных участников декабристского движения.

Публикация *Т.Г. Любарской* (С.-Петербург, Российский государственный исторический архив) предлагает вниманию читателя ранее неизвестные письма А.Г. Муравьевой, адресованные жене А.З. Муравьева Вере Алексеевне Муравьевой из Читы и Петровского завода, – своеобразный памятник, отразивший большую жизненную драму жен «государственных преступников».

Значительная часть выступлений на научных чтениях 2000 г. была посвящена проблемам изучения истории тайных обществ, а также биографической проблематике.

Основательная статья *Т.Н. Жуковской* (Петрозаводский государственный университет) на обширном круге источников исследует малоизученные аспекты истории тайных обществ, причем читатель найдет в

---

² Краеведческие записки: Исследования и материалы. // Труды Государственного Музея истории Санкт-Петербурга. Вып.4. СПб., 1996.

³ Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. № 1.

ней и ранее неизвестные факты и события, рассмотренные не только в контексте декабристской конспирации, но и во всем многообразии конспиративных форм, существовавших в царствование Александра I. Анализ этих фактов, событий и обстоятельств отличается широтой авторского взгляда, вниманием к различным проявлениям конспиративной активности, к разнообразным формам и приемам, применявшимся при создании и функционировании тайных обществ, к значению феномена как реально существовавших, так и «мнимых» тайных обществ, не только в общественно-политической жизни, но и в социокультурном обиходе эпохи начала XIX в.

К этому исследованию примыкает статья *П. В. Ильина* (С.-Петербургский государственный университет), в которой затрагивается вопрос о персональном составе декабристских тайных обществ в несколько неожиданном аспекте. В рамках исследования на основе многообразных документальных свидетельств впервые тщательным образом и в возможно полном виде выявлена и предложена вниманию читателя группа лиц, предположительно состоявших в тайных обществах декабристов, а также вероятных участников декабристских военных выступлений 1825-1826 гг. В статье содержатся ранее неизвестные имена лиц, близко стоявших к тайным обществам, приводится анализ каждого из документальных свидетельств, служащих основанием для отнесения к числу «возможных» участников декабристских обществ. К статье прилагается сводный перечень предполагаемых участников декабристских союзов, в приложении публикуются биографические справки о каждом из них. В связи с возможным участием ряда лиц в тайных обществах в исследовании затрагиваются некоторые сюжеты, сопряженные с историей декабристских союзов: планы восстания в 1-й армии на юге и участия в нем полковых командиров некоторых соседних с Черниговским полком частей, эпизод с командировкой во время выступления Черниговского полка посланцев восставших в Киев, «донос» Я. И. Ростовцева накануне событий 14 декабря 1825 года и роль в нем А. П. Сапожникова.

Еще одна тема, ставшая основной на научных чтениях 2000 года, – это места заключения декабристов в крепостях на территории северо-западных губерний Российской империи. Значительный объем разнообразных данных, уточняющих сведения, укрепившиеся в научной литературе, содержит статья *С. Н. Коржова* (С.-Петербург) «Декабристы – узники северо-западных крепостей России». На большом фактическом материале, используя архивные, впервые вводимые в оборот данные, автору удалось во многих случаях скорректировать укоренившиеся в литературе ошибочные данные о хронологии и топографии содержания целого ряда осужденных декабристов в крепостях Северо-Запада. Эта

статья подводит определенный итог изучению данной темы и обозначает перспективы ее дальнейшего изучения.

Статья *З.А. Новоселовой* (Государственный музей «Выборгский замок») содержит новые данные о местах заключения декабристов в Выборге, почерпнутые из архивных документов.

Религиозно-этические сюжеты – и, в частности, проблема оправдания несовершенства мира, – отразившиеся в поэзии А.П. Барятинского и В.К. Кюхельбекера, оказавшихся узниками казематов крепостей Северо-Запада, стали предметом внимания *А.П. Дмитриева* (Государственный музей «Крепость Корела», Приозерск).

Наконец, последняя группа статей, публикуемая в составе настоящего сборника, посвящена биографическим сюжетам, касающимся отдельных декабристов, их родственного окружения или близких к ним лиц.

Биографическая проблематика, имеющая отношение к малоизвестным и предполагаемым членам декабристских тайных союзов, подробно затрагивается в уже названном исследовании П.В. Ильина. Новые обстоятельства биографий декабристов содержат также статьи Т.Н. Жуковской, Е.Н. Туманик, С.Н. Коржова и З.А. Новоселовой.

Дальнейшая судьба и обстоятельства службы одного из видных деятелей тайных обществ А.Н. Муравьева, осужденного Верховным уголовным судом, но фактически помилованного Николаем I, – стали предметом внимания еще одного участника чтений *Е.Н. Туманик* (Сибирское отделение Института истории РАН, Новосибирск).

Помимо указанных, в сборнике помещено еще несколько работ специально биографического характера. Статья *Н.Ф. Мартыновой* (С.-Петербург) посвящена С.М. Бригген, жене участника Союза благоденствия и Северного общества А.Ф. Бригена. *Е.А. Мозгалева* (Приозерск) обобщает в своей статье сведения о военной службе представителей дворянского семейства Мозгалева на протяжении конца XVIII – начала XX вв. К этому ряду работ следует отнести и статью *М.В. Вершевской* (Государственный Музей истории С.-Петербурга), представляющую ранее неизвестные данные о захоронениях, связанных с именами декабристов, на русском кладбище в Висбадене.

В разделе «Историография. Рецензии» публикуется статья *П.В. Ильина*, служащая откликом на возобновление выхода в свет серийного документального издания, хорошо известного под названием «Восстание декабристов» – пофондовой публикации материалов следствия и суда по «делу декабристов», важнейших первоисточников по истории декабристских тайных обществ. Статья представляет собой развернутую рецензию на недавно вышедший XIX том этой документальной серии.

Заклучает сборник библиография работ авторов, статьи и публикации которых издаются в составе пятого выпуска.

Помимо материалов научных чтений, помещенных в настоящем сборнике, в рамках юбилейной конференции состоялись следующие доклады: «Понятия “революция”, “тираноборчество” и “террор” в теории и практике декабристов» (Д.М.Фельдман, Российский государственный гуманитарный университет, Москва), «Граф П.Д.Киселев в процессе декабристов (записка Киселева о декабристах)» (И.В.Немировский, Институт русской литературы РАН, С.-Петербург), «Материалы фонда Корсаковых об отношениях ссыльных декабристов и сибирской администрации» (Н.П.Матханова, Сибирское отделение Института истории РАН, Новосибирск), «А.А.Оленин – несостоявшийся декабрист» (Л.В.Тимофеев, С.-Петербург).

Составители предлагаемого вниманию читателя сборника надеются, что вновь подготовленное издание материалов юбилейных декабристоведческих научных чтений привлечет к себе внимание всех, кому интересна история декабристов и, в целом, история России первой половины XIX века.

*М.В.Вершевская
П.В.Ильин*

ИСТОЧНИКИ

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ П.И.ПЕСТЕЛЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вступительная статья и подготовка текста

О.И.Киянской

Комментарии *О.И.Киянской и Д.Б.Азиатцева*

P.I.Pestel's Library in the Russian language

Introduction and preparation of the text by O.I.Kiyanskaya,

Comments by O.I.Kiyanskaya and D.B.Asiatsev.

A publication is a first presentation to the scientific community of a list of books in the Russian language belonging to P.I.Pestel's library. The document is in fact the catalogue of this library which was meant for sale in 1826. It gives a certain understanding of reading interests of this leader of Southern Society.

В 1941 году в журнале «Историк-марксист» появилась статья П.А.Зайончковского «К вопросу о библиотеке П.И.Пестеля» (Зайончковский 1941: 86–89). В этой статье был приведен и проанализирован архивный документ – список книг из библиотеки руководителя Южного общества декабристов на иностранных – немецком и французском – языках. Однако русская часть библиотеки Пестеля историку осталась неизвестной.

Сегодня появилась возможность дополнить сообщение П.А.Зайончковского – опубликовать список книг из библиотеки П.И.Пестеля на русском языке. Список этот находится в составе объемного архивного дела, составленного в основном из документов, характеризующих Пестеля как командира Вятского пехотного полка. Дело это хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291. Св.292. Д.605. Л.283–284).

Судьба библиотеки Пестеля в связи с ее описаниями уже исследована П.А.Зайончковским. Он отмечал, что составление описаний

потребовалось для ее продажи с аукциона, состоявшегося после казни декабриста (Зайончковский 1941: 86). Следует уточнить, что этот аукцион проходил в Тульчине (где был дислоцирован штаб 2-й армии, в которую входил Вятский полк) в конце февраля – начале марта 1827 года. За библиотеку было выручено 545 рублей 16 копеек ассигнациями (РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291. Св.292. Д.605. Л.300).

Как справедливо замечает П.А.Зайончковский, дошедшие до нас списки книг этой библиотеки не могут считаться полными. Если опубликованный в 1941 году перечень содержал 138 томов (64 позиции) и 2 рукописи, то публикуемый ниже – 85 томов (53 позиции) и 1 рукопись. Между тем, по свидетельству современников, у руководителя тайного общества была богатая библиотека. *«Во всю длину его немногих комнат, – писал, например, майор Вятского полка Н.И.Лорер, – тянулись полки с книгами»* (Лорер 1984: 67).

П.А.Зайончковский предполагал, что часть книг из этой библиотеки была расхищена перед продажей. Возможно, «расхищение» действительно имело место. Однако из материалов дела, в котором содержится список русских книг Пестеля, следует, что основная причина неполноты каталога заключалась все же в другом. Прежде чем приступить к продаже библиотеки, армейские власти отдали часть книг матери декабриста, Е.И.Пестель. При этом последней было предложено самой определить, какую часть библиотеки забирать (РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291. Св.292. Д.605. Л.268).

Анализируя публикуемый список, можно сделать некоторые общие предварительные выводы.

Если большинство книг П.И.Пестеля на европейских языках представляли собой труды известных философов, экономистов, историков и публицистов, то в русской части первое место по количеству наименований занимают всякого рода указы, постановления и инструкции – как военные, так и гражданские. Естественно, что в основном они были нужны Пестелю по роду его службы: в 1813–1821 гг. он был, как известно, адъютантом командующего 2-й армией П.Х.Витгенштейна, а с 1821 по 1825 год командовал Вятским пехотным полком. Деятельность адъютанта и полкового командира была немислима, например, без знания «Воинского устава», «Учреждения для управления большой действующей армией» или «Руководства для скорейшего соображения исчисления и поверок по продовольствию войск».

Известно, что с 1813 года до назначения в Вятский полк Пестель, служа в штабе у Витгенштейна, числился в кавалерии: в Кавалергардском, затем в Мариупольском гусарском и Смоленском драгунском полках (Пестель 1927: 6). Поэтому вполне оправдано наличие в его библиотеке «Инструкции конного полка полковнику» и «Предварительного постановления о строевой кавалерийской службе».

Кроме того, не вызывает сомнений и тот факт, что, готовясь изменить российское законодательство, Пестель тщательно изучал и всякого рода экономические и правовые теории и законодательные акты, в том числе и российские. Отсюда – присутствие в его библиотеке трудов А.П.Куницына, Н.С.Мордвинова, книг по естественному и гражданскому праву, «учреждений», уставов и отчетов различных российских министерств и ведомств.

Весьма любопытен перечень художественных произведений, вошедших в публикуемый ниже список.

Очевидно, что создать полное представление о литературно-художественных пристрастиях Пестеля на основании только лишь этого списка довольно сложно. Мать декабриста, забравшая часть книг из библиотеки, была женщиной умной, образованной, гуманитарно одаренной, вела с сыном постоянную переписку на религиозные, философские и литературные темы (Пестель 1926: 166–187). Естественно, что художественная литература как из иноязычной, так и из русской части его библиотеки представляла для нее интерес гораздо больший, чем всякого рода военные и гражданские законы и уставы.

Однако некоторые суждения на основании даже такого неполного перечня книг сделать все-таки можно. Этот перечень заставляет обратиться к опубликованной в 1984 году статье В.С.Парсамова «П.И.Пестель как “архаист”» (Парсамов 1984: 126–146). К сожалению, статья эта, как и весь сборник, в котором она опубликована, сегодня представляют собой библиографическую редкость. Между тем, выводы этой работы полностью подтверждаются публикуемым ниже документом.

«Архаизм» Пестеля, по мнению В.С.Парсамова, проявлялся «во-первых, в идее национального и религиозного (православного) единства народов, населяющих Россию, в стремлении к их русификации, понимаемой не только в языковом, но и в традиционном смысле – как воскрешение древнерусских обычаев; во-вторых, в замене иноязычных терминов словами со славянскими корнями; в третьих, в архаизированном языке и самом названии “Русской Правды”, актуализирующим в сознании читателей древнерусский правовой свод» (Парсамов 1984: 128).

Проведя филологический анализ языка и стиля «Русской Правды» и других сочинений Пестеля, ученый пришел к выводу, что «архаизм» Пестеля сформировался под непосредственным воздействием работ А.С. Шишкова, автора «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка», руководителя «Беседы любителей русского слова». Стремясь «приблизить государство к народу, слить русский язык с языком национальной культуры» (Парсамов 1984: 139), Пестель пытался, в частности, заменять современные ему иноязычные слова «исконными» синонимами.

Теоретические рассуждения В.С.Парсамова находят полное подтверждение в публикуемом архивном документе: А.С.Шишков был одним из наиболее читаемых Пестелем автором. 5 позиций в списке занимают названия произведений Шишкова. Были в библиотеке Пестеля и произведения литераторов, на которых Шишков опирался в своих построениях: М.В.Ломоносова и В.П.Петрова.

Однако, из публикуемого списка ясно, что литература для Пестеля – это не только лингвистические опыты архаистов. На его книжных полках стояли произведения И.Ф.Богдановича, И.И.Козлова и Е.И.Кострова, журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», периодическое издание «Библиотека для Чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности».

Этот перечень в определенной мере подтверждает и другое утверждение В.С.Парсамова: о том, что «суровый возезд Южного общества» умел быть и внимательным читателем «чувствительных» произведений (Парсамов 1999: 96).

И, конечно же, главный вывод, который следует сделать из данной публикации, – вывод о необходимости дальнейшего изучения политических, экономических, социально-политических, правовых и литературных воззрений Пестеля. Одним из источников для подобного изучения должны явиться каталоги его библиотеки: как опубликованный в 1941 году, так и публикуемый сегодня.

Список библиотеки П.И.Пестеля на русском языке публикуется по правилам современной орфографии. В примечаниях к позициям списка приводится, по мере возможности, соответствующее современным представлениям библиографическое описание. В связи с крайней неполнотой и неточностью библиографических описаний в самом документе выходные данные некоторых изданий восстанавливаются сегодня лишь приблизительно; выходные данные ряда позиций вообще не поддаются выяснению.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКЕ КНИГ НА РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. История Государства Российского. Том 1-й, 4, 5, 6, 7 и 8-й¹
2. Указатель дорог, часть 1, 2 и 3²
3. Славянская Библия
4. Особенные установления при большой действующей Армии³
5. Месяцеслов с росписью чиновных особ 1818 года, часть 1 и 2⁴
6. Вонпекый устав с переводом на немецком языке⁵
7. Учреждение Министерства финансов, часть 1⁶
8. Учреждение для большой действующей армии, часть 1⁷
9. Учреждение Военного министерства, часть 1-я⁸
10. Устав Благочиния или Полицейский, часть 1-я⁹
11. Проект Министерского устава, часть 1-ая¹⁰
12. Регламент Благочестивейшего государя Петра Великого¹¹
13. Руководство для скорейшего соображения исчисления и поверок по продовольствию войск¹²
14. Основания Артиллерийской и Понтонной наук, часть 1-я¹³
15. Землеописание Российского Государства рукописание
16. Придворный месяцеслов на 1817 год, часть 1 и 2¹⁴
17. Устав конного полка¹⁵
18. Сочинения г. Ломоносова, том 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й ¹⁶
19. Феофана Прокоповича Архиепископа слова и речи, ч. 1, 2, 3, и 4¹⁷

20. Отчет Министерства внутренних дел за 1803-й год¹⁸
21. Российское частное Гражданское право, часть 1 и 2¹⁹
22. Опыт начертания российского частного гражданского права, часть 1 и 2²⁰
23. Опыт исторического исследования
24. Изображение взаимной связи государственных сведений, два экземпляра²¹
25. Право естественное²²
26. Рекрутские школы, часть 1-ая²³
27. Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков²⁴
28. Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе²⁵
29. Сочинения Василия Петрова, часть 1, 2 и 3²⁶
30. О болезнях, от Любострастного яда происходящих, ч. 1 и 2²⁷
31. Правила словесности, часть 1 и 2
32. Душинька, древняя повесть²⁸
33. Чернец, киевская повесть²⁹
34. Прибавление к разговорам о словесности³⁰
35. Полное собрание всех сочинений и переводов г. Кострова, часть 1 и 2³¹
36. Правило словесности, сочинение Якова Толмачева, часть 3 и 4³²
37. Пантеон русской поэзии, часть 1, 2, 3, 4, 5 и 6-я³³
38. Библиотека Для Чтения. Составленная из повестей и анекдотов. Книжка 7-я³⁴

39. Разговоры о словесности, сочинение Александра Шишкова³⁵
40. Соревнователь Просвещения и Благотворения, № 1 и 4³⁶
41. Инструкция конного полка полковнику³⁷
42. Прибавление к Сочинению, называемому О старом и новом слоге Российского языка³⁸
43. Известие о военных действиях российской армии против французов 1812 года³⁹
44. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка⁴⁰
45. Правила взаимного обучения для военных училищ⁴¹
46. Военный устав о Кавалерийской строевой службе⁴²
47. Родословная владетельных князей Российских⁴³
48. Известия о военных действиях российской армии против французов первой половины 1813 года⁴⁴
49. Рассуждение о красноречии священного писания и о прочем сочинении члена Академии Александра Шишкова⁴⁵
50. Похвальное слово Императору Трояну, сочинение Младшего Плиния⁴⁶
51. Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях⁴⁷
52. Путешествие вокруг света в 1818 и 1819 годах, часть 2-ая⁴⁸
53. Краткое начертание Военного Журнала⁴⁹
54. Статуты на Владимирский и Георгиевский ордена, обе книги⁵⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1816–1829. Т.1–12.
- ² Вистицкий М.С. Указатель дорог Российской империи, содержащий в себе описание всех главных и побочных почтовых и других проезжих больших дорог, ведущих от обеих Столиц к Губернским городам и соединяющих взаимно оные меж собою и с уездами. СПб., 1804. Ч. 1–3.
- ³ Особенности установления при большой действующей армии. СПб., 1812.
- ⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ 1818 года. В 2 ч. СПб., 1817. В документе данная позиция ошибочно повторена дважды.
- ⁵ Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведении, что каждому чинить должно. М., 1820 (возможно – другое издание).
- ⁶ Учреждение Министерства финансов. СПб., 1811. Ч.1: Образование Министерства финансов.
- ⁷ Учреждение для управления большой действующей армией. СПб., 1812 (возможно, другое издание: СПб., 1815). Ч.1–4.
- ⁸ Учреждение Военного министерства. В 4 ч. СПб., 1812. Ч.1: Образование военного министерства.
- ⁹ Устав Благочиния или Полицейский. СПб., 1782. (была опубликована только ч.1).
- ¹⁰ Проект Министерского устава. В 2 ч. СПб., 1810. Ч.1: Общее образование министерства.
- ¹¹ Регламент Благочестивейшего государя Петра Великого о управлении Адмиралтейства и верфи и должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов, при Адмиралтействе обретающихся. СПб., 1786. Ч.1–2. (возможно – другое издание).
- ¹² Филимонов П. Руководство для скорейшего соображения исчисления и поворок по продовольствию войск, изданное П. Филимоновым. СПб., 1819.
- ¹³ Основания артиллерийской и понтонной науки, изданные Военного ученого комитета председателем генерал-майором Гогелем I и членами оного подполковником Фицтумом и подполковником Гебгардом I. СПб., 1816. Ч.1–4.
- ¹⁴ Придворный месяцеслов на 1817 год. СПб., 1816.
- ¹⁵ Устав конного полка. СПб., 1797 (возможно – другое издание).
- ¹⁶ Ломоносов М.В. Сочинения. СПб., 1784. Т.1–6. (возможно – другое издание).
- ¹⁷ Феофана Прокоповича архиепископа ... Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные... СПб., 1760–1774. Ч.1–4.
- ¹⁸ Отчет Министерства внутренних дел за 1803-й год. СПб., 1804.
- ¹⁹ Кукольник В. Российское частное гражданское право. СПб., 1816. Ч.1–2.
- ²⁰ Вельяминов-Зернов В.Ф. Опыт начертания российского частного гражданского права. В 2 ч. СПб., 1821–1823. Ч.1: Право лиц. Ч.2: Право вещей.
- ²¹ Куницын А.П. Изображение взаимной связи государственных сведений. СПб., 1817.
- ²² Куницын А.П. Право естественное. В 2 ч. СПб., 1818–1820. Возможно также: Рейнгард Ф.Х. Естественное право. Казань, 1816.
- ²³ Предположительно: «Школа рекрут или солдат» – «первое отделение» первой части «Воинского устава о пехотной службе». Устав неоднократно переиздавался с 1811 г.: 2-е издание – 1822 г., 3-е издание – 1824 г., и др.
- ²⁴ Мордвинов Н.С. Рассуждение о могущих последовать пользах, от учреждения частных по губерниям банков. СПб., 1816 (2-е издание – 1817).
- ²⁵ Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе. СПб., 1812.

- ²⁶ Петров В.П. Сочинения. СПб., 1811. Ч.1–3.
- ²⁷ Фрице И.Ф. О болезнях, от любострастного яда происходящих. СПб., 1808. Ч.1–2.
- ²⁸ Богданович И.Ф. Душинька. Древняя повесть. М., 1818 (возможно – другое издание).
- ²⁹ Козлов И.И. Чернец. Киевская повесть. СПб., 1825.
- ³⁰ Шишков А.С. Прибавление к разговорам о словесности, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу. СПб., 1812.
- ³¹ Костров Е.И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах. СПб., 1802. Ч.1–2.
- ³² Толмачев Я.В. Правила словесности, руководствующее от первых начал до высших совершенств красноречия. СПб., 1818–1822. Ч.1–4.
- ³³ Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. СПб., 1814–1815. Ч.1–6.
- ³⁴ Библиотека для Чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. В 12 кн. СПб., 1822–1823. Кн. 7: СПб., 1823.
- ³⁵ Шишков А.С. Разговоры о словесности. СПб., 1812.
- ³⁶ Журнал «Соревнователь Просвещения и Благотворения» – орган Вольного общества любителей российской словесности, выходил с 1818 по 1825 гг. Журнал выходил ежемесячно (12 номеров в год); какие именно номера находились в библиотеке П.И.Пестеля, установить в данном случае невозможно.
- ³⁷ Инструкция конного полка полковнику, с приложением форм и табелей. СПб., 1766 (возможно – другое издание).
- ³⁸ Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому О старом и новом слоге российского языка. СПб., 1804.
- ³⁹ Известие о военных действиях российской армии против французов 1812 года. СПб., 1813.
- ⁴⁰ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803.
- ⁴¹ Вероятно: Греч Н.И. Руководство по взаимному обучению. СПб., 1819.
- ⁴² Воинский устав о кавалерийской строевой службе, изданный по повелению Его императорского величества. Варшава, 1818 (возможно – другое издание).
- ⁴³ Предположительно: Спиридов М.Г. Родословный российский словарь, содержащий в себе: историческое описание родов князей и дворян российских и выезжих, откуда или от кого те роды произошли или выехали, или о которых известия нет. М., 1793.
- ⁴⁴ Известия о военных действиях российской армии против французов первой половины 1813 года. СПб., 1813.
- ⁴⁵ Шишков А.С. Рассуждение о красноречии священного писания и о прочем. СПб., 1811.
- ⁴⁶ Плиний, Мл. Похвальное слово Императору Траяну, перевел с латинского ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Яков Толмачев. СПб., 1820.
- ⁴⁷ Гост П. Искусство военных флотов или Сочинение о морских эволюциях, содержащее в себе полезные правила для флагманов, капитанов и офицеров. СПб., 1764.
- ⁴⁸ Головнин В.М. Путешествие вокруг Света, по повелению государя императора, совершенное на военном шлюпе «Камчатка», в 1817, 1818 и 1819 годах, флота капитаном Головниным. СПб., 1822. Ч.1–2.
- ⁴⁹ Краткое начертание военного журнала, издаваемого при Гвардейском штабе. СПб., 1811.

⁵⁰ Статут ордена Святого Владимира. С дополнениями. СПб., 1801 (возможно – другое издание); Статуты военного ордена великомученика и победоносца Георгия. СПб., 1816 (возможно – другое издание).

Литература

- Зайончковский 1941** – Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И.Пестеля // Историк-марксист. 1941. №4. С.86–89.
- Лорер 1984** – Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
- Парсамов 1984** – Парсамов В.С. П.И.Пестель как «архаист» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. К 85-летию Г.А.Гуковского. Саратов, 1984. Вып.1. С.126 – 146.
- Парсамов 1999** – Парсамов В.С. Из литературного быта Тульчинской управы декабристов // Историк и историография. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.А.Дербова. Саратов, 1999. С.96.
- Пестель 1926** – Круглый А.О. П.И.Пестель по письмам его родителей // Красный архив. 1926. Т.3 (16). С.166–187.
- Пестель 1927** – Следственное дело П.И.Пестеля // Восстание декабристов. Документы. Т.IV. М.; Л., 1927.

А.Г.МУРАВЬЕВА – В.А.МУРАВЬЕВОЙ: ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ 1830–1832 гг.

Вступительная статья, публикация и комментарии
Т.Г.Любарской

*A.G.Muravieva to V.A.Muravieva: Letters from Siberia in 1830–1832.
Introduction, publication and comments by T.G.Lyubarskaya.*

The publication introduces letters by Alexandra Muravieva, who followed N.M.Muraviev to Siberia, to Vera Muravieva, who first also wanted to share the fate of her husband, Artamon Muraviev and who then gave up this idea.

«Мне нужно складывать вещи для скорого переезда в Петровский, и моя горничная, которая упряма как осел, тащит даже стул из-под меня, чтобы упаковать его...» – так начинается письмо из Читы, написанное Александрой Григорьевной Муравьевой 23 июня 1830 г. – первое в нашей публикации. Письмо адресовано Вере Алексеевне Муравьевой, жене Артамона Захаровича Муравьева, полковника, командира Ахтырского гусарского полка, члена Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества, осужденного по I разряду и приговоренного к пожизненной каторге в июле 1826 г. (в августе 1826 г. срок сокращен до 20 лет. Каторгу А.З.Муравьев отбывал в Благодатском руднике, Чите и Петровском заводе). Писать В.А.Муравьевой Александра Григорьевна начала осенью 1827 г., когда Артамон Муравьев был переведен из Нерчинска в Читу, и продолжала до последних месяцев жизни.

Предметом данной публикации стали все письма, написанные Александрой Григорьевной «кузине *Вере*» в Петровском заводе, и три письма из Читы, написанные в июне и июле 1830 г., накануне переезда в Петровский завод. Кузиной Веру Алексеевну Муравьеву она называла потому, что муж А.Г.Муравьевой Никита Муравьев и Артамон Муравьев

– приходились друг другу троюродными братьями по отцовской линии (ОР РГБ. Ф.218. №462. Ед. хр.1. Муравьев А.А. Родословная рода Муравьевых. 1844 г.).

Александра Григорьевна Муравьева отправилась в Сибирь в январе 1827 г. из Москвы. Она была уверена, как и М.Н.Волконская, что Вера Алексеевна последует за ней (См.: Волконская 2000: 66, 72.). В течение 1827–1830 гг. велась переписка с В.А.Муравьевой о ее скорейшем приезде в Читу.* Александрина не жалела красок, описывая душевное смятение Артамона, то взлетающего на крыльях надежды, то впадающего в отчаяние. *«Если бы хоть раз я могла написать для вас одной, я ручаюсь, что через три ночи вы уже были бы с нами...»* – писала она из Читы 16 июня 1828 г. и добавляла, боясь огорчить Веру Алексеевну, – *«Прошу прощения за пятна на письме, не думайте, что это от слез. Все проще, это всего лишь вода капает с моих волос, которые я смочила холодной водой»*. 18 февраля 1829 г. она сообщала об Артамоне:

«Он покорился своей участи, но горечь разлуки с вами чувствует глубоко и непрестанно. На здоровье его начинает сказываться та жестокая борьба, которая происходит в его душе последние два с половиной года. Он думает только о вас, говорит только о вас [...] Если мое письмо огорчает вас, на этот раз вините только меня: сердце мое разрывается, глядя на кузена, и я не могу этого скрыть, ибо он взял за правило молчать и старается нести свой крест если не с твердостью святого, то, по крайней мере, со смирением христианина. Взглянули бы вы на него, так бы не оставили его».

Последняя фраза во французском оригинале письма написана по-русски. Особенная черта писем А.Г.Муравьевой – слова, вырвавшиеся из сердца, писать по-русски.

В последний раз вопрос о приезде Веры Алексеевны был поднят в письме М.Н.Волконской от 27 августа 1829 г. После получения Артамоном Захаровичем портрета жены, который показал, как тяжело отразились на ее здоровье выпавшие ей испытания, он настаивал на ее скорейшем приезде в Читу, так как считал, что жена сможет обрести покой только рядом с ним. Он попросил М.Н.Волконскую воспроизвести слова Веры Алексеевны из письма от 30 мая 1827 года:

«Скажи мне, хочешь ли, друг мой, чтобы я к тебе приехала? Я оставлю детей, эта разлука будет мне легче; найдутся, конечно, добросердеч-

---

* Все цитаты, приводимые ниже, взяты из писем этого периода, подготовленных для публикации в альманахе «Российский Архив».

ные друзья, которые заменят меня, и кроме того, милый Артамон, Господь их сохранит, он знает, ради какого святого и священного дела я их покидаю».

Это единственная фраза из недошедших до нас писем В.А. Муравьевой, которой мы располагаем.

После переезда в Петровский завод тема приезда В.А. Муравьевой в Сибирь исчезает окончательно, так как появляется другая, волнующая всех участников переписки: начинают болеть дети Артамона и Веры Муравьевых. В 1831–1832 гг. им суждено было пережить страшное горе – смерть двоих детей. О приезде Веры Алексеевны не могло быть и речи, она едва справлялась с обрушившимся на нее несчастьем. Александрина поэтому старалась не сообщать бытовых подробностей сибирской жизни, а писала о здоровье и психологическом состоянии Артамона Захаровича, постоянно подчеркивая, что на здоровье его не отражаются переживания, связанные с постигшим их горем.

Сообщениями о себе она также старалась не огорчать Веру Алексеевну, ограничиваясь одной – двумя фразами о здоровье. Лишь один раз в письме от 14 июля 1830 г., незадолго до отправления в Петровский завод, у нее вырвалось: *«Дай Бог довести мою дочку живой и здоровой в этот гадкий Петровский».* За этой короткой, полной горечи фразой, написанной по-русски, – история борьбы нескольких женщин за сколько-нибудь приемлемые условия жизни в Петровском заводе.

В июне 1830 г. М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева, А.И. Давыдова, Е.П. Нарышкина, Е.И. Трубецкая и Н.Д. Фонвизина написали письма А.Х. Бенкендорфу об ухудшении условий жизни, которое, по дошедшим до них сведениям, ожидало их в Петровском заводе. В своем письме Александра Григорьевна так объясняла причину невозможности исполнения *«единственного желания»* своего жить в камере вместе с мужем:

«Если бы дело касалось только меня, я сама могла бы переносить вместе с мужем темноту, сырость и духоту. Но мой ребенок болен падучей, а няни, которой его можно было бы поручить, нет. Я почти уверена, что, приведя его с собою в эту тюрьму, я стану причиною его гибели...» (Марголис 1983: 247).

По воспоминаниям, оставленным многими декабристами о впечатлении, которое на них произвела тюрьма в Петровском заводе, мы можем судить о том, что опасения эти были не напрасными (Якушкин 1993: 195).

В письме отцу, написанном 1 октября 1830 г. уже из Петровского завода, она не скрыла своего отчаяния:

«Итак, дорогой батюшка, все, что я предвидела, все, чего я опасалась, все-таки случилось, несмотря на все красивые фразы, которые нам говорили. Мы – в Петровском, и в условиях в тысячу раз худших, нежели в Чите. Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых – здание не успело просохнуть, в-третьих, хоть печь и топят два раза в день, но она не дает тепла, и это в сентябре, в-четвертых – здесь темно: искусственный свет необходим днем и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты.

Нам, слава Богу, разрешено быть там вместе с нашими мужьями, но, как я вам уже сообщала, без детей, так что я целый день бегаю из острога домой и из дому в острог [...] У меня душа болит за ребенка, который остается дома один, с другой стороны, я страдаю за Никиту и ни за что на свете не соглашусь видеть его только три раза в неделю, хотя бы это даже улучшило наше положение, что вряд ли возможно. Вот уже два дня, что я его не вижу, потому что я серьезно больна, так как простудилась, но не в тюрьме. А еще раньше; я себя перемогала дня три, пока сил не стало, так что я лежу, не выходя из дому, чтобы не свалиться на всю зиму. Если бы даже нам дали детей в тюрьму, все же не было бы возможности их там поместить: одна маленькая комнатка, сырая и темная и такая холодная, что мы все мерзнем в теплых сапогах, в ватных капотах и колпаках. Наконец, моя девочка кричала бы весь день, как орленок, в этой темноте, тем более, что у нее прорезываются зубки [...] – и добавляла: “Я сообщаю это тебе, потому что я не могу выносить, что тебя под старости так обманывают...””
(Штрайх 1925: 45–47).

Таковы были обстоятельства, в которых писались письма «кузине Вере».

Приехавшая в Сибирь статной белокурой красавицей (по оставленному А.Е.Розеном словесному портрету), в последний год жизни, судя по портрету, хранящемуся во Всероссийском музее А.С.Пушкина, выглядела Александра Григорьевна Муравьева уставшей худенькой женщиной с потухшими глазами. Однако у нас нет оснований считать, что она выдавала желаемое за действительность, когда писала, что счастливее Веры Алексеевны. Рядом с мужем, в заботах о Нонушке, окруженная подругами по несчастью, товарищами мужа и родственниками, она чувствовала себя на месте и не хотела другой судьбы. Свекровь А.Г.Муравьевой Екатерина Федоровна Муравьева посылала в Петровский завод обозы с провизией, книгами, мебелью, утварью. Выстроенный дом с библиотекой и детской был удобный и поместительный. Рядом с домом был разбит сад. В Петровском заводе в ее распоряжении были преданные слуги.

В воспоминаниях И.Д.Якушкина об А.Г.Муравьевой есть пересказ диалога, характеризующего ее тогдашнее настроение. На вопрос

его, заданный в шутку, кого она больше любит – Бога или мужа, она серьезно ответила, «*что сам Бог не взыщет за то, что она Никитушку любит более*» (Якушкин 1993: 211).

В постскриптуме процитированного выше письма Александра Григорьевна просила отца известить ее о его получении и добавляла: «*чтобы я знала, разрешено ли мне сообщать правду*». «Сообщать правду» даже отцу было не разрешено. Об этом свидетельствует помета А.Х.Бенкендорфа на копии этого письма, сделанной в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии:

«Сие письмо не выдавать, а женам написать, что напрасно они печалют своих родных, что мужья их посланы для наказания и что все сделано, что только человеколюбие и снисхождение могло придумать для облегчения справедливо заслуженного наказания. Государь, получив от Лепарского рапорт, сам уже предписал, дабы были окошки для лучшего свету, что жены могут жить с мужьями хоть ужасе, а для детей нельзя построить помещение, ибо нельзя знать, сколько будет сих несчастных жертв необдуманной любви» (Штрайх 1925: 47).

Судя по помете, письмо до адресата не дошло. Обер-шенк двора Его Императорского Величества, камергер, граф Григорий Иванович Чернышев не имел права знать правду о своей дочери. Правду узнавали из других писем, посланных не обычным путем по почте, а «с оказией». Центром, в который стекались такие письма, был дом свекрови А.Г.Муравьевой в Москве (Ретунский 1983: 10). Вера Алексеевна Муравьева была одной из тех, кто часто бывал в доме Екатерины Федоровны в эти годы. В нашей публикации многие письма А.Г.Муравьевой В.А.Муравьевой не имеют адреса, потому что посылались тайно с посылными от свекрови Александры Григорьевны и попадали к ней, а потом передавались Вере Алексеевне Муравьевой.

Описанные выше обстоятельства послужили причиной того, что письма, адресованные В.А.Муравьевой, имеют мало подробностей о жизни в Петровском заводе и сосредоточены в основном на душевном и физическом состоянии Артамона Захаровича Муравьева и переживаниях самой Веры Алексеевны, связанных с болезнью детей.

Обширное эпистолярное наследие декабристов, которым мы располагаем, свидетельствует о том, что в большинстве случаев декабристы предпочитали умалчивать именно о своих нравственных страданиях по целому ряду причин. Письма А.Г.Муравьевой В.А.Муравьевой – исключение. Они писались подруге по несчастью, родственнице, которую постигло еще большее горе. И обладавшая редким даром сочувствия и сопереживания Александрина находила единственный способ утешить – сообщала правду.

«Во время оно я встречал Александру Григорьевну в свете, потом видел ее за Байкалом. Тут она явилась мне существом, разрешающим великолепно новую, трудную задачу. В делах любви и дружбы она не знала невозможного: все было ей легко, а видеть ее была истинная отрада» – писал И.И.Пушин Н.Г.Долгорукой много лет спустя, вспоминая то время. (Пушин 1988: 298).

Попытка Николая Павловича похоронить «друзей по 14 декабря» в далекой Сибири не удавалась во многом благодаря женщинам. В их присутствии невозможно было опуститься, не сохранить чувства собственного достоинства, стыдно было не развивать своих способностей и талантов. Не говоря уже о том, что значила для узников переписка с родными, которую они вели. Благодаря книгам и журналам, выписываемым женщинами из России, их мужья, родственники, друзья были в курсе всех событий культурной жизни и в России, и в Европе. Об этом вспоминал в своих записках М.А.Бестужев:

«В Петровском заводе мы зажили совсем другою жизнью. Сношение наше с родными уже упрочилось; постоянная переписка через дам дала нам возможность не только получать постоянные пособия в деньгах для материального существования, но доставляла обильную пищу для ума. Мы с общего согласия выписывали через наших родных самые замечательные современные литературные и политические произведения, и самые лучшие периодические журналы и газеты, как иностранные, так и русские. Все, что в это время писалось и издавалось в России замечательного; все, что печаталось за границею стоящего чтения, как в отдельных сочинениях, так и в периодических, мы все получали без изъятия. Петровский завод многочисленностью своих мастеровых избавил нас от материальных занятий, и мы погрузились с наслаждением в волны умственного океана, чуть не захлебнувшись им» (Бестужев 1951: 175–176).

Там, в Сибири, в окружении единомышленников, юных, удивительных по своим душевным качествам, прекрасных женщин, с любимыми книгами можно было позволить себе роскошь остаться самими собой.

В столицах же после декабрьских событий началась новая жизнь, которую определяли несколько указов Его Императорского Величества (апрельского 1826 г.: «об истребовании от чиновников обязательств о несостоянии в тайных обществах»; апрельского 1828 г.: «об уничтожении всяких непозволительных и соблазнительных сборищ» и т. д.) и страх оказаться на подозрении у властей.

Вписаться в эту новую жизнь для многих оказалось нелегко. 18 апреля 1828 г. П.А.Вяземский из Петербурга писал А.И.Тургеневу в Англию:

«Я здесь уже слишком месяц и не нашел старого Петербурга. Он ли, я ли переменялся, не знаю, но мы как-то с ним не клеимся [...] Какая-то озабоченность о чем-то, какое-то стремление в даль также означают более прежнего физиономию общества. Я говорил о рассеянности Вьельгорского, но можно сказать и о многих других: их никак не уловишь, они, как туманы, скользят под рукою, когда захочешь коснуться до них. Спесь, свойственная искони петербуржцам, и даже дамам, и даже молодым, чопорнее, крахмальнее прежнего. Здесь одна связь: связь служить другим и задеть себя, на этой цепи делать нечего. Он будет мотаться и только. И ведь нужны тут крючки форменные, а естественных крючков, то есть даров природных, недостаточно. В Петербурге личные свойства решительно ни к чему не нужны...» (Архив 1921: 61, 68–69).

Осенью 1828 г. он уже из Мещерского продолжал делиться впечатлениями о столичной жизни: *«В России один Петербург, где можно найти все удобства жизни, но как там жить, не продав души, подобно Громобою? Надобно непременно приписать душу свою в крепость, а не то – в Крепость»* (письмо от 18 апреля 1828 г.; *Вяземский 1898*: 180).

В ноябрьском письме того же года из Москвы он, прося А.И. Тургенева разыскать в Ирландии своих родственников по материнской линии, так объяснял причину этой просьбы: *«Может, и придется мне искать гражданского гостеприимства в Ирландии...»*, – и добавлял – *«Я, право, здесь как несчастный Робинсон, брошенный на острове, окруженном океаном варварства и скуки»* (*Вяземский 1898*: 183). Мрачное настроение в эти годы часто посещало одного из самых умных и наблюдательных свидетелей времени.

Жизнь же тех, кто находился в Чите, представлялась ему, как *«какая-то живая смерть, не политическая, не умозрительная, но положительная смерть, которая родит живую смерть, как у Муравьева, Грубецкого и других, наживших или приживших детей, для которых нет будущего»* (письмо от 1 января 1830 г.; *Вяземский 1898*: 187–188).

В письме тому же адресату 1832 г. столичная жизнь кажется ему уже совершенно лишеной смысла:

«Теперь начинают съезжаться в город. Пора: там, в болотах, так уже облягушачились все, что начали квакать. Но более и того молчали, а все вырезывали фигурки из картин и наклеивали. Старуха Бобринская ввела эту проклятую моду, и нигде другого ничего не видишь. Гостиные наши и то были не очень животрепещущи, а теперь только и шевелятся, что пальцы да ножницы [...] И барышни, и барыни, и щеголи, и сановники – от Петербурга до Петергофа – все вырезывают. Это напоминает мне безумного старика, которого видел я в Москве в Желтом доме, он вечно сидел в своей келье и плел какое-то кружево.

В самом деле, в этом занятии нашего общества и нашего поколения есть какое-то полоумие старости, впавшей в ребячество. У нас ищут не только то, что убивает время, но что убивает мысль».

Мрачно настроенный Вяземский намеренно сгущает краски, но одно он подмечает точно – страх, который диктует поведение. Когда вопрос о здоровье опального родственника может повлечь недовольство Его Императорского Величества, трудно вести непринужденную беседу. Оазисы, где жизнь находила выход: дом Екатерины Федоровны Муравьевой в Москве, дом Карамзиных в Петербурге, еще несколько домов. Да еще письма, которые посылались «с оказией», минуя почтамты, где чиновники перлюстрировали не только корреспонденцию, идущую из Сибири и в Сибирь, но и любую, вызывающую интерес властей. «Охота к перемене мест» становилась манией. Жить за границей, изредка возвращаясь на родину – единственное желание А.И.Тургенева. П.А.Вяземский – в поисках своих ирландских родственников. «Тоска по чужбине» не давала в эти годы покоя и А.С.Пушкину (Цявловский 1916: 35–60). *«Представьте себе, что все умные женщины уезжают отсюда. Орлова уезжает; Бравура уезжает; Елагина уезжает; княгиня Мещерская уехала [...] Они отправляются к вам в Италию»*, – сообщал из Москвы П.Я.Чаадаев в одном из писем 1830-х годов А.И.Тургеневу. (Чаадаев 1989: 235).

Продолжали в эти годы уезжать в Сибирь к мужьям и жены декабристов. В 1830 г. приехали в Петровский завод А.В.Розен, М.К.Юшневская. В сентябре 1831 г. к Василию Ивашеву приехала невеста – Камилла Ле-Дантю.

Те же, которые по тем или иным причинам не смогли поехать в Сибирь, в столицах находились в центре недоброжелательного внимания общества. На это жаловалась Вера Алексеевна Муравьева в одном из своих недошедших до нас писем М.Н.Волконской. В ответном письме Волконская советовала не обращать внимания на *«мнения людей бездельных и эгоистичных»*.

Александрина, как мы увидим из публикуемых писем, не давала советов. Просто в каждом письме писала о своей любви и сочувствии, не уставая уговаривать *«кузину Веру»*, несмотря на тягостные обстоятельства, заботиться о собственном здоровье, да еще мечтала встретиться и прижать несчастную женщину к своему сердцу.

«В делах любви и дружбы она не знала невозможно: все было ей легко...». Письма Александры Григорьевны Муравьевой *«кузине Вере»* – еще одно свидетельство, подтверждающее добрые слова о ней Ивана Ивановича Пущина.

Оригиналы писем Александры Григорьевны Муравьевой из собрания Пушкинского Дома (фонд А.З.Муравьева) написаны по-французски. Они публикуются в русском переводе. При переводе, по возможности, бережно сохранялись особенности авторского стиля. Правила орфографии и пунктуации приближены к современным. Перевод писем осуществлен Л.Л.Тривуш.

1

23 июня [1830] Чита

Если бы я могла, милая кузина, писать так же быстро, как думаю и говорю, вы были бы, конечно, довольны, но когда я пишу письма, меня ни на минуту не оставляют в покое. Мне нужно складывать вещи для скорого переезда в Петровский,¹ и моя горничная, которая упряма, как осел, тащит даже стул из-под меша, чтобы упаковать его, несмотря на мое сопротивление. Она увезла бы стены дома, если бы могла; и это очень серьезно, с великим трудом удалось мне помешать ей унести окна, она говорит *ваши*² и все тут. Муж ваш чувствует себя хорошо, он передает, что получил ваше письмо от 29 апреля, где вы ему говорите, что надеетесь увидеть вскоре его сестру в Терсбоях;³ он совершенно счастлив, что вы так хороши друг с другом, и молит Бога, чтобы это всегда было так. Е[катерина] З[ахаровна]⁴ его совершенно забыла, но он говорит, что не обижается на нее: лишь бы она Вас любила, это все, чего он хочет. Артамон просит вас не обижаться на него за то, что он с некоторых пор ничего не просит. Помимо всех причин, которые побуждают его к этому, он говорит, что все, что вам угодно будет ему послать, удвоится в цене в его глазах, потому что это послужит ему доказательством, что существование его вас занимает, и что вы испытываете удовольствие в том, чтобы сделать ему это существование насколько возможно сносным. Что до меня, милая кузина, я знаю, что мысли ваши слишком заняты Читой, и именно из-за этого вы так несчастны и больны. Что должно вас успокоить, так это то, что до настоящего времени здоровье мужа вашего не внушает никакого беспокойства. Господь сохранил ему силы, и я хотела бы то же услышать и о вас. Он вас целует очень-очень нежно, так нежно, как любит вас и детей. Прощайте, милая и добрая кузина. Да сжалится над вами Господь и исполнит самые горячие ваши молитвы. Я и все мои чувствуем себя хорошо. Н[икита] и А[лександр]⁵ вам кланяются.

А.М[уравьева]

Вере Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.27–30)

2

14 июля 1830. Чита

На прошлой неделе была моя очередь писать вам, милая кузина,⁶ но я не успела, потому что у дочки⁷ болели глаза. Сейчас она чувствует себя совсем хорошо, и я тороплюсь написать вам, что здоровье Артамопа очень хорошо. Ваше письмо от 20 мая успокоило его в отношении вашего здоровья, однако, его продолжает беспокоить то, что из писем он не может получить точного представления о вашей болезни, поэтому она и пугает его так. Что до рамы, которую он просил для портрета вашего, он говорит, что вы не правы, считая, что это украшение для него не подходит; поскольку портрет ваш — самая большая его драгоценность, он готов сделать что угодно для него. Он нежно целует вас и детей. При вашей симпатии к кн[ягине] Волконской, вы, конечно, очень огорчитесь, узнав, что у бедняжки был выкидыш на седьмом месяце. Чувствует она себя неплохо для таких обстоятельств, но, к несчастью, ребенок не выжил, и это очень огорчает ее, ибо она страстно хотела иметь ребенка.⁸ Я и все мои чувствуем себя хорошо. Дай Бог довести мою дочку живой и здоровой в этот гадкий Петровский.⁹ Я вам напишу еще раз до отъезда. Прощайте, милая и добрая кузина, дай Бог доброго здоровья вам и всем вашим близким. Нежно целую вас и детей. Отправляю письмо и к золовке вашей.

А.Муравьева

Верс Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.34—37)

3

7 августа 1830. Чита

Напишу вам лишь несколько слов, милая кузина, потому что сажусь в повозку, то есть в экипаж [чтобы ехать] в Петровский. Поскольку мужчины идут пешком, они будут шесть недель в дороге.¹⁰ Надеюсь, что вы слишком рассудительны, чтобы огорчаться из-за этого, тем более что Артамон чувствует себя хорошо. Что до меня, я сожалею, что буду разлучена с мужем на это время, но надеюсь, что на свежем воздухе все они окрепнут. Если я смогу сообщить вам о муже, обязательно сделаю это. Артамон просит вас, милая кузина, прислать ему немного денег, у него их нет, а каждому приходится платить большую или меньшую сумму за перевозку вещей, которые в Сибири нельзя бросить. Он очень благодарит Вас за вещи, которые получил: гребенки, подтяжки и т.п. Он нежно

целует вас и детей – мысленно. Прощайте, милая кузина, у меня действительно нет времени писать еще.

А.М[уравьева]

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.38–40)

4

23 октября [1830] Петровский [завод]

Муж ваш, милая кузина, был счастлив узнать из письма от 15 августа из Новгорода, что вы довольны пребыванием в этом городе. Ему всегда приятно знать, что вы спокойны. Он чувствует себя хорошо и просит прислать ему табуку турецкого, *крупной крошки*, он говорит, что любит его и курит с удовольствием, и что он значительно дешевле, если только будете покупать его в Москве. Если письмо мое застанет вас в Петербурге, то муж ваш просит передать его сестре, что он ее очень любит, целует нежно и просит писать ему чаще, ибо это большое утешение для него. Он крепко обнимает вас и милых детей и всем посылает благословение. Я вам еще не писала отсюда, милая кузина, потому что знала от Артамона, что все это время вы получали каждую неделю письмо от наших дам. Не буду рассказывать вам о Петровском и о том, как мы тут живем, потому что дамы вам, конечно, уже сообщили все, что можно об этом сказать.¹¹ Могу вас заверить, что муж ваш чувствует себя очень хорошо. Прощайте милая и добрая кузина. С большим огорчением узнала я от г-жи Розеп,¹² как плохо здоровье ваше; думаю, незачем вам говорить, что я не сказала об этом Артамону. Должно быть, вам повредили непрерывные поездки из Москвы в деревню и из деревни в Москву, и я думаю, что полезнее всего вам была бы сидячая жизнь, не говоря о душевном мире и счастье, по где его взять в этом мире. Целую вас нежно, как люблю.

А.Муравьева

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.41–44)

5

18 ноября 1830. Петровский [завод]

Муж ваш, милая кузина, только что получил ваше письмо от 19 сентября. Он был очень расстроен тем, что Никита и Левушка¹³ опять болели. Новость эта огорчила его, тем более, что он представляет все беспокойство, которое должны были вы испытать. Вы жалуетесь на краткость писем, которые получаете от нас о нем, но что поделаешь, милая кузина, что можем мы написать, чаще всего он передает лишь, что чувствует себя хорошо, потому что уверен, что это, по крайней мере, всегда доставит вам удовольствие и успокоит вас, и это действительно так, ибо здоровье его все время хорошо. Ваше намерение ехать в Петербург ему очень приятно, он не может запретить себе надеяться, что примирение ваше с его сестрою рано или поздно завершится, и тогда он будет счастлив. Это я передаю его подлинными словами.

Что до меня, я должна извиниться перед вами, что так давно не писала, причиною тому недоразумение; я так устаю, что часто забываю половину того, что нужно сделать. С приезда в Петровский я получила от вас одно письмо, в котором вы мне пишете о болезни детей, не говоря о том, что это за болезнь. Потом я узнала, что у них был рецидив болезни; должно быть много горя и хлопот было у вас в деревне. Целую нежно, как люблю, и вас, и детей; прощайте, милая кузина. С тягостным чувством думаю я о вас, ибо понимаю, как вы несчастны во всех отношениях. Никита и Александр целуют вам руку. Я кланяюсь мадемуазель Софи.¹⁴

А.М[уравьева]

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.45-48)

6

10 декабря 1830. Петровский [завод]

Я стала писать вам реже, милая кузина, потому что это делают другие. Но сегодня Артамон поручил мне написать вам, и я с большим удовольствием берусь за перо, чтобы поболтать с вами. Муж ваш чувствует себя хорошо, он получил от вас всего одно письмо с тех пор, как вы в Петербурге; это его очень обеспокоило бы, если бы моя свекровь¹⁵ не сообщила о вас в письме ко мне. С огорчением узнала я, что еще один из ваших сыновей болен, и должно быть, серьезно, раз уж матушка говорит об этом.¹⁶ Надеюсь получить письмо от вас в ближайшие дни, я уверена,

что вы мне напишете о детях и расскажете, как вы их нашли после столь долгого отсутствия. Я не знала, что вы в Петербурге, и думала, что матушку вы видели в Новгороде. Мне бы хотелось, милая кузина, чтобы письмо мое было интереснее, но что я могу написать, я же действительно ничего не знаю. Артамон чувствует себя хорошо, я не обманываю вас на этот счет. Я бы очень хотела, чтобы мой муж был таким же сильным. Никита прихварывал целый месяц, и я из-за этого сильно нервничала. Теперь он, слава Богу, поправился. Прощайте, милая кузина, обнимаю вас нежно, пожалуйста, напишите и скажите мне по правде, как нашли вы матушку, хорошо ли она себя чувствует, не похудела ли она, в общем, сообщите мне подробности о ней, потому что она мне никогда не пишет о себе самой. Я забыла, что это письмо попадет ей в руки и боюсь, что она не даст вам написать мне правду. Давно уже графиня¹⁷ не писала брату.

А.М[уравьева]

500 рублей получены и доставлены Артамону Муравьеву*

Г-же Вере Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №76. Л.49–52)

7

16 февраля 1831. Чита¹⁸

Если это вам, милая кузина, обязан Артамон письмом от брата,¹⁹ то примите выражение самой живейшей благодарности; удовлетворение, им испытанное, было тем сильнее, что за последние пять лет со стороны брата не было и признаков жизни. Артамон всегда любил его, но особенно [любит] теперь, когда он дал нам столько доказательств своей привязанности. Здоровье мужа вашего хорошо, он молит Бога, чтобы милый Левушка не давал больше поводов для волнений, и надеется, что теперь он уже полностью поправился. Артамон очень благодарит за все, что вы ему обещаете, но если вы не послали ему одежды, он просит прислать, если можно, ибо он пачинает чувствовать в ней нужду. Он нежно целует детей, а вам просит передать, что чувства его к вам скорее усиливаются, чем слабеют. Он передаст тысячу приветов брату вашему Владимиру,²⁰ он его любит, уважает и всегда думает о нем. Он кланяется также мадемуазель Софи.

Я давно вам не писала, милая кузина, потому что это поручалось другим, и поскольку я знала, что вы получаете известия о муже, я подумала, что могу не нарушать спокойствия вашего, которым я действительно

---

* Фраза по-русски в постскриптуме написана другой рукой.

очень дорожу. Я все время слышу, что здоровье ваше не хорошо, живейшее беспокойство из-за Левушки было для вас, конечно, очень вредно, я это по себе знаю. Нежно целую вас и прошу верить в искреннюю дружбу женщины, которая всегда говорит правду.

А.Муравьева

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.1-4)

8

8 марта 1831. Петровский [завод]

Я получила письмо ваше от 20 января, милая кузина, оно доставило мне истинное удовольствие, потому что давно уже не видела я вашего почерка и думала, что вы обижаетесь на меня за мое молчание. Вы пережили зиму еще более печальную, чем предыдущие, потому что двое детей болели. Что же с маленьким Левушкой, я знаю, что он болен, по чем? И почему это продолжается так долго? Здешние наши дети чувствуют себя довольно хорошо, у Нонушки еще режутся зубки, так что один день она здорова, другой нет, но, в общем, ничего серьезного, небольшой кашель. Это мне не нравится, потому что девочка толстая и крупная, *и что с такими детьми, всегда опаснее*. Она такая толстая, что это даже некрасиво, одни щеки.

Артамон благодарит вас за письмо от 21 января и просит сказать, что не напрасно он беспокоился на позапрошлой неделе, не получая от вас известий, так как теперь оказывается, что это нездоровье помешало вам написать. Он благодарит за все, что вы ему обещаете, но, поскольку [все] это придет очень нескоро, он просит прислать ему, если можно, табаку, хоть немного, но по почте. Он просит также одежду; я, кажется, уже упоминала вам об этом в последнем письме, но поскольку я не очень в этом уверена, рискну повторить еще раз. Артамон чувствует себя хорошо.

Благодарю вас, милая кузина, за все то приятное, что вы мне говорите о моих детях.²¹ Вы спрашиваете, на которую [из сестер] похожа Нонушка; мне было бы очень трудно это сказать, потому что я знаю только Катиг, Лизиньке было только девять месяцев, когда я ее оставила. Нонушка определенно брюнетка, у нее большие черные глаза и очень выходящие волосы; у нее фамильное сходство с Катиг, но чем больше она растет, тем меньше становится на нее похожей. Это ребенок очень умный и вполне оригинальный. Малышка не похожа больше ни на кого, она

похожа на крестьянского ребенка, очень толстая и очень веселая. Мой муж и Саша благодарят вас за память и передают поклон.

Прощаюсь с вами, милая кузина, ибо, как всегда, мне надо написать много писем, и я тороплюсь идти к Никите. У меня не хватает времени ни на что, день проходит в беготне, надеваю и снимаю шубу, смотрю на часы, чтобы не пропустить кормление ребенка,²² папу еду, купанье детей, *вечно мечтаю, как угорелая кошка*. Прощайте, нежно целую Вас. Сейчас матушка не должна более беспокоиться из-за моих родов, мне очень досадно, что это могло ее обеспокоить, что тут такого, это вполне естественно, особенно, если случалось много раз, не о чем даже и думать. Целую ваших детей. Постарайтесь хорошо себя чувствовать; правда, это трудно, когда переживаешь всякие горести, как вы. Клянюсь мадемуазель Софи.

Я написала недавно вашему деверю Александру. Писала я ему и в прошлом году через г-жу Канкрину, но мне кажется, что он не получил первого моего письма, так как в своем письме он не упоминает о нем Артамону.

А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.5–8)

9

8 июня 1831. [Петровский завод]

Я долго вам не писала, милая кузина, во-первых, потому что у меня было слишком много огорчений, чтобы писать, а кроме того, не хватало мужества писать вам, зная, что вы переживаете. Не может быть утешения, когда страдаешь так, как вы, и так долго. Муж ваш просит сказать, что он очень опечален и несчастен из-за болезни детей и ваших волнений. Он умоляет вас поберечь силы и заботиться о своем здоровье, которое так слабо и, должно быть, еще больше пострадало в последнее время. Артамон непрестанно молит за вас Бога, а вас просит благословить за него детей. Здоровье его хорошо, я не обманываю вас, говоря это. Что касается меня, милая кузина, от всего сердца молю небо поддержать вас во всех горестях ваших; я чувствую и разделяю несчастья ваши, тем более, что знаю их слишком хорошо.²³ Не знаю, что вам сказать, у меня не хватает мужества что-либо сказать, если бы я могла с вами увидеться, я была бы очень счастлива. Целую вас, милая и добрая кузина, поверьте, что

это — истинная правда — нет ни одного часа в день, когда бы вас не было в сердце моем. Нежно целую детей.

А.Муравьева

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.9–11)

10

20 июля* [1831] [Петровский завод]

Известие о вашей болезни, милая и добрая кузина, глубоко огорчило мужа вашего, то, что вы не смогли написать ему сами, очень обеспокоило его; он умоляет вас, Бога ради, позаботиться о своем здоровье; он заранее знает, что это бесполезно, что вы будете продолжать жить, как и всегда, но он просит только сказать, что существование ваше необходимо как для детей, так и для него. Он очень благодарит добрую Софи за то, что она написала ему, просит делать это каждый раз, когда вы сами будете не в состоянии написать, [просит] писать ему подробно о здоровье всех вас. Он непрестанно молит Бога сохранить ему детей и непрестанно благословляет их. Если дети больны из-за простуды, как мы могли понять из писем ваших, милая кузина, то говорят, что йод — это то лекарство, с помощью которого в наше время удается вылечивать самых тяжелых больных. Йод с йодистым калием употребляют главным образом для ванн и растираний, поговорите об этом с г-ном Рейнгольдом,²⁴ который, конечно, знает и прекрасно понимает болезнь дорогих ваших детей; это счастье, что он у вас есть, и в этом отношении я вам завидую всей душой. Артамон передает Владимиру, что тот его совершенно забыл, что не мешает Артамону любить его и бесконечно уважать. Он передает поклон всей семье вашей и нежно целует вас, и просит верить в его безграничную привязанность. Что касается меня, милая кузина, я непрерывно думаю о вас; Ногушка недавно тяжело болела, и я представляю себе все, что вы выстрадали, когда приходилось бояться за двоих. Я видела ребенка трех-четырёх лет, у которого была водянка вследствие простуды. И его вылечили, милая кузина, он окреп и жив до сих пор, ему уже больше 20 лет. Господь сжалятся над вами и сохранит детей. Я нежно целую их всех троих, особенно больных. Я редко пишу вам, потому что полагаю, что другие дамы делают это, но не думайте, что причиною тому моя лень; я никогда не отказываюсь писать, но сама нахожусь в обстоятельствах иногда столь тягостных, что вынуждена пропускать почту, не написав матушке. Если бы от меня зависело, добрая моя кузина, хоть что-нибудь

---

* Написано над строкой другой рукой.

сделать, чтобы дать вам темного покоя. Я бы это сделала; *плохо ваше житье*. Целую вас миллион раз и, раз уж вы любите, чтобы вам повторяли, что любят вас, я говорю еще раз, что делаю это от всего сердца. *Прощайте, Бог с вами*.

А. Муравьева

Верс Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.12–15)

11

14 августа 1831. Петровский [завод]

Единственное, что может хотя бы ненадолго принести вам, милая и добрая кузина, хоть малейшее утешение – это то, что Артамон чувствует себя хорошо. Я сама сообщила ему горестную весть,²⁵ как вы просили, он много плакал (одно слово прзб.), но первое слово его было: «Слава Богу, что Вера жива!». Мысль, что он никогда больше не увидит своего дорогого Левушку, – для него чувство новое и подавляющее. Он вас умоляет позаботиться о своем здоровье и просит передать, что вашей смерти он не переживет никогда и ни в каком случае. Он просит прислать ему как можно скорее какие-нибудь вещи, которые принадлежали милому вашему ангелу, *и земли с его могилки*, он сохранит все это как реликвии. Я испытываю такую боль, когда думаю о вас, милая и добрая кузина, что едва могу писать вам. Я потеряла двоих детей²⁶, но в таком возрасте это ужасно, дай Господь вам силы вынести это, но это чудовищно. Да смилуется небо, чтобы старший ваш [сын]²⁷ выздоровел как можно скорее. Мне так жаль, что никого из моих нет в Петербурге, чтобы повидаться с вами и нам написать о вас. Артамон действительно здоров. Он горько жалеет о своем дорогом Левиньке, страдает за вас и умоляет писать ему с каждой почтой. Вполне естественно, что он этого хочет и просит, но я понимаю, как тяжело это вам будет первое время. Он нежно целует вас и детей и шлет свое благословение. Кончаю письмо, повторяя еще раз просьбу Артамона беречь силы и заботиться о здоровье. Я напишу еще на следующей неделе в любом случае, даже если и другие будут писать вам. Целую миллион раз. Все эти дни не могу думать ни о чем другом, кроме вас. Давно уж я страдаю за вас, но всегда у меня была некоторая надежда. Что делать, милая кузина, придет время, и все вам будет возвращено, и вы вновь увидите тех, кого оплакиваете и кто счастливей нас. Нежно целую детей и мадемуазель Софи. Прощайте, прощайте.

Ваша кузина А. Муравьева

Никита целует вам руки, он тоже плакал о вас, бедняга понимает ваши мучения и *тоску эту несносную*.

Ее сиятельству графине Катерине Захаровне Канкрипой в Петербурге.

Для доставления Вере Алексеевне Муравьевой.

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.16–19)

12

24 августа 1831. Петровский [завод]

Милая и добрая кузина, не могу передать, что испытывает бедный муж ваш из-за постигшей вас жестокой потери. Если его горе такое жгучее, то насколько сильнее должны страдать вы. Артамон может представить себе своего обожаемого Левуинку лишь маленьким, едва выговаривающим несколько слов, а вы его потеряли восьмилетним, уже можно было надеяться, что он оплатит вам когда-нибудь за все ваши заботы о нем. Этот ангел не может быть несчастным. Земная его жизнь была слишком короткой и слишком чистой, чтобы он не заслужил небесного блаженства. Но что сейчас с вами, милая бедная кузина? Если что-нибудь уравнивает ваши страдания со страданиями вашего мужа из-за общей вашей потери, то это смертельное беспокойство за вас Артамона. У ваших ног, милая кузина, закликает он вас заботиться о своем здоровье. Чего бы он ни сделал, чтобы вы уступили его просьбе! Будьте уверены, что известие о вашей смерти повлечет за собой сразу же и его смерть, ибо пережить вас было бы [для него] невозможно. Надеемся на Бога, он не захочет окончательно вас добить, отняв Никиту, он слишком справедлив и милостив, чтобы ввергнуть вас в отчаянье. Поцелуйте [за мужа] Никиту нежно-нежно, как и дорогого Александра, *который забыл папашу и не пишет*. Место, которое занял в его сердце Левуинка, останется там навсегда, ибо память никогда не изгладится. На другой день по получении известия кузен *служил панахиду по Левуинке, а имению 17-го в 5 1/4 часов 2 месяца после его кончины, обливаясь слезами, просил его предстательства у алтаря Всевышнего за братьев и несравненную их мать*. Вот целиком и полностью и слово в слово все то, что передаст вам Артамон: он нежно целует вас, как и дорогих детей. Не буду пытаться обмануть вас, милая кузина, уверяя, что муж ваш не очень грустит; он крайне опечален, это и не может быть иначе, но здоровье его, слава Богу, неплохо. Будьте уверены, что мы со своей стороны сделаем все возможное, чтобы утешить его. Но единственное настоящее утешение для него — в ваших руках, милая кузина. Если бы он мог быть уверен что вы

заботитесь о своем здоровье, это бы его значительно успокоило. Я с самым горячим терпением жду почты, чтобы получить от вас известие. Я была довольна, увидев несколько строк, написанных вашей рукой, в письме мадемуазель Софи. Прощайте, целую вас нежно. Никита целует вам руки. Мы с ним искренне молимся за вашего Никиту (одно слово гроб.) больного; и молим Бога оказать вам милость – увидеть его скоро в добром здравии.

Ваша кузина А. Муравьева

Ее сиятельству графине Катерине Захаровне Капкриной в Петербург. Для доставления Вере Алексеевне Муравьевой.

2 письма*

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.20–23)

13

14 сентября 1831. Петровский [завод]

Ваш муж, милая кузина, чувствует себя хорошо. Он поручил мне написать, что еще на прошлой неделе послал Вам портреты детей и еще свой. Я его видела, он очень похож, только волосы у него [на портрете] не такие седые. Ваше последнее письмо крайне расстроило меня: кажется, Вы по-прежнему очень обеспокоены за Никошу.²⁸ Бедная кузина, Господь посылает Вам страшные испытания, *ни с какой стороны утешения вам нету*. Артамон умоляет вас заботиться о своем здоровье, – вижу, что он требует от Вас невозможного и что горе и усталость довели вас до полного изнеможения. Он очень благодарит вашу матушку²⁹ за письмо, он понимает, что вы в состоянии написать ему лишь несколько строк, и ему лишь бы только увидеть ваш почерк, он больше и не просит.

Что я еще могу сказать, милая кузина. Глупо было бы с моей стороны пытаться утешить вас. Бывают случаи, когда утешений не существует, и ваш случай как раз такой. Всей душой разделяю ваши страдания и живо чувствую их. Люблю вас более, чем когда-либо, милая кузина. С нетерпением жду почты, чтобы узнать о вас что-нибудь. Прощайте, целую вас миллион раз и от всего сердца.

А. Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.24–26)

---

* Написано над строкой на перевернутом листе другой рукой.

14

28 сентября 1831. Петровский [завод]

Муж ваш, милая кузина, не получил писем с последней почтой, и он этим обеспокоен. Он очень благодарен вашей матушке за то, что она взяла на себя труд написать ему за вас. В дальнейшем, если здоровье ваше или детей не позволит вам написать самой, он вас умоляет попросить кого угодно написать ему несколько строк, лишь бы только он получил известие о здоровье вашем и детей. Когда вы будете читать это письмо, вы уже получите портреты детей. Хотя Артамон очень ими дорожил, он расстался с ними с радостью, думая о том удовольствии, которое вы испытаете, получив их. А он надеется, милая кузина, что вы выполните его просьбу и пришлете ему как можно скорее то, что он просил. Здоровье его очень хорошо, он вас закликает успокоиться и позаботиться о своем. Он нежно целует детей и особенно вас, милая кузина. У меня нет времени, милый друг, продолжать это письмо; сегодня я написала пять писем, а ничто не утомляет меня так, как сидеть, склонившись над бумагой. Мой муж и Александр целуют вам руку. Я обнимаю вас миллион раз и от всего сердца молю Бога ниспослать здоровье вашему Никоше.

А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.27-30)

15

12 октября [1831. Петровский завод]

Артамон был очень обеспокоен, милая и добрая кузина, из-за того, что три недели не имел от вас известий, и он почувствовал большое облегчение, получив сразу два письма ваших, от 7 и 14 августа. Никошин нарыв не только не взволновал, но успокоил вашего мужа, ибо он считает, что это должно облегчить его дорогому больному главное его заболевание. Он вас просит посоветоваться с медиками по поводу употребления йода для растираний и ванн. Это лекарство, которое всегда приносило прекрасные результаты при (несколько слов прэб.); напишите о том, что вы сделаете, в первом же письме. Он настаивает на употреблении этого лекарства. Прошло уже, кажется, месяца три, милый друг мой, как я вам писала об этом первый раз. Состояние ваше, о коем я знаю из писем мадемуазель Софи, разрывает мне сердце; бедная кузина, должно пройти время, чтобы горе ваше утихло.

Артамон чувствует себя хорошо, он нежно обнимает вас и детей, благословляет их от всего сердца и пеняет несколько Александру за то, что перестал ему писать. У вас сейчас нет, конечно, милая кузина, ни времени, ни возможности подумать о чем-либо другом, кроме вашего больного, но поручите, пожалуйста, мадемуазель Софи послать Артамону одежду, письма. Простите, что я говорю об этом в вашем положении, у меня было намерение обратиться к К[атерине] З[ахаровне],³⁰ но я не решилась, боясь, что вам это будет неприятно. Целую вас миллион раз от всего сердца. Моллю Бога сжалиться над вами. Я рада, что у вас еще хватает сил, чтобы ходить иногда в церковь, ибо я в своем воображении представляю вас лежащей и не в состоянии шевельнуть ни руками, ни ногами. Мой поклон мадемуазель Софи.

Вере Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.31–34)

16

23 ноября 1831. Петровский [завод]

Артамон просит написать вам, моя добрая кузина, что он был счастлив узнать, что вы были на могиле Левушки,³¹ и эта поездка, столь душевраздирающая, не причинила вам вреда. Ему в этом утешении отказано навсегда, но и память об этом дорогом ребенке останется у него навсегда. Он вас умоляет ради любви к нему продолжать заботиться о своем здоровье. Он благодарит Софи за все, что она сделала и за постоянство ее дружбы. Он думал о вас 17-го. Вы доставили ему большое удовольствие, сообщив об улучшении [здоровья] Никиты. Теперь можно рассчитывать на полное его выздоровление. Саша не пишет ему больше. Он вас просит ничего не исправлять в его письмах, только тогда письма эти будут ему приятны. Он нежно целует их обоих. Сам он чувствует себя хорошо, целует вас миллион раз и умоляет продолжать писать ему регулярно. Он просит вас, милая кузина, немного дерева для обточки, цветной бумаги и картону, как в прошлом году. Мой муж целует вам руки. Обнимаю вас, милая кузина, от всего сердца и прошу верить в истинную дружбу кузины.

А.Муравьева

Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.35–38)

17

4 декабря 1831. [Петровский завод]

Артамон чувствует себя хорошо и благодарит вас, милая кузина, за письмо Никиты; он был очарован, увидев, как хорошо он пишет для ребенка, который болел более года, и какой твердый у него почерк; это его немного успокоило относительно состояния его здоровья. Глухота эта пройдет, милая кузина; я понимаю, насколько это должно его огорчать сейчас. Посылаю Вам подсвечник, хочу, чтобы он всегда был у вас на глазах, *не взвешивайте, чем богаты, тем и рады*.

Артамон очень огорчен стеснительными обстоятельствами, в которые вы попали в отношении [тяжелых] дел.³² Рискаю вызвать ваше псевдовольствие, милая кузина, я обратилась три недели тому назад к К[атерине] З[ахаровне] по поводу вещей, в которых пуждастся муж ваш; (несколько слов нрзб.) у вас слишком много горя со всех сторон, чтобы я еще вас беспокоила, и вы, должно быть, слишком заняты, так как вот уже более года вы не можете заниматься ничем другим, кроме детей. Нежно обнимаю вас. Н[икита] целует вам руки.

А. Муравьева

Я распечатала письмо, милая кузина, чтобы написать, что подсвечник полностью сделан вашим мужем.

Вере Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №77. Л.39–42)

18

1 февраля 1832. Петровский [завод]

Артамон не понимает, милая кузина, почему вы три недели не получали от него известий; он был очень огорчен, что помимо своей воли причинил вам это беспокойство. Он вас умоляет не мучиться из-за вещей, в коих он может иметь пужду, он хотел бы, чтобы вы были по возможности спокойны, и его очень огорчает, что здоровье ваше находится в столь печальном состоянии. Сам он немного прихварывает последние дни, наверное, простудился. Чтобы на следующей неделе вам не остаться по недоразумению без известий о нем, я вам напишу сама хоть всего несколько строк, потому что не желания писать мне не хватает, но голова моя очень устает. Это письмо — сегодня седьмое и я уже плохо вижу. Прощайте, милая добрая кузина, сердечно благодарю за исполненное дружбы

письмо, которое вы мне написали, уверяю вас, что очень чувствую дружбу вапу и дорожу ею, но я пропу не писать мне, пока вы еще в таком подавленном состоянии, это, должно быть, вас утомляет. Прощайте еще раз, обнимаю вас нежно и от всего сердца, как и милых детей вапих. Раз уж вы, к несчастью, так часто ездите на Невский³³, и за моего Мишеньку *поклон положите* и напишите мне, ссть ли камень на его могилке. Я думаю, что она около его дедушки.³⁴ Прощайте.

А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.1–2)

19

8 феврала [1832. Петровский завод]

Спешу написать вам, милая и добрая кузина, что муж ваш чувствует себя памного лучше. Ему очень нездоровилось с тех пор, как я вам писала, он сильно простудился, у него были резкис боли в пояспице, из-за которых он не мог двигаться, он от этого очень страдал, но я вас уверяю, что не было абсолютно ничего опасного. Он вас нежно целует и просит передать, что не получил от вас писем с последней почтой. Он нисколько не обижается, но умоляет окружающих вас писать ему о вас, когда вы не в состоянии сделать это сами. Милая кузина, я вас умоляю не беспокоиться за Артамона и верить, что я говорю правду о его самочувствии. Нежно целую вас и детей. Я очень утомлена перепиской и очень рада, что кончила. Целую мадемуазель Софи.

Ваша кузина А.Муравьева

Вере Муравьсовой

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.3–5)

20

7 марта 1832. [Петровский завод]

Артамон чувствует себя хорошо, милая кузина. Хотя последнее ваше письмо подготовило его к несчастью, о котором он сейчас узнал, он не ожидал, что произойдет это так скоро.³⁵ Он говорит, что жизнь его бедного батюшки была тяжелой, и что Создатель вознаградит его, приняв в селения праведников, об этом он молится. Он был очень огорчен, что болезнь Александра не прошла, а изменилась. Его лишь несколько утешает мысль, что сейчас он совершенно поправился. Он очень благодарит за

все, что вы ему прислали, он все получил, *все в пору и хорошо*, он не помнит, говорил ли вам, что еще в прошлом году он получил шпур, который просил у вас для портрета. Он нежно целует вас и детей и шлет им свое благословение, просит передать привет мадемуазель Софи и горячо благодарит ее за всю дружбу к вам; он просит ее всегда писать ему о вас, когда вы не можете сделать этого сами..

У Артамона не осталось никаких следов простуды, уже три недели он себя чувствует вполне хорошо. Я вас целую, моя добрая кузина Вера. Письмо мое коротковато, потому что я уже написала шесть и очень устала. Никита и Алекс[андр] целуют вам руки. Мне очень досадно, что ни одна из моих сестер не может вас повидать, чтобы мне о вас написать. Вы, наверно, вспоминаете Петербург. Целую ваших дорогих мальчиков и прошу передать привет мадемуазель Софи.

А.М[уравьева]

Кланяюсь Вашему доброму Рейнгольду

Вере Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.6-9)

21

21 марта 1832. [Петровский завод]

Ваш муж, милая кузина, получил ваше письмо от 4 февраля и, хотя известия, которые вы ему сообщаете о детях, доставили ему много огорчений, он был счастлив видеть ваш почерк и очень вам признателен за письмо. Бедная кузина, нет ни одной из нас, судьба которой не была бы в тысячу раз лучше вашей. Артамон вас умоляет не предаваться отчаянию, помнить, какое слабое у вас здоровье и как мало сил, и насколько необходима жизнь ваша для детей и для него. Что же с Александром, который всегда так хорошо себя чувствовал? Я уверена, милая кузина, что он полностью поправится к весне. Муж ваш, слава Богу, чувствует себя хорошо, по крайней мере в этом отношении вы можете быть спокойны. Что касается меня, я чувствую себя плохо, и это меня огорчает, потому что я никогда не отличалась терпением и никогда в жизни не болела. Но что это значит по сравнению с болезнью детей, я совершенно уверена, что все, что со мной случается — лишь плата за мою маленькую Нинно. Никита и Александр целуют вам руки. Я вас обнимаю от всей души, милая и добрая кузина, и прошу верить, что нет дня, когда сердце мое не истекало бы кровью за вас. Пришлите мне, пожалуйста, свой адрес. Вы говорите, что через Москву вы получаете [письма] на два дня

позже; я это хорошо понимаю, по что делать? Сегодня я адресую это письмо К[атерине] З[ахаровне] для передачи вам, напишите, правильно ли я поступаю и (одно слово перазб). Еще раз целую вас и милых детей. Артамон целует вас всех троих от всей души, и он отдал бы все на свете, чтобы сделать вас немного счастливей.

Ваша кузина А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.10–13)

22

4 апреля 1832. [Петровский завод]

Артамон, милая кузина, был очень счастлив, что подсвечник его работы доставил вам удовольствие; он просит передать, что вы никогда не сможете представить себе всей глубины привязанности его к вам. Вы всегда в памяти его, мысли его всегда направлены на вас и детей ваших. Он надеется, что Господь жалится над вами и пошлет здоровье Никоше. Я не знаю, милая кузина, откуда у моей свекрови эти известия, но в последнем письме она мне сообщает, что это просто чудо, поскольку ваш Никита чувствует себя лучше по сравнению с прошлым годом; это позволяет мне надеяться, что за лето он полностью поправится. Мне пишут только, что вы чрезвычайно похудели, но будьте спокойны, я ничего не скажу об этом вашему мужу. Артамон благодарит Бога, что Александр здоров. Он очень признателен мадемуазель Софи за письмо и за все подробности, которые она ему сообщает о детях. Где вы будете летом, милая кузина? Я полагаю, что вы сделаете все возможное, чтобы ради здоровья детей провести его в деревне недалеко от Петербурга. Я уверена, что теплый климат им был бы очень и очень полезен, но это лишь мое собственное мнение, не обращайтесь на него внимания. Артамон нежно целует вас и детей и посылает всем благословение. Я тоже вас целую, милая кузина, от всего сердца.

А.Муравьева

Артамон чувствует себя хорошо.

Графине Канкриной в Петербург
Для доставления Вере Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.28–31)

23

18 апреля* [1832. Петровский завод]

Из-за Байкала, милая и добрая кузина, Артамон не получал от вас известий уже три недели, и, хоть он и знает, что море тому причиною, это продолжает его огорчать. Известия, которые вы ему сообщили о Никите, очень его беспокоят, особенно продолжительность болезни внушает опасения, и он не перестает горячо молиться о возвращении его здоровья, зная, что только в этом случае успокоится бедное сердце ваше. Он обнимает вас и детей от всей души и шлет свое благословение. Артамон чувствует себя хорошо, слава Богу, несмотря на все огорчения из-за печального положения вашего и болезней детей.

Прощайте, милая и добрая кузина. Муж ваш просит поздравить его сестру с праздником Пасхи³⁶, а также и мадемуазель Софи. Нежно целую вас, тороплюсь написать адрес, так как боюсь опоздать с письмами. Муж мой целует вам руки.

Вере Алексеевне Муравьевой
в С.-Петербурге*

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.36–38)

24

2 мая 1832. Пет[ровский завод]

Уже две недели, милая и добрая кузина, Артамон не получал от вас вестей, но и никто из нас не получал на прошлой неделе, не было писем никому. Ваш муж ждет письма с живейшим нетерпением, он очень беспокоится за Никошу, потому что последнее письмо ваше не было обнадеживающим. Все что он может сделать — это молить Бога за своего больного, и чтобы он дал вам силы вынести все горести, которые вас гнетут. Артамон чувствует себя хорошо, слава Богу, нежно целует вас и детей и шлет свое благословение. Прощайте, милая и добрая кузина, целую вас, как люблю, то есть очень крепко. Мой муж целует вам руку.

Ваша кузина А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.14–15)

---

* Написано другой рукой

25

23 мая 1832. Пет[ровский завод]

Ваш муж, милая и добрая кузина, получил два ваши письма от 18 и 24 марта. Вы легко можете себе представить, что он испытал, читая их. Хотя вы описываете ему состояние Никиты без особых подробностей, он ясно видит (одно слово нрзб.) опасность, в которой находится его дорогое дитя. Сейчас, когда я пишу, он говорит, что, может быть, Господь вернул его вам, но очень грустно ждать два месяца, чтобы узнать это. Ваш муж в отчаянии от всего того, что вам приходится переносить, и от мучений, которые вы терпите вот уже два года. Он умоляет вас быть покорной Провидению, милая кузина, он надеется, что Господь сжалятся над вами и ниспошлет выздоровление дорогого вашего больного. Артамон передает, что он чувствует себя хорошо, нежно целует вас, благодарен вам несказанно за регулярность, с которой получает письма ваши, ибо он понимает чего стоит вам писать, как измучены вы и душевно и физически. Он целует и благословляет детей, особенно милого больного, благодарит мадемуазель Софи за все ее заботы о вас и о детях, целует ее как сестру. Прощайте, милая и добрая кузина, не пишу ничего о себе, *вам не до кого*. Ваша навсегда.

А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.16–18)

26

5 июня [1832. Петровский завод]

Милая, добрая кузина, Артамон чувствует себя хорошо, он с покорностью переносит новое несчастье, ниспосланное вам Провидением. Он сразу же понял из последнего вашего письма, что все кончено³⁷, он об этом узнал в тот же день из писем моей сестры³⁸ и г-жи Уваровой.³⁹ Он очень огорчен и очень беспокоится о вас; он боится, что вы не выдержите столько горя. С последней почтой он не получил от вас известий, и это плохой знак. Милая кузина, позаботьтесь о своем здоровье. Муж ваш горячо желает, чтобы вы уехали из Петербурга, он был бы спокойнее, если бы знал, что вы в Москве; он не хочет, чтобы вы ехали в деревню: все воспоминания, которые бы там на вас нахлынули, были бы слишком ужасны для вас. Я вас уверяю, что здоровье мужа вашего не пошатнулось, но это последнее несчастье его раздавило, и особенно он мучается за вас, *плачет и говорит, что Вера не переживет*. Он не передает вам никакого утешения, потому что знает, что в вашем положении его не существует. Он вас обнимает и целует вам руки миллион раз, со всей нежностью

сердца своего. Он благословляет вас и Александра. Милая кузина, пишу вам о сочувствии моем, будь я в России, где бы то ни было, *я бы к вам приехала*. Целую вас. Попросите мадемуазель Софи написать, пусть кто-нибудь сообщает о вас регулярно, ибо теперь, когда почтой не приходят письма от вас, это как кинжал для Артамона.

Ваша кузина А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.19–20)

27

13 июня [1832. Петровский завод]

Артамон получил, милая и добрая кузина, письмо, в коем вы ему объявляете о несчастьи вашем. Он был рад увидеть ваш почерк. Спокойствие ваше испугало его более, чем если бы все письмо выражало отчаянье. Он смертельно боится за вас и очень удивлен тем, что вы смогли выдержать такие ужасные страдания. Он вас просит сохранить себя ради бедного вашего Александра, который нуждается в вас, бедный мальчик, и не виноват в потере двух других ангелочков. Судя по тому, что пишет о нем г-жа Уварова, это должно быть, очень хороший мальчик, весьма чувствительный и очень к Вам привязанный. Артамон Вам обещает, что, пока Вы живы, он сделает все на свете, чтобы сохранить свою жизнь, а если вы дорожите его жизнью, то позаботитесь о своей. Письмо мадемуазель Софи растерзало ему душу, он плачет, как ребенок, представляя себе все, что выстрадал его дорогой мальчик; он от этого страдает еще больше, но вы, милая кузина, *вам нет* легче*.

Артамон был бы так доволен, если бы вы решились оставить Петербург на некоторое время; он не смеет на этом настаивать, но вы не представляете себе, каким утешением ему было бы знать, что вы находитесь в другом месте. Он вас целует миллион раз от всей души, благословляет вас, просит нежно поцеловать за него бедного Сашу и не покидать этого ребенка. Обнимаю вас, милая кузина. Думаю о вас с горечью; по сравнению с вами я — в раю.

Ваша кузина А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.21–23)

---

* Так в оригинале

28

25 и [юля] 1832 [Петровский завод]

Артамон просит сказать вам, милая и добрая кузина, что он получил ваше письмо от 26 мая, которое он ждал с живейшим нетерпением, потому что на прошлой неделе вы ему не писали. Мысль о вашем душевном и физическом состоянии причиняет ему самую жестокую боль; он говорит, что он столь несчастен, что немощные могли бы выдержать такое состояние. Он молит Провидение не наносить последний удар, который ему угрожает. Он видит с горестью, что состояние ваше несколько не улучшается, не решается ни утешать вас, ни просить придти в себя, потому что хорошо знает, что в вашем положении всякие мольбы — лишь слова, брошенные на ветер. Все, что он может сделать, это молиться за вас. Чувствует он себя хорошо, нежно целует вас и дорогого Александра и просит Вас сохранить к нему нежность. Я вас целую от всей души, добрая моя кузина, и благодарю за то, что при всех своих горестях вы еще помните обо мне и сохранили дружбу ко мне; поверьте, милая кузина, что я к этому очень чувствительна и прошу не забывать меня в молитвах ваших.

Ваша кузина А.Муравьева

Артамон Захарович просит меня, Софья Ивановна поблагодарить вас от его имени за все, что вы ему пишете о жене в последнем письме вашем. Он очень беспокоится за Веру, боится, что она не перенесет всего, что выпало ей на долю. Он вас умоляет ради Саши и ради него заботиться о ней так, как это делал бы он сам, если бы был дома. Когда кузина не в состоянии написать ему сама, он вас просит делать это за нее или поручать это Саше; он говорит, что несколько слов для него достаточно, ибо ему очень тяжело не получать известий. Ему очень хочется иметь портреты своих детей, он их просил уже, кажется, раза три, а также какие-нибудь предметы, им принадлежавшие. Небом заклинаю вас, милая и добрая Софья Ивановна, не медлите, выполните его желание, ибо он ждет всего этого с самым большим нетерпением. Он просит вас передать от него привет Владимиру и сестре, которая, видно, совсем его забыла. И вам он шлет сердечный привет.

Преданная Вам А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.39–41)

29

11 июля 1832 [Петровский завод]

Милая кузина, с чувством живейшей благодарности получил Артамон письмо Вампе от 11 мая. Он понял, чего вам стоило написать ему это письмо и что вы это сделали лишь для того, чтобы не оставлять его на целую неделю в самой жестокой неуверенности. Он умоляет вас продолжать регулярно сообщать ему о себе, он беспокоится, когда не видит вашего почерка, он просит меня написать вам все, что только можно, самое нежное. Здоровье его хорошо, он благодарит вас за деньги, которые вы ему недавно послали и которые он получил. Он обнимает дорогого Александра и просит его писать ему несколько строк обязательно каждые две недели, вас он просит передать от него привет доброй Софи; он обнимает вас миллион раз, целует руки. Я тоже целую вас, милая кузина. Дай Бог вам сил обрести хоть на несколько мгновений спокойствие, ибо что касается счастья, то я понимаю, что оно уже не может существовать для вас, а потеря ваша слишком жестока, чтобы забыть ее когда-либо. Если г-жа Уварова в Петербурге, скажите ей, что (несколько слов нрзб.)* целую и прошу писать. Ваша сердцем и душой

А.Муравьева

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.25–27)

30

8 августа 1832. Петровский [завод]

Ваш муж, милая и добрая кузина, получил письмо мадемуазель Софи от 3 июня, в котором вы ему пишете несколько слов. Вы не представляете его благодарности за заботу вашу – сообщать о себе каждую неделю. Он не претендует на то, чтобы вы писали много, просит лишь несколько слов, даже меньше, чем вы ему написали последний раз; он заклинает только, чтобы это было регулярно. Артамон нежно обнимает Сашу и просит передать, что это очень огорчает, что тот ему не пишет. Муж ваш очень страдает из-за вашего здоровья, очень его беспокоят большая слабость ваша и состояние нервов; все, что пишет об этом мадемуазель Софи, весьма тревожно. Никогда еще те четыре месяца, которые должны пройти до получения ответа, не казались ему столь тягостны, как сейчас, когда он хотел бы предупредить вас против железистых ванн, которые в вашем состоянии могут быть только вредны, в то время как теплые

---

* Конец письма залит чернилами.

ванны, умеренные моционы и воздух будут весьма полезны. Муж ваш хотел бы, чтобы вы консультировались не с Арндом,⁴⁰ но с Рейнгольдом или с любым другим медиком новой школы, ибо нервные болезни требуют очень осторожного лечения. Все, что я могу сказать со своей стороны, милая кузина, это что тут две из наших дам принимали железистые ванны для успокоения нервов, и от этого им стало очень плохо. Мне тоже их посоветовали после рождения Ноно, но это так плохо на меня подействовало, что я выбросила в окно все свои железные шарики. Артамон благодарит мадемуазель Софи за китайку, которую он получил. Он вас нежно целует и не перестает молить Бога за вас и за сына. Прощайте, милая и добрая кузина, целую вас миллион раз со всею нежностью души моей.

Графине Канкриной в Петербург
Для доставления Верс Алексеевне Муравьевой

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.32–35)

31

19 сентября 1832. [Петровский завод]

Ваш муж говорит, милая и добрая кузина, что не знает, как упрямить вас писать ему регулярно. Он три недели не получал от вас вестей. Зная, что вы больны и какая у вас слабость, он испытывает ужасный страх. Он просит вас, однако, не думать, что он столь уж неразумен, что требует, чтобы каждый раз ему писали именно вы. Если Александр или мадемуазель Софи напишут ему хоть слово, он будет более чем доволен. Он глубоко переживает, что его забыла сестра, но говорит, что это ничто по сравнению с тем, когда не получает с почтой вестей от вас. Здоровье его хорошо, а что до нравственного состояния, то оно тяжелое, иначе и быть не может. Он постоянно молится за вас и Александра, которому просит передать от его имени, что он требует, чтобы тот писал отцу каждый раз, когда маменька и Софи не смогут этого сделать. Артамон очень раздосадован, что г-жа Уварова в деревне, потому что он дал ей много поручений, бесконечно важных для него, о которых он вам не решается говорить, боясь разбередить ваши раны и горе.

Я тоже очень беспокоилась о вас, милая кузина, ибо еще не было случая, чтобы вы не писали три недели. Если вы иной раз не получите известий из Петровского, пусть это вас не беспокоит: ведь я не одна пишу и никогда не знаю точно, получили ли вы известие отсюда. Но, если бы, упаси Боже, ваш муж заболел, я бы ни у кого не спрашивала, написала бы сама, как обещала, и написала бы всегда правду. Несмотря на все

несчастия, которые он пережил, здоровье его всегда было хорошим, только этой зимой, как я вам уже писала, у него была сильная простуда, которая не оставила никаких последствий. Целую вас, милая кузина, со всей нежностью моего сердца. Заставляйте, пожалуйста, Александра писать отцу, это для него крайне важно и доставит ему большое удовольствие. Прощайте, дай вам Бог силы физические и особенно душевные, чтобы выпести все то, что суждено вам вынести. Целую Александра. Кланяюсь мадемуазель Софи. Мой муж и деверь целуют вам руки.

(ИРЛИ. Ф.605. №78. Л.42-44)

Примечания

¹ Отъезд А.Г.Муравьевой в Петровский завод состоялся 7 августа 1830 г. См. ее письмо от 7.08.1830 г. нашей публикации.

² Здесь и далее набранное курсивом – во французском оригинале написано по-русски.

³ Имение в Новгородском уезде, принадлежавшее отцу А.З.Муравьева, Захару Матвеевичу Муравьеву. После его смерти (03.01.1832 г.) перешло по наследству невестке – Вере Алексеевне Муравьевой (ОР РГБ. Ф.218. №461. Ед. хр.4)

⁴ *Канкринна Екатерина Захаровна*, урожденная Муравьева (1796–1879), сестра А.З.Муравьева.

⁵ *Муравьев Никита Михайлович* (1795–1843), муж А.Г.Муравьевой, и его брат *Муравьев Александр Михайлович* (1802–1853).

⁶ В 1830–1832 гг. переписку с В.А.Муравьевой вели, кроме А.Г.Муравьевой, М.Н.Волконская, Е.И.Трубецкая, с сентября 1830 г. к ним присоединились А.В.Розен, М.К.Юшневская и А.В.Ентальцева.

⁷ *Муравьева Софья* (Нонушка, Ноно, Нинон) родилась 15 марта 1829 г. в Чите.

⁸ Дочь Волконских Софья умерла 10 июля 1830 г.

⁹ В письме А.Х.Бенкендорфу от 9.06.1830 г. из Читы А.Г.Муравьева объясняла причины, по которым она не может жить с мужем в Петровской тюрьме: *«Если бы дело касалось только меня, я сама могла бы переносить вместе с мужем темноту, сырость и духоту. Но мой ребенок болен падучей...»* (Марголис 1983: 247). Подробнее об этом см. вступительную статью к данной публикации.

¹⁰ Декабристы прибыли в Петровский завод в середине сентября 1830 г.

¹¹ В первом письме из Петровского завода М.Н.Волконская передавала Вере Алексеевне слова Артамона о том, что ему бы очень хотелось рассказать о себе со всеми подробностями, но сердце не позволяет ему причинить ей даже самую малую неприятность, и добавляла от себя: *«... их существование столь идеально однообразно и так похоже на жизнь всех арестантов вообще, что было бы трудно ее описать»* (Волконская 2000: 92). О подробностях своей жизни в Петровском заводе Артамон Муравьев решится написать жене только в 1835 году.

¹² А.В.Розен приехала в Петровский завод в августе 1830 г.

¹³ Сыновья В.А. и А.З.Муравьевых Никита (1820–1832) и Лев (1823–1831)

¹⁴ *Митрополова Софья Ивановна*, компаньонка В.А.Муравьевой.

¹⁵ *Муравьева Екатерина Федоровна*, урожд. баронесса Колокольцева (1771–1848).

¹⁶ Речь идет о болезни Левушки.

¹⁷ Имеется в виду Е.З.Канкрин.

¹⁸ Так в оригинале. Видимо, Александра Григорьевна ошиблась, т.к. датировка письма и его содержание свидетельствуют о том, что письмо написано в Петровском заводе.

¹⁹ *Муравьев Александр Захарович* (1795–1842), генерал-лейтенант, начальник 2-й кавалерийской дивизии.

²⁰ *Горяиов Владимир Алексеевич*, брат В.А.Муравьевой.

²¹ Дочери А.Г. и Н.М.Муравьевых, оставленные в Москве на попечение бабушки Е.Ф.Муравьевой. В письмах Александра Григорьевна часто называет свекровь «матушкой». *Елизавета Петровна Чернышева* (урожд. Квашнина-Самарина), мать А.Г.Муравьевой, умерла 16 февраля 1828 г.

²² Дочь А.Г. и Н.М.Муравьевых Ольга родилась 16 декабря 1830 г.

²³ Александра Григорьевна не сочла возможным написать Вере Алексеевне о смерти своей дочери Ольги.

²⁴ *Рейнгольдт-фон Эмиль* (1785–1867), доктор, действительный тайный советник.

²⁵ О смерти сына В.А. и А.З.Муравьевых Левушки (умер 17 июня 1831 г.).

²⁶ Михаил умер в Петербурге в феврале 1827 г.; Ольга умерла в Петровском заводе через несколько месяцев после рождения.

²⁷ Александр (1821–1881), второй сын А.З. и В.А.Муравьевых.

²⁸ Так в семье называли Никиту.

²⁹ *Горяиова Матрена Ивановна*, урожд. Малыгина (1763–1838).

³⁰ Т.е. Канкриной.

³¹ Левушка Муравьев был похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

³² О тяжелом финансовом положении В.А.Муравьевой см. в письме А.З.Муравьева Я.Д.Казимирскому от 9-го ноября [1845 г.] (*Письма* 1987: 156–157).

³³ Имеется в виду Александро-Невская лавра.

³⁴ В «Петербургском некрополе», сообщающем о могиле деда – Михаила Никитича Муравьева (1757–1807) на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, нет сведений о могиле Мишеньки Муравьева.

³⁵ Смерть отца А.З.Муравьева Захара Матвеевича Муравьева (03.01.1832).

³⁶ Пасха в 1832 г. была 10 апреля (*Кюхельбекер* 1979: 112).

³⁷ Речь идет о смерти сына В.А. и А.З.Муравьевых Никиты (ум. 28.03.1832).

³⁸ У А.Г.Муравьевой было пять сестер: Софья (в замужестве Кругликова), Елизавета (в замужестве Чергкова), Наталья (в замужестве Муравьева), Вера (в замужестве графиня Пален) и Надежда (в замужестве княгиня Долгоорукова). О какой из них говорится в данном случае сказать невозможно.

³⁹ *Уварова Екатерина Сергеевна* (1791–1868), сестра М.С.Лунина.

⁴⁰ *Арднт (Арендт) Николай Федорович* (1785–1859) – хирург, с 1829 г. – лейб-медик Николая I.

Литература

- Архив 1921** – Архив братьев Тургеневых. Вып.6. Переписка А.И.Тургенева с князем П.А.Вяземским. Т.1. 1814–1833. Пг., 1921.
- Бестужев 1951** – Записки М.А.Бестужева в виде ответов на вопросы М.И.Семевского 1860-1861. Часть IV. Чита и Петровск (дополнительные ответы) // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С.162-176.
- Волконская 1973** – Записки княгини Марии Николаевны Волконской // Своей судьбой гордимся мы. Декабристы в Сибири. Иркутск, 1973.
- Волконская 2000** – Письма М.Н.Волконской из Сибири 1827–1830 гг. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб.; Кишинев, 2000. С.60–95.
- Вяземский 1898** – Остафьевский архив князей Вяземских. Т.3. СПб., 1898.
- Кюхельбекер 1979** – Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Марголис 1983** – Марголис А.Д. Письма жен декабристов А.Х.Бенкендорфу // Сибирь и декабристы. Вып.3. Иркутск, 1983. С.241-250.
- Письма 1987** – Сибирские письма декабристов. 1838–1850. Красноярск, 1987.
- Пуцин 1988** – Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988.
- Ретунский 1983** – Ретунский В.Ф. Тайные курьеры декабристов // Сибирь и декабристы. Вып.3. Иркутск, 1983. С.5–23.
- Цявловский 1916** – Цявловский М. Тоска по чужбине у Пушкина // Голос минувшего. 1916. №1. С.35–60.
- Чаадаев 1989** – Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
- Штрайх 1925** – Штрайх С.Я. Декабристы на каторге и в ссылке // Декабристы на каторге и в ссылке. [Сб. ст.]. М., 1925. С.9–25.
- Якушкин 1993** – Якушкин И.Д. [Воспоминание об А.Г.Муравьевой] // Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С.211–214.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Жуковская Т.Н.

**«ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА» ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.
И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДЕКАБРИЗМА
ЧАСТЫ**

«И постепенно сетью тайной Россия...»
(А.С.Пушкин. «Евгений Онегин». X глава)

T.N.Zhukovskaya.

«Privy Societies» in the first third of XIX c. and organisational models in the Decembrist movement.

A research for the first time, deals with organisational forms of Decembrists' privy societies in connection with their contemporary conspiratorial structures in Europe. Special attention is paid to typology of real privy societies that existed in the first quarter of XIX century, as well as to so called «alleged» privy societies. The author studies the phenomenon of privy societies in the context of Government's attitude to conspiracy.

«Тайные общества», или конспирации, имевшие различную направленность, а то и не имевшие таковой, с исторической точки зрения, – это принятая в первые десятилетия XIX в. форма политической, социальной и культурной активности. Они восходят к религиозным орденам средневековья, обретают наиболее привлекательную и массовую форму бытования в масонстве, в период наполеоновских войн в ряде государств подчиняют свою деятельность задаче национального освобождения. Идеи политической и национальной независимости и свободы, провозглашенные народами центральной и южной Европы в 1800-х – 1810-х гг., соединяются в «тайных обществах» с готовой организационной моделью, облегчающей им быстрое и повсеместное распространение. «Тайные общества» выступают в определенный момент в каче-

стве универсальной организации социально и духовно активных сил, которые лишены возможности действовать в рамках существующих политических институтов и культурной традиции.

К сожалению, в отечественной исследовательской традиции всеобщий интерес к декабризму соседствовал с невниманием к синхронным ему политическим и общественным процессам на Западе, откуда, собственно, и были занесены в Россию и идеи либеральной конституции, и модель «общенациональной» тайной организации, отчетливо выраженная в структуре и целях Союза благоденствия.

После десятилетий умолчания первым, кто прямо выразил мысль о том, что декабризм был лишь составляющей общеевропейского национально-освободительного движения первых десятилетий XIX в., был С.С.Ланда. В своих работах он аргументировал эту мысль, прослеживая интерес создателей тайных обществ в России к европейским аналогам (Ланда 1962, 1975). Интерес этот относился и к либерально-конституционным идеям, и, в той же степени, к организационным традициям и параметрам немецких и южноевропейских конспираций. С.С.Ланда обратил внимание на то, что идеологические рамки движения декабристов на каждом его этапе в значительной степени определялись избранным типом конспирации, вначале узкой и замкнутой, ориентированной на тактику заговора (Союз спасения), затем, на этапе Союза благоденствия, превращенной в «открытую просветительскую конспирацию» и т. д.

Европейской конспирации русские историки уделяли значительно меньше внимания. Помимо страноведческих исследований и обобщающих трудов по истории Европы, где дается характеристика движению карбонариев, греческой Этерии, польским и немецким тайным обществам, было написано лишь несколько специальных работ, в том числе в советское время (Сидоренко 1913, Цветков 1938, Ковальская 1971, Арш 1965, Арш 1976).

В то же время были почти забыты, например, весьма насыщенные фактическим материалом исследования В.А.Бутенко, который занимался проблемой эволюции радикально-либерального течения во Франции в годы Реставрации. Известна его магистерская монография-«Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации» (СПб., 1913. Т.1), доведенная до 1819 г. В 1920-е гг. В.А.Бутенко готовил докторскую диссертацию, посвященную, в том числе, участию французских либералов в военных заговорах конца 1810-х – начала 1820-х гг. Сохранились черновики и материалы к этой работе, не увидевшей света

из-за ареста историка.¹ В основу исследования были положены, помимо мемуаров и периодики, агентурные донесения об опасных обществах и клубах, материалы следствий и судебных процессов над участниками заговоров, почерпнутые в архивах Франции.

Внимание западной историографии к истории тайных обществ и революций первой трети XIX в. отразилось в десятках и сотнях публикаций на разных языках и появлении, начиная с 20-х гг. XIX в., мемуаров и публицистики участников конспираций. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются исследования, написанные в 60–70-е гг. XX в. Стоит упомянуть работы А.Спитцера, Р.Рата, П.Савиже, Р.Санчеса Мантеро, Дж.Берти, А.Каминьского, в которых исследованы разные национальные типы карбонаризма, общественного радикализма наполеоновской и посленаполеоновской эпохи (Спитцер 1971; Рат 1964; Савиже 1969; Санчес Мантеро 1972; Берти 1965; Каминьский 1963).

Наблюдения названных авторов о типах европейской конспирации, в частности, ставшее общепринятым противопоставление религиозно-орденской по духу, сложно структурированной организации итальянских карбонариев более примитивным армейским союзам во Франции времен Реставрации; а тех и других – немецкой просветительской конспирации, где преобладала учащаяся молодежь, или очень вариативной польской — оказались ценным материалом для типологических сопоставлений с декабристской и декабристской конспирацией² в России.

---

¹ Архив СПб. Института истории РАН. Ф.276. Оп.2. Д.42. Тетр.1–8.

В.А.Бутенко успел опубликовать в советские годы несколько статей, посвященных эволюции французского либерализма и общественных настроений в 1819–1824 гг. В его библиографии упоминается и отдельное издание: Бутенко В.А. К истории революционного движения во Франции в эпоху Реставрации. Саратов, 1921. Найти его нам не удалось.

² В последнее время у авторов, пишущих о декабристах, замечена вежливая манера «договариваться о понятиях». Мы будем называть *декабристскими обществами* те, которые, во-первых, признавались самими декабристами, и, во-вторых – те, что сложились в неразрывную историю того «*тайного Общества*» (в собирательном, «лунинском» смысле), которое взяло на себя ответственность за 14 декабря 1825 г. и предшествующие планы государственного переворота (Лунин 1987: 54–58; см. также мемуаристику декабристов «старшего» поколения – И.Д.Якушкина, С.П.Трубецкого, М.А.Фонвизина и др.). Это: Союз спасения, Союз благоденствия (без филиалов, у которых чаще всего своя история), Северное и Южное общества (которые следовало бы, объединив, назвать Обществом Севера и Юга, это исторически и терминологически более точно). Другие общества, соответственно – недекабристские, хотя связь некоторых из них с декабристским Обществом несомненна.

Другое направление в историографии данной проблемы, отразившееся в литературе первой волны постмодерна 1970–1980-х гг., а в последние годы получившее прописку и в отечественных работах, при всем их несходстве, – рассматривает события европейской истории после 1789 г. через призму истории идеологии. Поэтому авторы этого ряда много места отводят рассмотрению структуры идеологий, эволюции идеологических практик, организации воздействия государственной власти на общество, механизму фабрикации политических процессов (Робертс 1972; Пайпс 1997; Гордин 1999; Зорин 2001).³ Особое внимание уделяется истокам и бытованию в первой трети XIX в. теории тотального заговора, которому общественным сознанием приписывались все потрясения тех времен. Классической работой этого ряда в западной историографии является упомянутая монография оксфордского профессора Дж.Робертса, без ссылок на которую не обходятся новейшие публикации. Несомненна ценность проделанного Робертсом анализа происхождения мифа о «тайном обществе» и его трансформации, отмеченных им исторических параллелей между структурой мифа и восприятием национальных европейских конспираций. Однако избирательность в изложении⁴, явно недостаточное внимание к зрелым конспирациям эпохи Реставрации, не позволяют применять наблюдения Робертса столь расширительно, как это иногда делается. Тезис о мифологизированности сознания современников, как представляется, совсем не мешает нам выделить и проанализировать тот «позитивный» материал, который касается истории европейских конспираций 1800–1820-х гг.

Так, Н.Д.Потапова, ссылаясь на Робертса, все свое исследование строит на соотнесении содержания информации, добываемой следствием по делу декабристов, с определенной идеологической конструкцией, которая якобы управляла сознанием следователей и восходила к общеевропейскому мифу о «тайном обществе». Исследовательница фактически ставит под сомнение все содержание показаний декабристов, а заодно и декабристской мемуаристики, также зависимой от «коллективной версии», изложенной под следствием и восстановленной в Сибири.

Трудно сказать, насколько приближает нас столь крайний негативизм к пониманию типологического единства установок русских

---

³ Особенно интересна в интерпретации А.Л.Зорина глава о М.М.Сперанском, реконструирующая на фоне более глубоких конспирологических версий происхождение мифа о «государственной измене» Сперанского и причастности его к «иллюминатству». См. также: Потапова 2000а, 2000б.

⁴ Дж. Робертс, например, не упоминает польские тайные общества, а историческую ситуацию в России реконструирует, опираясь на ... текст романа «Война и мир».

инквизиторов всех времен, однако совершенно ясно, что от «феноменологии» декабризма, выяснения его собственной типологической принадлежности в ряду современных явлений это нас уводит далеко. О чем нельзя не пожалеть, имея в виду прежние работы Н.Д.Потаповой (Потапова 1997а, Потапова 1997б).

В ходе изложения нам придется так или иначе касаться проблемы соприсутствия в сознании современников мифологических представлений и фактического знания о действиях «тайного общества». Без учета этого, действительно, трудно оценить степень аутентичности того, что зафиксировано в источниках личного происхождения или было показано на следствии членами тайных обществ, включая декабристов, по поводу организационных рамок, целей, характера их деятельности.

Принято считать тайные общества, широко распространившиеся в первой трети XIX в., но известные и позднее, исторической разновидностью политических организаций. Это самое простое определение. Нам представляется правомерным определить «тайное общество» еще и как особый общественный институт и особую модель социально-культурных связей (Жуковская 1999). Внутри этой формы находят себя определенные общественные типы, которые в условиях представительного правления встали бы во главе либеральной газеты или заняли место на парламентской трибуне. «Тайные общества» возникают в силу потребности в новом типе общественных связей как в Европе, так и, с некоторым опозданием, в России. Россия и русское общество в это время в силу своей открытости и вовлеченности в европейские войны и социально-культурные процессы не могли избежать влияния «тайных обществ», не прямого, но опосредованного, при котором данная модель общественных связей в иной общественно-политической ситуации принималась в качестве шаблона, культурного образца. В то же время особенности «воспринимающей» среды обуславливали существенные отличия внешнего облика, социального состава и характера деятельности «тайных обществ» в России.

В России того времени на фоне девальвации традиционных ценностей дворянской культуры: службы, «чина», родового уклада «дворянских гнезд» происходит политизация общественного сознания. С другой стороны, в первые годы XIX в. наблюдается явление «общественного ренессанса», которое можно связать как с общей эмансипацией сознания людей Нового времени, так и с изменением политической ситуации в стране: снятием запретов, введением относительной свободы печати и надеждами на конституционные реформы Александра I.

Власть идеи, а не традиции все интенсивнее увлекает поколение наследников эпохи Просвещения. Блуждание в мире символов и от-

влеченностей сообщало индивиду желание уподобить свое поведение готовым культурным образцам. Российские «тайные общества» 1810-х – начала 1820-х гг. в разное время более или менее приблизительно «процитировали» все возможные типы конспиративных объединений, существовавших в Европе: студенческие «буршеншафты», карбонарские «венть», мистические «братства», национально-патриотический «Союз добродетели» (Тугендбунд), полуполициарские офицерские «клубы», кружки журналистов и литераторов. «Клубные», очень часто неполитические объединения, ориентированные на заполнение досуга, получали самые причудливые формы: «Общество свиней», «Орден друзей природы», «Общество добра и правды», «Литературные вечера» в Новочеркасске, «Общество зорян» в Свислочи, «шубравцы» в Варшаве.

Одним из таких объединений было обнаруженное еще в 1822 г. губернскими властями общество «Французский парламент» в Петрозаводске. В июне 1826 г. по доносу канцеляриста Олонецкого губернского правления Василия Симонова было проведено новое расследование о деятельности «*парламента*», составленного из мелких чиновников Петрозаводска. Расследование позволило заключить, что общество это было «*неосновательным*», а в показаниях его инициатора, коллежского регистратора Василия Марьяновича, указывалось на то, что общество не было в собственном смысле «тайным»: об этой «*кратковременной забаве*» в свое время было известно всем жителям Петрозаводска во главе с губернатором Мертенсом.⁵ О типологической природе «дурного парламента», в которой ярко выражено игровое начало и одновременно стремление провинциальной молодежи к «правильной» организации досуга, нами уже было сказано (Жуковская 1998).⁶ Как говорилось в донесении олонецкого губернатора фон дер Флита министру внутренних дел от 1 июня 1826 г., «*общество не преследовало никакой цели, в заседаниях не говорили ни о правительстве, ни о религии и политике, но всегда занимались разного рода шутками*».⁷ (подчеркнуто нами – Т.Ж.).

⁵ РГВИА. Ф.36. Оп.4. Св.22. Д.309. «...О тайном обществе, бывшем в Петрозаводске под названием “Французский парламент”, основанном коллежским регистратором Марьяновичем». Л.27 об.–28. Впервые об этом эпизоде написал Н.Ф.Дубровин, пересказав в своей статье содержание показаний участников «*парламента*» (Русская старина. 1902. Октябрь. С.81–85). В 1924 г., в № 6 «Каторги и ссылки», появилась еще одна короткая заметка о петрозаводском «*обществе*», вызванная, надо думать, только разочарованием автора (подписавшегося: «Авл»), который не нашел в следственном деле ничего из того, что «обещало» его название.

⁶ «Мнимое» тайное общество в терминах следствия означает подозреваемое, предполагаемое, но оказавшееся не «настоящим», то есть не существовавшим на самом деле или не опасным.

⁷ РГВИА. Ф.36. Оп.4. Св.22. Д.309. Л.2 об., 12–14.

Указание на отсутствие *цели* у Петрозаводского «парламента» говорит о том, что это общество в 1826 г. было соотнесено следствием с декабристскими обществами, с одной стороны, а с другой – с известными европейскими конспирациями, цель которых правительственной версией определялась как «потрясение алтарей и тронов». Добавим только, что «невинные» собрания в Петрозаводске все же были обставлены кое-какими внешними признаками конспирации. У «парламента» были протоколы, более или менее фиксированный состав (в деле приложен список членов из 32-х человек, которые получали от «*председателя*» Марьяновича вымышленные имена), определенное место сбора и ритуал собраний. «Вступление» в парламент также было организованным. «Деятельность» этого общества состояла из коллективных развлечений и упражнений «*для приспособления себя к производству дел и узанию канцелярского порядка*».⁸

Наличие потребности в новом типе общественных связей доказывалось и тем, что в то же самое время в Российской империи распространились и так называемые *вольные общества*, в деятельности которых было много сближавшего их с обществами «тайными»: система отбора членов и ритуал посвящения, регламентация деятельности, внутренняя иерархия, пропаганда если не политических, то научных и литературных идей и, наконец, символика. Далеко не все происходящее внутри такого общества отражалось в его протоколах или «трудах» и могло контролироваться, да и в самом общении во время заседаний был элемент импровизации, заседания протекали в неформальной обстановке. В 1800–1810-х гг. только в столице действовали Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, Вольное общество любителей российской словесности, «Зеленая лампа», «Арзамас». Существовали подобные объединения и в провинциальных городах. При отсутствии ориентации на конспиративность и при возможности контроля за их деятельностью, в том числе через осведомителей, вольные общества не могли внушать правительству больших подозрений. Но известны случаи, когда правительство запрещало общество, имевшее открытый характер, по политическим или иным мотивам. Самый известный случай – запрещение «общества петербургских помещиков», составленного весной 1820 г. А.И. и Н.И. Тургеневыми, М.С. Воронцовым, П.А. Вяземским, А.С. Меншиковым, С.С. Потоцким и др., которое определило своей задачей содействие облегчению участи крестьян (Тургенев 1936; Кульман 1908). В самом начале царствования было запрещено обще-

---

⁸ Там же. Л.9–9 об.

ство морально-просветительского характера, составленное из поляков в Каменец-Подольске и названное в честь Александра I.⁹

Сами эти распоряжения свидетельствуют о том, что и «вольные» общества как форма общественной деятельности оставляли место для политики. После подавления польского восстания 1830 г. было закрыто Варшавское общество любителей наук (включавшее, кстати, и русских литераторов в качестве почетных членов). На основании исследования протоколов Общества было сделано заключение о том, что оно занималось чрезмерным поощрением польского патриотизма через издательскую и просветительскую деятельность, а с 1815 г. и антироссийской пропагандой. Автор заключения, которое, очевидно, было составлено не ранее 1832 г., доказывал, что с момента своего основания в 1800 г., то есть еще до образования Королевства Польского в составе Российской империи, Общество оказывало огромное влияние на поляков, проживавших в пределах империи, имея возможность вмешиваться, например, в школьную политику на территории Виленского учебного округа.¹⁰ Словом, говорилось в этом документе, с самого начала *«внимательные наблюдатели первых трудов сего общества подозревали в его явной ученой цели какую-то особенную цель польских патриотов»*.¹¹ Варшавское общество получило статус вольного общества и находилось под покровительством сначала прусского короля, затем Наполеона и, наконец, русского императора.

Статус «Зеленой лампы» и направленность этого литературного салона не раз становились предметом обсуждения историков и литературоведов. Наличие ритуала собраний, символов (особых колец с изображением лампы), девиза *«Свет и Надежда»*, фиксированного состава кружка, как явствует из показаний, собранных во время следствия над декабристами, – подтверждают его *конспиративную* природу.¹² Но тезис о политической направленности кружка, как и его право именоваться «филиалом» Союза благоденствия, могут быть за недостатком данных оспорены. Упоминания о существовавших *«протоколах»* общества еще никем не подтвердились, а литературные опусы «лампис-тов», найденные и опубликованные Б.Л.Модзалевским, ничего к характеристике организационных принципов (и политического облика)

⁹ Архив СПб. Института истории РАН. Ф.176 (Н.Н.Новосильцев). Д.217.

¹⁰ РГВИА. Ф.410. Д.154. «Исторический взгляд на бывшее Варшавское общество любителей наук».

¹¹ Там же. Л.7.

¹² В записке Я.Н.Толстого, поданной Николаю I (1826 г.), упомянуто, что статут этого общества предписывал членам кружка *«изъясняться и писать свободно (для своих – Т.Ж.), и каждый член давал слово хранить тайну»* (Щеголев 1908: 30). «Лампис-ты» предназначали эти *«свободно написанные»*, то есть без оглядки на цензуру, сочинения для чтения в заседаниях кружка.

этого общества не добавляют, но и не ставят под сомнение свидетельство Якова Толстого (Модзалевский 1928). На наш взгляд, встречи «лампистов», где было много веселья и литературной игры, при всем различии культурных уровней, типологически близки «Французскому парламенту» в Петрозаводске, с одной стороны, а с другой – ритуалу собраний литературного общества «Арзамас».

Можно добавить к этому, что упоминаемые в следственных материалах общество в Измайловском полку, общество Ф.Н.Глинки, «Общество Добра и правды» формально не принадлежали к структуре Союза Благоденствия и сложились импровизационно, в силу общего увлечения конспирированием. М.А.Фонвизин пишет, что в разное время

«члены Союза учреждали и отдельные от него общества (подчеркнуто нами – Т.Ж.) под влиянием его духа и направления; таковы были: общество военное, которого члены узнавали друг друга по надписи, вырезанной на клинках шпаг и сабель: “За правду”, литературные, – одно в Москве, другое в Петербурге, последнее под названием “Зеленой Лампы”, и две масонских ложжи...»(Фонвизин 1982: 186-187).

Разнообразие названий и очевидная самодеятельность упомянутых тайных обществ (даже если в них оказываются лица, принадлежащие к Союзу благоденствия) свидетельствует не столько о реализации плана строительства управ и «филиалов» головного союза, которое намечалось в «Зеленой книге», сколько о повсеместном увлечении конспирацией. Именно это общекультурное движение объясняет пестроту и хаотичность возникновения так называемых раннедекабристских и разного рода «околодекабристских» союзов.

Вообще можно говорить о том, что в период относительной свободы для российских конспираторов, то есть до начала последовательной борьбы властей с «тайными обществами», сложилось несколько типов подобных объединений. Между классической политической конспирацией в духе карбонаризма (которой в России, конечно, не было, как не установилось и прямых связей с европейскими карбонариями) и моделью «вольных обществ» располагается несколько промежуточных типов. Каждый из них развивается в русле доминирующей культурной традиции с большими или меньшими отклонениями. Однако возможность конспирации без политики не подлежит сомнению.

Известно, что уже в первом десятилетии XIX в., по крайней мере, в офицерской среде, складывались общества, или «клубы», чей орга-

низационный облик трудно определить более точно. Так, из воспоминаний М.М.Муромцева известно о попытке его и М.А.Фонвизина в 1809 г. организовать офицерское общество в Измайловском полку с целью углубленного изучения военных наук. В это общество, между прочим, входил И.И.Дибич. Едва ли измайловские офицеры, занимаясь самообразованием, обставляли это каким-либо ритуалом, хотя они могли скрывать свои собрания от начальства. Время всеобщего увлечения конспирацией еще не наступило. Однако, как пишет М.М.Муромцев, за «вольные речи или за общество» в начале 1809 г. он и Фонвизин были высланы из Петербурга в действующую армию в Финляндию (Муромцев 1890: 70). В сентябре 1808 г. было заведено дело «о тайном обществе, составленном из поляков и офицеров» графом Станиславом Потоцким в лейб-гвардии Конном полку.¹³

Фонвизинское общество, как и офицерские артели 1814–1815 гг., составленные офицерами Главного штаба и семеновцами, как нам представляется, принадлежат к «клубным» объединениям, не использовавшим специфических форм конспирации, но и не афишировавшим свою деятельность. А поскольку все это были офицеры, уже начавшие размышлять об «общественных вопросах», можно считать подобные собрания вариантом *политики без конспирации* или при минимальной конспирации. Не случайно фонвизинское общество никем не называлось «тайным».

Мы видим, что правительство и военное командование еще в 1800-х – начале 1810-х гг. стремились не только следить за благонадежностью чиновников, но обращали специальное внимание на объединения, союзы, «общества», от которых можно было ожидать «заговора», коллективных действий. Уже в этот период в официальной терминологии к ним прилагается определение «тайное общество», хотя идея конспирации и ее необходимость еще никем в России, кажется, не были высказаны. В то же время русское правительство интересуется деятельностью европейских либералов и европейскими конспирациями, но убеждено в том, что влияние этих явлений на русское общество ничтожно. К 1818 г. относится записка «*О средствах, тайно употребляемых при-*

---

¹³ РГВИА. Ф.846. Д.404. Копия докладной записки на имя императора об «обществе Потоцкого» осталась в бумагах Александра. Это означает, что официальное расследование по этому делу не было закончено или вовсе не производилось. «Конспиратор» Потоцкий и неназванные в записке офицеры в самом худшем для них случае личным распоряжением императора могли быть переведены в армейские полки или отосланы на войну, как это было сделано в отношении М.М.Муромцева и М.А.Фонвизина. Копия этого документа сохранилась и в фонде Н.К.Шильдера: ОР РНБ. Ф.859. Карт.19. №12. Л.3–4.

верженцами либерализма для усиления своей партии...», написанная на немецком языке и наполненная предостережениями относительно всех европейских либералов, независимо от партий и оттенков.¹⁴ В качестве объекта сопоставления использовались неопределенные конструкции конспирологии XVIII в. об иллюминатах и «якобинском клубе», а не реальные организации карбонариев, о существовании которых до революций в Южной Европе 1820–1821 гг. мало кто знал.

В 1820–1821 гг. эстляндский гражданский губернатор маркиз Пауллуччи составлял пространные записки (вероятно, на имя императора или начальника Главного штаба П.М.Волконского) о «тайных обществах» в Остзейском крае, снабжая их философскими рассуждениями о происхождении и разновидностях «обществ». В одной из таких записок, составленной в ответ на предостережения П.М.Волконского об опасности распространения карбонаризма в России, он пишет о том, что существующие в Остзейском крае тайные общества или масонские ложи не могут превратиться в карбонарские.¹⁵

В начале 1810-х годов появляется «*Проект условий существования обществ, товариществ, братств и других организаций...*», где оговаривались правила существования обществ, которые должны были все находиться под контролем правительства. В документе сказано и о том, какие формы деятельности и намерения обществ не могли быть терпимы правительством; в частности, запрещение грозило обществам, «*рассуждающим... о предполагаемых в государственном правлении переменах или средствах, каким образом сии перемены могут быть приведены в действие*», или тем, которые существуют под маской тайственности и требуют от своих членов особых клятв, «*имеют скрытую цель*» и т. п.¹⁶ Общества, нарушающие эти условия, объявлялись непризнанными и, фактически, незаконными, так как законными считались только общества, высочайше утвержденные, располагающие гласным уставом или правилами, так называемые «вольные». «Регистрацию», или признание «действительными» всех обществ и собратств, должна была осуществлять в городах управа благочиния. Если же будет признано, говорится в документе, что общество «*или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносит, либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению*». Учреждение «запрещенного» общества (то есть имеющего цель вредную, грозящего подрывом государственных основ), как и возобновление такового

---

¹⁴ Там же. Д.799.

¹⁵ Там же. Д.708; Ср.: Маркиз Пауллуччи в погоне за тайными обществами // Русская старина. 1897. Июль. С.6-7.

¹⁶ ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Д.2246. Л.1–1 об.

после его запрещения или недонесение при «*основательных подозрениях*» на опасное общество, подлежали «*соразмерному наказанию*».

Такое отношение власти, не позволяя разрушиться общественным ассоциациям, признанным «полезными» для «блага общего», было направлено к разрушению основы культурного стереотипа, формообразующего признака – конспиративности. Подобный опыт Александр I в 1811–1812 гг. намеревался проделать с масонством, взяв его под контроль. В другом разделе того же проекта сказано о том, что из всех масонских лож «*терпима в Петербурге*» одна соединенная ложа Владимира к истине, а остальные подлежат запрещению. Мастера лож, входивших в данное объединение, обязывались подавать министру полиции сведения обо всех членах, местах и порядке собраний, контролировать соблюдение предписанных правил, например, правила не принимать в ложи людей моложе 25 лет.¹⁷ Данный проект, в составлении которого, вероятно, участвовал А.Д.Балашов, бывший активным масоном, не вступил в действие, однако из него видна общая правительственная тенденция второго десятилетия XIX в., выраженная в ужесточении контроля за обществом.

Концепт «тайное общество» («тайные общества») широко использовался в публицистике первой трети XIX в., в официальной и неофициальной переписке. Однако контекст его употребления мог сильно меняться. Важно понять, какое конкретное содержание вкладывалось в это определение, в особенности теми, кто оказывался втянут в орбиту *реальных тайных обществ*, или, оставшись сторонним наблюдателем, тем не менее имел о «тайных обществах» кое-какие сведения или представления.

Поскольку общественное сознание 1810-х – начала 1820-х гг. обнаруживает прямую зависимость от официальной интерпретации «тайных обществ», то далеко не все современники способны были взглянуть на политические потрясения в Европе как на цепь взаимосвязанных событий, отнюдь не спровоцированных «силами зла», демифологизировать их. Отношение же к тайным обществам чаще всего было негативным. Так, А.П.Ермолов пишет А.А.Закревскому летом 1819 г.:

«Много раз старались меня вовлечь в общество масонов; я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным» (Закревский 1890: 325).

---

¹⁷ Там же. Л.2 об.—3 об.

Смоленская помещица А.И.Колечицкая (в девичестве Лыкошина) записала в своем дневнике:

*«Много говорят о каких-то революционных тайных обществах, рассеянных по всей Европе: Тугенбунд в Германии, карбонарии в Италии, Гетерия в Греции, масонов везде, темная молва о каком-то громадном заговоре, имеющем будто бы агентов и в России. Меттерних пугает нашего либерального, прекрасного Александра, чтобы склонить его на свои деспотические меры».*¹⁸

Заметим, что мемуаристка принадлежала к кругу наиболее просвещенных провинциальных дворян. Ее муж, отставной полковник, краснинский уездный предводитель дворянства П.П.Колечицкий, был близок к кружку П.П.Пассека (Леонтьев 1991). Сама она была хорошо знакома с семейством Якушкиных-Шереметевых, близких соседей по имению. Среди ее друзей и знакомых – А.С.Грибоедов, С.Н.Глинка.¹⁹ Тайные общества она воспринимала как нечто постороннее, весьма далекое и неопределенное, по крайней мере, до 1824 г., когда появляются записи о «сходках» в имении Якушкина Жукове, участниками которых названы М.Н.Муравьев, М.А.Фонвизин, П.Х.Граббе, П.П.Пассек, а также Владимир Лыкошин, брат мемуаристки, который там *«слышит их толки о злоупотреблениях администрации, о застой общественной деятельности в России, о конституционных порядках других государств»*.²⁰ Однако в представлениях мемуаристки, даже «по-

¹⁸ РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.142. Л.5. Частично опубл.: Колечицкая 1995: 295.

Запись датирована 1 октября 1820 г., однако здесь необходимо сделать существенную оговорку. По своей форме «записки» А.И.Колечицкой – это мемуарный текст, в основу которого положен дневник. Колечицкая соединяет записи, безусловно современные фиксируемым событиям (это можно заключить по подробным описаниям личных переживаний 20-летней женщины, детальным описаниям поездок и встреч), с позднейшими вставками. К последним, судя по всему, относится и вышеприведенная запись. Первая тетрадь дневника переписана почерком автора в конце 1850–1860-х гг., с добавлением замечаний, относящихся ко времени переписывания, перекрестных отсылок к различным местам дневника, с проставлением соответствующих дат. Так что в *«тетради Колечицкой»* мемуарный текст наложился на дневниковый, что само по себе очень любопытно для исследователя-источниковеда. В октябре 1820 г. о «карбонарах», «гетерии», происках Меттерниха мало кто в России мог писать с такой определенностью.

¹⁹ Подробнее о родственных и дружеских связях Колечицких-Лыкошиных см. в предисловии Е.Э.Ляминой и Е.Е.Пастернак к публикации записок.

²⁰ РГАЛИ. Там же. Л.15 об.; в публикации эта запись, датированная 15 сентября 1824 г., пропущена.

Вероятно, она также «добавлена» в момент обработки мемуаристкой своего дневника, что объясняет допущенную здесь же «ошибку памяти»: Колечицкая упоминает о двух маленьких сыновьях И.Д.Якушкина, тогда как младший в тот

правленных» опытом протекших четырех десятилетий, все расставивших по местам, *«разговоры»* в собраниях у Якушкина так и не связались с направлением «тайных обществ», которые готовили европейские революции.

То есть те происшествия, какие российский наблюдатель после 1825 г. мог бы отождествить с деятельностью российского «тайного общества», на основании имевшихся сведений: «Донесения следственной комиссии» по делу декабристов, неофициальных версий, слухов и разговоров, и т. п., – оставались не рядоположены ни истории карбонариев южной Европы, ни иллюминатству, ни восстанию испанских «инсургентов». Получается, что в общественном сознании конца 1820-х–1840-х гг., вероятно, до самого момента появления книги М.А. Корфа и героико-романтической контрверсии А.И. Герцена, как бы переводящих декабристов из небытия в область исторических фактов и явлений, «тайное общество декабристов» и европейские «заговоры» оставались двумя обособленными идеологическими конструкциями. Причем последняя в 1840-е гг. уже сильно потускнела и потеряла актуальность, поскольку за это время романтическая парадигма сознания сменилась более конструктивной – позитивистской. Когда же, благодаря Герцену и Корфу, в новой ситуации стало возможным взглянуть на декабристов как на *исторический* феномен, то с временной дистанции были слишком видны «чисто российские» особенности и черты, отличающие декабризм от европейских конспираций первой трети XIX в. На этих отличиях концентрировалось либеральное сознание русской интеллигенции, начиная с эпохи «великих реформ». Это в некоторой степени объясняет тот факт, что в течение последнего столетия и до сих пор в «декабристоведческих» исследованиях слабо выражен компаративистский подход и стремление к обобщениям, зато неумоимо исследуются единичные факты и события, так или иначе соотнесенные с историей тайного общества декабристов или с чрезвычайными обстоятельствами революционной манифестации 14 декабря 1825 г.

Отношение русских современников к «тайным обществам», как видим, было двойственным. С одной стороны, сознание людей, переживших Великую французскую революцию со всеми ее «крайностями»,

---

момент еще не родился. Явной ретроспекцией (судя по тональности) является и характеристика самого Якушкина,

«друга юности», который «так любезен, умен, в разговоре его столько занимательного, в библиотеке его все, что есть нового в иностранной литературе, особенно по социальным вопросам. Хотелось бы чаще быть в таком обществе, где получаешь много новых идей».

наслышанных об иллюминатах и «якобинском клубе», было заражено публицистическими конструкциями о всеильном, угрожающем всеобщим потрясением «всеевропейском заговоре». Но понятия «карбонаризм», «иллюминатство», «революционный заговор» оставались для обывателя теоретическими абстракциями. С другой стороны, тяга эмансипированной личности к самореализации, наличие готовых образцов «романтического» поведения влекли человека, чуть поднявшегося над общим уровнем, в какую-нибудь офицерскую артель, просветительский или литературный кружок, которые, по обычаю того времени, принимали формы конспирации.

«Принадлежность к тайным обществам, – пишет А.Е.Пресняков, – не была сама по себе не только преступлением, но даже чем-либо незаконным. Их “тайна” – только принятая форма собраний, – негласных, более или менее замкнутых, непубличных. Их существование было известно, нередко имели они постоянные места собраний, их состав был известен, да и не скрывался» (Пресняков 1925: 35).

Только после августа 1822 г. и запрета их деятельности они были вынуждены сделаться «тайными» в прямом смысле.

Расширение сферы правительственного контроля за обществом идет постепенно. Запрещение масонских лож и тайных обществ в 1822 г. открывает как раз заключительную фазу этого процесса. Известно, что еще накануне Отечественной войны правительство было озабочено созданием в западных областях разветвленной сети платных и добровольных агентов, которые не только тайно противодействовали бы вражеским агентам (своеобразные контрагенты), но и наблюдали бы за настроениями местных жителей.²¹ Помимо общей полиции, уже в первом десятилетии XIX в. существовали специальные органы политического надзора: особенная канцелярия при Министерстве внутренних дел, секретные экспедиции при московской и петербургской полициях (Асварищ 2000).

В 1816 г. создаются жандармские части при Гвардейском корпусе. В 1816–1821 гг. структура военной полиции развивается в направлении расширения компетенции полицейских чинов, придания универсальных функций «агентам». Любопытно, что условием действия полиции становится непроницаемая тайна, она сама de facto превращается в конспиративную организацию, засекреченную от общества, и повторяет формы «тайных обществ», с которыми призвана бороться. Она делится на

---

²¹ См.: РГВИА. Ф.ВУА. Д.482. Проект учреждения высшей военной полиции, утвержденный Александром I 27 января 1812 г.

ряд округов соответственно расквартированию войск, вбирая в себя сеть низших и высших шпионов, называвшихся агентами или «*корреспондентами*». Появляются особые агенты, следившие за работой самой тайной полиции. Структура реорганизованной системы военной полиции ясно обнаруживает страх правительства перед распространением либеральных идей в армейской среде, и особенно перед «тайными обществами», которые, по определению, «невидимы», но всесильны, как должны были думать приверженцы мифа о «всеевропейском революционном заговоре».

В первой половине 1820-х гг. реорганизация системы полицейского надзора продолжается в том же направлении. Так, в докладе командующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна начальнику Главного штаба И.И. Дибичу от 2 мая 1824 г. об учреждении при 2-й армии высшей полиции говорилось о необходимости поставить действия полиции «*в совершенную неизвестность от тех лиц, над которыми она будет иметь свой надзор*», и о том, что в поле ее наблюдения должны попасть не только настроения в солдатской и офицерской среде, служебные злоупотребления, но и политические предметы. Полиция должна знать, например, «*нет ли между войсками ропота, вредных мыслей и тайных сходбищ <...> не возобновляются ли уничтоженные масонские ложи, и нет ли суждений о делах политических? <...> В чьем доме чаще сходятся в приметном количестве офицеры?*».²²

Изменение «установки» и методов наблюдения неизбежно приводило к новым «открытиям» многочисленных «тайных обществ», которые до этого не были бы столь однозначно истолкованы. Рубежом в отношении властей к конспирации стал 1822 год.

В мае 1820 г. надворный советник и могилевский помещик А.Б. Корвин-Красинский сообщал об «*ужасных затаенных затеях многих неблагонамеренных людей, стремящихся скрытными способами подкопать основания религии...*» Автор доноса, состоявший на тот момент в Российском Библейском обществе, не делал различия между масонскими ложами и политическими обществам и в Европе, о которых он был наслышан: «*читая ежечасно о неисчислимых сумасбродствах, которыми наводнены все европейские земли, о тайных союзах и клубах, к разрушению спокойствия сооружаемых...*».²³ В октябре 1824 г. портупей-юнкер учебно-карабинерного полка Антон Жаба сообщал о «*расхищении государственного интересу*» в Виленской губернии, а именно о наличии в Вильне и уездных городах губернии тайных обществ, укрывшихся

²² Там же. Ф.1. Оп.1. Ч.2а. Д.3504. Л.6, 7 об.

²³ Там же. Ф.ВУА. Д.719.

от внимания следствия, законченного к тому времени Н.Н.Новосильцевым. Эти общества

*«вопреки высочайшего указа <...> производят свои собрания беспре-
кословно и не только не приходят в упадок, но и, напротив, время от
времени еще умножаются постепенно». Причину этого он видел в не-
достатке одних запретительных мер, ибо «всякое покушение к совершен-
ному истреблению тайных обществ никогда не достигнет своей цели,
если не будет иметь противопоставленной тому тайной же сети».²⁴*

Обращаем внимание на последнюю фразу, которая в резюме начальника Главного штаба И.И.Дибича, составленном для императора из многословного доноса, почему-то вычеркнута. Мы еще не раз столкнемся с убеждением противников «революционной конспирации» в том, что всякое полезное действие, в том числе «контрреволюционное» не будет успешно без использования аналогичных форм. В этом с безвестным портупей-юнкером согласились бы такие разные лица, как М.Л.Магницкий, лидер Союза Благоденствия Н.И.Тургенев, магистр «Вселенского Ордена Восстановления правды и истины», им же вымышленного, Д.И.Завалишин, П.Д.Киселев, который был реальным автором уже цитированного доклада об учреждении во 2-й армии высшей полиции, Ф.В.Булгарин и многие другие. Это говорит если не о всеобщей конспиромании, то об огромной зависимости сознания современников от этой идеологической конструкции и, во- вторых, о том, что «тайное общество» всеми названными здесь его сторонниками (и множеством неназванных) понимается именно как организационная модель, универсальный механизм, позволяющий контролировать общество и изменять его настроения. Цели вмешательства, его предполагаемые политические следствия, разумеется, определялись различно.

Что касается обращения А.Жабы, то Александр I, *«хотя не давал веры»* сообщенным в доносе сведениям, распорядился довести их до Н.Н.Новосильцева, а дело передал А.А.Аракчееву для дальнейшего расследования. Правда, как оказалось, Антон Жаба к тому времени состоял под следствием за нечестную картежную игру, что изменило ход следствия.²⁵ Переписка же Новосильцева с Аракчеевым по поводу «польских интриг» против него как гонителя польских тайных обществ, продолжалась до конца царствования.

Подобных «расследований», начатых еще при жизни Александра, можно насчитать несколько десятков. И до, и после 1825 г. расследова-

---

²⁴ РГВИА. Ф.36. Оп.4. Д.254; Ф.36. Оп.5. Д.86; Ф.ВУА. Д.797. Содержание доноса изложено для императора в записке И.И.Дибича, датированной 21 октября 1824 г.

²⁵ Там же. Ф.36. Оп.3. Д.116.

лись, иногда годами, дела подобного рода: об обществе «Корабль» в Петербургском университете, «Защитниках древа свободы Российской империи», обществе в Аккермане, подозреваемом в связях с Этерией, обществе «зорян» в Свислочи, составленном из гимназистов,²⁶ обществе в Троицкой лаврской семинарии, созданном для «углубленного изучения наук».²⁷

Особое место в летописи доносов 1820-х годов занимают различные мнения и целые трактаты о вреде иллюминатства и тайных обществ, сочиненные М.Л.Магницким. Число доносов, вышедших из-под пера этого визионера за более чем десять лет его специфической активности (с 1819 г. до начала 1830-х гг.), не поддается точному учету. Оставляя в стороне вопрос о мотивах его действий в каждой ситуации, как и феномен его личности, коснемся содержательной стороны высказанных им соображений, большинство из которых было адресовано на высочайшее имя. Можно полагать, что, в отличие от Николая, на Александра I, мнительного и одержимого в последние годы страхом перед «всеевропейским заговором», неопределенные, но последовательные и навязчивые констатации Магницкого возымели действие. Психологический эффект, на который они были рассчитаны, был достигнут, иначе император, беспощадно отвергавший инсинуации менее талантливых мистификаторов, пресек бы «откровения» Магницкого.

В одном из своих пространных сочинений 1824 года Магницкий предлагает обозрение «исторического развития» иллюминатства (синоним всеевропейского тайного революционного заговора) со всеми его ответвлениями, снабжая тезис об иллюминатстве как источнике всех неурядиц и потрясений последних десятилетий фактами и примерами подрывной деятельности тайных обществ и их эмиссаров. К продуктам этой деятельности Магницкий относил, как известно, и «*новейшие системы просвещения*», и немецкую философию, и даже преподавание истории античности, «*распаляющую молодое воображение ораторами язы-*

²⁶ См.: ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Д.2247; РГВИА. Ф.1. Оп.1. Т.2. Д.3958; РГВИА. Ф.36. Оп.5. Д.221: «О существовавшем в Белостоке, Вильно и Свислоче тайном обществе под именем зорян, основанном учеником Ляховичем». Ср.: Предтеченский 1931.

²⁷ РГВИА. Ф.36. Оп.4. Д.510. Это общество было учреждено воспитанниками семинарии в марте 1816 г. Оно существовало с ведома ректора семинарии, а его участники упражнялись в диспутах на философские, исторические и богословские темы. Кое-кто из семинаристов, как выяснилось из перлюстрированного письма того же времени, это заведение, правда, называл «*масонством*». При этом масонство не казалось семинаристу чем-то предосудительным, поскольку «*свято, позволено и Богу приятно, ибо клонится к образованию*». Общество вторично попало в орбиту внимания полиции в 1826 г., на волне всеобщей подозрительности.

ческими и республиканскими». ²⁸ Запрещение тайных обществ, по мнению Магницкого, не ослабило, а только усилило их, так как

«публичность всегда была только личина, для того нужная, чтобы отвлечь внимание общества и правительств от цели истинной». Запрещение тайных обществ 1822 г. «разрушило личину, прекратило пустые собрания, отсекло членов бесполезных, усилило осторожность и тайну орденских начальников и заставило их, вероятно, распространить свое учение косвенно и в других формах. Труд им дан новый, но зато и важная предоставлена выгода: их почитают несуществующими».

Магницкий убеждает, что «тайные общества» невозможно уничтожить простым запретом их деятельности.

«Точно так же как не можно уничтожить готового подкопа, заткнув его, а надобно сделать контрмину, нельзя и обществ тайных уничтожить нигде, кроме других обществ, кои бы их в течение некоторого времени поглотили. Обществами сими разумю я церковь и воспитание», – уточняет автор записки. ²⁹

То есть он призывает усилить духовное противодействие «духу иллюминатства», бороться с «тайными обществами» их же методами, но сделать ставку на «традиционные ценности»: государственные, религиозные.

Мы не стали бы столь подробно разбирать рекомендации Магницкого, если бы не очевидная зависимость их от построений конспирологии начала XIX в. Согласно этим построениям, тайные общества являются универсальной организацией, способной творить не только зло, но и добро, и многие великие дела совершаются при их участии. Поэтому лучше всего бороться со «*злом*» (деятельностью антигосударственных «обществ») с помощью такой же организации, но только противоположной по знаку, имеющей цель «*благу*».

Не только Магницкий рассчитывал использовать одни тайные общества в борьбе против других. Подобная идея была заложена и в правилах «Ордена русских рыцарей», и в уставе Союза благоденствия, и в принципах, выработанных Д.И.Завалишиным для «Вселенского Ордена Восстановления». И в этом, конечно, прямое отражение зависимости сознания современников от мифологии «всемирного заговора».

---

²⁸ ГАРФ. Ф.1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп.3. Д.59. Л.40 об. На рукописи есть помета: «Государь изволил читать 17 августа 1824 г.».

²⁹ Там же. Л.42 об.—43.

Вопросы надзора за масонскими ложами, «тайными обществами» и отдельными подозрительными лицами широко обсуждались в переписке государственных чиновников и до 1822 г. Так, П.М.Волконский, П.Д.Киселев, И.Н.Инзов, А.Ф.Ланжерон в 1821 г. высказали свои соображения по поводу обнаруженных в Киеве, Каменке и Одессе масонских лож.³⁰ Даже при отсутствии ясных подозрений агентам вменялось в обязанность доносить, «*в чем доме чаще сходятся в приметном количестве офицеры*».³¹ Граф И.О.Витт, начальник южных военных поселений, уже в начале 1823 г. выполнял секретные поручения императора. Об этом свидетельствует, например, собственноручно написанный Александром I черновой проект отношения Киевскому гражданскому губернатору, где оговаривались условия письменных сношений царя через него – с И.О. Виттом.³²

Вероятно, еще в первые полтора десятилетия царствования в «особой папке» Александра I накопился любопытный материал о тайных обществах и разного рода оппозиционных фигурах и «партиях» в русском обществе. Получая через Особенную канцелярию Министерства внутренних дел, полицию, учрежденную в гвардии, а затем и армейскую полицию многочисленные сведения подобного рода, император оказывался последней инстанцией в определении судьбы домашних «карбонаров» и вольнодумцев. Известно, что многим историям он, что называется, не давал ходу, и тогда соответствующие документы оставались «в столе» у императора.³³ Подобная участь постигла и донос М.К.Грибовского на Союз Благоденствия, поданный через А.Х.Бенкендорфа, и некоторые другие «открытия злоумышленний». Так было, пока Александр смотрел на них как на единичные случаи, несводимые в систему, и не начал связывать их с европейскими революциями.

После пресловутой «семеновской истории» и принятия на конгрессе в Троппау инструкции о праве вмешательства союзных правительств в

---

³⁰ РГВИА. Ф.410. Д.30. Л.9–15об. (копии Н.Ф.Дубровина).

³¹ Там же. Ф.1. Оп.1. Ч.2а. Д.3504. Л.7об.

³² Там же. Ф.ВУА. Д.773; См. также: Ф.ВУА. Д.804. Письмо графа Витта императору Александру I 13 декабря 1824 г.

³³ Множество таких секретных бумаг было обнаружено после его смерти. См.: ГА РФ. Ф.48. Оп.1. Д.12. Дело о рассмотрении в комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя; Там же. Ф.1717 (Собственная канцелярия Бенкендорфа). Д.142: Письмо И.И.Дибича А.Х.Бенкендорфу от 6 марта 1826 г. о пересылке документов о тайных обществах, находившихся в архиве Александра I, в Следственную комиссию; РГВИА. Ф.ВУА. Д.879: О поручении В.А.Перовскому рассмотреть найденные в кабинете Александра I бумаги, относящиеся до тайных обществ.

борьбу с революционными движениями, Александр I стал воспринимать все происходящее глазами австрийского канцлера. Беспорядки в Семеновском полку им были восприняты как происки партии «революционеров» в самом сердце империи.

«Признаюсь, – писал он А.А. Аракчееву из Троппау, – я его (восстание семеновцев – Т.Ж.) приписываю тайным обществам, которые по доказательствам, которые мы имеем, все в сообщениях между собой и коим весьма неприятно наше соединение и работа в Троппау. Цель возмущения, кажется, была испугать меня...» (Шильдер 1898: 259).³⁴

В тех же выражениях Александр определяет сущность «тайных обществ» и предмета их деятельности в 1822 г. в беседе на конгрессе в Вероне с представителем Франции Ф.-Р.Шатобрианом:

«Я покидаю дело Греции, – заявляет Александр, – потому что усмотрел в войне греков революционный признак времени... У каждого есть право на самозащиту, и это право должен иметь также и монархи против тайных обществ; я должен защищать религию, мораль и справедливость» (Кареев 1899: 318–319).

До революционных событий в Европе 1820–1821 гг. Александр I не придавал особого значения деятельности европейских карбонариев и не предполагал возможности распространения карбонаризма в России. Так, видно, что он довольно спокойно отнесся к известиям об активизации бонапартистов за пределами Франции. Не последовало с российской стороны официальных комментариев и особых выводов после раскрытия офицерских заговоров в Гренобле (1816) и Бельфоре (1820). В связи с раскрытым в Нидерландах в 1818 г. заговором бонапартистов против Александра российская тайная полиция могла бы заинтересоваться связями бонапартистов, но не сделала этого. Первой реакцией правительства было запрещение какого-либо упоминания об этом инциденте, дабы не вызвать ненужных толков, однако после публикации в европейских газетах и отдельной брошюрой списка участников заговора (с портретами) и других подробностей запрещение оказалось бессмысленным.³⁵ Цель этого «тайного общества» была прозрачна, и поэтому не вызывала страха. Понятны были Александру и цели Союза Благоденствия, выраженные в его уставе. Эти цели в значительной степени перекликались с его собственными эмансипаторскими мечтаниями. По-

³⁴ Русская старина. 1870. Т.1. Январь. С.480–481.

³⁵ Копии дела о заговоре в Нидерландах: ОР РНБ. Ф.859 (Н.К.Шильдер). К.20. № 7. Л.1–2 об.

лучается, что то, что царь *знал* о «тайных обществах» внутри России, не пугало. Пугало *неизвестное*.

Весной 1826 г. в кабинете императора была найдена его собственноручная записка о проникновении в Россию «*пагубного духа вольномыслия*», который

*«разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том секретных миссионеров для распространения своей партии».*³⁶

Далее в этом отрывочном тексте, который, по предположению Константина Павловича, мог быть началом какого-то личного поручения А.А.Аракчееву или А.Н.Голицыну, названы имена наиболее подозреваемых лиц, среди которых: «*Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр[аф] Гуриев, Дмит[рий] Столыпин и многие другие из ген[ерал]-полковников, полк[овых] команд[иров]; сверх сего большая часть разных штаб и обер-офицеров*».³⁷ Константин в ответ на запрос Дибича припоминал, что Александр «*изволил часто говаривать <...> о подобных обстоятельствах*», а «*в 1822 или 1823 годах*» вручил ему для чтения устав Союза Благоденствия, который также должен был остаться в кабинете покойного императора, поскольку по прочтении этой «*большой тетради*» Константин переслал ее из Варшавы обратно в Петербург.³⁸

Этот эпизод позволяет говорить о том, что представления Александра I о декабристских тайных обществах были достаточно конкретны. Суть изложенного в цитированной выше записке сводится к опасению возмущения «*в войсках*» по типу военной революции, а не чего-либо иного, боязни не проникновения в Россию «эмиссаров» европейской конспирации, а распространения собственной, уже захватившей верхушку армии и представленной на всех командных уровнях.

Если до 1821 г. для цесаревича Константина опасность революционного разложения армии первоначально не казалась столь серьезной, то события в Испании и, особенно, в Италии, а также знакомство с уставом Союза Благоденствия, – заставили его переменить мнение и принять решительные меры. Еще 19 мая 1821 г. он отдал распоряжение по Литовскому корпусу о «*мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства*». В сопроводительной записке к этому распоряже-

³⁶ РГВИА. Ф.846 (Коллекция ВУА). Оп.Х. №1; копия в фонде Н.К.Шильдера: ОР РНБ. Ф.859. К.25. №20. Л.4.

³⁷ Там же (с сохранением сокращений и орфографии подлинника).

³⁸ Там же. Л.7 об.

нию на имя начальника Главного штаба и в самом распоряжении на имя командующего Литовским корпусом генерал-лейтенанта Довре говорится о том, что эти меры необходимы, поскольку подавление мятежей не лечит *«вкоренившиеся в умах зловредные правила»*, и потому можно ожидать повторения революционных событий и стремления мятежников расширить сферу своего влияния на войска. Для убедительности приводятся несколько недавних примеров «разложения» и русской армии: Семеновский бунт, выступление А.К.Ипсиланти, которое *«ни к чему другому отнести нельзя, как к тем же самым источникам, от которых происходят ныне в Европе беспорядки против властей законных»*.³⁹ Командирам предписывалось обратить особое внимание на молодых офицеров, которые воспитывались *«в корпусах, университетах и лицеях»*, и, не будучи сильно заняты по службе, имеют много свободного времени для чтения иностранных сочинений и газет, и потому *«более сведущие об обстоятельствах и распространившемся во многих местах духе вольномыслия»*, а соответственно, и более *«подвержены такому соблазнам»*. Любопытно, что автор документа ясно представляет себе механизм подготовки «военной революции», с помощью которого члены тайного общества будут распространять свое воздействие на солдат, *«людей, употребляемых для производства дел»*, *«в штабах войск, в квартирмейстерской части адъютантам при гг. генералах, <...> улавливая их в свои сети»*, пока не добьются установления своего влияния на всех уровнях военного управления.⁴⁰

6 (18) сентября 1822 г. цесаревичем был подписан проект циркулярного отношения командующим армиями, где говорилось:

«События, совершающиеся в некоторых государствах, ведут к достоверному заключению, что общество людей, посягнувших на ниспровержение веками утвержденного порядка в Европе, <...> не перестает искать достижения пагубных своих замыслов, <...> оно направило виды свои и на силы военные».

Можно видеть, что за год, в течение которого был введен запрет на тайные общества, при сохранении общего лейтмотива, усиливается суровость инвектив против революционеров, допускаются упреждающие констатации о «действиях» тайного общества и исходящей от него опасности для русской армии.⁴¹ Переписка между Константином и Александром I о мерах предотвращения деятельности военной конспи-

³⁹ Копия Н.К.Шильдера: ОР РНБ. Ф.859. К.19. №12. Л.55-58 об.

⁴⁰ Там же. Л.57 об.-58, 59 об., 60.

⁴¹ См.: РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.3456. Л.5-5 об.

рации продолжалась и в конце 1822 – начале 1823 гг., во время Веронского конгресса и после него, как видно из упомянутого дела.

Специфика борьбы государства с «тайными обществами», развернутой Александром I в начале 1820-х гг., состояла в преследовании именно внешнего признака данной системы – всякой таинственности и элементов конспирации. Сама конспиративность, закрытость, а не цели (направленность деятельности) «тайных обществ», была объявлена преступной. Борьба с «тайными обществами» после императорского рескрипта от 1 августа 1822 г. об их запрещении трактовалась как общая забота и государственно необходимое дело.

Ответом на это распоряжение стал поток доносов, объектами которых становились как отдельные лица, так и целые группы. В ситуации, когда формы и проявления «*государственного зла*» не были четко обозначены, донос на «тайные общества» и отдельных злонамеренных лиц стал массовым и очень часто неосновательным. Отделить ложный донос от правдивой информации в каждом случае предоставлялось правительственным чиновникам. Часто окончательное решение по тому или иному делу о «злонамеренных» лицах и обществах принималось уже на самом верху – императором. Среди известий о преступных «сообществах» всеподданнейшие рапорты и донесения занимают ведущее место. Особо стоит отметить то обстоятельство, что механизм расследования подобных доносов сложился еще до декабря 1825 г. и следствия по «делу декабристов», а позднейшая практика не добавила ничего принципиально нового.

Правительственные репрессии и практика профессиональных и массовых доносов, вызванные преследованием тайных обществ в России в 1822–1825 гг., значительно углубились после подавления Николаем I выступления на Сенатской площади. Пик доносительства пришелся на лето и осень 1826 г. и был связан не только с отголосками процесса декабристов, но и с распоряжением правительства о взятии новой подписки со всех государственных чиновников о непринадлежности к тайным обществам, о чем было объявлено в апреле 1826 г. С этого времени и до начала 1830-х гг. были «открыты», по меньшей мере, десятки «мнимых тайных обществ», в дополнение к уже известным, а некоторые из расследованных обществ были признаны действительно опасными, независимо от того, были они в какой-либо связи с декабристами или нет.

Так, по «извету» отставного майора И.В.Унишевского (март 1826 г.) расследовалась деятельность бывших в Киеве в 1817 г. двух «*подозрительных обществ*» офицеров, к одному из которых принадлежал бывший дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса (1-я армия)

подполковник Л.В.Дубельт.⁴² Поручик Белгородского уланского полка Фукс «открыл» существование в 1820–1821 гг. тайного общества в г. Слуцке, в которое он якобы и сам был принят квартирмейстером Литовского уланского полка полковником Комаевским.⁴³ Секретный комитет по делу декабристов, куда были переданы показания Фукса, заключил, однако, что в Слуцке существовало не тайное общество, а масонская ложа, а Фукс, как и некоторые его товарищи, по слабому знанию русского языка и непродолжительности своего пребывания в ложе, даже не успели этого понять.

Прапорщик Казанского драгунского полка Федор Тютчев, брат которого был арестован по делу декабристов, «объявил за тайну, что он зачинщик общества из пяти человек», в доказательство чего предъявил наколотые на руке «знаки». В данном случае следствие столкнулось с случаем самоговора. После допросов названных им членов «общества» перед следователями предстало обычное офицерское собрание только что вышедших в службу юношей.⁴⁴

Большая часть «новооткрытых» тайных обществ, как и уже известные полиции, оказались «не опасны». Они содержали определенные элементы конспирации (дружеские связи, подчиняющие индивидуальность организации через систему клятв и иерархию ролей, «правила», уставы, символику), но были совершенно лишены способности направить свою деятельность к определенной цели. Собственно единственным мотивом объединения в такую «бездеятельностную» и безликую ассоциацию оказывалась, как правило, конспирация (таинственность) сама по себе, придающая обыденности яркий колорит, а личности, принадлежащей к «тайному обществу», значительность в общественном и собственном мнении.

Николай I последовательнее, чем его предшественник, подходил к организации репрессий. Чиновники III Отделения или других ведомств должны были дифференцировать «мнимые» и подлинные «тайные общества».⁴⁵ Однако обширная следственная практика и тиражирование в слухах и толках того времени понятия «тайное общество» за полтора-два десятилетия как бы отделили, «очистили» само определение от универсального общекультурного смысла, придав ему стойкие политические ассоциации.

---

⁴² РГВИА. Ф.36. Оп.4. Д.39.

⁴³ РГВИА. Ф.36. Оп.5. Св.34. Д.86.

⁴⁴ Там же. Ф.36. Оп.4. Д.386.

⁴⁵ Материалы следственных дел о «тайных обществах», в том числе только подозреваемых, «мнимых», отложились в фондах Секретного архива III Отделения и Следственной комиссии и Верховного уголовного суда над декабристами (ГА РФ. Ф.109, 48), Особенной канцелярии (Там же. Ф.1165), канцелярии военного министерства, канцелярии начальника Главного штаба, военно-судного комитета (РГВИА. Ф.1, 9, 36 и др.).

Декабристская конспирация отличалась от всех других, образовавшихся в России, четкой постановкой вопроса о *цели* тайного общества. В мемуарах и следственных показаниях декабристов, в других источниках встречается несколько очень важных упоминаний о *мотивах* устройства тайного общества, его *необходимости* в российских условиях, и как организации, осуществляющей постепенное реформирование общества, готовя его к предстоящим преобразованиям, и как инструмента для воздействия на правительство. В наибольшей степени этим последним целям соответствовал Союз Благоденствия.

Н.И.Тургенев в 1816 г. полагал, что тайное общество необходимо для блага народа. Оно может быть массовым и даже общенациональным, но без подобной организации трудно подготовить реформы. Для Тургенева важна практическая ориентация такого союза, а не его политическое лицо, оппозиционность или лояльность правительству. Модель такого союза после чтения А.Вейсгаупта он увидел в обществе иллюминатов. 25 июня 1817 г. он записывает в дневнике: *«В Вейсгаупте <...> ясно доказывается польза и необходимость тайных обществ для действий важных и полезных: некоторые должны действовать, все должны наслаждаться плодами действий»* (цит. по: Лотман 1992: 294).

Еще в 1820 г. Тургеневу не была чужда мысль о возможности для Александра I в силу его освободительных стремлений опереться на тайное общество в деле освобождения крестьян. Мысль о других формах взаимодействия тайного общества с правительством – например, о том, что последнее может не только руководить общественным мнением, но и следить за благонадежностью граждан, в разное время приходила в голову М.Ф.Орлову и Д.И.Завалишину. Эта «внутренняя» незримая полиция, разумеется, составленная из самых благородных людей, должна была бы при необходимости осуществлять *«нечувствительный присмотр за всеми другими так называемыми вольными, явными и тайными обществами»* (Семевский 1909: 457). И в этих далеко не случайно возникших проектах можно обнаружить стремление повторить историю Тугендбунда, разворачивавшего свою деятельность в национальных масштабах. В основе этого грандиозного проекта лежала иллюзия о возможности участия тайного общества в правительственной деятельности. Наиболее универсальной формой участия и представлялось «тайное общество», соединяющее людей действия.

А.Е. Пресняков замечал:

«На первых порах вся организация – с “коренными” советом и управой во главе, местными управами в столицах и в провинции – была рассчитана главным образом на пропаганду и вербовку новых членов. <...> Но все

эти беседы велись так свободно и с таким минимумом конспирации, что немало было лиц, осведомленных о существовании тайного общества и его стремлениях, но не примкнувших к нему, и даже таких, которые участвовали в совещаниях членов Союза, но не были формально приняты в их состав, и членами себя не считали. Другие вступали в число членов, но вскоре отходили от связей с тайным обществом, то формально заявляя об этом, а то только фактически. Эти черты объясняют сбивчивость многих позднейших показаний о том, было данное лицо членом тайного общества или нет, сбивчивость иногда, конечно, намеренную, но нередко вполне добросовестную. Задача правительственных доносителей и соглядатаев не была особенно затруднена» (Пресняков 1926: 27).

Тип общества декабристов был связан с определенными для него целями. Конечно, сообщение об этих целях, полученное в ходе следствия, не может быть вполне достоверным. Но с другой стороны, подследственные не могли бы принять и версию, которая абсолютно не соответствовала бы их понятиям о том тайном обществе, в котором они состояли. При сокрытии от второстепенных членов многих сюжетов внутренней жизни тайного общества (далеко не все знали о наличии программных документов, многие не знали имен руководителей), понятие о *цели* в самом общем виде сложилось почти у всех, кто предстал перед Следственной комиссией. В своих показаниях декабристы отделяют *«сокровенную»* цель общества от ближайшей. Эта дифференциация действительно содержится в уставе Союза Благоденствия. Следствие, сделав на этом особую акцентировку, настаивало на существовании *«скрытой цели»*, хотя и не навязывало ее конкретную формулировку. Лишь немногие периферийные члены декабристских организаций не смогли положительно ответить на вопрос о цели тайного общества, к которому они считали себя присоединившимися.

Многие идеологи и учредители декабристских тайных обществ не могли серьезно оценивать успехи их деятельности, далеко не соответствующей тому размаху, которого можно было ожидать, имея в виду требования устава Союза Благоденствия. Принципы организации, здесь провозглашенные, должны были в короткое время превратить Союз в многотысячную открытую просветительскую конспирацию, поскольку «принятие» членов до необходимого минимума позволяло даже одному активисту превратить группу им принятых в самостоятельную *«управу»* Союза, а далее, на новом уровне, «принятые» в свою очередь распространяли свое влияние на новых членов. Каждый должен был при присоединении указать еще несколько надежных и положительных людей, через которых можно было действовать в последующем, не вовлекая их в организацию. Союз, таким образом, должен был численно умножаться в геометрической прогрессии и скоро вобрать в

себя всю лучшую, мыслящую часть русского общества. Но этого, как известно, с Союзом Благоденствия не случилось. У Н.И. Тургенева, одного из идеологов декабризма, рождается весьма странное на первый взгляд высказывание по поводу правительственного рескрипта о запрещении тайных обществ и масонских лож (1822 г.). Замечая в своем дневнике, что запрещение это огорчит *«некоторых ревностных масонов»*, Тургенев замечает:

«о тайных обществах... никто не говорит, ибо никто о них не знает и не думает, чтобы они были или могли быть в России. И подлинно: последнее запрещение, кажется, лишнее» (цит. по: Семевский 1909: 189–190).

Это высказывание должно быть прокомментировано. Тургенев отнюдь не отождествлял Союз Благоденствия с объектом конспирологических страхов правительства, но и не предполагал, чтобы другое тайное общество имелось в России. Под «тайными обществами», точно так же как и правительство, он понимает ответвления европейского карбонаризма, ту «революционную партию», против которой были направлены решения Лайбахского и Веронского конгрессов. Союз Благоденствия же в его понимании – нечто совсем другое, вроде бы и не «тайное общество» даже. Масон А.И. Михайловский-Данилевский также недоумевает, о каких неведомых тайных обществах беспокоится правительство. Зато он сожалеет о закрытии масонских лож, которые, по его мнению, служили в России прообразом гражданских учреждений (*Шильдер 1898: 252, 254*).

Несмотря на универсальность многих элементов структуры «тайных обществ», в Европе они, как правило, приобретали специфически национальные формы. Цели «карбонариев» в Италии были отличны от целей Тугендбунда, но те и другие интерпретировались в русле национально-освободительной идеи.

Подобная окраска присуща так называемым преддекабристским и раннедекабристским обществам, но только в той мере, в какой они зависели от общепатриотического подъема антинаполеоновских войн. Конспиративные формы Союза спасения или «Ордена русских рыцарей» поэтому не нашли опоры в программе и характере предполагаемой деятельности. Неудивительно, что оба «общества» оказались недолговечны, а собственно «деятельность» их фактически ограничилась первым, организационным этапом, связанным с выработкой названий, символов, ритуалов, то есть того общеконспирологического арсенала, без которого невозможно «тайное общество» как таковое.

Патриотическая идея, ставшая стимулом для постановки вопроса об организации социально активных сил в 1814–1816 гг., в России еще не могла быть конструктивной. В Пруссии же, покоренной Наполеоном, создание патриотического союза, понятого как общенациональный, и фактически возглавленного королем (символом нации), было в 1807–1809 гг. вполне естественным и ожидаемым ответом на национальное унижение. Тайные общества в Европе, ориентированные на внешнее действие, имели конкретную политическую цель. Не то было в России. Члены декабристских организаций никогда не были единомышленниками. Все первое пятилетие существования этих организаций прошло в продолжительных дискуссиях о политической программе. Это не могло не проявиться и в незакрепленности *организационной модели* декабристского «тайного общества».

Итак, правомерно говорить о многообразии всех известных «тайных обществ» первой трети XIX в., различающихся как по направленности их деятельности, так и по организационным параметрам. Наличие по крайней мере нескольких их форм подтверждается и на российском материале. Мы встречаемся с существованием здесь, помимо вольных обществ, «клубных» (полулегальных), полуполитических объединений, профессиональных или просветительских ассоциаций, мистических «братств» и, наконец, «чистой конспирации» или конспирации без политики, без «деятельности», которая представляется нам самым многочисленным из типов тайных обществ.⁴⁶ Это могли быть разнообразные полумасонские самодеятельные союзы, которые оставались вне системы признанных лож, но не доходили до «общественных вопросов», все существование которых сводилось к конспирированию, соблюдению внешнего обряда тайны.

Таковы предварительные соображения, которые необходимо изложить, прежде чем мы приступим к рассмотрению типов декабристских обществ, в зависимости от характера их деятельности, определенных ими целей, организационных форм и других признаков.

---

⁴⁶ Пока мы сознательно оставляем в стороне польские тайные общества, в том числе те, которые существовали на территории западно-русских губерний, а также религиозно-мистические собрания, за которыми велось неослабное наблюдение, широко отраженное в полицейских материалах.

Литература

- Арш 1965** – Арш Г.Л. Тайное общество «Филики этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965.
- Арш 1976** – Арш Г.Л. И.А.Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976.
- Асварищ 2000** – Асварищ М.Б. Органы политического надзора первой половины Александровского царствования // Памяти Ю.Д.Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С.589–611.
- Берти 1965** – Берти Дж. Демократы и социалисты в период Риссордингемонто / Пер. с итал. М., 1965.
- Гордин 1999** – Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1999.
- Жуковская 1998** – Жуковская Т.Н. «Мнимые тайные общества» в контексте культуры или «петрозаводский парламент» 1821 года // Ситуации культурного перелома. Материалы научно-теоретического семинара. Петрозаводск, 1998. С.120-125.
- Жуковская 1999** – Жуковская Т.Н. «Тайные общества» 1810–1820-х гг.: феномен культуры в контексте политики // Культура: соблазны понимания. Материалы научно-теоретического семинара. Петрозаводск, 1999. С.79–91.
- Закревский 1890** – Бумаги графа А.А.Закревского // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.73. СПб., 1890.
- Зорин 2001** – Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII–первой трети XIX в. М., 2001.
- Каминьский 1963** – Kaminski A. Polskie związki mlodzieży. 1807–1831. Warszawa, 1963.
- Кареев 1899** – Кареев Н.И. История западной Европы в новое время. Т. 4. СПб., 1899. С.318–319.
- Ковальская 1971** – Ковальская М.И. Движение карбонариев. М., 1971.
- Колечицкая 1995** – Колечицкая А.И. Мои записки от 1820 года (публ. Е.Э.Ляминой и Е.Е.Пастернак) // Лица. Биографический альманах. Вып.6. М.; СПб., 1995.
- Кульман 1908** – Кульман Н.К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Изв. отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1908. Т.13. Кн.1. С.99–147.
- Ланда 1962** – Ланда С.С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России (1818–1924): П.Вяземский, С.Тургенев, М.Орлов // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Л., 1962.

- Ланда 1975** – Ланда С.С. «Дух революционных преобразований...»: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. М., 1975.
- Леонтьев 1991** – Леонтьев Я.В. Смоленские вольнодумцы 1820-х гг. // Освободительное движение в России. Вып.11. Саратов, 1991. С.67–78.
- Лотман 1992** – Лотман Ю.М. М.А.Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избр. труды. Таллинн, 1992. Т.2.
- Лунин 1987** – Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987.
- Модзалевский 1928** – Модзалевский Б.Л. К истории «Зеленой лампы» // Декабристы и их время. Т.1. М.; Л., 1928. С.11–61.
- Муромцев 1890** – Воспоминания М.М.Муромцева // Русский архив. 1890. Кн.1.
- Пайпс 1997** – Pipes D. Conspiracy. N.-Y., 1997.
- Потапова 1997а** – Потапова Н.Д. Позиция С.П.Трубецкого в условиях политического кризиса междоусобия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. I. СПб., 1997. С.46–57.
- Потапова 1997б** – Потапова Н.Д. Биографический жанр в декабристоведении и его возможности // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б.Окуня в Михайловском замке. Материалы науч. конф. СПб., 1997. С.116–122.
- Потапова 2000а** – Потапова Н.Д. Следствие по делу «декабристов». Деятельность органов расследования и ее результаты. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Потапова 2000б** – Потапова Н.Д. «Что есть истина?»: Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (еще один взгляд на проблему «движения декабристов») // Исторические записки. М., 2000. Вып.3 (121). С.285–329.
- Предтеченский 1931** – Предтеченский А.В. «Защитники древа российской свободы» // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 11(84). С.112–116.
- Пресняков 1925** – Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. Кн.21.
- Пресняков 1926** – Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.
- Рат 1964** – Rath John R. The carboneri: their origins, initiation rites and aims // Amer. Hist. Review. 1964. №2. P.359–370.
- Робертс 1972** – Roberts J.M. The mythology of the Secret Societies. Lnd., 1972.
- Савиже 1969** – Savigear P. Carbonarism and the French Army // History. 54. 1969. June. P.198–211.

- Санчес Мантеро 1972** – Sanchez Mantero R. Las conspiraciones Liberales en Francia (1815–1823) y su relacion con los pronunciamientos espanoles. Sevilla, 1972.
- Семевский 1888** – Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX в. СПб., 1888. Т.1.
- Семевский 1909** – Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.
- Сидоренко 1913** – Сидоренко Е. Итальянские угольщики начала XIX в. (Опыт исторического исследования). СПб., 1913.
- Спитцер 1971** – Spitzer Alan. Old Hatred and young hopes: the french carbonari against Bourbon restoration. Cam., Mass. 1971.
- Тургенев 1936** – Декабрист Н.И. Тургенев. Письма брату С.И. Тургеневу. 1811–1824. М.; Л., 1936. С.298–304.
- Фонвизин 1982** – Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т.2: Сочинения. Иркутск, 1982.
- Цветков 1938** – Цветков Г. Испанские революции в первой половине XIX в. // Исторический журнал. 1938. №7.
- Шильдер 1898** – Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т.IV. СПб., 1898.
- Щеголев 1908** – Щеголев П.Е. «Зеленая лампа» // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. VII. СПб., 1908.

Ильин П.В.

**ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ДЕКАБРИСТЫ
ОБЗОР УКАЗАНИЙ ИСТОЧНИКОВ
О ВОЗМОЖНЫХ УЧАСТНИКАХ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ
И ВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 1825–1826 гг.**

Ильин П.В.

*Supposed Decembrists: On Possible Participants of Privy Societies
and Military Actions of 1825–1826.*

The research is an extension of analysis of scarcely learnt and unknown evidences about persons belonging to privy societies and participating in military actions of the Decembrists. This article continues the research on unknown participants of privy societies and uprisings of the Decembrists, absent in the final investigation report, i.e. «Alphabet on the members of former ill-intentioned secret societies...», compiled by A.D. Borovkov (it was published in the previous issue of the volume). Decembrists that are not registered in this document usually remain out of scope of historical researches.

The article gathers together evidences of records, which allow making grounded suppositions about membership of a privy society or participation in a Decembrists' military action. It also brings clear documented indications, which, however, require additional verification and critical analysis.

All the supposed Decembrists are divided into three groups: 1) named during St.-Petersburg investigation but not registered in Borovkov's «Alphabet»; 2) revealed during other investigations or mentioned in the reports; 3) known only by memoir records. The author made an attempt to establish the source of information underlying each of the evidence and prove its authenticity. He collected data about 28 persons, most of them have not been known to the scientific community.

Among those who happened to be among the supposed Decembrists is I.B. Schlegel, who later became president of Medical Surgery Academy, outstanding military commanders A.A. Katenin, P.P. Liprandi, P.A. Nabokov and F.S. Panyutin, the known play-writer A.A. Shakhovskoy and military writer and historian D.P. Buturlin, A.M. Mansurov – a gifted poet who died prematurely, economist D.P. Skuratov. Representatives of this group are not documented in the biographical guide «The Decembrists» (Moscow, 1988). They escaped punishment, but therefore they did not gain attention of historians.

The article is supported by biographical notes about each of the revealed supposed participants of privy societies and Decembrists' military actions.

Предмет настоящей статьи – обзор документальных свидетельств о лицах, бывших участниками тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 гг., принадлежность которых к декабристам требует дальнейшего исследования. В ней предпринята попытка в возможно более полной степени выявить круг лиц, в отношении которых можно выдвинуть обоснованное предположение о принадлежности к декабристским союзам или участию в организованных ими военных выступлениях, опираясь на данные источников.

В центре рассмотрения находятся «спорные случаи» указаний на участие в декабристских обществах и выступлениях, оставшиеся вне известного справочного свода, обобщающего информацию, добытую следствием – т.н. «Алфавита» А.Д.Боровкова. Таким образом, речь идет прежде всего о тех из предполагаемых декабристов, кто остался неизвестен следствию или по тем или иным причинам его не заинтересовал.¹

Источники по истории декабристских обществ – следственные материалы, доносы и другие документы, современные эпохе, а также мемуарные свидетельства – содержат указания на принадлежность к декабристским тайным обществам и участие в военных выступлениях, отличающиеся недостаточной определенностью или не имеющие надежного подтверждения. Причины появления указаний, на основе которых можно сделать заключения лишь предположительного характера, кроются, конечно, в особенностях «декабристского движения» как исторического явления. Перед нами политические тайные общества, ставившие своей целью изменения в государственном строе и социальном устройстве общества и обнаружившие свое существование

---

¹ Возможным участникам тайных обществ и военных выступлений – тем, кто попал в поле зрения следствия и кто был занесен в «Алфавит» Боровкова, в отношении которых следует сделать сходное предположение об их вероятной принадлежности к декабристам, будет посвящена отдельная статья.

открытым военным выступлением. Едва ли не все виды имеющихся исторических источников представляют те или иные трудности при установлении степени причастности к тайному обществу определенной части лиц, принявших участие в деятельности этих обществ – привлеченных к следствию или оставленных им без внимания.

Немногие документы, современные существованию тайных обществ, обнаруживают более или менее точные данные об их составе. Это главным образом доносы на тайные общества, принадлежавшие их участникам. Но и они содержат немало косвенных указаний или таких свидетельств, которые не отличаются достаточной точностью, сопровождаются оговорками и т.д.

Последовавшее затем официальное расследование «дела декабристов» наложило свой отпечаток на представления о персональном составе тайных обществ. Занимаясь его реконструкцией, историк имеет дело главным образом со следственными показаниями и «вынужден» следовать за данными, полученными в результате деятельности следственных органов, учрежденных для обвинения лиц, организовавших «злоумышленное тайное общество» и открытое военное выступление («мятеж воинский»). Опираясь сведениями такого рода источников, всегда приходится делать оговорку в отношении их особенностей, состоящих в обвинительном направлении, тенденциозности содержания, специальном отборе фактов и т.д. В применении к вопросу о персональном составе тайных обществ в этих условиях могли появиться отдельные случаи, когда обнаружить принадлежность к «злоумышленному тайному обществу», служившую основанием для ареста и наказания, не были заинтересованы как подследственные, так и само следствие. В ряде случаев участие в тайных обществах или знание об их существовании влиятельных лиц, фигур, значимых в военном и административном отношении, близких к высшим кругам, не подвергалось специальному расследованию и осталось до конца не вскрытым.

Наконец, огромный массив информации, проходившей через следствие, незафиксированные в следственных документах результаты устных допросов, другие обстоятельства создали возможность для отражения в документах спорных, не получивших однозначного толкования случаев, а также для незамеченных следствием указаний на членство в тайном обществе, которые теперь остается признать свидетельством о возможном участии в «движении».

Выводы, к которым пришло следствие, в свою очередь влияли на те сведения, которые утвердились в исследовательском обороте. Поэтому чаще всего вердикты, отразившие итоговый вывод следствия, служили и оценкой историка. В отношении спорных случаев, случаев предположительного участия в тайных обществах, наблюдается та же картина –

вопрос о формальном участии в декабристских союзах, как правило, не ставится и не исследуется, а непроясненные, оставшиеся следствию неизвестными или незамеченными им фигуры в основной своей массе остаются незамеченными и исследователями.

Историками отмечено, что подследственные, по крайней мере – многие из них, старались не впутывать новых лиц, мало замешанных в дело. Поэтому причастность тех, о которых следствие узнало лишь неопределенную информацию, во многих случаях так и осталась не до конца проясненной. Из этого также следует, что материалы следствия далеко не исчерпывают реальный состав тайных обществ. Многие на следствии не были названы; сведения о них не отразились в документах расследования. Иллюстрацией к этому заключению служит целый ряд точно установленных членов тайного общества, «уцелевших» декабристов, которые известны нам по другим источникам (в основном, по воспоминаниям осведомленных лиц) – более 30 человек.² Сколько было таких лиц, какова численность этой группы, – останется, конечно, до конца не выясненным.

В мемуарных источниках также существуют указания, которые следует отнести к свидетельствам о возможной принадлежности к декабристам. Имеется множество такого рода свидетельств, относящихся ко времени, когда «процесс декабристов» давно ушел в прошлое, говорящих о том, что некоторые из участников тайных обществ избежали наказания, свидетельствующих о близости того или иного лица к декабристам, о том, что лишь случай (вариант – здравый ум, осторожность, занятия службой, хорошие связи и т.д.) помог избежать привлечения к следственному делу и наказания. Все ли из них недостоверны? Часто, если такие указания исходят от осведомленного лица и не носят легендарного характера, они говорят о возможном членстве в декабристских тайных обществах.

Понятно, что афишировать свою принадлежность или причастность к преследуемым правительством тайным обществам не были заинтересованы многие уцелевшие лица – ни в 1825–1826 гг., ни в следующую эпоху. В своих воспоминаниях, – в то время, когда тема участия в тайных обществах находилась под запретом, они (или с их слов – осведомленные современники) тщательно скрывали свое участие в декабристских союзах, «намекая» об этом лишь сообщениями о беседах с людьми, осужденными по «делу 14 декабря», о встречах с ними, о «вольных» разговорах, замалчивая при этом сам факт своего вступления, даже сообщали о своем отказе на предложение вступить в тайное общество

---

² См. о них статью «Безвестные декабристы. О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д.Боровкова» в IV выпуске сборника.

(воспоминания С.П.Шипова). В крайнем случае, они описывали свое участие в «невинной» благотворительной деятельности Союза благоденствия (воспоминания Ф.П.Толстого). Для избежавших наказания по процессу, и тем более – избежавших привлечения к следствию, признание в своем участии в тайном обществе было исключено, в особенности это касается тех, кто сделал впоследствии значительную карьеру. Обнаружение причастности к «антигосударственному тайному обществу», к военному заговору тех, кто имел высокие чины, грозило крахом уже сложившейся карьеры, а с другой стороны придавало заговору еще более значительный характер. Все это в значительной мере сохраняло свое значение и для эпохи 1860–1890-х гг.

В декабристских мемуарах также нельзя исключить «фигуру умолчания» по этому вопросу. Прежде всего, по соображениям морально-нравственного характера: сообщать о членстве в тайном обществе еще здравствующих людей, в том числе занимавших высшие государственные должности, вряд ли было уместным.

В мемуарах, вышедших из декабристской среды, авторы как правило ограничивались обозначением лиц, принадлежавших к числу осужденных, либо наказанных без суда. В них чаще всего встречается лишь общая констатация участия в тайном обществе лиц, избежавших наказания, без обозначения фамилий. Вместе с тем, и мемуарные свидетельства декабристов содержат некоторые указания о вероятном участии в тайных обществах; лишь в редких случаях осужденные по делу авторы мемуаров приоткрывали завесу над составом группы необнаруженных участников тайных обществ. Это, например, воспоминания С.П.Трубецкого и С.Г.Волконского, назвавших нескольких членов тайного общества, оставшихся неизвестными следствию. Причины тому – перекликаются с теми причинами, которые не позволяли обнаружить свою причастность к декабристам участникам движения, занявшим впоследствии видные места в административной иерархии. Субъективность мемуарных источников дополняют к этому некоторые новые основания. В них можно встретить свидетельства, имеющие косвенный характер, различные намеки. Стремление автора снизить (или наоборот, повысить) значимость заговора, разнообразные оговорки, не позволяющие уверенно говорить о членстве в тайном обществе названного им лица, другие моменты, ослабляющие достоверность указания, – все это способствует появлению указаний о возможном участии в декабристской конспирации.

Таким образом, в источниках – в основном, в материалах следствия и мемуарах – можно встретить свидетельства о лицах, причастность которых к декабристам не вызывает сомнений, однако при этом вопрос – было ли данное лицо участником тайного общества – остается до кон-

ца неразрешенным. Существует немалое число труднопроверяемых или косвенных свидетельств, «намекающих» на членство в тайном обществе. Факт принадлежности к тайному обществу не всегда удается установить с необходимой достоверностью. Степень причастности к декабристской конспирации остается в ряде случаев непроясненной. Нередко исследование вопроса – являлось ли то или иное лицо полноправным членом общества или только знало о его существовании, готовилось к вступлению и т.п. – затруднено из-за противоречий в показаниях на следствии, в свидетельствах иных источников.

Имея в виду то несомненное обстоятельство, что многие из участвовавших на разных этапах существования декабристских обществ лиц по тем или иным причинам не были обнаружены следствием как члены тайных обществ и по этой причине не известны в качестве декабристов, правомерно выдвинуть предположение в отношении такого рода свидетельств, что большая их часть представляет собой попытки скрыть принадлежность к политической конспирации, не раскрыв всей степени вовлеченности в движение.

В исторической литературе до сих пор не получил должного отражения круг лиц, которых можно назвать возможными участниками тайных обществ и военных выступлений декабристов. Фактически нет специального исследования, посвященного этому вопросу, имеются лишь некоторые соображения на этот счет в рамках монографических работ и комментариев к справочным изданиям и публикациям документов.

В отношении подавляющего большинства лиц, предположительно входивших в тайные общества, в литературе утверждается, что они «по некоторым данным» являлись членами тайного общества, констатируется их осведомленность о существовании тайных обществ (иногда можно встретить и развернутую характеристику степени причастности к тайному обществу по следующему образцу: по сведениям, не подтвержденным другими источниками, знал о цели и намерениях заговорщиков, но членом не состоял). При этом вывод о принадлежности к тайным обществам, пусть и предположительной, встречается скорее как исключение. Между тем показания источников, как правило, дают необходимое основание именно для такого вывода.

Распространенные в литературе формулировки (о близости лиц этого ряда к декабристам) помимо того, что носят чрезвычайно общий характер, по своему содержанию неполны. Они могут, к тому же, привести к легковесным, прямолинейным и необъективным выводам. Суть этих выводов, как правило, сводится к тому, что эти лица однозначно не являлись членами тайных обществ, а только лишь были «причастны» к ним, имели среди их участников друзей и единомышленников.

Наряду с осторожными оценками, констатирующими связь с тайным обществом, существует и другая тенденция. Распространенными являются и такие суждения: лица, которые «прикосновенны» к «делу декабристов», пострадали безвинно, «ни за что», ибо никаким образом не участвовали в политической конспирации. Характерно, например, высказывание видного историка литературы Е.Г.Вейденбаума в отношении одного из тех, кто был наказан по «делу декабристов» без суда, в качестве «прикосновенного к делу»:

«Под “прикосновенностью” не должно разуметь какое-либо действительное, хотя бы и самое незначительное участие в замыслах тайных обществ, достаточно было родства или дружбы с кем-либо из заговорщиков, чтобы навлечь на себя подозрение в неблагонадежности и попасть в разряд прикосновенных. Для предания их суду не имелось никаких оснований...» (Вейденбаум 1908: 6).

В этом случае «прикосновенными» должны, видимо, считаться чуть ли не все родственники и друзья осужденных, что очевидно является исторически некорректным представлением.

В приведенном примере фактически полное неучастие в делах тайного общества утверждается в отношении лица, получившего административное наказание – Н.Н.Семичева, на деле же последний был не только извещен о намерениях тайного общества, но и формально принадлежал к нему. А что говорить о лицах, оправданных, прощенных в ходе следствия или вовсе не привлеченных к нему, оставшихся ненаказанными?

Наблюдения над историографической традицией показывают, что в качестве полноценных «заговорщиков» рассматривались, как правило, только осужденные по «делу декабристов» (впрочем, и среди них далеко не все – например, получившие наиболее мягкие наказания, быстро дослужившиеся до офицерского чина, оценивались зачастую так же, как «прикосновенные к делу»). Остальные же, особенно наказанные без суда, считались только причастными к заговору, и нередко эта оценка означала произвольное исключение их из числа участников тайных обществ. Основание для отнесения к «прикосновенным» при этом было довольно расплывчатым – «дружба» с главными лицами заговора, родство с ними, случайное вовлечение в деятельность тайного общества, знание о существовании заговора.

Реальная картина, между тем, представляется довольно сложной. Помимо «полноценных» участников тайных обществ существовали рядовые, менее осведомленные участники, наконец – по формулировке лидеров Южного общества – «полупринятые», которых связывали с

конспирацией менее формализованные отношения, не закрепленные полноправным членством; были лица, лишь намеченные к принятию, «кандидаты», готовившиеся к вступлению в ряды заговорщиков. Наконец, вероятно, были и такие случаи, когда лицо было извещено о существовании и целях тайного общества, но формально к нему не принадлежало.

Рядовые участники, «полупринятые», не игравшие большой роли в декабристской конспирации, получили в литературе название «*периферии*» тайного общества (Гордин 1989: 159). Многие представители этой «*периферии*» были вовлечены в тайное общество случайными обстоятельствами, другие были убежденными сторонниками перемен, но в противоположность «ядру» конспиративных организаций, его руководящему кругу, они не принимали активного участия в конспиративных связях, в принятии решений (Эрлих 2000: 267). «Ядро» попало в орбиту внимания следствия, «периферия» лишь отчасти была обнаружена им. Настоящее исследование способствует более полному выявлению лиц декабристской «периферии», оно охватывает этот неясно представленный в источниках пласт людей, который не только не был обнаружен следствием, но и остался в целом вне изучения декабристских тайных обществ.

Исследователи далеко не все знают о персональном составе декабристских тайных обществ. Автор статьи уже затрагивал вопрос о потенциальном числе невыявленных участников декабристских обществ (Пушкина, Ильин 2000). Конечно, состав последних был значительно шире известного нам по «Алфавиту» А. Д. Боровкова и другим источникам. Те, кто отсутствует в нем, «апокрифичны» для исследований декабристских обществ, существуют на периферии внимания историков, являясь как бы «неканоническими» декабристами.

Состав некоторых отделений тайных обществ почти не прояснен и требует внимательного исследования. Список этих обществ достаточно велик – «Общество военных людей», «Общество добра и правды», «Измайловское общество», общество Ф. Н. Глинки, «Практический союз», «Общество семиугольной звезды». Далеко не полностью известен состав многих управ Союза благоденствия, как и некоторых управ более поздних тайных обществ. Существовали «боковые» ответвления от основной линии развития декабристских организаций, члены этих обществ и кружков могут также считаться «вероятными декабристами».

История тайного общества и военного заговора сопровождалась рядом обстоятельств, не лежащих на поверхности. Многое остается неясным и почти не отразилось в имеющихся источниках. Например, на что же рассчитывали заговорщики, строя планы открытого военного выступления – как в Петербурге, так и на юге? Кого они привлекли,

кого осведомили о своих планах, на кого оказывали влияние, на содействие кого рассчитывали, приняв при этом в общество или только сообщив о его существовании? Скрытые «пружины» конспиративных связей нередко имеют лишь слабые отголоски в документах следствия. Историки разных поколений предпринимали усилия прояснить некоторые обстоятельства, не вскрытые или мало затронутые следствием. Так, **О.И.Киянская (1997)** подвергла особому изучению намерения П.И.Пестеля использовать финансовую зависимость от него некоторых чинов высшего командования 2-й армии, а также свои служебные связи и доверенность со стороны начальника штаба армии П.Д.Киселева, строя свои расчеты на содействие влиятельных генералов.

В данной статье в центре внимания конспиративные связи между точно установленными лидерами заговора и возможными его участниками. Достаточно задать ряд вопросов, чтобы понять, что далеко не все ясно с конспиративными связями организаторов заговора, что многое осталось следствием нераскрытым. Почему С.И.Муравьев-Апостол был убежден в содействии многих полков, стоявших под Киевом, сообщая П.И.Пестелю, что готов начать выступление в любой момент? Имея в виду «испанский вариант» «военной революции», он должен был опираться на целый ряд полковых командиров (или, по крайней мере – батальонных и эскадронных командиров). Думается, можно сделать предположение о том, что лидер мятежа уверенно рассчитывал на нескольких полковых командиров. Из числа последних, состоявших в тайном обществе, следствие «открыло» только И.С.Повало-Швейковского, В.К.Тизенгаузена и А.З.Муравьева. Мы полагаем, что этого недостаточно, тем более что первый из них осенью 1825 г. был лишен командования полком. Видимо, круг посвященных в существование заговора полковых командиров и высших чинов 1-й армии был шире. Открытие существования заговора подразумевало и посвящение в намерения тайного общества, то есть фактически – присоединения к политической конспирации. Сведения о некоторых из этих предполагаемых участников тайного общества, в отношении которых в источниках имеются прямые, но не подтвержденные другими свидетельствами, а также – косвенные указания, мы поместили в настоящей статье.

Итак, мы знаем о персональном составе конспиративных организаций начала XIX в. главным образом по следственным материалам и позднейшим воспоминаниям, которые часто не предоставляют достаточных возможностей для точного установления факта членства. Поэтому естественным образом встречаются многочисленные случаи, когда принадлежность к обществу не отчетлива. Имеются пограничные слу-

чаи, зафиксированные в показаниях на следствии, мемуарных источниках, свидетельствах других источников.

Предлагаемая статья является обзором именно такого рода указаний на возможное членство в тайных обществах и участие в военных выступлениях, – указаний, которые правомерно интерпретировать как свидетельства о принадлежности к тайным обществам. Осветить по возможности все случаи такого рода, сделать краткий разбор их «доказательной базы», вывести из забвения тех, кто примыкает к «безвестным» участникам декабристских тайных обществ, – таковы задачи исследования, поставленные автором. В отношении этих лиц у автора нет сомнений, что они либо принадлежали к тайному обществу, либо знали о его существовании и целях, однако документальные свидетельства не позволяют с уверенностью доказать их формальное членство. Все затронутые в статье лица принадлежали к ближайшему дружескому окружению членов тайных обществ, составляли для них ту «питательную среду», из которой черпались кадры для пополнения рядов политической конспирации; все они были включены в общий круг единомышленников.

Стремясь к наиболее полному выявлению лиц этой группы, автор пытался собрать и сгруппировать документальные свидетельства, которые позволяют сделать уверенное и обоснованное предположение о принадлежности к декабристам. При этом автор считал нужным выдерживать бережное отношение к каждому такому свидетельству.

Настоящая статья непосредственно примыкает к исследованию, посвященному «безвестным» декабристам, является его продолжением, поскольку также рассматривает лиц, **не отраженных в «Алфавите» А. Д. Боровкова**. Что же касается случаев недоказанных показаний о принадлежности к декабристским обществам, зафиксированных в «Алфавите» Боровкова, то они составляют предмет особого рассмотрения, в этом случае мы встречаемся с противоречием между показаниями нескольких лиц, требующим анализа следственной документации.

Почему мы считали важным обращение к данному сюжету? Во-первых, следует обозначить круг лиц, из которого при дальнейшем исследовании могут «рекрутироваться» вновь обнаруженные члены тайного общества. Во-вторых, занимаясь «безвестными декабристами», автор в целях полноты исследования не мог пройти мимо тех персоналий, в отношении которых показания источников о принадлежности их к декабристам недостаточно ясны или авторитетны.

В рамках статьи рассматриваются свидетельства о 28 лицах. Значительная их часть предположительно принадлежала к «ранним декабристским обществам» – Союзу благоденствия, его ответвлениям и дочерним организациям, некоторые – к тайным обществам, созданным после

1821 г.; есть также лица, бывшие участниками военных выступлений декабристов.

В заключительном разделе упоминается еще ряд лиц, относительно которых имеются менее определенные или малодостоверные свидетельства о причастности к тайным обществам и военным выступлениям декабристов.

В настоящей статье проведено разделение, аналогичное примененному в статье о «безвестных декабристах»: вся совокупность лиц делится на членов тайных обществ и участников военных восстаний 1825–1826 гг., не состоявших в тайных обществах.

Документальные свидетельства, позволяющие нам отнести то или иное лицо к одному из указанных разрядов, подразделяются на две группы, в соответствии с видом источника, содержащего информацию о причастности к тайному обществу или военному выступлению.

Разряд членов тайных обществ делится, на этом основании, на две группы:

- 1) лица, участие которых в тайных обществах фиксируется в следственных документах и документах полицейско-надзорных органов;
- 2) лица, принадлежность которых к декабристским союзам отражена в мемуарных свидетельствах.

Основные разновидности указаний источников в целом совпадают с видами, обозначенными в статье о декабристах, отсутствующих в «Алфавите» А.Д.Борковкова:

- показания на следствии, не принятые «во внимание» следователями или не заинтересовавшие их, а также сведения из документов других расследований и доносов;
- указания мемуарных источников.

Указания на принадлежность к тайным обществам располагаются по степени авторитетности следующим образом:

1. Признание самого лица.
2. Свидетельство участника тайного общества, принявшего данное лицо или принятого им.
3. Свидетельство осведомленного участника тайного общества.
4. Свидетельства иных участников тайного общества.

В статье дается оценка достоверности сведений, приводимых в каждом документальном указании, в основе которой выяснение степени осведомленности автора свидетельства, выяснение обстоятельств возникновения документа, задач его создателя. Кроме того, в рамках статьи особое значение приобретает анализ тех причин, которые не позволяют считать данное свидетельство источника указанием на несомненную принадлежность к числу декабристов.

Собственное признание, из которого вытекает осведомленность сделавшего его лица о существовании Союза благоденствия, принадлежит тульскому губернскому почтмейстеру **И.С.Бабаеву**. Оно зафиксировано в документах III Отделения. Согласно признанию Бабаева, сделанному в 1826 г. при подписке о непринадлежности к тайному обществу, о существовании Союза ему «открыл» С.Д.Нечаев. Бабаев, по его утверждению, не дал своего согласия на вступление. Его подписка, по-видимому, была доложена императору вместе со сведениями о Нечаеве (Мушина 1975: 243; Булгарин 1998: 143). Бабаев узнал о существовании Союза от Нечаева в начале 1819 г., в то время, когда тем же Нечаевым был принят старший учитель Тульской гимназии Д.И.Альбицкий, признавшийся в этом также при подписке 1826 г.³ Очевидно, Нечаев прилагал усилия к учреждению в Тульской губернии отделения или «управь» Союза. К этому следует добавить, что обряд вступления в Союз благоденствия подразумевал две расписки – первая давалась после извещения о существовании тайного общества, а вторая после знакомства с его уставом – «Зеленой книгой» (Зеленая книга 1951: 250). На какой ступени этого обряда остановилось знакомство Бабаева с Союзом – мы с точностью не знаем.

Признание Бабаева, полученное полицейскими органами, имело свои последствия. У него были взяты дополнительные сведения, запрошено «объяснение» (оригинал: ГА РФ. Ф.109. Оп.3. Д.3183. Л.69–71), в котором он дал «положительную характеристику» Нечаеву. Кроме того, за ним был учрежден секретный надзор. Сведения о Бабаеве вместе с данными о Нечаеве поступили в III Отделение к А.Х.Бенкендорфу. (Булгарин 1998: 143). В результате запрос о Нечаеве, сопровождаемый информацией о признании Бабаева (о «подписке» Альбицкого, по-видимому, не сообщалось), поступил для справки к Ф.В.Булгарину. В своей очередной записке, обращенной в III Отделение (февраль 1827 г.), Булгарин писал: «*Тульский губернский почтмейстер Бабаев показывает, что бывший директором училищ Тульской губернии Степан Дмитриевич Нечаев открыл ему о Союзе благоденствия*» (Булгарин 1998: 143). Видимо, информация об этом ему была сообщена при передаче запроса о Нечаеве.

Таким образом, И.С.Бабаев вошел в число лиц, на которых обратили свое внимание полицейско-надзорные органы после подписки 1826 г., в связи с «добровольным признанием» об открытии ему Нечаевым существования Союза благоденствия; степень вовлеченности его в тайное общество не выяснена (Булгарин 1998: 195). По крайней мере, из при-

---

³ О Д.И.Альбицком и С.Д.Нечаеве см. статью «Безвестные декабристы: о лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д.Боровкова» в IV выпуске сборника «14 декабря 1825 года».

знания Бабаева следует, что он с 1819 г. знал о существовании тайного общества и на этом основании может быть включен в группу предполагаемых декабристов.

К числу лиц, участие которых в тайных обществах осталось Следственному комитету неизвестной, относится **А.А.Катенин**, двоюродный брат заметного деятеля ранних тайных обществ, известного литератора, драматурга и переводчика П.А.Катенина. Причастность А.А.Катенина к тайным обществам вскрывается по другому источнику, современному событиям.

Александр Андреевич Катенин, также как более известный его родственник, начал службу в л.-гв. Преображенском полку. Став в 1818 г. юнкером, он вошел в круг офицеров-преображенцев, близких к Союзу благоденствия. Возможно, это произошло благодаря П.А.Катенину либо другому однополчанину, состоявшему в Союзе. Тесные отношения ряда преображенских офицеров с членами Союза не вызывают сомнений. Так, П.А.Каратыгин впоследствии вспоминал, что когда П.А.Катенин был выслан из Петербурга в октябре 1822 г., то провожать опального товарища собрались его однополчане и приятели: П.К.Хвощинский (по показанию А.Ф.Бригена, член Союза благоденствия (**Бриген 1976**: 428; внесен А.Д.Боровковым в «Алфавит» – **Алфавит 1988**: 333), Хрущов, Яков Бологовский, а также *«прапорицки»* А.А.Катенин (**Каратыгин 1970**: 104). А.А.Катенин, как и его родственник, являлся близким другом Каратыгиных; он учился вместе с братом мемуариста Василием во 2-й С.-Петербургской гимназии. Кроме того, о нем знали и через П.А.Катенина, специально занимавшегося с Василием Каратыгиным. Сам А.А.Катенин увлекался театром и литературой (**Каратыгин 1970**: 86).

Тем любопытнее представляется появление фамилии А.А.Катенина-«младшего» в письме оказавшегося в 1826 г. в эмиграции Я.Н.Толстого, обращенном на высочайшее имя. В 1819–1822 гг. Толстой являлся не только активным участником литературной и театральной жизни, принимавшим деятельное участие в основании и в собраниях «Зеленой лампы». Он вступает в политическое тайное общество, причем и в Союз благоденствия, и в тайные офицерские кружки – Измайловское общество и «Общество добра и правды». В начале 1821 г. вернувшийся с Московского съезда Н.И.Тургенев приглашает Толстого в число других близких к нему участников Союза благоденствия и «дочерних» тайных обществ для учреждения в Петербурге нового тайного союза, впоследствии получившего название Северного общества (см.: **Булгакова 2000**: 176–179).

Яков Толстой, безусловно, – лицо, достаточно осведомленное в делах тайного общества. Тесно связанный с влиятельными участниками процесса создания конспиративных союзов, такими как Н.И.Турге-

нев, С.М.Семенов (секретарь Союза благоденствия), Ф.Н.Глинка и С.П.Трубецкой, он обладал достаточно точной информацией о круге участников ряда тайных обществ 1819–1822 гг., на заседаниях которых он бывал и в создании которых участвовал (Пушкина, Ильин 2000: 42–43, 60).

26 июля 1826 г., будучи в Париже, Я.Н.Толстой отправил на высочайшее имя письмо, в котором описал свое участие в тайных обществах. Касаясь персонального состава этих обществ, Толстой упомянул в числе участников «Общества добра и правды» А.А.Катенина. Сообщая о тайных обществах, в которых он принял участие («Зеленая лампа», «Общество добра и правды», Измайловское общество, а также общество, созданное Н.И.Тургеневым в 1820–1821 гг.), Толстой утверждал, что в 1819 или 1820 г. А.А.Токарев и Ф.Н.Глинка решили учредить отдельное общество («Общество добра и правды»), на заседание которого, помимо него, были приглашены Е.П.Оболенский, С.М.Семенов и «*прапорщик*» Катенин. «Уложение» общества составил Токарев; оно требовало от члена: действия для «прекращения зла», сочинения «проектов для освобождения крестьян», составления «*постановлений в правительстве*» и даже «*полной конституции*» (Толстой 1908: 42; Толстой 1926: 179). Авторитетность указания Толстого несомненна: он сам – действующее лицо, один из первых, кто был приглашен в это общество, хорошо осведомленный о содержании «Уложения» (программы) общества. Он лично участвовал в его собраниях и, очевидно, видел на них перечисленных в записке лиц.

Казалось бы, речь в письме Толстого идет о лице, хорошо известном в качестве участника тайных обществ – П.А.Катенине. Так, в частности, полагал М.К.Азадовский, в своей работе «Затерянные и утраченные произведения декабристов» отмечавший, что руководителем «Общества добра и правды» являлся П.А.Катенин (Азадовский 1992: 37). Создание этого общества, судя по обстоятельствам, описанным Толстым и подтвержденным показаниями подследственных (С.М.Семенов), может быть отнесено к периоду не ранее 1819 г. (Пушкина, Ильин 2000: 42). К этому времени П.А.Катенин уже имел чин полковника, в силу чего его участие в данном тайном обществе исключено. Однако указание Толстого на чин не оставляет сомнений: речь идет, без сомнения, о его двоюродном брате – в письме упоминается именно «*прапорщик Катенин*». Думается, причиной ошибки М.К.Азадовского послужило не столько известное имя литератора П.А.Катенина, сколько его участие в ранних тайных обществах, которое действительно поставило бы Катенина выше других участников этого общества.⁴

⁴ Смешение П.А.Катенина и А.А.Катенина можно встретить и в работах последнего времени. См., например, комментарий к републикации статьи

Итак, благодаря письму Я.Н.Толстого обнаруживается вновь выявленный участник декабристского тайного общества? Это было бы действительно так, однако такому выводу препятствует одно обстоятельство. Написав в июле 1826 г. первое, упомянутое выше «всеподданнейшее» письмо, которое содержало среди участников «Общества добра и правды» фамилию А.А.Катенина, но не получив на него ответа, Толстой составил второе письмо. В этом письме от 17 октября 1826 г., отправленном вместе с прошением «на высочайшее имя» (по содержанию оно в целом повторяло первое, но имело некоторые редакционные отличия), он не упомянул из всех перечисленных именно фамилию А.А.Катенина (**Щеголев 1908**: 31 (в статье П.Е.Щеголева Катенин ошибочно прочитан как «Кашкин» – П.И.); **Толстой 1926**: 179). Отсутствует Катенин и в сокращенном варианте второго письма, написанном на французском языке, который Толстой передал А.И.Тургеневу для ознакомления с ним Н.И.Тургенева (**Толстой 1926**: 179–181). Что означает исключение Толстым А.А.Катенина из перечня участников «Общества добра и правды» во втором его письме? Возможно, Толстой сомневался в его принадлежности к тайному обществу. Но, может быть, получив в свое распоряжение «Донесение Следственной комиссии» и не желая навлечь ответственность на новых лиц, которые, как он теперь знал, не были привлечены к следствию, – он решил вычеркнуть Катенина? Так или иначе, но то обстоятельство, что во втором письме Я.Н.Толстого фамилия Катенина отсутствует, заставляет нас считать последнего лишь предполагаемым участником «Общества добра и правды».

Достаточно много свидетельств, которых следует отнести к указаниям на возможную принадлежность к декабристскому тайному обществу, сохранилось в материалах следствия.

Следственное показание Н.С.Бобрищева-Пушкина в отношении **А.М.Мансурова** следует отнести к наиболее авторитетным. Лицо, о котором сделал показание Бобрищев-Пушкин, предложило ему вступить в тайное общество. Мансуров и Бобрищев-Пушкин были хорошо знакомы. Оба воспитывались в одно время в Благородном пансионе при Московском университете, вместе они были произведены после экзамена «*в студенты университета*» (**Бобрищев-Пушкин 1969**: 362).

Мансуров был, по словам Бобрищева-Пушкина, человек с дарованиями, «*с нравственностью и чувствами религии*». На следствии Бобрищев-Пушкин свидетельствовал:

Ю.Г.Оксман о П.А.Катенине: Оксман Ю.Г., Пугачев В.В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С.223 (авторы комментария полагают, что в письме Я.Н.Толстого указан П.А.Катенин).

«Он и теперь известен несколько в литературном свете, ибо его стихотворения, почти все несколько в религиозном духе, можете найти в журналах московских... ныне... он если не в отставке, то служит по какой-нибудь части статской службы» (Бобрищев-Пушкин 1969: 362).

Знакомство продолжилось после окончания Бобрищевым-Пушкиным пансиона, когда он уже поступил в Училище колонновожатых: *«Бывши знакомы и прежде, знали многие из наших мнений и чувств»* (Бобрищев-Пушкин 1969: 362–363). Декабрист относил этот эпизод к 1818–началу 1819 гг. (он поступил в упомянутое училище в январе 1818 г., а весной 1819 г. был выпущен из него и начал службу во 2-й армии – *Декабристы 1988: 24*); при этом он счел нужным сообщить:

«Однажды этот упомянутый господин Мансуров приезжает ко мне и говорит, разумеется, взяв сперва с меня честное слово, что я никому не скажу того, что он будет мне говорить: "Я знаю, – сказал он мне, – твои мысли, знаю, что ты расположен ко всякому благу, которое можешь ты сделать для общества. Итак, должен тебе сказать: существует в России некоторое соединение, весьма пагубное, которое имеет даже влияние на политические дела государства, имея предметом распространение мнений, должествующих, наконец, разрушить всякую нравственную связь между людьми, и которое, возрастая, может возыметь, наконец, сильное и явное действие. Многие благонамеренные люди, сведав об этом, соединились также для того, чтобы в свое время противостоять оному. Хочешь ли вступить в это общество?"».

Бобрищев-Пушкин, по его словам, ответил отказом на предложение Мансурова, заявив лишь о своей готовности содействовать такому обществу (Бобрищев-Пушкин 1969: 363). Из показания с очевидностью следует заключение о конспиративном характере общества Мансурова, его нравственно-политической направленности, столь свойственной тайным обществам этой эпохи.

С одной стороны, в этом свидетельстве отчетливо видны сходные черты с пропагандистскими приемами участников Союза благоденствия, известными по мемуарной литературе и следственным показаниям, которые использовались для привлечения новых членов. Кандидатам в качестве основной цели общества представлялась борьба против злоупотреблений, укоренившихся в обществе и охвативших бюрократическую систему государственного управления. Обращает на себя внимание тайна – условие, на котором сообщаются сведения. Слова Мансурова напоминают некоторые положения «Зеленой книги», в частности, положение об объединении добрых сил против уже объединившихся и влиятельных злых:

«Когда зло очевидно и усиление оногo ощутительно... тогда деятельное зло противоборствие есть необходимая для каждого гражданина обязанность». И далее: *«... господствующему злу противоборствовать можно не иначе, как отстранением личных выгод и совокуплением общих сил добродетели против порока»*, что является главным основанием для составления тайного общества, к которому, *«без сомнения, с удовольствием приступят все благомыслящие сограждане»* (Зеленая книга 1951: 241).

В этом контексте характерным звучит самоопределение лиц, которые решили объединиться против «весьма пагубного соединения»: это, по словам Мансурова, *«благонамеренные люди»*. Нельзя исключить предположения о том, что Мансуров прямо основывался на содержании устава Союза благоденствия. Но это лишь предположение, которое не может заменить прямого указания на организационные или программные основы общества, в которое приглашался Н.С.Бобрищев-Пушкин.

По словам Бобрищева-Пушкина: *«Общество это... не должно быть масонское, ибо в таком случае сказал бы он просто: “хочешь ли вступить в масонскую ложу?”*, что обыкновенно говорят, как я слышал, *ибо масоны действия свои сокрывали, а имени – никогда»* (Бобрищев-Пушкин 1969: 364).

С другой стороны, Мансуров, говоря о цели своего общества, определил ее как противодействие уже образовавшемуся объединению злоумышленников. Но возникает вопрос – говоря о том, что существует *«некоторое соединение, весьма пагубное, которое имеет даже влияние на политические дела государства»*, не подразумевал ли он под ним именно тайный союз «либералистов»? Не является ли в таком случае то общество, о котором говорил Мансуров, своеобразным ответом на создание Союза благоденствия? Ответ на эти вопросы могло бы дать содержание разговоров между ним и Бобрищевым-Пушкиным.

Описывая характер своих бесед с Мансуровым, Бобрищев-Пушкин показал:

«Видаясь, нередко говорили мы с ним о возрастающем просвещении в России, о перемене многих мнений, наконец, о возрастающем неверии, которое вследствие ложного направления, данного умам философии XVIII столетия, заразило умы... отклонило от истинного просвещения, которое само по себе весьма полезно...» (Бобрищев-Пушкин 1969: 363; выделено мной – П.И.).

Перед нами сложное соединение консервативной по своему характеру реакции на учения «философов» XVIII в. и убежденности в необходимости «*истинного просвещения*», не поддающееся однозначной интерпретации. С одной стороны, очевидно положительное отношение к просвещению, к новым понятиям, с другой – свойственная консерватизму неприятие идей XVIII века. Вероятнее всего, это умеренный либерализм, признающий достижения нового времени, но отвергающий радикализм политических и нравственно-этических систем просветителей и особенно – их радикальных истолкователей. Исследователь вправе сделать вывод об умеренном либеральном идеале круга молодых людей, которых представлял Мансуров, опирающемся на традиционные ценности и на признание пользы «*истинного просвещения*». К сожалению, трудно в полной мере идентифицировать взгляды Мансурова, отраженные в его разговорах с Бобрищевым-Пушкиным – представлял ли он умеренные круги «либералистов» или просвещенных консерваторов, признающих просветительские идеи. От ответа на этот вопрос зависит окончательное решение проблемы – в какое именно конспиративное общество приглашал Мансуров своего собеседника. Пока же можно с большой долей уверенности предположить, что речь шла о приглашении вступить в Союз благоденствия. Об этом свидетельствуют конкретные факты биографии Мансурова и некоторые дополнительные обстоятельства.

А.М.Мансуров принадлежал к кругу питомцев Благородного пансиона при Московском университете, более 20 воспитанников которого вступили в тайные общества. Это была определенная питательная среда для быстрого распространения Союза благоденствия. Н.С.Бобрищев-Пушкин являлся товарищем Мансурова по пансиону, он учился в нем до 1818 г. Кроме Мансурова и Н.С.Бобрищева-Пушкина, в 1810-е гг. в пансионе учились: младший брат Николая Павел Бобрищев-Пушкин, П.Г.Каховский и С.И.Кривцов (оба до 1816), А.Ф.Вадковский, И.Н.Горсткин (до 1814), А.Н.Сутгоф (до 1817), А.И.Черкасов (до 1816), Д.А.Арцыбашев, С.П.Юшневский и И.В.Рынкевич. Ранее пансион окончили И.Г.Бурцов (до 1812), А.В.Семенов (до 1811), Н.И.Комаров (до 1813), В.Ф.Раевский (до 1811), В.Д.Вольховский (до 1811), А.И.Якубович (до 1813), а также П.П.Каверин (1808-1809), П.Н.Семенов (до 1809), Ф.Ф.Вадковский (1810-1812), М.А.Фонвизин и Н.И.Тургенев. Многие из них не были чужды литературной деятельности, по традиции свойственной обучавшимся в пансионе: это в первую очередь В.Ф.Раевский и П.Н.Семенов, публиковавшие свои стихотворные опыты Н.С. и П.С.Бобрищевы-Пушкины, а также Ф.Ф.Вадковский, А.И.Якубович, интересовался литературой и П.Г.Каховский. Не выпадает из этого ряда и Мансуров (окончил пансион или, вероятнее, университет, в 1820 г. – Левин 1980: 105).

Как видим, близкий к кругу основателей Союза благоденствия, в частности к Муравьевым, активно набиравшим новых членов, И.Г.Бурцов получил образование в этом пансионе. К 1818 г. вошли в орбиту круга Муравьевых и поступили в тайное общество не только Бурцов, но и А.В.Семенов, Вольховский; в Москве в начале 1818 г. в Союз благоденствия были приняты Горсткин и Комаров, а вскоре Раевский и Н.С.Бобрищев-Пушкин. Многие из них – воспитанники Московского пансиона и университета, особенно те, кто был связан и с Училищем колонновожатых. Отсюда связи Николая Бобрищева-Пушкина с Бурцовым и Комаровым, которые сыграли определяющую роль в его вступлении в Союз благоденствия на юге (как это произошло в случае с В.Ф.Раевским, принятым его товарищем по пансиону Комаровым).

1818 – начало 1819 гг. – время бурного распространения тайного общества в Москве, когда активными усилиями А.Н. и М.Н.Муравьевых и Петра Колошина в Союз вступили десятки новых членов, причем они активно привлекали в него воспитанников Благородного пансиона и Училища колонновожатых: Горсткина, Комарова, Каверина, Басаргина, Тучкова и других. Очевидно, определяющую роль в этом случае играли давние связи, возникшие еще в период совместного обучения в пансионе. Помимо Бобрищева-Пушкина, Мансуров, по-видимому, был знаком и с другими участниками Союза благоденствия, в ту пору уже вступившими в тайное общество. Так, он жил на квартире у Басаргиной, родственницы Н.В.Басаргина, в это время учившегося в Училище колонновожатых и принятого в Союз чиновником Бруннером (Бобрищев-Пушкин 1969: 363; Пушкина, Ильин 2000: 32).

Анализируя указание Н.С.Бобрищева-Пушкина и его описание обстоятельств предложения Мансурова, необходимо иметь в виду и внутреннее состояние самого показывающего. «Откровенное» показание было дано в конце марта 1826 г., после многомесячного запирательства, на исходе длительного заключения в «ручных железках» (раскован только 10 апреля – Декабристы 1988: 24), на фоне нарастающего, по собственному определению Бобрищева-Пушкина, «*изнеможения*» (Бобрищев-Пушкин 1969: 383) (вскоре он заболел душевной болезнью). В этой ситуации некоторые акценты в его показаниях могли сместиться. Например, аргументы Мансурова, призванные обосновать вступление в тайное общество, противодействующее влиятельным «неблагонамеренным» лицам, злоупотреблениям чиновников и т.п., под пером Бобрищева-Пушкина вполне могли трансформироваться в яркий образ организованного и тайного объединения злых сил, стремящегося «*разрушить всякую нравственную связь между людьми*».

Какие еще аргументы могут дополнительно укрепить мнение о том, что Мансуров приглашал Бобрищева-Пушкина именно в Союз благоденствия? Гражданская позиция Мансурова находит свое подтверждение в его литературных произведениях. А. М. Мансуров – рано умерший поэт элегического направления, признававшийся одним из наиболее талантливых в новом поколении. Его стихотворение «Умирающий бард» является, по оценке современного исследователя, «ярким выражением декабристского оссианизма» (Левин 1980: 105). Известен и его поэтический отклик на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в котором Мансуров критически оценивал поэму Пушкина «в духе декабристских требований». В поэзии Мансурова отчетливо различаются «гражданские мотивы» и «вольнолюбие» (Мансуров 1994: 512). Следует отметить, что все имеющиеся косвенные данные, характеризующие мировоззрение Мансурова, недвусмысленно говорят в пользу его принадлежности к декабристскому союзу.

Составители справки о А. М. Мансурове в биографическом словаре «Русские писатели», авторитетные специалисты по истории литературы С. А. Фомичев и Л. Д. Клейн, высказали предположение о принадлежности Мансурова именно к Союзу благоденствия (Мансуров 1994: 512), а Ю. Д. Левин полагал, что он был связан с одним из декабристских тайных обществ (Левин 1980: 105). С этой интерпретацией показания Н. С. Бобрищева-Пушкина можно согласиться, однако, как уже было отмечено, дать окончательный ответ затруднительно, поскольку на основании имеющегося свидетельства нельзя придти к однозначному ответу на вопрос – в какое именно общество приглашал Мансуров Бобрищева-Пушкина.

Имя Мансурова, несмотря на то, что оно было неоднократно названо в показаниях Н. С. Бобрищева-Пушкина, а на полях его показания оно было зафиксировано помощником делопроизводителя Следственного комитета В. Ф. Адлербергом (ВД XVI: 360), что свидетельствует о проявившемся к нему интересе следователей, однако, не упоминается более в вопросах Комитета, как и в чьих-либо показаниях. Оно не нашло отражения ни в следственных документах, ни в «Алфавите» Борова. Сомнения, возникающие при решении вопроса, в какое тайное общество Мансуров предлагал вступить Бобрищеву-Пушкину, заставляют включить Мансурова в группу предполагаемых декабристов.

Из показаний В. И. Враницкого стало известно о принадлежности к Южному обществу Андрешевского и Панютина:

«Мне известные члены тайного общества суть следующие: 3-го пешотного корпуса: Муравьев-Апостол, Швейковский, Бестужев-Рюмин, Тизенгаузен, Артамон Муравьев, Пыхачев, Врангель, Панютин, Андре-

шевский, артиллерии офицер, который за адъютанта у генерала Богуславского (Пестов – П.И.) ... 2-й армии Пестель, князь Волконский, Юшневский, князь Барятинский, Лихарев и отставные Давыдов и Поджио» (Враницкий 1954: 331; в публикации фамилия Панютин выделена курсивом; в подлиннике она подчеркнута – П.И.).⁵

Обе фамилии не встречаются более ни в показаниях В.И.Враницкого, ни в показаниях других лиц. Враницкий – достаточно осведомленный участник тайного общества. Он поступил в общество в ноябре-декабре 1824 г.; имел большой чин (полковник), являлся близким другом весьма информированных членов Южного общества полковников И.С.Повало-Швейковского и В.К.Тизенгаузена, сам был хорошо знаком с С.И.Муравьевым-Апостолом и М.П.Бестужевым-Рюминым (Враницкий 1954: 343–344; Пушкина, Ильин 2000: 46). Все перечисленные им лица (кроме Ф.Е.Врангеля, сумевшего оправдаться) были признаны следствием участниками тайного общества. Контекст, в котором упоминаются фамилии Панютин и Андрешевского, говорит об их принадлежности к членам Васильковской управы Южного общества, к числу участников собраний в Лещинском лагере осенью 1825 г., или к лицам, поступившим в тайное общество позднее, вплоть до декабря 1825 г.

Сомнения, не позволяющие безоговорочно отнести названных Враницким «новых членов» прямо к «неизвестным декабристам», основываются на том, что показания Враницкого нельзя отнести к числу полностью достоверных. И прежде всего вследствие плохого знания им русского языка. По происхождению чех, он вполне мог изменить написание фамилий, слышанных им лишь один или несколько раз. На эту мысль наводит сам характер его русского письма, полный ошибок. В конце концов, Враницкий мог услышать фамилии малознакомых ему лиц, близкие названным им, на устном допросе, и потом включить их в свои показания в несколько измененном виде. Но с другой стороны, от этих показаний нельзя просто отмахнуться. Отсутствие следственных разысканий относительно этих лиц не позволяет в данном случае уверенно считать показания Враницкого всего лишь ошибкой и недоразумением. Сохраняется возможность идентификации этих лиц как членов тайного общества, на которых по неизвестным причинам не обратило своего внимания следствие.

---

⁵ К сожалению, в справочный указатель «Персональный состав декабристских тайных обществ», опубликованный во втором выпуске сборника «14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография», в фамилию лица, названного В.И.Враницким членом Южного общества, вкралась опечатка (Пушкина, Ильин 2000: 49). Правильное ее прочтение – «Панютин», а не «Пантюхин».

Андрешевский в действительности мог быть участником Общества соединенных славян, артиллерийским офицером Я.М.Андреевичем, достаточно известным среди членов Южного общества после Лещинского лагеря. Иначе обстоит дело с Панютиным.

В 1-й армии в 1825 г. служили два брата Ф.С. и Н.С.Панютины, оба – в чине полковника. Отметим немаловажный факт, который говорит в пользу участия одного из них в тайном обществе, – то, что оба брата служили прежде в л.-гв. Семеновском полку. Известно, что С.И.Муравьев-Апостол и М.П.Бестужев-Рюмин привлекли в тайное общество на юге немало своих бывших однополчан по Семеновскому полку, оказавшихся после 1820 г. в полках 1-й армии. С большинством бывших семеновцев лидеров заговора связывали давние дружеские отношения. Нельзя не учитывать также недовольства бывших гвардейцев своим переводом в армию и разрушенным ходом военной карьеры. Хорошо известно, что в тайное общество вошли или узнали о его существовании бывшие семеновцы В.К.Тизенгаузен, А.И.Тютчев, А.Ф.Фурман, А.А.Рачинский, переведенные из подпрапорщиков Семеновского полка в армию А.Ф.Вадковский, Д.А.Молчанов, Лев Сенявин⁶, а также, возможно, командир Кременчугского пехотного полка П.А.Набоков⁷ (**Декабристы 1988**: 176, 173, 115, 34, 181, 188, 155).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что один из братьев Панютиных (Николай) служил в Кременчугском пехотном полку, на который, по ряду указаний, заговорщики серьезно рассчитывали в случае начала открытых действий. Возможно, они имели в виду при этом не только полкового командира П.А.Набокова. Данное обстоятельство говорит в пользу участия в тайном обществе именно Н.С.Панютина. Ф.С.Панютин в 1825 г. являлся полковым командиром Семеновского пехотного полка. Если Враницкий имел в виду именно его, то в этом случае среди полковых командиров и офицеров в крупных чинах, переведенных из Семеновского полка и принятых в Южное общество С.И.Муравьевым-Апостолом и М.П.Бестужевым-Рюминым, мы определенно можем числить и Панютина.

Показание Враницкого не дает несомненного основания для вывода о членстве Андрешевского и Панютина в Южном обществе, но оно

---

⁶ Лицо, фигурирующее в «Алфавите» А.Д.Боровкова как «*прапорщик Снявин*», благодаря недавно опубликованным в XIX томе «Восстания декабристов» материалам дела И.П.Жукова идентифицируется как Лев Сенявин. Вероятнее всего, речь здесь идет о Льве Григорьевиче Сенявине (1805–1862), впоследствии товарище министра иностранных дел, сенаторе, члене Государственного Совета (См.: Фонды РГИА: Краткий справочник. СПб., 1994. С.86). Между прочим, как показал И.В.Поджо, на Льва Сенявина по невыясненной на следствии причине рассчитывали в случае покушения на императора (**Поджо 1969**: 167).

⁷ О П.А.Набокове см. далее.

позволяет предположить, что на следствии не были обнаружены некоторые из близких к руководителям Васильковской управы офицеров (в том числе – в больших чинах), составившие их ближайшее окружение и постепенно вовлекавшиеся в орбиту влияния Южного общества. Именно на это окружение рассчитывали заговорщики в случае открытия военных действий. Контакты с бывшими семеновцами не афишировались лидерами Васильковской управы на следствии.⁸

К числу лиц, которых следует считать предполагаемыми членами Южного общества, относятся дивизионный доктор **И.Б.Шлегель**, прикомандированный к Главному штабу 2-й армии (здесь же служил член Южного общества **Ф.Б.Вольф**, доктор при полевом генерал-штаб-докторе 2-й армии – **Декабристы 1988: 44**), и капитан инженерной службы **Семенов**. Показание, дающее для этого необходимое основание, сделал **Н.А.Крюков**.

Отвечая на вопрос о том, какие поручения исполняли офицеры квартирмейстерской части, служившие при Главном штабе 2-й армии, «по видам тайного общества», он писал:

«Я ездил уведомить Пестеля о том, что нам, может быть, угрожает опасность... Что скоро примутся в члены (как надеялся Бярятинский) квартирмейстерской части поручик Лачинов, инженерный капитан Семенов и может быть доктор Шлегель...» (Крюков 1954: 366).

Н.А.Крюков – активный участник Тульчинской управы, безусловно, информированный человек; он возглавлял кружок свитских офицеров при штабе 2-й армии. Крюков энергично содействовал приему новых членов: сам принял **Н.А.Загорецкого**, затем, уже после известия о смерти **Александра I**, способствовал принятию **И.Ф.Юрасова** (**Юрасов**

---

⁸ В случае с **Панютиным** и **П.А.Набоковым** коренным образом меняет ситуацию недавно обнаруженное авторитетное свидетельство одного из ведущих деятелей декабристских обществ **С.П.Трубецкого**. Рукопись записок **С.П.Трубецкого**, хранящаяся в архиве **С.-Петербургского Института истории РАН**, в числе прочих участников тайного общества, названных мемуаристом среди избежавших наказания, наряду с **М.Д.Горчаковым**, **Ф.П.Литке**, **Н.Н.Муравьевым** (все они известны из текста опубликованного варианта записок – см. статью «Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» Боровкова») присутствуют фамилии **Панютина** и **Набокова** (Архив СПб. Института истории РАН. Колл.154. Оп.1. Е.х.44. Л.41). Благодаря вновь найденной рукописи **Трубецкого Панютина**, как и **Набокова**, теперь следует считать «неизвестными декабристами», избежавшими наказания и не отраженными в «Алфавите» **А.Д.Боровкова**. В рукописи, датированной 1849-1855 гг., сообщается о том, что **Панютина** командует дивизией. Это говорит в пользу принадлежности к тайному обществу **Ф.С.Панютина**, поскольку **Н.С.Панютин** к 1830-м гг. уже не служил. – ред.

2001: 194, 196), а в дни междуцарствия – Е.Е. Лачинова (Лачинов 2001: 216, 221). Не менее активным в последние месяцы 1825 г. был глава тульчинских заговорщиков А.П.Барятинский – в дни междуцарствия он принял П.И.Горленко, по его настоянию в начале декабря, также после присяги Константину Павловичу, были приняты Е.Е.Лачинов и И.В.Рынкевич (Алфавит 1988: 248; Горленко 2001: 181, 182; Рынкевич 2001: 188, 189, 191). Все это свидетельствует о безусловной авторитетности показания Крюкова.

Поездка Крюкова к Пестелю, совершенная по поручению А.П.Барятинского, состоялась не позднее середины ноября 1825 г. (Нечкина 1955б: 201–202). К этому времени относится возвращение начальника штаба 2-й армии П.Д.Киселева в Тульчин, после которого Крюков и отправился к Пестелю. Вслед за Крюковым к Пестелю был послан Н.Ф.Зайкин для передачи только что полученного известия об опасном характере болезни Александра I. Это известие достигло Тульчина не позднее 18 ноября 1825 г.

Таким образом, намерение «принять» указанных лиц в общество могло вполне осуществиться во второй половине ноября или в начале декабря 1825 г. В этот период деятельность тульчинских заговорщиков по принятию новых членов не замирала. Так, именно в начале декабря был принят упомянутый Крюковым лишь как кандидат, которого только собирались принять в общество, Е.Е.Лачинов, тогда же в тайное общество поступили И.Ф.Юрасов, И.В.Рынкевич, П.И.Горленко.

Важно отметить, что из числа трех указанных Крюковым лиц, которых еще только хотели принять, один – Е.Е.Лачинов – действительно вступил в Южное общество, о чем следствием были собраны убедительные данные. Лачинов по приговору военного суда был разжалован в солдаты с лишением дворянства и затем переведен в Кавказский корпус (Алфавит 1988: 274–275). Этот факт придает значительно большую вероятность предположению о том, что другие названные Крюковым лица – «кандидаты» к вступлению в общество – в последние недели существования Тульчинской управы были приняты в ее состав, тем более что в это время активность южных заговорщиков не ослабла. К их числу вполне могли принадлежать как И.Б.Шлегель, так и «инженерный капитан» Семенов, о котором дополнительных сведений пока не обнаружено.

Мемуарные источники содержат дополнительные данные о близости И.Б.Шлегеля к Южному обществу, свидетельствующие о том, что он знал о его существовании. Из записок П.И.Фаленберга известно, что доктор Шлегель лечил его больную жену вместе с доктором Вольфом. Шлегель принес Фаленбергу полученное им с газетами печатное приложение с описанием событий 14 декабря в Петербурге и объявлением об

открытии тайного общества (вероятно, приложение к «Русскому инвалиду» от 19 декабря) (Фаленберг 1931: 225). Случайными ли были эти упоминания в поздних мемуарах?

Особенно характерным в этом контексте выглядит еще один эпизод, описанный в записках Фаленберга и относящийся уже ко времени арестов в Тульчине. 11 января 1826 г. доктор Шлегель вошел к Фаленбергу

«в приметном смущении» и, «после первых приветствий, устремив на него [Фаленберг пишет о себе в третьем лице – П.И.] значительный взор, он сказал:

– Меня везут в Петербург.

– Вас? – прервал Фаленберг с видом шутки, – Быть не может! Мы вас не отпустим ни за что, всеми силами ухватимся за вас и отстоим.

– А когда так, – промолвил Шлегель, – то одного из нас двух» [в другой редакции записок, опубликованной Т.Шиманом – «Ну, одного из нас также увезут»] (Фаленберг 1931: 226).

Из мемуаров Фаленберга следует, что Шлегель пришел к автору, будучи уверенным в своем скором аресте («меня везут в Петербург»). Ответ Фаленберг не оставляет сомнений – речь шла именно об аресте и отправке в столицу для присоединения к начавшемуся следственному делу. Причины этой уверенности Шлегеля не раскрыты. Но на каких основаниях такое убеждение могло возникнуть, что за ним стояло?

Скрытый автором подтекст этого диалога видится достаточно ясным. К 11 января 1826 г. в Тульчине и его окрестностях были арестованы и отправлены в Петербург П.И.Пестель, А.П.Юшневский, Н.И.Лорер, Ф.Б.Вольф, Н.В.Басаргин, А.А. и Н.А.Крюковы, П.М.Леман, А.В.Ентальцев, Н.С. и П.С.Бобрищевы-Пушкины, Н.А.Загорецкий, А.И.Черкасов, Ф.Г.Кальм и, кроме того, отправлены в Петербург неарестованными И.Г.Бурцов и П.В.Аврамов. В январе в штабе 2-й армии уже знали об открытии заговора, об обнаруженных правительством намерениях заговорщиков – как из печатных известий, так и по служебным каналам (начиная еще с информации, полученной от А.И.Майбороды). Шлегель, таким образом, был хорошо осведомлен: о каком заговоре идет речь и о причине арестов многих офицеров, служивших в Тульчине. Опасаться ареста могли только лица, так или иначе причастные к заговору, вступившие в тайное общество или знавшие о нем. Фаленберг особо подчеркивает в своих воспоминаниях, что на следствии он не назвал Шлегеля, который, по его словам, первым сообщил ему о том, что заговор преследовал цель цареубийства (эти сведения были почерпнуты Шлегелем из официального печатного объявления) (Фаленберг 1931: 230).

Доктор Шлегель отнесен к числу членов Южного общества исследователем, внимательным к деталям такого рода – М. В. Нечкиной: «*член организации*» (Нечкина 1955б: 202, 215). Вероятно, историк основывалась на показаниях Н. А. Крюкова и воспоминаниях П. И. Фаленберга. Кроме этих свидетельств, имеется еще косвенное указание в воспоминаниях Н. В. Басаргина. Он перечисляет в составе «*молодого общества*» «*серьезного направления*», возникшего при штабе 2-й армии и служившего кадровым источником для Тульчинской управы тайного общества, наряду с офицерами, собиравшимися вместе и оживленно обсуждавшими интересующие их вопросы, двух военных докторов, а именно Вольфа и Шлегеля, входивших в этот кружок «*одномыслящих людей*» (Басаргин 1988: 51, 52); дружеская связь последнего с Басаргиным и другими видными заговорщиками несомненна. Шлегель лечил заболевшую жену Басаргина и, помимо всего прочего, доставил ему заграничный паспорт (Басаргин 1988: 52, 80). Кроме того, доктор Шлегель был допущен к заболевшему Пестелю, когда тот с 13 по 27 декабря находился под арестом в Тульчине; он же освидетельствовал члена Южного общества майора А. Мартынова, у которого некоторое время хранилась «Русская Правда», и когда поступило распоряжение об отправке его в Петербург, Шлегель признал это невозможным из-за болезни Мартынова (Пестель 1927: 29; Мартынов 2001: 207).

По нашему мнению, приведенные сведения позволяют уверенно считать И. Б. Шлегеля лицом, входившим в декабристский круг в Тульчине. Если он и не был принят в декабре 1825 г. в тайное общество, то во всяком случае знал, о его существовании, – иначе трудно интерпретировать данные о беспокойстве Шлегеля при арестах в Тульчине, переданные в воспоминаниях П. И. Фаленберга. Следствие не заинтересовалось показаниями Н. А. Крюкова, но почему не появились другие показания о членстве Шлегеля, как это было в случае с Е. Е. Лачиновым? Возможно, Шлегеля спасло то, что на следствии многие арестованные стремились не упоминать лиц, мало затронутых движением, располагавших лишь небольшой информацией – многие участники тайных обществ, связанные лишь с одним лицом, принявшим его, не были названы, легко замешанных старались не называть. Свою роль могло сыграть и то обстоятельство, что доктору могли быть обязаны некоторые из арестованных, в том числе Фаленберг и Басаргин, жены которых пользовались врачебной помощью доктора. И. Б. Шлегель в 1820-е гг. пользовался большим авторитетом в армии из-за участия во многих военных кампаниях и благодаря своему врачебному искусству, а впоследствии получил широкую известность как врач и организатор медицинского дела, президент Медико-хирургической академии (Ивановский 1898: 359).

Имеющиеся указания источников не позволяют окончательно решить вопрос о принадлежности Шлегеля к тайному обществу, и если М.В.Нечкина не сомневалась в его членстве в Южном обществе, то мы склонны поместить его в разряд предполагаемых участников конспиративных организаций.

В своих показаниях И.М.Черноглазов сообщил о том, что А.С.Пестов объявил ему об офицерах конноартиллерийских рот, участвовавших в совместных собраниях Южного общества и Общества соединенных славян (осень 1825 г.) и поступивших в тайное общество. Среди названных Пестовым, помимо известных по «Алфавиту» Боровкова участников Южного общества, в отношении которых следствие располагало удостоверяющими показаниями об их членстве – Ф.Е.Врангеля, Д.А.Нащокина, А.Д.Высочина – встречается новое имя подпоручика **Новицкого**: *«Тут он мне сообщил, что будто конной бригады поручики Врангель, Нащокин, подпоручик Новицкий, прапорщик Высочин принадлежат уже к членам»* (Черноглазов 2001: 256). Очевидно, это еще один офицер конно-артиллерийских рот, причастный к деятельности Васильковской управы наряду с М.И.Пыхачевым, Д.А.Нащокиным, Ф.Е.Врангелем (последний был на следствии оправдан, несмотря на показания об его членстве). Источник информации Черноглазова – один из лидеров «славян» Пестов, который, как хорошо известно, принимал непосредственное и активное участие в объединительных собраниях в Лещинском лагере, на одном из которых присутствовали «южане» – офицеры артиллерии. Более того, он был избран руководителем «округа» «славян»-артиллеристов и непосредственно контактировал с руководством Васильковской управы. Таким образом, Пестов – лицо, хорошо осведомленное о тех, кто принадлежал к числу заговорщиков «южан» в среде офицеров-артиллеристов. Однако безоговорочно считать Новицкого «незамеченным» участником тайного общества не позволяет как отсутствие каких-нибудь дополнительных данных на этот счет, так и наличие среди перечисленных вместе с Новицким офицеров Ф.Е.Врангеля, сумевшего представить себя в следственных показаниях лицом, не состоявшим в тайном обществе. Следствие, скорее всего, не заинтересовалось показанием Черноглазова.

Если ознакомиться с показаниями А.В.Поджою в следственном деле отставного офицера Преображенского полка Д.П.Зыкова от 6 апреля 1826 г., то рядом с показаниями о самом Зыкове неожиданно обнаруживается свидетельство, касающееся еще одного бывшего офицера-преображенца **Д.П.Скуратова**:

«Не могу сказать, принадлежал ли он (Зыков; в ходе следствия выяснится, что принадлежал – П.И.) обществу, но если он был принят, то не кем другим, как князем Оболенским, с коим он был весьма дружен. То же самое скажу и о Дмитрие Скуратове, вышедшем из подпрапорщиков Преображенского полка по статским делам. Не могу также сказать, принадлежал ли и сей к обществу, ибо все сии сношения возобновились уже перед отъездом моим (в связи с переводом в армию в октябре-ноябре 1823 г. – П.И.). Оболенский был дружен как с одним, так и с другим, но наверное трудно мне сказать... Впрочем, если даже они были и приняты, не думаю, чтоб было какое-нибудь с их стороны содействие...» (Поджо 1984: 222).

Далее в этом показании Поджо свидетельствовал о тождественности взглядов как Зыкова, так и Скуратова взглядам членов тайного общества, заявляя лишь об их умеренности, позволявшей им признавать преимущества конституционного устройства, но в то же время неприложимость его к *«государству нашему»*. Но, кроме того, Поджо фактически сообщил о близости Скуратова к тайному обществу и знании им цели этого общества: *«Как Зыков, так и Скуратов не могли сомневаться в цели нашей, для сего достаточно были частые сношения их со мной, с Валерианом Голицыным (в 1821–1824 гг. также преображенский офицер – П.И.), с Никитой Муравьевым и в особенности с к[нязем] Оболенским...»*.

В результате специального опроса подследственных следователи выяснили, что Зыкова принял в общество именно Е.П.Оболенский. О Д.Скуратове в связи с показаниями Поджо никому, в том числе Оболенскому, вопросов на следствии не задавалось.

Казалось бы, контекст упоминания Скуратова позволяет безоговорочно отнести его к числу принятых в тайное общество лиц: налицо знание им цели общества, его *«частые сношения»* с В.М.Голицыным, Е.П.Оболенским, Н.М.Муравьевым и, наконец, с самим Поджо. Скуратов упоминается здесь наряду с установленным следствием участником Северного общества Зыковым. Поджо не отрицает принадлежности Скуратова к обществу,

Достоверность сообщения Поджо основывается на том, что он был дружен со своим товарищем по полку Скуратовым, прекрасно знал его взгляды и круг связей. В том же 1823 г. Поджо вошел в число активных участников тайного общества в Петербурге, сблизил с ним своих товарищей по Преображенскому полку; он был напрямую связан и с Оболенским, и с другими упомянутыми им членами общества. Поэтому его, безусловно, следует считать достаточно осведомленным человеком, –

в частности, он без сомнения знал о том, кто из его полковых товарищей был причастен к обществу.

Однако уверенно отнести Д.Скуратова к числу членов Северного общества не позволяет неопределенный, предположительный характер показания, большое количество оговорок, сделанных Поджио. Сам Поджио отказывался сообщить степень их причастности к тайному обществу, переадресовывая этот вопрос Оболенскому: *«Но что точно ли обещали они свое содействие и какого рода сие все, должен знать к[нязь] Оболенский»*. Не брался он окончательно разрешить и вопрос о формальном принятии Зыкова и Скуратова к тайному обществу, более всего настаивая на своей непричастности к их приему: *«...если точно окажутся... Зыков... и Скуратов принадлежащими точно обществу, то твердым словом подтверждаю... что я их не принимал»* (Поджио 1984: 222–223).

Письменный ответ (показание) мог содержать отклик на темы, затронутые при устном допросе. Исследователю неизвестен объем и содержание информации, прозвучавшей на устном допросе. В этом, как представляется, следует искать причину того, что в показании Поджио о Зыкове неожиданно появляется имя Дмитрия Скуратова. Во всяком случае, текст письменного ответа содержит сведения об устном показании на ту же тему:

«Как о штабс-капитане Зыкове, так и о г[осподине] Скуратове я еще имел честь докладывать изустно его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, что хотя я знал их за свободно-мыслящих людей, однако же о принадлежности их к обществу удостоверительно не знал, но что к[нязь] Оболенский о сем должен быть сведущ» (Поджио 1984: 222).

Интересна и следующая фраза, говорящая как будто в пользу того, что Следственный комитет расследовал причастность Скуратова к тайному обществу еще до показания Поджио:

«Его императорское высочество изволил мне сказать, что о вышеупомянутых двух лицах им было известно, и потому я думал дело их известнее показаниями других, достаточнейшими моих» (Поджио 1984: 222–223).

По-видимому, речь шла о том, что фамилия Скуратова прозвучала на следствии ранее показания Поджио, в показаниях Оболенского. Действительно, Скуратов был другом и родственником этого видного деятеля тайных обществ, активно переписывался с ним. Скуратовы – москов-

ское семейство, входившее в ближайшее родственное и дружеское окружение Оболенских и Кашкиных (Сабанеева 1996: 391, 394–395). Факт дружеского общения Оболенского и Д. Скуратова зафиксирован на следствии самим Оболенским, которого спрашивали о Скуратове в связи с обнаруженными в его бумагах письмами. Из них следовало, что Скуратов доставлял письма Оболенского его двоюродному брату С. Н. Кашкину. В ответ Оболенский отвечал, что Скуратов

«молодой человек, служивший юнкером в Преображенском полку, откуда он вышел в отставку в 1823-м году. Его семейство связано родством и самую короткою дружбою с семейством Кашкиных и с моим. Уезжая отсюда, я ему точно давал письма к Кашкину» (Оболенский 1925: 229, 233).

Поджио относит описываемые им отношения Скуратова с членами тайного общества к 1823 г. Как известно, в этот год намечилось заметное оживление в деятельности Северного общества в Петербурге, что выразилось в численном росте его рядов, причем в л.-гв. Преображенском полку в общество были приняты В. М. Голицын (август 1823 г.), Д. П. Зыков (лето 1823 г.), Ф. В. Вольский (декабрь 1823 г.). Приняты они были именно Оболенским при активном участии Поджио (Пушкина, Ильин 2000: 55–56). Очевидно, к этой группе офицеров был близок в период своей службы в Преображенском полку юнкер Д. Скуратов.

То, что Скуратов было достаточно тесно связан с членами Северного общества, свидетельствуют показания еще одного активного участника тайного общества в эти годы, В. М. Голицына. В первом допросе, записанном В. В. Левашовым, отвечая на вопрос: *«Кого вы в бывшем вашем полку (Преображенском – П. И.) знали сочленами или участниками общества»*, он дал противоречивое и достаточно неопределенное показание:

«Никогда не знал участников общества в полку, токмо по мнениям и мыслям некоторых, как-то: Поджио, двух Скуратовых и многих, которых не упомяну, в оном они могли быть» (Голицын 1976: 217).

Важно отметить, что Голицын считал Скуратовых *«участниками общества»* вследствие их *«мнений»* и *«мыслей»*, очевидно, достаточно характерных для круга «свободномыслящих», составлявшего питательную среду декабристских обществ. В сущности, это сообщение о том, что Скуратовы если и не были формальными участниками декабристской конспирации, то рассматривались как ближайшие кандидаты в ее члены.

Как видим, показание Голицына касается и другого Скуратова, служившего в Преображенском полку в те же годы. Обращение к полковой истории дает сведения об **Александре Петровиче Скуратове**, вышедшем в отставку в ноябре 1822 г. Степень его близости к Северному обществу может быть сходной с причастностью его брата. Но в отношении Александра Скуратова других свидетельств, кроме показаний В.М.Голицына, не обнаружено.

Подводя итог, следует отметить, что о близости Скуратовых к тайному обществу свидетельствовали осведомленные свидетели – их близкие товарищи, сослуживцы по полку Поджио и Голицын. Первый из них указывал на Оболенского, как на лицо, возможно, принявшее Д.Скуратова в тайное общество. Оболенский же был родственником и другом Скуратова; косвенно о принятии Скуратова в тайное общество свидетельствует тот факт, что другое лицо, на которое подобным образом указал Поджио – также полковой товарищ Скуратова, Д.П.Зыков, действительно был принят именно Оболенским.

Несмотря на неоднократные упоминания фамилии Скуратовых в следственных показаниях, Следственный комитет, по-видимому, не обратил внимания на это обстоятельство. Во всяком случае, они не были учтены А.Д.Боровковым при составлении «Алфавита». В то же время интерес следствия к Д.Скуратову (может быть, кратковременный) косвенно фиксируется в письменных показаниях Поджио. Мы не располагаем данными о каких-либо полицейских мерах в отношении Д.Скуратова, хотя следствием были вскрыты факты, свидетельствующие о его тесных связях с Оболенским и другими, а показания Поджио и Голицына говорили о возможном участии Скуратовых в Северном обществе. В дальнейшем фамилия Д.П.Скуратова не раз встречается в связи с именами декабристов. В 1825–1826 гг. он находился за границей; будучи знаком с Н.И.Тургеневым, встречался с ним и, возвращаясь в Россию, передал от него письма его московским корреспондентам.

В качестве своеобразного отголоска причастности Д.П.Скуратова к тайному обществу, в котором состояли многие лица из его ближайшего окружения, следует рассматривать воспоминания его дочери Х.Д.Рахманиновой, использованные в статье, посвященной Скуратову, в «Русском биографическом словаре». Согласно рассказам дочери, Скуратов, появившись в Петербурге в 1818 г., «не примкнул ни к одному тайному политическому кружку», которые в то время существовали в столице, выступал «против них», доказывая, что то, что они «затевают», не приведет ни к чему хорошему (Жорсакова 1904: 624). Появление этого свидетельства видится неслучайным и чрезвычайно характерным фактом. По-видимому, в его основе лежит рассказ отца, стремившегося показать, что он не разделял взгляды заговорщиков-декабристов, ини-

цировавших вскоре военное выступление 14 декабря 1825 г. Если Скуратов не примыкал близко к участникам политических кружков, тогда почему он знал об их существовании и намерениях? Очевидно, он вращался среди членов тайного общества, поэтому ему, по-видимому, пришлось прибегнуть к оправдывающему его рассказу о своем несогласии с «затейми» участников заговора (возможно, здесь имеются в виду планы военного переворота). Кроме того, на восприятие «затей» членов тайного общества могли наложиться позднейшие события, – в частности, «бунт» 14 декабря. Но ведь, заметим, многие состоявшие в тайных союзах лица также выступали против военного переворота, при этом являясь полноправными членами общества. Иначе говоря, возражения против радикальных средств достижения цели тайного общества не были препятствием для членства в нем. Возможно, так было и в случае со Д.П. Скуратовым (как и в других случаях, которым посвящена настоящая статья). Так или иначе, свидетельство Х.Д. Рахманиновой несомненно доказывает одно: «свободномыслящий» (по выражению Поджио) Скуратов был прекрасно осведомлен о существовании тайного общества. Он был человеком, с которым обсуждались намерения конспираторов, тесно связанным с целым рядом участников общества, прекрасно знавшим о потаенных их планах. Скорее всего, Скуратов принадлежал к членам Северного общества и, возможно, был принят в 1823 г. Е.П. Оболенским.

В деле В.И. Штейнгейля имеются сведения о причастности к Северному обществу А.П. Сапожникова. Штейнгейлю – человеку, тесно связанному с купеческой средой Петербурга и Москвы, был задан вопрос о принятии в тайное общество «некоторых из здешнего купечества», на что рассчитывал К.Ф. Рылеев. В ответ Штейнгейль показал, что в декабре 1825 г. Рылеев говорил ему о том, что Я.И. Ростовцев просил его сказать, чтобы Штейнгейль

«... принял купца Сапожникова. Дня через два или три Ростовцев и сам мне то же подтвердил, примолвя: “Я бы и сам принял, но мне неловко, пожалуйста, примите”. Тому и другому я отвечал нерешительно “Посмотрю”. Поводом к тому, что они ко мне адресовались, было то, что известна была дружеская связь моя с Сапожниковым, а Ростовцев, притом, знал, что он, по делам своим терпя многие притеснения и потери от покойного министра финансов [Д.А. Гурьев – П.И.], часто в семейственном кругу, не обинуясь, жаловался на порядок вещей; да и вообще человек с очищенными понятиями. За всем тем я и Сапожникова не принял, во-первых, потому что не надеялся, чтобы он при обширных и трудных делах своих решился войти в дело столь щекотливое, а во-вторых, мне не хотелось кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу, ибо я очень то чувствовал, что

если бы сказал кому-нибудь, то с той минуты спокойствие мое начало бы зависеть от того лица...» (Штейнгейль 1976: 167).

Принять Сапожникова Ростовцеву было «*неловко*», очевидно, из-за их родственных отношений (Сапожников был женат на сестре Ростовцева, родители которого также происходили из купеческого сословия). На первом допросе у В.В.Левашева Штейнгейль, отвечая на вопрос о том, кого он принял в тайное общество, показал: «*Никого; просил было меня Ростовцев принять своего зятя купца Сапожникова, но я не принял*». Любопытно, что в ответ Левашев заметил: «*Не приняли, так нечего и упоминать*» (Штейнгейль 1976: 167). Ответ Левашева, по нашему мнению, был обусловлен тем, что в качестве деятельного участника тайного общества в нем фигурировал Ростовцев, недавно оказавший, как считалось, большую услугу новому императору и пользовавшийся его благосклонностью. Именно поэтому, как можно предположить, обстоятельства, связанные с Ростовцевым, в том числе возможное участие Сапожникова в тайном обществе, не исследовались следствием.

Руководство Северного общества в лице Рыльева, как видим, было заинтересовано в принятии Сапожникова и прилагало к этому, несомненно, определенные усилия, но ни Ростовцев, ни сам Штейнгейль, по показанию последнего, Сапожникова тогда не приняли. Между тем, о тайном обществе, его планах и конкретных намерениях, по свидетельству того же Штейнгейля, Сапожникова все-таки известили. Штейнгейль навещал, как это следует из его воспоминаний, пострадавшего на Сенатской площади Ростовцева, начиная с вечера 14 декабря (Штейнгейль 1986: 134, 152). Он узнал от него между прочим следующее.

«После 14 декабря, при первом посещении Ростовцева, он мне рассказал, что написал к государю письмо по совету своего зятя [Сапожникова], которому тогда только (т.е. 12 декабря – П.И.) открыл об обществе и его намерениях» (выделено мной – П.И.) (Штейнгейль 1976: 167).

Итак, согласно рассказу Ростовцева, переданному Штейнгейлем, 12 декабря он обратился к Николаю Павловичу с известным сообщением о существовании обширного заговора против него именно по совету своего родственника А.П.Сапожникова. Это свидетельство следует признать весьма важным: Штейнгейль – друг Сапожникова и Ростовцева – узнал об этом от самого Ростовцева, из первых рук.

Источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что Сапожников был тесно связан с Штейнгейлем, который одно время, в начале 1820-х гг., вел его коммерческие дела. Итак, Сапожников знал о тайном обществе от своего родственника Я.И.Ростовцева, был человеком

«с очищенными понятиями», т.е. либеральных взглядов – это также несомненно, как и то, что он имел четкое представление о намерениях тайного общества на 14 декабря 1825 г. Ему были известны цели тайного общества (не исключая введения представительного правления), что также следует из имеющихся свидетельств.

Однако документ не отвечает на вопрос: принял ли Ростовцев в Северное общество Сапожникова формально? Есть лишь фраза: Ростовцев «открыл об обществе и его намерениях». Что она означает – принял ли Ростовцев своего родственника или только сообщил ему о том, что общество существует? Представляется, что речь может идти о формальном приеме Сапожникова в члены тайного общества.

Штейнгейль вспоминает, что ему было дано поручение принимать в общество лиц купеческого звания, но он так и не принял ни одного человека. Среди первых кандидатов из купцов был, очевидно, Сапожников, – его принятие считали желательным. Член тайного общества Ростовцев, которому Сапожников приходился «зятем», просил Штейнгейля принять Сапожникова, так как сделать это самому представлялось ему неудобным. Штейнгейль, по-видимому, этого не сделал, но вскоре – вероятно, непосредственно перед 12 декабря – Ростовцев, ранее настаивавший, чтобы Сапожников стал членом тайного общества, известил своего родственника о заговоре и его целях. Думается, что человек, который (вместе с лидером общества Рылеевым) желал сначала видеть своего родственника среди членов общества, а затем сообщил ему в подробностях о существовании и намерениях заговорщиков, несомненно, мог и формально принять Сапожникова в тайное общество. Вероятность этого еще более укрепляется тем, что Ростовцев обсуждал с ним важные вопросы, связанные с его известным демаршем. В любом случае, согласно сведениям, приведенным Штейнгейлем, Ростовцев посвятил купца в тайну существования общества. Даже если он формально не принял Сапожникова, то уведомил его о многом, касающемся планов заговорщиков и их конкретных намерений.

Упоминает Штейнгейль Сапожникова и в своих поздних воспоминаниях. В контексте приведенных данных это указание приобретает особое значение. Согласно воспоминаниям Штейнгейля, вечером накануне 14 декабря в доме Сапожникова собрался узкий круг лиц (среди них был сам Штейнгейль): «...был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяин, угощая шампанским, не обинуясь, говорил: “Выпьем! Неизвестно, будем ли завтра живы!”». Мемуарист, непосредственный участник вечера, заключает: «Так были уже уверены, что не обойдется без восстания» (Штейнгейль 1985: 154–155). (Об этом же вечере показал на следствии и Г.С.Батеньков: «В 7-м часу вечера 13 декабря я был у купца Сапожникова...» – Батеньков 1976: 54). В устах

человека, посвященного в существование тайного общества и его намерения на 14 декабря, обсуждавшего вместе с Ростовцевым замысел донесения о заговоре Николаю Павловичу, эти слова выглядят не просто свидетельством озабоченности грядущими событиями, но скорее признаком понимания опасности, которая грозит участникам заговора, к которым Сапожников, таким образом, причислял и себя. Вовсе неслучайным поэтому представляется зафиксированный в показаниях Штейнгейля факт: в день 14 декабря он долгое время находился в доме Сапожникова (Штейнгейль 1976: 152).

Исследователь событий 14 декабря Я.А.Гордин полагает, что Сапожников имел большое влияние на Ростовцева и, будучи человеком, хорошо осведомленным о заговоре, способствовал тому, что последний составил письмо к Николаю Павловичу и совершил свой известный демарш. Письмо это являлось попыткой воздействовать на претендента на престол, утратить его, и отвечало интересам части заговорщиков, – тех, кто не было склонено рассматривать восстание как единственный выход из сложившейся ситуации. Эту точку зрения развивает, иначе интерпретируя мотивы действующих лиц, М.М.Сафонов (Гордин 1989: 151–152; Сафонов 1995: 178). Разумеется, Сапожников не мог сыграть столь важную роль без достаточно полной осведомленности о характере, масштабах, целях и конкретных планах заговора.

В показании Штейнгейля фамилия Сапожникова подчеркнута карандашом, но дальнейшего хода эта информация не имела. Сведения о Сапожникове, судя по всему, не привлекли внимания следствия, – по-видимому, из-за того, что на расследовании обстоятельств, связанных с именем Ростовцева, следствие получило от императора негласный запрет.

Согласно сведениям, приведенным А.В.Семеновй, подготовившей к печати следственные дела членов Союза благоденствия, не преданных Верховному уголовному суду, А.В.Капнист показал на следствии, что к тайному обществу принадлежал **И.И.Логинов**:

«Отметим, что среди членов Измайловской управы он (А.В.Капнист – П.И.) называет имя Логинова, ранее не встречавшееся в источниках и отсутствующее в "Алфавите" декабристов» (Семенова 1985: 30).

Уточним, что речь идет об особом «Измайловском обществе», которое составляли в основном офицеры Измайловского полка. Это был дочерний кружок, контролируемый членами Союза благоденствия М.М.Нарышкиным, Е.П.Оболенским и А.А.Токаревым (Пушкина, Ильин 2000: 42–43). До сих пор было известно, что они вошли в контакт с участниками этого кружка через А.В.Капниста и его брата С.В.Кап-

ниста. Однако показания А.В.Капниста добавляют новые сведения. Он показал, что в 1820–1821 гг.

«... когда свидания наши начали иметь... некоторый вид тайного общества, то оставались уже не более семи членов измайловских офицеров, более между собой дружных, именно Летюхин, Логинов, Кутузов, Жуков, Немерович-Данченко, я и Миклашевский. Из коих в том же 1821 году Летюхин и Жуков вышли в отставку... остальные же два, Логинов и Кутузов, не знаю, были ли они преклонены войти в общество Союза благоденствия или тем кончили свои сношения» (Капнист 2001: 253–254; выделено мной – П.И.).

Итак, о принадлежности Логинова – измайловского офицера⁹ – к тайному обществу из числа *«не более семи»* близких к нему полковых товарищей (из показания с очевидностью следует, что ранее в тайный кружок входило большее число офицеров) – свидетельствовал А.В.Капнист, показания которого служат одним из главных источников сведений об «Измайловском обществе» в 1820–1821 гг.

Показание Капниста, без сомнения, авторитетно. Будучи измайловским офицером, он играл руководящую роль в кружке вольнодумцев-измайловцев, связывая его с Союзом благоденствия. Особое внимание при этом стоит уделить тому, что Капнист и перечисленные им офицеры находились между собой в особых, *«более дружных»* отношениях. Конечно, взгляды этих офицеров не могли быть для него секретом, как и связи их с тайным обществом. Все перечисленные им офицеры Измайловского полка (кроме Логинова) по итогам следствия оказались участниками Союза благоденствия и в качестве таковых внесены в «Алфавит» А.Д.Боровкова.

Далее Капнист свидетельствовал о 1821–1822 гг., когда Союз благоденствия был распущен (при этом кружок измайловцев, по всем указаниям, некоторое время еще продолжал существовать), некоторые из членов «Измайловского общества» (А.М.Миклашевский) вступили в созданное после Московского съезда 1821 г. новое тайное общество:

«Касательно же Кутузова и Логинова, то первый из них, не помню даже, был ли он с нами, ибо, кажется, он в это время был болен до самого времени выступления в поход и по сей причине оставался в Петербурге. О втором же я сказать ничего не могу, ибо он был знаком прежде нас с Нарышкиным и князем Оболенским, и он же нас познакомил с ними» (Капнист 2001: 256; выделено мной – П.И.).

---

⁹ Наше предположение о неправильном прочтении фамилии («Логинов» вместо: «Семенов») (Пушкина, Ильин 2000: 72) следует признать ошибочным.

Как видим, Капнист обозначает здесь еще более серьезную вовлеченность Логинова в тайное общество. Его ценное свидетельство заставляет предположить участие этого лица не только в «Измайловском обществе», но и в самом Союзе благоденствия. Об этом недвусмысленно говорит тот факт, что Логинов *«был знаком»* с Оболенским и Нарышкиным прежде Капниста и, более того, – оказывается, что он даже познакомил если не лидера измайловского кружка, то некоторых его членов с представителями Союза.

Личность Логинова требует дальнейшего изучения. Следствие не сделало никаких запросов в связи с показанием А.В.Капниста; это показание также прошло мимо внимания Боровкова.

В материалах следствия сохранились показания в отношении нескольких лиц, входивших, возможно, в состав Кишиневской управы Союза благоденствия, до сих пор далеко не проясненные в полной мере. Так, Н.И.Комаров среди тех, о вступлении которых в Союз ему стало известно, назвал Лишина: *«[Господин] Лишин был предложен Охотниковым, но им ли был принят после, наверное не знаю. Полагаю, что Бурцов должен знать больше»* (Комаров 2001: 409). Это свидетельство Комарова, по-видимому, не вызвало никакой реакции со стороны следователей; не было оно учтено и Боровковым: фамилия Лишина отсутствует в «Алфавите». Комаров, однако, достаточно осведомленный в делах южных управ Союза благоденствия человек. В 1818–1820 гг. он проявлял достаточную активность в духе Союза, был связан и с Кишиневской управой: по некоторым данным, именно он принял в Союз того же В.Ф.Раевского

Участник Кишиневской управы И.М.Юмин сообщил следующие данные еще об одном предполагаемом члене этой управы Семишкевиче. Говоря о своем знакомстве с уставом Союза благоденствия, Юмин показал следующее:

«На другой день... Непенин, встретившись со мною, сказал мне, что он хочет пригласить подпоручика Семишкевича. Семишкевич, бедный человек, так же как и я, сказал, что “я не знаю”, может ли он уделить что от ждалованья» (Юмин 2001: 362).

А.Г.Непенин, командир 32-го Егерского полка, принимал не последнее участие в пополнении рядов тайного общества в дивизии М.Ф.Орлова. В частности, именно он принял в тайный союз Юмина и Бахметева (Юмин 2001: 362–363, 364; ВДХVI: 121). Возможно, Семишкевич являлся офицером того же 32-го Егерского полка, в котором служили Юмин и Бахметев.

Активность Непенина в приеме новых членов подтверждается приведенным показанием осведомленного Юмина, непосредственно контактировавшего как с Непениным, так и с Семинькевичем. На следствии Юмин представил дело так, что он окончательно не согласился вступить в Союз и не дал от себя «подписки». Непенин, заинтересованный в «занижении» собственной активности как члена тайного общества, в своих показаниях также не считал Юмина и Бахметева формально принятыми им в тайное общество (Юмин 2001: 363–364). Тем не менее, другие участники Союза знали обоих в качестве полноправных членов (Бурцов 2001: 225). По-видимому, на следствии Юмин скрыл, что все же дал свое согласие принадлежать к Союзу. Не исключено, что вместе с ним в таком же положении находился не только Бахметев (умерший в 1820 г. офицер, не занесенный в «Алфавит» Боровкова¹⁰), но также Лишин и Семинькевич. Вне всякого сомнения, последний из них был ознакомлен с уставом Союза – «Зеленой книгой». На какой стадии остановилась процедура их приема в тайное общество и остановилась ли она вообще – неизвестно. Документы следствия прямо говорят о том, что руководящие участники управы в Кишиневе (Охотников, Непенин) намеревались принять в тайное общество Лишина и Семинькевича.

Среди показаний, не учтенных Боровковым, имеется свидетельство М. П. Бестужева-Рюмина о **Бутурлине**. Перечисляя известных ему участников тайного общества, существовавшего до 1821 г., Бестужев-Рюмин назвал среди прочих (достоверно известных ему как членов Союза благоденствия) Бутурлина, сопроводив его фамилию пояснением – «*писатель*»: «*Известные члены мне того общества суть: М. Орлов, Николай Тургенев, полк[овник] Пестель, князь Лопухин, Бутурлин (писатель)*» (Бестужев-Рюмин 1950: 82). Источник информации М. П. Бестужева-Рюмина, по-видимому, – С. И. Муравьев-Апостол или его брат Матвей, – лица, прекрасно осведомленные о Союзе благоденствия. Возможно, этим источником были руководители Южного общества П. И. Пестель, В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский.

Публикаторы следственного дела идентифицировали Бутурлина с известным военным историком и впоследствии государственным деятелем Дмитрием Петровичем Бутурлиным. В этом случае отнесение его к числу членов Союза вызывает вопросы, поскольку его консервативные взгляды, во многом противоположные мировоззрению руководителей Союза благоденствия, хорошо известны благодаря двум «открытым» письмам М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину 1819 и 1820 гг. (Орлов 1928). По этой причине, а также из-за отсутствия в показании Бестужева-Рюмина конкретных биографических данных, безоговорочно отнести

---

¹⁰ См. о нем в нашей статье «Безвестные декабристы» в IV выпуске сборника.

Д.П.Бутурлина к членам Союза благоденствия нельзя. Однако, вероятнее всего, в этом показании имеется в виду все же именно он. Бутурлин и Орлов были давними товарищами (оба в 1810–1814 гг. служили в Кавалергардском полку); они тесно общались и в 1814–1818 гг. При всей разнице их взглядов имеются и общие черты, отчетливо отразившиеся в письмах Орлова к Бутурлину – образованность, просвещенность, патриотизм, отрицательное отношение к закрепощению крестьян и к «самовластному» типу правления. Переписка Орлова и Бутурлина 1819–1820 гг. зафиксировала наметившееся между ними различие политических *«мыслей»*, но в то же время и совпадение их первоначального умеренно-либерального политического идеала (Орлов 1928: 201). Позднейший консервативный облик Д.П.Бутурлина не может быть основанием для характеристики его взглядов в 1810-е гг. Не исключено, что Бутурлин был принят Орловым или кем-либо из других близких к нему лиц в Союз благоденствия, о чем стало известно Бестужеву-Рюмину. В пользу этого говорят контакты последнего как с самим Орловым, так и с Пестелем, Волконским, Давыдовым, братьями Муравьевыми-Апостолами, Трубецким.

Определенное сомнение вызывает и показание А.Ф.Бригена о принадлежности к Союзу благоденствия известного драматурга и литератора князя А.А.Шаховского:

«...члены общества, кроме выше объявленных мною, о коих вспомнил, были два брата Шиповых, князь Шаховской, директор театра, князь Долгорукий... Копылов, Токарев, Тургенев, кажется, Хвоцинский... и генерал-майор князь Лопухин» (Бриген 1976: 428; выделено мной – П.И.).

С одной стороны, Бриген, *«знаток и ценитель литературы»*, посещавший концерты и театральные представления, должен был прекрасно знать, о ком именно он показывает. Бриген обладал богатым собранием книг по литературе, истории, философии, военному искусству (Бриген 1986: 22–23, 53, 74). Мог ли он перепутать известного драматурга А.А.Шаховского с князем Ф.П.Шаховским, принимавшим заметное участие в Союзе благоденствия (правда – в Москве, а не в Петербурге, где служил Бриген)? Лишь в том случае, если сведения о членстве в тайном обществе лично ему незнакомого *«князя Шаховского»* дошли до него из третьих рук и ассоциировались в его представлении с *«директором театра»* А.А.Шаховским. Такой вариант полностью исключить нельзя.

Среди лиц, не привлекавшихся к основному следствию по делу о тайных обществах, но проходивших через другие расследования, в пен-

тре которых находилась деятельность членов тайных обществ, выделяется **Н.С.Таушев**.

В декабристоведческой литературе существует определенное разноречие относительно членства Таушева в тайном обществе. П.Е.Щеголев (1926: 26) уверенно назвал его в числе участников Кишиневской управы Союза благоденствия. Эту точку зрения разделял исследователь Кишиневской управы В.Г.Базанов (1949: 90–91). Л.Я.Павлова также полагала, что Таушев принадлежал к Кишиневской управе (Павлова 1964: 10, 72). Вслед за ними многие авторитетные исследователи, реконструируя состав Кишиневской управы, включали в нее Таушева:

«Имеются основания говорить о следующих членах кишиневской организации 1821-1822 гг. (до февральского разгрома): Михаил Орлов... Владимир Раевский... К.А.Охотников... П.С.Пуцин... подполковник 32 егерского полка И.П.Липранди, поручик Н.С.Таушев (гезальдигер 16 пехотной дивизии)... А.Г.Непениш...» (Нечкина 1955а: 357).

Наконец, составители тома письменного наследия и биографических материалов В.Ф.Раевского А.А.Брегман и Е.П.Федосеева также считают Таушева членом Союза благоденствия (Раевский 1980: 381; Брегман, Федосеева 1983: 24). С другой стороны, составитель биографического справочника «Декабристы» С.В.Мироненко полагает, что аргументы, предложенные ими для обоснования принадлежности Таушева к Союзу благоденствия, недостаточны (Мироненко 1988: 397). Исследователи проявляют осторожность при отнесении к Кишиневской управе новых лиц, не выявленных следствием в качестве участников тайного союза, склонны полагать их лишь «активными помощниками» Орлова и Раевского, формально не состоявшими в тайном обществе:

«помимо формальных членов Союза благоденствия в Кишиневе было несколько активных помощников Охотникова и Раевского, не принадлежавших к Союзу – это поручик Н.С.Таушев, прапорщик В.П.Горчаков, тот же И.П.Липранди» (Немировский 1989: 217).

Думается, безоговорочное, уверенное вынесение перечисленных офицеров за пределы формальной принадлежности к тайному обществу все же преждевременно.

Определяющей причиной, на основании которой Таушева включали в число кишиневских декабристов, послужил факт его привлечения к делу Раевского, а также то обстоятельство, что Таушев пострадал по

этому делу: он хотя и не был осужден, но в его отношении было вынесено отдельное постановление – *«оставить в подозрении»*. Согласно окончательному решению Правительствующего Сената по делу Раевского, датированному 2 ноября 1827 г., Таушев был подвергнут строгому надзору, о чем вынесены предписания Казанскому гражданскому губернатору и дворянскому предводителю этой губернии (Раевский 1983: 284).

Действительно, в нашем распоряжении нет документальных свидетельств, которые бы прямо и безоговорочно указывали на принадлежность Таушева к тайному обществу. Однако его привлечение к следствию по делу Раевского не было случайным, он обвинялся в сокрытии уличающих материалов, доказательств обвинения. Именно Таушев 5 мая 1822 г., получив предписание принять после ареста Раевского все материалы и имущество бывшей под управлением последнего дивизионной ланкастерской школы, приказал взять только книги (*«для чтения»*), а рукописные учебные материалы, таблицы (*«прописи»*), составленные Раевским для юнкерской и ланкастерской школ, и учебные тетради передал *«служителю»* капитана К.А. Охотникова, ближайшего товарища Раевского и сочлена по Союзу благоденствия, который их, вероятнее всего, уничтожил (Раевский 1980: 249–251, 306). Оправдание, представленное Таушевым на следствии по делу Раевского, рассматривалось следователями только как *«предлог»* и не принималось во внимание: якобы, придерживаясь буквально данной ему инструкции, Таушев передал бумаги Охотникову, поскольку счел эти материалы *«совершенно ненужными для школы взаимного обучения»*, а вовсе не желая их утаивать. При этом он намеренно не затрагивал вопроса: употреблялись эти материалы в школе Раевского или нет (Раевский 1980: 250). Уничтожение улик, сыгравшее действительно большую роль в ходе процесса Раевского, – тяжелое обвинение, поэтому и Охотников, и Таушев прилагали все усилия, чтобы представить дело в выгодном для себя свете.

В 1822 г. Таушева привлекли к допросам по «делу» Раевского (первоначальные показания были им даны не позднее середины апреля, очная ставка с Раевским состоялась 16 апреля 1822 г., допрос – 19 октября того же года – Раевский 1980: 218, 249–251). Затем Таушев был привлечен к следствию уже в качестве *«прикосновенного»* (заочно). В 1823 г., по определению Полевого аудитората 2-й армии, он подлежал заключению на гауптвахте сроком на 6 месяцев (Раевский 1983: 269). Однако в связи с тем, что приговор основному обвиняемому отлагался, была ли приведена эта мера в действие, неизвестно. За это время Таушев вынужден был перевестись в другой полк, а в январе 1826 г. вышел в отставку, при этом ему пришлось объявить о месте своего жительства, – очевидно, в связи с нахождением под следствием. В дальней-

шем роль Таушева в затянувшемся деле Раевского не ослабевала. На последнем рассмотрении дела братьев В.Ф. и Г.Ф.Раевских (1827) он остался единственным обвиняемым, кроме самих братьев. Причем руководители нового расследования отмечали, что по делу Раевского «многие прикосновенные и оказавшиеся виновными лица оставлены без всякого внимания» (Раевский 1983: 244). Здесь подразумевался в первую очередь Таушев. Его прикосновенность основывалась на подозрении в «умысле сокрытия вредного намерения», то есть на конкретном действии Таушева – укрытии им от следствия книг и рукописных прописей Раевского (Раевский 1983: 278). Однако новым расследованием он не был изобличен в этом «умысле», и только поэтому освобожден от судебного наказания; он остался лишь «в подозрении». По итоговому заключению Комиссии под председательством командующего Гвардейским корпусом великого князя Михаила Павловича – по предложению последнего, с которым 15 октября 1827 г. согласился Николай I, – за Таушевым было учреждено «строгое наблюдение» по месту проживания (Раевский 1983: 278). Таким образом, Таушев – единственный из «прикосновенных» по делу Раевского, кто подвергся репрессиям. Таушев, как лицо, причастное к делу Раевского, должен рассматриваться в качестве предполагаемого члена Союза благоденствия. В этом контексте, даже если Таушев формально не был принят в Кишиневскую управу, он воспринимается как человек стоявший очень близко к Охотникову и Раевскому.

По мнению С.Е.Эрлиха, отнесение того или иного лица к числу декабристов в исследовательской практике основывалось главным образом на критерии «наказания». Декабристами, как правило, считались лица, принадлежавшие к числу осужденных по делам декабристских тайных обществ (Эрлих 2000: 273–274). Этот критерий, определяющим образом влиявший на причисление того или иного лица к декабристам, видится нам недостаточным и неточным, однако в случае Таушева критерий «наказания» не кажется искусственным. Наказание Таушева является закономерным итогом, подводящим черту под совокупностью фактических данных о причастности его к деятельности кишиневских членов Союза благоденствия.

Близкая связь Таушева с известными участниками управы в Кишиневе фиксируется и в переписке В.Ф.Раевского и К.А.Охотникова 1820–1821 гг., отобранной у Раевского после ареста. В письмах Таушев не раз упоминается как ближайший товарищ, единомышленник (Раевский 1980: 123, 127, 130). Таушев, по данным мемуарных источников, вращался в кругу кишиневских членов Союза благоденствия Раевского, Охотникова, Орлова, Непенина. Особенно он был близок к Раевскому

и Охотникову (Липранди 1998: 297, 325). Нет сомнений, что эти дружеские связи подразумевали включенность в пропагандистскую деятельность этих лиц в духе Союза и, в частности, в постановку образования в дивизионных учебных заведениях. Мотивы поступка Таушева, привлечшего внимание следователей по делу Раевского, были несомненно обусловлены его дружескими отношениями как с Охотниковым, так и с Раевским, и вполне могли быть дополнены обязанностью товарища по тайному союзу.

Совокупность обстоятельств: близость товарища-единомышленника к главным фигурам кишиневского тайного кружка, факт уничтожения им улики против В.Ф.Раевского, а также привлечение к делу «первого декабриста», наказание, вынесенное по этому делу, – все это вместе дает, по нашему мнению, достаточное основание для того, чтобы включить Н.С.Таушева в круг возможных участников Кишиневской управы Союза благоденствия, в число предполагаемых декабристов.

Переходя к разряду предполагаемых участников тайных обществ, сведения о причастности которых к декабристским союзам содержат мемуарные источники, остановимся прежде всего на фигуре **М.М.Муромцева**. О своем участии в собраниях общества «свободномыслящих» он написал в собственных воспоминаниях.

Матвей Матвеевич Муромцев – автор мемуаров, охватывающих продолжительное время – более 20 лет (Муромцев 1890). Офицер Измайловского полка, Муромцев в 1812 г. поступил в адъютанты к А.П.Ермолову, именно тогда его давнее знакомство с другими адъютантами Ермолова – М.А.Фонвизиным и П.Х.Граббе – перешло в близкую дружбу (Семенова 1982: 107, 119–121). Он познакомился с ними еще до 1812 г. Так, Муромцев вспоминал об офицерском кружке в 1808–1809 гг. в Измайловском полку: «*Мы собирались у нашего поручика Михаила Александровича Фонвизина. Тут бывали Дибич, Березин, граф Дамас, Спиридов...*» (Муромцев 1890: 70–71). Фонвизин был тогда одной из центральных фигур этого дружеского кружка, участники которого занимались самообразованием, главным образом военными науками, а также обсуждали политические новости. Связь между ними сохранилась и после заграничных походов 1813–1814 гг., когда Муромцев вышел в отставку. Согласно воспоминаниям Муромцева, после 1814 г. он не раз встречался с давними товарищами в Москве, в доме братьев М.А. и И.А.Фонвизиных. Помимо самих хозяев фиксируются его тесные контакты с П.Х.Граббе (он, как известно, был принят в Союз благоденствия в 1818–1819 гг. именно М.А.Фонвизиным – Пушкина, Ильин 2000: 34), А.Н. и М.Н.Муравьевыми, И.Д.Якушкиным, Д.А.Давыдовым – теми, кто составлял ядро московского Союза благоденствия.

«Фонвизин часто ездил ко мне. По выздоровлении я бывал у него, и мы собирались вечером. Всегдашние гости были: М. Муравьев, А. Муравьев, Якушкин, Мамонов, Граббе, Давыдов; иные проездом через Москву, имена которых не назову. Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проекты перемены администрации и думали даже о низвержении настоящего порядка вещей. Я бы непременно попался впоследствии, как и все лица, составлявшие наше общество; но к счастью я был предупрежден Ал. Ив. Нейгардтом, начальником корпуса, стоявшего тогда в Москве. Он был очень дружен с покойным братом Павлом, а через него был знаком со мною, и в кампании 1812 года мы с ним часто встречались в сражениях и по делам службы. Он приехал ко мне, отозвал меня в кабинет, объяснил всю опасность членов, собирающихся у Фонвизина, что правительство уже обратило на это внимание, и чтоб я отнюдь ничего не подписывал. Это предупреждение спасло меня. Была заведена книга, где действительно члены вписывались. Я избег подписи и скоро уехал в деревню. В это время Граббе жил в Ярославле, командуя Лубенским гусарским полком; он не дозволил офицерам ехать вверхом перед инспектором, который этого потребовал, как экзамена. Он был со мною в переписке, и это узнал Нейгардт...» (Муромцев 1890: 390–391; выделено мной – П.И.).

Целый ряд данных, содержащихся в приведенном отрывке, указывает на то, что речь в нем идет о декабристском союзе. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что, по словам Муромцева, «*разговоры*» были «*тайными*», закрытыми для посторонних лиц. На собраниях речь шла о правительстве, действия которого «*осуждали*»; участники «*общества*» рассуждали о проектах реформ и даже, по утверждению мемуариста, о ниспровержении «*настоящего порядка вещей*». Политический, более того – оппозиционный – характер собраний, описанных Муромцевым, не вызывает сомнений. Вряд ли необходимо добавлять, что такого рода встречи могли проходить в тесном кругу единомышленников, из которого не может быть исключен сам автор воспоминаний.

К политической окраске «дружеских» собраний следует прибавить хорошо известное участие всех упомянутых автором лиц в декабристских тайных обществах. Этот факт говорит сам за себя. Муромцев прямо указывает на то, что все участники собраний, которые и он посещал, были привлечены к следствию и «попались» в «дело» 1825–1826 гг. Это также говорит в пользу вывода о том, что мемуарист вспоминает именно о собраниях декабристского общества. В данном контексте весьма симптоматичным видится глухое упоминание Муромцева о том, что в собраниях участвовали неназванные им лица, проезжавшие через Москву. Видимо, не будет ошибкой предположение о том, что здесь имеются в виду члены тайных обществ, приезжавшие в Москву из Петербурга и

из 2-й армии (например, Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев, И.Г. Бурцов). Все это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что речь в воспоминаниях Муромцева идет о собраниях конспиративной организации именно декабристского ряда.

С этой точки зрения достаточно важным выглядит сообщение Муромцева о некоей «книге», в которую, очевидно, вписывались имена лиц, согласившихся участвовать в обществе. Эта информация говорит о том, что речь идет о конспиративной структуре, располагавшей письменными документами, в том числе уставного характера, прием в которую предусматривал «подписку», т.е. письменное обязательство, столь характерное для декабристских союзов.

В ряду важных наблюдений стоят переданные Муромцевым данные о том, что ему сообщили об осведомленности правительства о собраниях в доме И.А. и М.А. Фонвизиных. Эти сведения, возможно, отсылают к доносам М.К. Грибовского, осведомившего полицейские службы о собраниях участников тайного общества в Москве. Упомянутый мемуаристом А.И. Нейдгардт в 1823 г. был назначен начальником штаба Гвардейского корпуса и уехал в Петербург (Габаев 1926: 161). Таким образом, события, описанные Муромцевым, происходили, по-видимому, не ранее весны 1821 г. и не позднее 1823 г.

1821–1822 гг. – время, когда недавние активные члены «ранних» декабристских тайных обществ постепенно отходят от деятельного участия в движении: новые исторические условия, туманная перспектива политических реформ, угроза правительственного преследования заставляли отлагать самостоятельные действия на неопределенный срок. Вместе с тем, в это время данный процесс только наметился: участники тайного общества, созданного в начале 1821 г. на Московском съезде, стремились к оформлению вновь созданной организации, привлекая новых участников. Известно, например, что в 1823 г. усилиями И.Д. Якушкина в это общество поступил полковник Г.И. Копылов, состоявший ранее в Союзе благоденствия (Пушкина, Ильин 2000: 56). Возможно, такой же путь проделал и Муромцев.

С другой стороны, контекст данного указания не позволяет все же полностью отождествить определение, примененное мемуаристом для характеристики отношений между давними товарищами, – «наше общество» – именно с тайным обществом, хотя такое истолкование кажется нам наиболее предпочтительным; и, возможно, употребляя данное выражение, автор воспоминаний вкладывал в него именно это значение. Однако нельзя полностью исключить и другого истолкования: мемуарист подразумевал лишь постоянные встречи определенного устоявшегося круга давних друзей и единомышленников, не оформленного в конспиративную организацию.

Вызывает вопросы и хронологическая привязка сведений, сообщенных в мемуарном фрагменте. Муромцев относит собрания «общества», на которых имели место «тайные разговоры» или точнее – начавшуюся подписку в «книгу», от которой он уклонился, к лету 1822 г. По его словам, в это время П.Х.Граббе, командуя Лубенским гусарским полком, находился в Ярославле. Сведения эти, однако, следует признать неточными: указанным полком Граббе командовал с 1817 г., в марте же 1822 г. он по высочайшему приказу был лишен командования и уволен со службы; только сдав полк, Граббе отправился в Ярославль (Декабристы 1988: 58; Ковалева 1996: 157, 158–159). В июне 1823 г. он покинул Ярославль, уехав в Петербург, а в августе этого года по высочайшему приказу его возвратили на службу (Чернов 1960: 257). Очевидно, память мемуариста относительно хронологии событий недостаточно точна.

С другой стороны, в начале приведенного отрывка мемуарист пишет о Граббе как участнике тайных собраний в Москве, поэтому его сообщение об этих собраниях следует, вероятно, отнести к более раннему времени. На эту мысль наводит и фамилия А.Н.Муравьева, который, по всем имеющимся данным, отошел от тайного общества еще в 1819 г. Кроме того, останавливает на себе внимание состав участников собраний: здесь названы активные деятели московского Союза благоденствия, прекратившего свое существование весной 1821 г. Можно предположить, что память подвела мемуариста, и описанные им собрания происходили не в 1822 г., а, например, на год или два раньше. Вместе с тем фактически те же лица (за исключением А.Н.Муравьева и М.А.Дмитриева-Мамонова) на Московском съезде в начале 1821 г. решили создать новое тайное общество, основателями которого стали друзья Муромцева – братья И.А. и М.А.Фонвизины, И.Д.Якушкин и П.Х.Граббе. Возможно, мемуаристом объединены встречи, проходившие у Фонвизиных как до Московского съезда, так и после него. Как отмечал Н.П.Чулков (1932: 302): «...память его [Муромцева – П.И.] была не очень твердая».

Первым мнение о том, что Муромцев описал события не 1822 г., а более раннего времени, еще в 1905 г. высказал В.И.Семевский, публикуя записки М.А.Фонвизина в сборнике «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Отнесение Муромцева к числу участников именно Союза благоденствия разделяли и другие исследователи. Так, указание, которое содержат воспоминания Муромцева, стало основанием для включения Муромцева в число членов одной из московских управ Союза благоденствия, возглавляемой Ф.П.Шаховским. В эту управу, по мнению И.В.Пороха, входили П.Х.Граббе, М.А. и И.А.Фонвизины, И.Д.Якушкин, С.М.Семенов, М.А.Волков,

К.А.Охотников, Ф.Ф.Гагарин, – тем самым историк отнес вступление Муромцева в тайное общество к 1818 г. И.В.Порох, в частности, писал:

«Судя по воспоминаниям М.М.Муромцева, он также принадлежал к Союзу благоденствия, и его квартира в 1818–1819 гг. была местом частных сборов членов организации. Особо подчеркивает Муромцев свою близость с М.Фонвизиньим. И возможно, что он и принял его в общество...» (Порох 1963: 43–44, 45).

Еще ранее к участникам московских управ Союза благоденствия отнес Муромцева Н.П.Чулков (1932: 301).¹¹

Действительно, особый характер многолетних связей Муромцева с М.А.Фонвизиньим, П.Х.Габбе и рядом других активных деятелей Союза заставляет предположить: не происходили ли собрания с его участием в Москве в период активной деятельности Союза благоденствия, хотя прямого указания о вступлении Муромцева в тайное общество его воспоминания не содержат. Учитывая близость Муромцева к наиболее крупным деятелям тайного общества в Москве, а также отмеченный в его воспоминаниях характер тайных заседаний, которые он посещал, следует предположить его возможную принадлежность к одной из московских управ Союза благоденствия, в промежутке между 1818 и 1821 гг. Свидетельство Муромцева, однако, не дает полной уверенности в том, что упомянутые им собрания были собраниями Союза благоденствия. Приводимые им сведения о «книге», в которую записывались члены, как будто не похожи на характер и назначение «Зеленой книги» – устава Союза благоденствия. Возможно, это был новый документ общества, созданный после съезда 1821 г. Но речь, видимо, идет о приложенных к уставу списках, в которые вносились новые члены. А такого рода списки существовали как до, так и после 1821 года.

Вступил ли Муромцев во вновь созданную в 1821 г. организацию? Или его участие ограничилось присутствием на первых собраниях вновь создаваемого тайного общества до его формального конституирования? Может быть, он участвовал только в Союзе благоденствия? Ответить на все эти вопросы с полной уверенностью нельзя. Сомнение в принадлежности Муромцева к декабристскому союзу вызывает главным образом сообщение об отказе мемуариста подписаться в заведенную «книгу», то есть оформить свое вступление в тайное общество. Един-

---

¹¹ Составители указателя мемуарных источников по истории России, опираясь на разбираемое свидетельство из воспоминаний Муромцева, констатируют лишь его «знакомство с членами тайных обществ». См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / Под ред. П.А.Зайончковского. Т.2. Ч.1. М., 1977. С.244.

ственное, что можно уверенно констатировать, – это присутствие Муромцева среди участников тайного общества на рубеже 1810–1820-х гг. и отход от них после 1822 г.

Итак, исследователь при интерпретации данных этого свидетельства может ограничиться простым воспроизведением позиции мемуариста, заключив, что Муромцев вспоминал исключительно о встречах единомышленников, оппозиционно настроенных, критикующих правительственные меры, обсуждающих острые политические вопросы и даже проекты преобразований, – встречах, не облеченных в форму тайного общества. Однако состав участников собраний, их место и время, а главное, содержание бесед, – все это служит реальной почвой для обоснованного предположения о том, что Муромцевым описаны собрания Союза благоденствия или созданного в 1821 г. тайного общества, в которое вошли Граббе, Якушкин и братья Фонвизины. В этом случае свидетельство Муромцева уникально тем, что оно фиксирует участие в собраниях тайных обществ А.Н.Муравьева, отошедшего от них, согласно традиционным представлениям, еще в 1819 г., а также одного из учредителей «Ордена русских рыцарей» М.А.Дмитриева-Мамонова, постоянно жившего в своем имении, но изредка посещавшего столицы. Нам представляется обоснованным предположение о том, что Муромцев, принадлежа к Союзу благоденствия и присутствуя в этом качестве на собраниях у Фонвизиных, при создании нового тайного общества в 1821 г. отказался от вступления в него.

Как можно уверенно полагать, именно такие лица, как Муромцев, составляли периферию декабристских тайных обществ. Связанные с видными их участниками дружескими отношениями единомышленников, они образовали основную массу лиц, укrywшихся от следствия, благодаря слабой вовлеченности в события 1825–1826 гг., в планы радикальных действий, благодаря своему крайнему положению в тайном обществе.

Обращаясь к дальнейшему анализу мемуарных свидетельств, отметим, что исследователь располагает прямыми указаниями мемуарных источников на принадлежность к тайному обществу нескольких лиц, причем эти указания находят косвенные подтверждения и в материалах следствия 1825–1826 гг., где имеются сведения о подозрении в причастности к тайному обществу или связях с заговорщиками целого ряда лиц.

Одно из таких имен тесно связано, пожалуй, с одним из наиболее таинственных (и одновременно – ключевых) эпизодов выступления Черниговского пехотного полка – «командировкой» прапорщика А.Е.Мозалевского в сопровождении нескольких солдат Черниговского полка в Киев, с запиской (записками?) от С.И.Муравьева-Апостола и экземплярами «Православного катехизиса». По некоторым данным, Мозалев-

ский должен был встретиться с рядом участников заговора и передать им приглашение содействовать мятежу. Одним из этих лиц был офицер Курского пехотного полка член тайного общества (по безоговорочному утверждению И.И.Горбачевского) **А.Н.Крупеников** (Горбачевский 1963: 75–76, 91). Фамилия Крупеникова не попала в «Алфавит» Боровакова, хотя показания о связи этого офицера с планами руководителей восстания дали на петербургском следствии С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы.

Согласно запискам Горбачевского, Мозалевский встретился с «*подполковником*» Крупениковым и отдал ему письмо. Крупеников якобы «с радостью» желал восставшим успеха, спрашивал о планах Муравьева-Апостола. Далее Крупеников передал, что его полк выступает против восставших и при случае он сделает все, чтобы «*соединиться*» с ними, «*исполнить данное обещание и разделить общую опасность*». О других членах – в Воронежском и Витебском пехотных полках – Крупеников не знал, «*на что они решились и что намерены делать*» (Горбачевский 1963: 76). Факт этой встречи отвергается исследователями на том основании, что, согласно данным, полученным следствием на юге, Мозалевский не нашел в Курском пехотном полку разыскиваемого им офицера.

Сведения о Крупеникове содержат не только воспоминания Горбачевского, но и следственные документы. На следствии М.И.Муравьев-Апостол показал, что С.И.Муравьев-Апостол послал незнакомого ему офицера в Киев с запиской к «*майору*» Крупеникову:

«31 декабря Кузмин приходил к брату и сказал: что Андреевич говорил ему, что он принял майора Крупеникова, что Крупеников находился тогда с своим батальоном в Киеве. Крупеников служит в Курском полку, – брат ему писал через Черниговского полка офицера, которого я видел в первый раз и которого я имя не помню. В письме брат его уведомлял о возмущении Черниговского полка» (Муравьев-Апостол 1950: 197 (фр. яз.), 205–206 (перевод), 239).

С.И.Муравьев-Апостол подтвердил, что на Крупеникова ему действительно указал застрелившийся при подавлении мятежа А.Д.Кузмин («*в Курском полку есть майор Крупеников*»), который говорил,

«... что если это тот, которого он знает, то предполагает, что он не откажется содействовать нам; по сему разговору с Кузминым решился я на всякий случай написать... письмо...» (Муравьев-Апостол 1927: 285–286; выделено мной – П.И.).

Буквальное повторение мотива появления письма к Крупеникову содержится в более раннем его показании, данном еще 11 января 1826 г. при первом допросе в Главном штабе 1-й армии. Но здесь раскрывается и цель отправления этого письма:

«... для того только, чтобы уведомить его о моем намерении и узнать его мнение, ибо я до сих пор не был с ним знаком и не знаю Круп[е]никова, писал же к нему потому, что говорил мне об нем поручик Кузмин как о человеке, которого он знает, и сие одно на всякий случай побудило меня писать упомянутое письмо к нему» (Муравьев-Апостол 1927: 248; Нечкина 19556: 361; выделено мной – П.И.).

Согласно очень важным показаниям самого А.Е.Мозалевского, отобранным у него уже 2 января 1826 г. и, как следует признать, менее тенденциозным по сравнению с показаниями лидеров мятежа, С.И.Муравьев-Апостол в своей записке писал «майору» Крупеникову, «*чтобы шел с батальоном в Брусилов на сборное место*», об этом же он велел «*сказать*» устно (Муравьев-Апостол 1927: 250). Однако в Киеве, согласно показаниям Мозалевского, он с Крупениковым (у Мозалевского – «Крупников») не встретился, поскольку «*не отыскал*» его. Письмо, адресованное Крупеникову, у него было, «*но где и каким образом оно утерял, не знает*» (Восстание Черниговского полка 1929: 20–21).

Кроме Мозалевского были взяты показания у сопровождавших его солдат: унтер-офицера Ивана Харитонова и рядовых Павла Прокофьева, Акима Софронова и Алексея Федорова, а также нижних чинов Курского полка Кузьмы Карпова и Степана Кошелева. Выяснилось, что Прокофьев был послан Мозалевским в канцелярию Курского полка, чтобы отыскать Крупеникова (в передаче солдата – «Крупенкина»). От Карпова рядовой узнал, что в полку нет «*майора сей фамилии*», а есть поручик Крупеников. Это же Мозалевскому подтвердил встретившийся ему рядовой (полковой писарь) Кошелев. На просьбу указать квартиру поручика рядовой ответил отказом. Кошелев видел у Мозалевского «*письмо, адресованное карандашом на имя майора Крупеникова*» (факт существования письма подтверждается таким образом еще раз). Странно, но Мозалевский больше ничего не предпринял для того, чтобы найти поручика с искомой фамилией (Восстание Черниговского полка 1929: 21–23).

Стоит отметить, что если бы от Крупеникова был получен «*удовлетворительный ответ*», то Муравьев-Апостол намеревался через Брусилов идти именно в сторону Киева: цена письма к Крупеникову была очень высокой: «*...из Брусилова я мог одним переходом придти в Киев, если б получил от Крупеникова удовлетворительный ответ*» (Муравь-

ев-Апостол 1927: 287). Это показание, видимо, надо понимать так, что если бы Крупеников не привел в Брусилев свой батальон, но при этом дал все же положительный ответ, то Муравьев-Апостол повел бы Черниговский полк на Киев. Столь ожидаемый от Крупеникова *«удовлетворительный ответ»* вряд ли мог ограничиваться лишь его *«мнением»* о намерении С.И.Муравьева-Апостола начать восстание, как показывал на следствии последний. Ответа Крупеникова Черниговский полк ждал более суток – с 31 декабря по 1 января – а затем, *«не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят в Киеве»*, Муравьев-Апостол повернул в сторону Белой Церкви (Муравьев-Апостол 1927: 287).

Любопытно, что цель поездки Мозалевского была известна и разжалованному Д.Грохольскому, который на допросах в военно-судной комиссии, образованной в Белой Церкви, утверждал, что *«другое письмо писал он, Муравьев, уже в Василькове к майору Крупеникову, чрез прапорщика Мозалевского, с тем, чтобы он следовал на сборный пункт»* (Восстание Черниговского полка 1929: 308). Характерно, что этот участник мятежа знает и фамилию адресата письма, и обстоятельства его отправки, и самое главное – его содержание, то, что в нем предлагалось Крупеникову – следовать на *«сборный пункт»*.

А.Н.Крупеников, судя по всему, был привлечен к расследованию в 1-й армии. Известен рапорт корпусного командира А.Г.Щербатова Главнокомандующему 1-й армией Ф.В.Остен-Сакену, написанный по свежим следам – 2 января 1826 г. В этом рапорте сообщалось, что *«майора»* Крупеникова в полку и в корпусе нет, а есть поручик Крупеников. Щербатов давал подозреваемому офицеру безупречную (и одностороннюю) характеристику и сообщал полученные о нем сведения:

«поручик Крупеников, по объявлению полкового командира, есть один из самых добронравных и верных офицеров, который, будучи... обязан семейством, совершенно не заслуживает никакого подозрения» (Восстание Черниговского полка 1929: 18).

В связи с показаниями Мозалевского и сопровождавших его солдат Крупеников вызывался на допрос. Возможно, короткое время он был арестован, а затем освобожден с установлением надзора: Щербатов сообщал, что Крупеников не виновен: *«в чем я и ныне удостоверился, призывая его лично к себе, но при всем том буду иметь его до времени под наблюдением»* (Восстание Черниговского полка 1929: 18). Очевидно, надзор был учрежден военной полицией 1-й армии. Вероятно, имелось в виду последующее привлечение офицера к следствию по делу о мятеже. Однако, насколько известно, после этого допроса о Крупенико-

ве не запрашивали никого из членов Южного общества и «Общества соединенных славян» (кроме С.И.Муравьева-Апостола) – включая тех, кто находился под следствием в Могилеве. Не спрашивали о связях с черниговцами и самого Крупеникова. Дальнейшего разбирательства и репрессий Крупеников, по-видимому, избежал; продолжительность надзора, установленного над ним, неизвестна.

Петербургское следствие получило сведения, сообщенные на допросах Мозалевским и изложенные в рапорте Щербатова, от главнокомандующего 1-й армией Ф.В.Остен-Сакена. Судя по всему, оно было удовлетворено ответом, что майора «Крупникова» в 4-м пехотном корпусе не оказалось, а поручик Крупеников является «отличным» офицером, обязанным семейством (Муравьев-Апостол 1927: 408). Об этом свидетельствует итоговая записка о С.И.Муравьеве-Апостоле, составленная А.Д.Боровковым, где утверждается, что письмо в Киев он

«... писал по словам Кузмина, который уверил его, что Круп[е]ников примет участие в возмущении, да и по сделанным выправкам майора Круп[е]никова в 4-м корпусе... вовсе не оказалось; поручик же Кузмин при взятии возмутителей застрелился» (Муравьев-Апостол 1927: 408).

Как видим, текст записки содержит явные смысловые лакуны, его автор испытывал серьезные затруднения в объяснении эпизода.

Как результат расследования в отношении Крупеникова, фактически остановившегося после первого же рапорта Щербатова, следует привести фрагмент из всеподданнейшего доклада Аудиториатского департамента по делу офицеров Черниговского полка от 10 июля 1826 г.:

«В Курском полку, по уверению командира 4-го пехотного корпуса... нет майора Крупеникова, а хотя и есть поручик Крупеников, но сей по объявлению полкового командира есть один из самых добронравных и верных офицеров, который обязан семейством и совершенно не заслуживает никакого подозрения» (Восстание Черниговского полка 1929: 127).

Нет сомнения, что следователи удовлетворились рапортом Щербатова и показаниями С.И.Муравьева-Апостола. Этот факт представляет собой исключительный случай – когда лицо, подозревавшееся в готовности участвовать в мятеже, было оправдано только благодаря положительной характеристике, данной ему полковым и корпусным командирами. Обыкновенно следствию требовались более веские доказательства невиновности подозреваемого. Остается лишь согласиться с мнением Ю.Г.Оксмана:

«Трудно ныне судить, насколько серьезными были предположения о возможности восстания в Киеве при приближении к нему революционных рот С.И. Муравьева-Апостола, но каковы бы эти основания ни были, следствие на них почему-то не остановилось, и формальной отпиской князя Щербатова разрешился даже такой первостепенной важности вопрос, как расчеты мятежников на батальон Крупеникова...» (Восстание Черниговского полка 1929: 327).

Существенная поправка: речь шла, собственно, не о восстании в Киеве, а, скорее всего, о более реальном плане: присоединении батальона Курского пехотного полка к восставшим частям на «*сборном пункте*» в Брусилове. Увлечь в таком случае этот батальон, окруженный войсками, уже участвующими в мятеже, по сценарию испанской «военной революции», было бы намного проще.

Итак, документы фиксируют несомненный факт – руководители восстания надеялись на поддержку и реальное участие в мятеже офицера Курского полка. Крупеников, как это следует из содержания аресованной ему записки лидера восстания, должен был присоединить свой батальон к мятежным частям в Брусилове.

Заговорщика майора Крупеникова (Крупникова) следствие не обнаружило, зато существовало вполне реальное лицо – поручик Крупеников (связи которого с заговором следствие расследовать по неизвестным причинам не стало). Тем не менее, несмотря на имеющиеся документальные свидетельства, исследователи долгое время ограничивались лишь констатацией недостоверности сведений записок Горбачевского, причем многие из них сомневались в реальном существовании Крупеникова (в том числе И.В. Порох, который утверждал: «*Эта личность оказалась вымышленной*» – Порох 1954: 172; ср. также неверный вывод: «*Личность Крупеникова следствию так и не удалось раскрыть*» – Нечкина 1955б: 370), несмотря на то, что в VI томе «Восстания декабристов» был опубликован рапорт А.Г. Щербатова со сведениями о поручике Крупеникове и изложением отобранных у него показаний.¹² М.К. Азадковский (1992: 104–105), ограничиваясь выводом следствия – о том, что «*никакого майора Курского полка Крупеникова не существовало*» – полагал, что «*внесенный в воспоминания Горбачевского*

---

¹² М.В. Нечкина, однако, закономерно полагала, что, несмотря на то, что в Курском пехотном полку «майора Крупникова» не оказалось, «*никак нельзя с уверенностью утверждать, что Крупников или Крупеников – вымышленное лицо*» (Нечкина 1955б: 488). Важно отметить, что выдуманные Горбачевским подробности встречи Мозалевского и Крупеникова в Киеве не должны заслонять реального факта отправки посланцев лидера мятежа с письмом, адресованным Крупеникову.

рассказ Мозалевского нужно считать недостоверным и выдуманным». Действительно, сообщаемые Горбачевским факты требуют тщательной проверки и критического отношения, но не следует забывать, что в основе даже, скорее всего, вымышленных этим мемуаристом эпизодов нередко находятся обстоятельства, имевшие место в реальности.

О.И.Киянская, автор новейшего исследования событий в Черниговском полку, много сделавшая для того, чтобы избавиться от мифического ореола ряд фигур, оказавшихся на периферии событий и в тени расследования 1826 г., уделила специальное внимание командировке Мозалевского в Киев и связям мятежников с офицерами, находившимися в Киеве, окончательно идентифицировав личность Крупеникова. Оказалось, что в Курском полку действительно служил поручик Крупеников; его биографические данные восстановлены по печатным «Высочайшим приказам о чинах военных...», имя и отчество – по делам Инспекторского департамента Военного министерства (**Киянская 1997: 83–85**).

Для нас важен конкретный аспект вопроса – состоял ли Крупеников членом тайного общества и если да, то какого? Итак, согласно запискам Горбачевского, офицер Курского полка Крупеников – заговорщик, член тайного общества. По показаниям самого С.И.Муравьева-Апостола, «*майора Крупникова*» ему указал «славянин» А.Д.Кузьмин, покончивший с собой после подавления восстания. М.И.Муравьев-Апостол показал, что Кузьмин знал о Крупеникове как участнике тайного общества потому, что он был принят Я.М.Андреевичем, активным членом «Общества соединенных славян», кстати, также, как и Крупеников, служившим в Киеве (**Муравьев-Апостол 1950: 197, 205, 229**). О.И.Киянская делает оговорку: «*Конечно, нельзя полностью исключить возможность знакомства этих декабристов с Крупениковым*» (**Киянская 1997: 84**), однако не считает этот путь плодотворным. Для того, чтобы установить «*действительный источник*» сведений Муравьева-Апостола о Крупеникове, историк обращается к биографии последнего. Автор указывает на путаницу с чином и фамилией Крупеникова, которая присутствует в показаниях и воспоминаниях декабристов, и приходит к выводу о том, что С.И.Муравьев-Апостол и другие заговорщики лично не знали Крупеникова (**Киянская 1997: 83–84**). Не обнаружив служебных связей самого А.Н.Крупеникова с членами тайных обществ, Киянская находит таковые у его старшего брата Никиты Никитича, – с М.М.Спиридовым. Дальнейший анализ приводит историка к выводу о том, что члены Южного и Славянского обществ перепутали Александра Крупеникова с братом Никитой, боевым товарищем Спиридова, уже давно вышедшим в отставку, с которым уже многие годы не имели связи. В итоге исследователь утверждает: «*Сделать точный вывод о его*

(Крупеникова – П.И.) *связях с тайными обществами невозможно; скорее всего, он даже и не знал об их существовании*» (Киянская 1997: 85).

Такой ход рассуждений возможен, но нельзя исключить мотивов С.И.Муравьева-Апостола, которые лежали в основе его тактики на следствии: в частности, его стремления отвести от наказания лиц, мало замешанных в деле, а заодно скрыть некоторые звенья конкретного плана мятежа. Недаром сама исследовательница отмечает: «...лидер черниговцев тщательно скрывал все свои киевские контакты» (Киянская 1997: 82). Версия историка о том, что заговорщики перепутали братьев и практически не поддерживали никакой связи с офицером Курского полка достойна внимания, но не может быть единственной. Эта версия представляется нам, в частности, противоречащей логике событий, связанных с «командировкой» в Киев Мозалевского. В особенности же против такого хода рассуждений говорят следственные показания братьев Муравьевых-Апостолов и самого Мозалевского. Ведь речь в них идет об ожиданиях лидеров мятежа готовности со стороны Крупеникова непосредственно участвовать в выступлении, что не может не предполагать прочно установленных и тесных связей между лидерами выступления и Крупениковым, поддерживавшихся и накануне событий. Столь серьезная надежда на участие в мятеже, вызвавшая к жизни письмо Муравьева-Апостола в Киев и командировку Мозалевского, предполагает уверенность в надежности и близкое общение с Крупениковым (как участником заговора) в канун выступления.

Что же лежало в основе надежд Муравьева-Апостола на Крупеникова? По нашему мнению, известная ему принадлежность этого лица к тайному обществу. Служебное положение Крупеникова вроде бы не говорит о его близости к «славянам»: в полках дивизии, к которой принадлежал Крупеников, в основном служили члены Южного общества или лица, близкие к ним – И.Н.Хотяинцев, А.В.Капнист и другие. С другой стороны, и Спиридов не был, собственно, настоящим членом Славянского общества: изначально он не принадлежал к этому обществу, а был фактически введен в его состав руководителями Южного общества. Поэтому связь Спиридова с братом старого товарища-сослуживца – А.Н.Крупениковым – выглядит вполне естественно. Общение Спиридова с другими участниками «Общества соединенных славян» могло способствовать распространению этой информации именно в среде «славян», например, в нее мог быть посвящен Андреевич (служивший в Киеве, как и Крупеников), в свою очередь передавший ее Кузьмину. Представляется вполне допустимым предположение, отличающееся от версии О.И.Киянской: Крупеников был принят в тайное общество Спиридовым (фактически – в присоединившееся к «южанам» Славянское общество), вероятно, при участии или в присутствии Андреевича. Му-

равьев-Апостол (или Бестужев-Рюмин) также установил связь с Крупениковым (через Спиридова, Андреевича или Кузьмина), как это было в другом освещенном исследовательницей случае с полковником П. Я. Ренненкампом, хорошим знакомцем С. П. Трубецкого и С. И. Муравьева-Апостола, судя по всему, принятым в Южное общество (*Киянская 1997*: 89–97).

Что же касается путаницы с чином и фамилией Крупеникова, то она вполне объясняется тем, что С. И. Муравьев-Апостол не имел прямых контактов с этим офицером, а получал сведения о нем через «третьих лиц», которые и могли неверно передать эти сведения. Обращает на себя внимание совпадение ошибочных данных о чине Крупеникова («майор») с реальным чином майора Спиридова.

Такой нам видится гипотетическая картина связей Крупеникова с тайным обществом. Как и в случае с Ренненкампом, конспиративные связи с которым не лежат на поверхности, ибо не были до конца вскрыты следствием, Муравьев-Апостол, возможно, попытался спасти мало замешанное лицо (Крупеникова) от попадания в жернова репрессий. Кроме того, привлечение последнего к расследованию вскрывало целый пласт тщательно скрывааемых, явно нежелательных для лидеров заговора сюжетов, связанных с расчетами руководителей восстания на присоединение целого ряда соседних полков 1-й армии и с планами дальнейших действий мятежников.

Конечно, ответ на рассматриваемый вопрос невозможен без привлечения дополнительных данных; вероятно, пролить свет на этот затененный сюжет помогут документы расследования в 1-й армии. Но все же несомненным представляется одно: обращаться за содействием заговорщики, начавшие восстание, могли к достаточно надежным людям, на которых можно было реально рассчитывать. Лидеры восстания явно надеялись на помощь или поддержку в Киеве и могли опираться лишь на хорошо известных им людей. Как представляется, не стоит полностью пренебрегать указаниями записок Горбачевского в отношении участия Крупеникова в тайном обществе; они базируются на свидетельствах непосредственных участников событий, в том числе А. Е. Мозалевского и близкого товарища Кузьмина В. Н. Соловьева. Возможно, в этих мемуарах отражена информация, полученная от Я. М. Андреевича и М. М. Спиридова, а также других «славян». Однако даже если степень близости Крупеникова к тайному обществу была не такой серьезной, как утверждается в записках Горбачевского, если не существовало предполагаемой прямой связи «Сергей Муравьев-Апостол – Спиридов – Крупеников», фамилия последнего без сомнения должна быть в числе предполагаемых участников декабристских конспиративных организаций.

В записках И.И.Горбачевского содержится указание на принадлежность к Южному обществу полковника, командира Кременчугского пехотного полка **П.А.Набокова**. Согласно запискам Горбачевского, эта фамилия была названа М.П.Бестужевым-Рюминым «славянам» на первом объединительном совещании в Лещине у Я.М.Андреевича, при перечислении членов тайного общества – наряду с П.Д.Киселевым, Н.Н.Раевским, М.Ф.Орловым, С.Г.Волконским, С.П.Трубецким, П.И.Пестелем, А.П.Юшневским, В.Л.Давыдовым, И.С.Повалов-Швейковским, В.К.Тизенгаузеном, В.И.Враницким, А.Н.Фроловым, М.И.Пыхачевым, Артамоном и Александром Муравьевыми, М.А.Габбе и другими (Горбачевский 1963: 10). Как видим, наряду со строго установленными следствием членами Южного общества Бестужев-Рюмин назвал, согласно Горбачевскому, уже отставших от тайных обществ (М.Ф.Орлов) и даже не состоявших в них, но тесно связанных служебными, родственными и дружескими связями с заговорщиками П.Д.Киселева и Н.Н.Раевского. Очевидно, речь шла о тех, на кого заговорщики оказывали влияние или надеялись повлиять.

Появление в этом ряду командира Кременчугского пехотного полка П.А.Набокова – «старого приятеля и однополчанина» братьев С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов военной поры 1812-1814 гг. (Оксман 1925: 8), в 1819 г. перешедшего в армию из л.-гв. Семеновского полка, но не растерявшего дружеских связей и поддерживавшего контакты с бывшими однополчанами, крайне характерно.

Следствие располагало данными о том, что П.А.Набоков осенью 1825 г. бывал в Киеве у С.П.Трубецкого (стоит заметить, еще одного давнего товарища по Семеновскому полку; вместе они участвовали в войне 1812 г.), где слышал разговоры С.И.Муравьева-Апостола о преимуществах конституционного правления. Об этом стало известно из показаний подполковника М.М.Гротенгельма (Муравьев-Апостол 1927: 238). Выяснилось также, что непосредственно перед началом мятежа Черниговского полка к Набокову заезжали С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы. Действительно, узнав в корпусной квартире в Житомире о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге, С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы 25–27 декабря совершили объезд расположения ряда частей, на которых надеялись в случае поднятия восстания. Они посетили Троянов (место квартирования Александрийского гусарского полка во главе с Александром З.Муравьевым), Любар (штаб-квартира Ахтырского гусарского полка во главе с Артамоном З.Муравьевым). Но первым пунктом их поездки был Брусиллов – место стоянки Кременчугского пехотного полка, которым командовал Набоков. Известно, как нуждались руководители заговора в поддержке военной силы, как рассчитывали они на присоединение к Черниговскому полку ряда других пол-

ков. В этом свете упомянутое посещение давнего товарища представляется, конечно, не случайным. Суть переговоров поддается лишь общей интерпретации – на следствии об этом предпочитали умалчивать. Ясно одно: предложения Муравьевых-Апостолов, скорее всего, не нашли ожидаемого ими отклика со стороны полковых командиров.

Существуют показания В. Н. Соловьева, данные в Комиссии военного суда при Главном штабе 1-й армии, согласно которым С. И. Муравьев-Апостол *«под предлогом отпуска поехал в корпусную квартиру для того, чтобы известить всех сообщников о времени начала действий»*; кроме своих родственников братьев Артамона и Александра З. Муравьевых, в первую очередь он собирался побывать в Брусилове у Набокова (Рапорт 1902: 287–288; Нечкина 1955б: 487). Показания Соловьева и Мозалевского – хотя и активных, но все же «рядовых» участников мятежа, как представляется, менее отягощены целенаправленной системой умолчания и оправданий, что обычно свойственно показаниям лидеров выступления С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину, поэтому в большей степени заслуживают доверия.

На следствии С. И. Муравьев-Апостол утверждал, что не застал Набокова на его квартире в Брусилове. Это же утверждал М. И. Муравьев-Апостол в своих воспоминаниях о восстании черниговцев, опубликованных в 1871 г. (Муравьев-Апостол 1982: 191).

Однако Набоков фигурирует еще и в мемуарном очерке «Белая Церковь» Ф. Ф. Вадковского, собиравшего сведения о выступлении Черниговского полка со слов действующих лиц и опиравшегося на рассказы В. Н. Соловьева, А. А. Быстрицкого и А. Е. Мозалевского; из числа «южан» источником для составления его рассказа могли послужить А. З. Муравьев и И. С. Повало-Швейковский. Согласно изложению Вадковского, Набоков если не был членом тайного общества, то во всяком случае, знал о его существовании и целях и о готовящемся выступлении. Вадковский утверждает, что С. И. Муравьев-Апостол застал Набокова на его квартире и разговаривал с ним: *«На пути через местечко Брусилов Сергей Муравьев заехал к полковнику Набокову... разговор их, или, лучше сказать, ответ Набокова неизвестен»* (Вадковский 1931: 192). В примечаниях к очерку Вадковского авторитетный свидетель, участник событий М. И. Муравьев-Апостол, не опровергая факт встречи брата с Набоковым, отмечал:

«Полковник Набоков (П. А.) служил прежде в Семеновском полку и был очень знаком с Сергеем Муравьевым, можно было рассчитывать, что в решительную минуту Набоков не откажется вместе с своим полком содействовать в деле, не совсем ему чуждом». Конкретные отношения Набокова к тайному обществу Муравьев-Апостол передает

следующим образом: *«Не бывши членом Тайного общества, он знал о существовании и цели этого Общества»* (Муравьев-Апостол 1931: 200; выделено мной – П.И.).

Как видим, осторожные намеки М.И. Муравьева-Апостола и отрицание им формальной принадлежности Набокова к тайному обществу, тем не менее, не заслоняют того факта, что последний был очень хорошо осведомлен о существовании и целях общества. Более того, реальные связи были такого рода, что на Набокова можно было рассчитывать *«в решительную минуту»*, так как *«дело»* тайного общества было ему *«не совсем чуждо»*. В данном случае не так уж важно, что лежало в основе этих расчетов – в силу ли старой дружбы с С.И. Муравьевым-Апостолом или вследствие того, что Набоков являлся членом тайного общества по убеждениям, но *«дело»* этого общества ему не было чуждым.

На этом попытки инициаторов мятежа привлечь полковых командиров некоторых соседних полков не закончились. Согласно рассказу Ф.Ф. Вадковского, 29 декабря у Набокова в Брусилове и у Повало-Швейковского в Радомысле, где находился Алексопольский пехотный полк, которым последний до недавнего времени командовал, а в эти дни сдавал полковые дела, побывал М.П. Бестужев-Рюмин. В день начала мятежа Черниговского полка он совершил поездку, *«чтобы возмутить полки Кременчугский и Алексопольский...»*, однако *«безуспешно виделся с полковником Набоковым»* (Вадковский 1931: 193). Согласно запискам Горбачевского, Бестужев-Рюмин в этот день достоверно побывал только у Повало-Швейковского, однако, по данным мемуариста, *«вероятно, он был и у других полковых командиров»* (Горбачевский 1963: 66, 316). На следствии, да и во время восстания, сам Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол или замалчивали цель этой поездки, или сообщали о том, что в итоге он ни с кем не встретился (Муравьев-Апостол 1927: 286; Бестужев-Рюмин 1950: 47). Вероятнее всего, он объезжал полковых командиров – членов тайного общества, чтобы выяснить, можно ли рассчитывать на их поддержку. В отношении упомянутых двух лиц (Набокова и Повало-Швейковского) Вадковский замечает: *«бывшие пылками на словах, члены общества»* (выделено мной – П.И.) *отказались вывести полки»* (Вадковский 1931: 193; ср.: Нечкина 1955б: 356). Причина «пылкости» Повало-Швейковского, проявленной им осенью 1825 г., была выяснена на следствии: когда 31 августа 1825 г. его лишили командования Алексопольским пехотным полком и перевели в Саратовский, он, будучи оскорблен этим, хотел открыть *«действия»* (Алфавит 1988: 301); о «пылкости» Набокова нам ничего не известно. По мнению Ю.Г. Оксмана (1925: 9), *«свидание... хотя и состоялось, но не*

привело к положительным результатам». Подводя итог этим свидетельствам, следует констатировать: без сомнения, С.И. Муравьев-Апостол возлагал надежды на П.А. Набокова, рассчитывая на поддержку старого товарища. Он же посвятил своего друга в тайну существования и намерения тайного общества и, возможно, формально принял Набокова в тайное общество.

Важно отметить, что именно в Брусилове – месте расположения Кременчугского полка – Муравьев-Апостол находил удобным объединение полков, на которые рассчитывал (в первую очередь Кременчугского и Алексопольского), сюда же должны были подойти стоявшие в некотором отдалении полки 3-й гусарской дивизии – Ахтырский и Александрийский; в силу этого Брусиллов фигурировал в показаниях как «сборный пункт». 31 декабря, после сбора Черниговского полка в Василькове, восставшие двинулись в сторону Житомира, по дороге именно на Брусиллов и Радомысль, но, не дойдя, остановились в Малой Мотовиловке, где и находились до 2 января.

Как показал А.Е. Мозалевский, С.И. Муравьев-Апостол, убеждая его присоединиться к мятежу, говорил: *«пойдем с нами в Брусиллов»*, где *«собраны будут Алексопольский, Кременчугский пехотные полки, Ахтырский и Александрийский гусарские полки»*, после чего все двинутся в корпусную квартиру – Житомир. Отправляя его в Киев с письмом к Крупеникову, Муравьев-Апостол, согласно показаниям Мозалевского, велел сказать адресату, чтобы тот шел *«с батальоном» «на сборное место»* именно в Брусиллов (Муравьев-Апостол 1927: 249), где найдет Черниговский полк, к которому к этому времени *«пристанут»* Кременчугский полк Набокова и гусарские полки Артамона и Александра Муравьевых (Мозалевский 1925: 37; Восстание Черниговского полка 1929: 21). В передаче Горбачевского (вероятнее всего, со слов самого Мозалевского) Муравьев-Апостол сказал Мозалевскому: *«...Когда же кончите Ваши дела в Киеве, то приезжайте в Брусиллов и дождитесь меня там у командира Кременчугского полка полковника Набокова...»*. Здесь Набоков в полной мере предстает как надежный товарищ по заговору. В примечании к этому месту в записках сказано:

«Не выходя еще из Василькова, С.Муравьев хотел идти через Фастов и Брусиллов; взявши там Кременчугский полк, следовать в Радомысль, соединиться там с Алексопольским полком и оттуда идти на Житомир» (Горбачевский 1963: 74).

Выбор Брусиллова в качестве «сборного пункта» восставших представляется неслучайным; опиралось ли это решение только на удобное

месторасположение штаба Кременчугского полка или за ним стояла уверенность в содействии Набокова – трудно сказать.

Наконец, 1 января 1826 г. к ротному командиру Кременчугского полка Пржевалинскому явился офицер-черниговец К.К.Маевский и рассказал о событиях в своем полку. Пржевалинский немедленно объявил обо всем услышанном полковому командиру Набокову (**Восстание Черниговского полка 1929**: 153).

Совершенно очевидно, что полк, возглавляемый Набоковым, был одним из первых, на присоединение которых рассчитывал Муравьев-Апостол. Надежды эти питались лидером мятежа и после начала восстания. Данные об уверенных расчетах заговорщиков на Кременчугский полк были обобщены Ю.Г.Оксманом, при публикации им бумаг Набокова (**Оксман 1925**: 6–21). На следствии руководители заговора явно стремились умолчать о своих контактах перед восстанием с полковыми командирами, равно как и о степени их вовлеченности в дела тайного общества. Но и следствие, – особенно на юге – по-видимому, особенно не старалось вскрыть эти обстоятельства. Иначе бы в следственных документах появились более определенные данные о Набокове, проводились специальные разыскания, допросы и т.д. О позиции руководства 1-й армии в отношении Набокова в некоторой степени свидетельствует реляция командира 3-го пехотного корпуса Л.О.Рота от 19 января 1826 г.:

«... долгое командование Алексопольским полком полковником Швейковским и несколько мягкий нрав полковника Набокова заставляли меня опасаться, чтоб сближение сих войск с мятежниками не имело бы каких-либо дурных последствий» (**Восстание Черниговского полка 1929**: 336).

Так объяснял Рот свой приказ от 31 декабря 1825 г. – отвести подозрительные полки подальше от района восстания черниговцев, поближе к корпусной квартире в Житомире (приказ опубликован: **Оксман 1925**: 12). Приказ этот был выполнен: утром 2 января Кременчугский полк отправился по предписанному маршруту.

Если в случае Повало-Швейковского, к 19 января уже арестованного, достаточно было указать на факт одновременного командования Алексопольским полком, то в случае Набокова Рот в качестве причины «опасений» начальства решился назвать только *«несколько мягкий нрав»* полковника. Приблизительно так же объяснил Рот причины этого решения в своем рапорте командующему 1-й армией Ф.В.Остен-Сакену от 8 января 1826 г.:

«... при начатии мятежа... я счел нужным удалить от мест, занимаемых бунтовщиками, вторую бригаду 9-й дивизии... по уважению долговременного командования Алексопольским полком полковника Швейковского, который был уже открыт членом тайного общества, и соседства с сим полком Кременчугского, коего командир хотя весьма благонамерен, но не имеет большой твердости» (Оксман 1925: 9).

О подозрениях начальства в отношении командиров ряда именно пехотных (а не гусарских) полков говорит Горбачевский (*«генерал Рот, подозревая, что офицеры 3-го корпуса должны быть в связях с Сергеем Муравьевым, не послал против него ни одного пехотного полка вверенной ему дивизии...»* – Горбачевский 1963: 91). Косвенным свидетельством усиленного внимания начальства к подозрительному Кременчугскому полку служит рассказ о ходе присяги в этом полку в рапорте Рота от 8 января 1826 г., – этому было уделено особое внимание (Оксман 1925: 9). Совершенно очевидно, что военное начальство было хорошо осведомлено о тесных контактах между Муравьевым-Апостолом и Набоковым. Об этом свидетельствует сам факт «опасений» Рота. Подтверждением тому служит и рапорт Г. И. Гебеля, препровожденный к командиру 1-й армией Ф. В. Остен-Сакену 26 января 1826 г. («Описание происшествия, случившегося с командиром Черниговского пехотного полка»). В документе говорится о том, что, получив приказание об аресте Муравьева-Апостола, Гебель отправился в корпусную квартиру в Житомир через Брусилев, так как *«полагал заставить»* Муравьева *«у полковника Набокова»*. Из Житомира 25 декабря Гебель вновь отправился к Набокову, после чего проследовал по маршруту инициаторов мятежа в Троянов и Любар (*Восстание Черниговского полка 1929: 105–106*).

Остается лишь гадать, почему военное руководство не стало подвергать расследованию причастность Набокова к заговорщикам и фактически проигнорировало поступившую первичную информацию, ограничившись лишь констатацией общей ненадежности командуемого им полка и того, что полковник *«не имеет большой твердости»*. Между тем, известно, что руководство 1-й армии предпринимало особые меры, чтобы обнаружить офицеров, на содействие которых рассчитывали восставшие. Более того, по заданию Константина Павловича его специальный агент генерал-лейтенант Ф. Г. Гогель выяснял, *«не состоит ли кто из командного состава 1-й армии в родстве или связи с мятежниками»* (Оксман 1925: 22).

Однако руководство 1-й армии, в условиях начавшегося следствия, не стало направлять его внимание в сторону Набокова и даже, возможно, сделало шаги в противоположном направлении. Одной из причин,

которые повлияли на нежелание руководства армии обнаружить причастность к заговору целого ряда штаб-офицеров, были их высокие чины. «Открыть» присутствие в заговоре большого числа полковых командиров вряд ли соответствовало интересам руководства. Это же, видимо, имели в виду и подследственные. Очевидно, С.И.Муравьев-Апостол скрыл на следствии обстоятельства своей поездки в Брусилов, Любар и Троянов, а обнаруженные следователями расчеты лидера мятежа на содействие гусарских полков братьев Муравьевых он объяснил тем, что говорил об этом «для ободрения солдат» (Муравьев-Апостол 1927: 259, 285).

В силу этого неудивительно, что многие лица остались в тени расследования. Важно отметить, что историки еще слишком мало знают о тех силах, на которые рассчитывал Муравьев-Апостол, начиная выступление черниговцев, и почти ничего не знают о круге лиц, которые были связаны с заговором, но по тем или иным причинам ускользнули от следствия. К числу таких лиц, помимо осужденных Повало-Швейковского и Артамона З.Муравьева, безусловно, относятся полковники П.А.Набоков, Ф.С. (или Н.С.) Панютин и, по-видимому, Александр З.Муравьев. Как справедливо отмечал Ю.Г.Оксман (1925: 9), «дело возмущения представлялось возжсям восстания делом соответствующих командиров». Очевидно, от следователей, а значит, во многом и от историков, укрылись достаточно оживленные конспиративные связи лидеров Васильковской управы с полковыми командирами 1-й армии, которые не только были в курсе дел тайного общества, но и, скорее всего, формально состояли в его рядах. В случае с Набоковым ситуация дополняется его давней дружеской близостью с С.И. и М.И.Муравьевыми-Апостолами и С.П.Трубецким, что обеспечивало большую доверительность отношений между ними, а с другой стороны – делает понятным их стремление утаить на следствии участие полкового командира в самой опасной сфере заговора: в обсуждении плана и условий конкретной поддержки мятежа.

Суммируя указания источников, следует заключить, что традиционные оценки, которые даются в отношении степени близости Набокова к тайному обществу (дружеская связь с лидерами заговора), констатируя очевидное, скользят по поверхности. Авторитетные исследователи традиционно придерживались мнения о том, что Набоков – человек, «несомненно, близкий им [декабристам – П.И.] по взглядам, хотя формально и не связанный с тайным обществом» (Оксман 1925: 8). Эта точка зрения утвердилась в литературе. Думается, нам удалось показать, что это мнение может быть оспорено, и предложить аргументы в пользу того, что Набоков мог формально состоять в тайном обществе. Учитывая давние связи Набокова и Муравьевых-Апостолов, а также возлагае-

мые на него надежды при восстании Черниговского полка, можно предположить причастность Набокова и к Союзу благоденствия. Участие Набокова в планах тайного общества требует дальнейшего исследования.

Следует отметить распространенную формулировку степени причастности к декабристской конспирации, встречающуюся как в следственных показаниях, так и в мемуарных свидетельствах: «знал о тайном обществе и его цели, но не принадлежал к нему». Представляется, что в этих случаях (к которым, несомненно, относится Набоков) такого рода лица могли не все знать о целях тайного общества, но о его существовании и возможности военного выступления они знали. Знание о существовании и цели общества во многих случаях было признаком принадлежности к «низшему» разряду членов – т. н. «полупринятым». Именно принадлежавшие к этому разряду, как правило, на следствии вовсе отрицали свою причастность к обществу, и некоторым из них удалось это доказать (Ф. Е. Врангель). В декабристских мемуарах, а также в следственных показаниях они часто фигурируют как формально вступившие члены.

Мемуары И. И. Горбачевского содержат указание еще об одном возможном члене Южного общества. Из текста воспоминаний следует, что среди участвующих в заговоре офицеров Ахтырского гусарского полка был поручик **Никифораки**. Я. М. Андреевич после недачного посещения командира Ахтырского гусарского полка А. З. Муравьева пришел к ротмистру Малявину, где застал *«многих офицеров, из коих некоторые были члены Южного общества, принятые Бестужевым-Рюминым»*. Этим офицерам Андреевич рассказал о результатах своих переговоров с Муравьевым и Повало-Швейковским. По словам Горбачевского, офицеры были возмущены отступничеством полковых командиров, но вместе с тем сами не согласились начать возмущение. *«Солдаты наши не приготовлены и большая часть офицеров ничего не знают [о тайном обществе – П. И.]»* (Горбачевский 1963: 58) – ответили ему те офицеры, которые, в противоположность «большой части», в заговор, очевидно, входили. После этого мемуаристом приводятся диалоги Андреевича с неназванными офицерами, а затем с Н. Н. Семичевым и поручиком Никифораки:

«Ротмистр Семичев и другие члены Южного общества были согласны с сим мнением Андреевича [догнать С. И. Муравьева-Апостола и, согласовав с ним, начать восстание, приехав в какой-либо полк – П. И.] и советовали ему немедленно ехать в Васильков. Семичев просил сказать С. Муравьеву, если он начнет восстание и если Ахтырский полк будет послан для усмирения мятежа, то все офицеры за долг поставляют соединиться с ним и станут действовать за общее дело. Поручик

Никифораки сам побежал искать лошадей и вскорости возвратился с нанятым им евреем, который взялся доставить Андреевича в Васильков за неизмеренно высокую плату...» (Горбачевский 1963: 58–59; выделено мной – П.И.).

Автор записок вполне мог опираться на свидетельство самого Я.М.Андреевича, своего товарища по 13-летнему заключению в Чите и Петровском заводе. Что касается Никифораки, то он оказал даже практическое содействие Андреевичу. Его действия описаны непосредственно после сообщения о Семичеве – установленном следствием участнике Южного общества, действительно принятым именно Бестужевым-Рюминым, и вслед за упоминанием о том, что участники встречи с Андреевичем являлись членами тайного общества. Надо думать, что в числе этих «*других членов*» общества (помимо Семичева) был и Никифораки.

В Ахтырском гусарском полку, помимо его командира Артамона Муравьева, следствие выявило еще несколько участников Южного общества. Н.Н.Семичев и Е.Е.Пфейлицер-Франк признались в своем согласии вступить в тайное общество (приняты летом 1824 г. в Белой Церкви). Полковник И.А.Арсеньев, несмотря на недвусмысленные показания о его членстве полкового командира А.З.Муравьева и М.И.Муравьева-Апостола, совершенно отрицался от этого, в чем ему удалось убедить следствие (Алфавит 1988: 220, 317, 331; Муравьев-Апостол 1950: 270). Принимая во внимание наличие целого ряда участников тайного общества в Ахтырском полку, нельзя исключить того, что среди офицеров-ахтырцев были и другие лица, посвященные в тайну общества и не затронутые следствием.

Свидетельство Горбачевского не одиноко. Его дополняет автор мемуарного очерка «Белая Церковь» Ф.Ф.Вадковский. Важно отметить, что, по мнению Ю.Г.Оксмана, очерк «Белая Церковь», основанный на воспоминаниях непосредственных участников событий, а также ряда членов «Славянского общества», предшествовал запискам Горбачевского, послужив им, возможно, одним из источников. Нельзя, наверное, объяснить простой случайностью появление в очерке «Белая Церковь» имен братьев Никифоровых – офицеров Ахтырского гусарского полка. По данным Вадковского, они желали не только помочь Я.М.Андреевичу догнать восставшие роты черниговцев, но даже присоединиться к мятежу свой полк. Согласно очерку Вадковского, Никифоровы

«просили Андреевича идти с ними к Артамону Муравьеву, уверяя, что принудят его поднять полк; в противном же случае пойдут и без

него, и легко могут это сделать, ибо полк находится в сборе» (Вадковский 1931: 193).

Однако Андреевич на это не согласился. Таким образом, очерк Вадковского содержит иную, более «острую» трактовку участия Никифораки (Никифоровых?) в заговоре, прямо сообщая об их согласии принять участие в мятеже (слова «пойдут и без него» следует понимать как готовность действовать и без согласия полкового командира А.З. Муравьева). Какова была фамилия этого офицера (офицеров?), избежавшего следствия и суда, члена Южного общества или только знавшего о его существовании – Никифораки или Никифоров – должно показать дополнительное изучение.

В записках И.И. Горбачевского имеется указание на участие в Славянском обществе **Андреева** (Горбачевский 1963: 45). На это свидетельство обратила внимание М.В. Нечкина (Нечкина 1955б: 384). Согласно запискам, Андреев был участником совещания в Житомире 30 декабря 1825 года, после получения сообщения о событиях 14 декабря, о приказе арестовать С.И. Муравьева-Апостола и погоне за ним жандармских офицеров. На совещании присутствовали А.И. Борисов, братья Веденяпины, И.И. Иванов, И.В. Киреев и Д.А. Нащокин (член Южного общества), а по данным Горбачевского – еще Андреев и другие лица, не выявленные следствием. Мемуарист получил эти данные, вероятнее всего, от товарищей по сибирскому заключению А.И. Борисова, И.И. Иванова и И.В. Киреева.

Идентифицировать Андреева с известным участником Славянского общества офицером-артиллеристом Я.М. Андреевичем нельзя: сделать это не позволяет хронология событий: Андреевич 30 декабря совершал поездку по маршруту Радомысль-Любар-Васильков, стремясь догнать С.И. Муравьева-Апостола, а затем, 31 декабря, отправился в Киев. Он не мог находиться в Житомире. Вероятно, это еще один участник тайного общества, оставшийся следствию неизвестным.

Ф.П. Толстой, вспоминая о своем допросе в Следственном комитете, писал:

«Тут стали меня спрашивать, кто были членами этого общества [“Зеленой книги” – П.И.], - и я назвал, которых знал, а именно: князя Долгорукого... Пестеля, Александра и Никиту братьев Муравьевых... Сергея Муравьева-Апостола... Трубецкого, полковника Глинку и двух братьев, офицеров Измайловского полка, которых фамилии никак не мог вспомнить. Тогда великий князь Михаил Павлович, положив бумагу, которую держал перед своим лицом, обернулся ко мне и сказал: “Граф, это два брата Кавелины”» (Толстой 2001а: 222; Пассек 1963: 388).

Этот текст сохранился лишь в обширной цитате в составе воспоминаний Т.П.Пассек. В другом фрагменте своих записок (в записи его жены А.И.Толстой) Толстой сообщал, что в руководство Союза входили братья Игнатьевы (Толстой 2001а: 177). Записки Ф.П.Толстого, описывающие его участие в тайном обществе, писались в последние годы жизни автора. Та их часть, в которой он касался своего пребывания в тайном обществе, впервые была опубликована в обширных фрагментах Т.П.Пассек (в выписках и с ее редакцией, отчасти – в ее изложении), в журнале «Русская старина». Рукопись записок на время была передана Т.П.Пассек вдовой мемуариста А.И.Толстой, а затем оригинал оказался утрачен.

Сопоставляя эти два свидетельства, можно предположить, что Толстой сохранил в памяти присутствие в составе руководящего органа Союза двух братьев: в одном случае братьев Кавелиных, а в другом Игнатьевых. Если принять за основу версию об ошибке памяти мемуариста, то «настоящие фамилии» братьев Игнатьевых следует искать среди членов Коренного Союза. В этой связи обращают на себя внимание братья И.А. и М.А.Фонвизины, Павел и Петр Колошины, И.П. и С.П.Шиповы, а также однофамильцы А.В. и С.М.Семеновы. Но окончательно принять данное предположение препятствует тот факт, что Толстой сообщал о службе обоих братьев в Измайловском полку, а также названная им фамилия А.А.Кавелина – руководителя управы Союза в этом полку.

Действительно, А.А.Кавелин был офицером в л.-гв. Измайловского полка. Он имел нескольких братьев, из которых, правда, никто в полку не служил. Кто именно из них состоял членом Союза благоденствия с полной определенностью сказать нельзя. По возрастному критерию братом А.А.Кавелина, поступившим в Союз, мог быть, вероятнее всего, **Иван Александрович Кавелин** (Руммель, Голубцов 1886: 340).

Описанный эпизод имел место на устном допросе; материалы следственного дела Толстого, однако, не содержат фамилий братьев Кавелиных или Игнатьевых. В письменных показаниях он перечислил следующих известных ему участников Союза: И.А.Долгорукова, Н.М.Муравьева, С.И.Муравьева-Апостола, С.П.Трубецкого, П.И.Кошкуля, Ф.Н.Глинку, А.Я.Мирковича, А.Д.Башуцкого, И.П.Шипова, М.Н.Новикова, а также однополчан-измайловцев А.А.Кавелина и Н.П.Годеина (Толстой 2001б: 434). Обоснованным видится предположение о том, что оба адъютанта Николая Павловича, ставшие затем флигель-адъютантами – Годеин и Кавелин – трансформировались в памяти Толстого в братьев Кавелиных, а в записи его жены А.И.Толстой они превратились в братьев Игнатьевых. Тем не менее, авторитетность мемуариста

– видного участника Союза благоденствия в это время, входившего в его руководство, – заставляет внимательно отнестись к этому свидетельству.

А.А.Брегман и Е.П.Федосеева, на основе собранных указаний источников, привели список офицеров, близких к кругу М.Ф.Орлова, К.А.Охотникова и В.Ф.Раевского, достоверно или предположительно принадлежавших к Кишиневской управе Союза благоденствия (**Брегман, Федосеева 1980: 19**). Из числа помещенных в этом перечне лиц наиболее убедительно на наш взгляд выглядят имена **П.П.Липранди** и **М.С.Гаевского** (Геевского). Причина тому – свидетельство В.Ф.Раевского. Он отмечал в своих воспоминаниях:

«Орлов поручил мне принять двух братьев Липранди... и майора Геевского. Но я отозвался тем, что и без принятия в общество на них рассчитывать можно» (**Раевский 1983б: 347**).

Как известно, ставший в начале 1822 г. адъютантом корпусного командира И.В.Сабанеева, а до этого – офицер 32-го Егерского полка (полковой товарищ Раевского), состоявший при М.Ф.Орлове, П.П.Липранди – при аресте Раевского как официальное лицо руководил обыском на его квартире и взятием бумаг, причем приказал другому адъютанту Сабанеева Я.И.Радичу не брать книги арестованного, а только лишь его «*бумаги*», вследствие чего следствие упустило из рук устав Союза благоденствия с 4 «расписками» принятых в Союз лиц (переданы на хранение Раевскому от Охотникова) (**Щеголев 1926: 30**).

Близость П.П.Липранди к кругу кишиневских членов тайного общества не вызывает сомнений. К этому кругу почти безусловно принадлежал его старший брат – Иван Петрович. С.Г.Волконский, человек вполне осведомленный (вступил в Союз в 1819 г.), в своих записках писал о И.П.Липранди вполне категорично:

«... в уважение его передовых мыслей, убеждений был принят в члены открывшегося в этой [16-й пехотной – П.И.] дивизии отделения тайного общества, известного под названием “Зеленой книги”».

По словам Волконского, И.П.Липранди выказывал себя «*верным своим убеждениям к прогрессу и званию члена тайного общества, был коренным другом майора, сослуживца его по 32[-му] егер[скому] полку... Раевского*» (**Волконский 1991: 298–299**).

И.П.Липранди был помещен в число несомненных членов тайного общества осведомленным Н.И.Комаровым, который вступил в Союз в 1818 г. (**Комаров 2001: 396**).

Упомянутое поручение М.Ф. Орлова могло быть выполнено и в отношении П.П. Липранди – если не Раевским, то другим лицом. Сам Павел Петрович Липранди, несомненно, был своим в круге «свободомыслящих» 16-й пехотной дивизии. Но, оказывается, не только в нем. П.П. Липранди имел отношение и к тульчинским заговорщикам, а в период следствия по делу Раевского именно он (а не старший брат, вышедший к этому времени в отставку, а затем перешедший на службу в Одессу к М.С. Воронцову) передавал им засекреченные сведения о ходе расследования. В воспоминаниях Н.В. Басаргина содержится следующее указание: *«Все то, что делалось по этому следствию и с Раевским, передавал нам бывший адъютант Сабанеева Липранди (ныне известный генерал), коротко с нами знакомый»* (Басаргин 1988: 62).

На это указание впервые обратил внимание П.А. Садиков. Исследователь считал, что утвердившееся в литературе отнесение И.П. Липранди к членам Кишиневской управы ошибочно; признавая его *«либералом»*, безусловным сторонником Орлова и другом Раевского, Садиков, однако, полагал, что *«все это еще далеко от действительного участия»* в тайном обществе *«в качестве его члена»* (Садиков 1941: 275). Историк попытался доказать, что в действительности к обществу принадлежал младший брат И.П. Липранди Павел Липранди. *«С его-то именем и следует связывать многое, что неосновательно приписывалось до сих пор его старшему брату...»*, – считал Садиков (1941: 277, 278). Кроме свидетельства Басаргина, историк опирался на следующие доводы: дружескую близость П.П. Липранди с Орловым, Охотниковым и особенно Раевским, подтвержденную с обеих сторон в 1858 г., когда Раевский приехал из Сибири в Москву и встретился с Липранди; совместную службу в 32-м егерском полку; действия Липранди (уже в качестве адъютанта Сабанеева) при аресте друга:

«именно П.П. Липранди сделал все, чтобы облегчить удар, помешать полному разоблачению Кишиневской ячейки Союза благоденствия... Конечно, сразу ориентироваться в положении вещей и не допустить возможности, чтобы в руки власти попали самые опасные документы, мог только человек, который хорошо знал эти документы... и был посвящен в тайну их местонахождения, то есть член Союза благоденствия»; (отметим, однако, что хранившийся у Раевского список членов тайного общества в руки военного начальства все-таки попал).

и, наконец, информирование им тульчинских членов о следствии по делу Раевского: Садиков считал, что Басаргин не называет Липранди прямо членом общества потому, что Союз благоденствия на момент событий 1822 г. уже перестал существовать (Садиков 1941: 280-281, 282-283).

При этом Садиков отбросил как совершенно не заслуживающие доверия показания Комарова на следствии и прямое мемуарное свидетельство Волконского о И.П.Липранди.

«Так и остался... "Липранди 2-й", скромный, выдержанный, умеющий молчать, когда надо, офицер незаслуженным участником бессарабской организации... Его миновала и расправа 1825–1826 гг., он не попал и в знаменитый "Алфавит декабристов"...» (Садиков 1941: 283).

Эта попытка исследователя «возвести в ранг декабриста» младшего брата «за счет» старшего не была признана исследователями достаточно убедительной. И. В. Немировский (1989: 215) отмечает, что членство обоих братьев Липранди в Союзе *«остается недоказанным»*, считая возможным говорить только о тех членах Кишиневской управы, что были установлены следствием. В то же время он полагает, что вопрос о составе этой управы *«нуждается в уточнении»*.

Мы склонны согласиться с последним утверждением, с той лишь оговоркой, что об участии в тайном обществе И.П.Липранди имеется прямое указание, а о принадлежности П.П.Липранди – данные о том, что руководство управы поручило Раевскому принять его в общество. Кроме того, существует еще косвенное указание на тесные контакты последнего с тульчинскими заговорщиками. Близость обоих братьев к тайному обществу нам кажется несомненной.

Итак, короткие связи П.П.Липранди с членами Союза благоденствия, а также указания мемуаристов Раевского и Басаргина позволяют уверенно считать его возможным участником Кишиневской управы Союза благоденствия. По нашему мнению, нужно признать доказанным факт причастности «младшего» Липранди к тому же кругу членов Кишиневской управы, в который входил, судя по указанию Волконского, его старший брат.

Другой офицер, которого следует считать предполагаемым членом Кишиневской управы – майор Селенгинского пехотного полка М.С.Гаевский. Он также входил в ближайшее окружение кишиневских членов Союза. Гаевский пользовался доверием Орлова; последний поручил ему служебное расследование неприятного инцидента между юнкерами 32-го Егерского полка и слушателями Кишиневской семинарии, грозившего тяжелыми последствиями (Раевский 1983б: 351). Этого офицера, как и П.П.Липранди, предложили принять в тайное общество Раевскому. Следовательно, Гаевского считали отвечающим требованиям, предъявляемым к членам Союза. Принял Раевский П.П.Липранди и М.С.Гаевского в управу или нет, – вопрос остается открытым. Даже относительно собственного приема в тайное общество Раевский не раз

менял свои показания – на следствии и в своих воспоминаниях. Например, на вопрос о том, кто его принял, он отвечал по-разному, называя Н.И.Комарова и М.А.Фонвизина. Весьма осторожным он был и при освещении вопроса о личном составе Кишиневской управы. Были ли приняты в тайное общество указанные лица и кем они были приняты – Раевским или другим лицом (руководителем управы Охотниковым, Непениным) – остается непроясненным.

Современные исследователи вопроса полагают, что персональный состав Кишиневской управы ограничивался 6 лицами, «которые попали в “Алфавит” Боровкова», зафиксированы в нем как члены тайного общества (М.Ф.Орлов, К.А.Охотников, В.Ф.Раевский, А.Г.Непенин, П.С.Пушин, И.М.Юмин) (Немировский 1989: 216). Мы же, однако, знаем, что к этой управе принадлежал еще и невключенный в состав «Алфавита» Бахметев (Пушкина, Ильин 2000: 32). Но им список участников управы, без сомнения, не исчерпывается.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, до сих пор не получившее в исследовательской традиции необходимой оценки. Кишиневскую управу, помимо М.Ф.Орлова, возглавляло еще одно лицо: К.А.Охотников (умер в 1824 г.). Он активно участвовал в приеме новых членов. Роль Охотникова в Кишиневской управе Союза благоденствия, несомненно, была очень значительной. Он являлся, как впервые установлено Ю.Г.Оксманом, а затем обосновано И.В.Немировским, формальной главой этой управы (ее «блюстителем»), поскольку именно у него хранились «расписки» принятых в эту управу новых членов, он же представлял управу на Московском съезде 1821 г. (Оксман 1954: 468–469; Немировский 1987: 142; Немировский 1989: 216). О дружеской связи Раевского и Охотникова с братьями И.П. и П.П.Липранди и М.С.Гаевским свидетельствовал на следствии сам Раевский. Перечисляя офицеров, состоявших при дивизионной квартире и наиболее близких к Охотникову, он в числе первых называет майора Гаевского (Раевский 1983а: 148).

Из воспоминаний Раевского хорошо известен тот факт, что на квартире Охотникова хранились несколько «расписок» (а именно 4), взятых у лиц, принятых, скорее всего, им в Союз благоденствия (Щеголев 1926: 30; Оксман 1954: 468). Таким образом, согласно точному указанию прекрасно осведомленного Раевского, Охотников или связанные с ним лица приняли в Кишиневскую управу 4 (неназванных мемуаристом) членов (Раевский 1980: 317). Этими принятыми Охотниковым в Союз лицами не мог быть ни сам Раевский (принят М.А.Фонвизиним или Н.И.Комаровым в Тульчине), ни командир 32-го Егерского полка Непенин (принят Ф.Г.Кальмом, членом Тульчинской управы), ни, конечно, М.Ф.Орлов. Из известных нам членов Кишиневской управы лишь Юмин и Бахме-

тев были приняты Непениным (но не Охотниковым!). Кому в таком случае принадлежали остальные расписки? Совершенно очевидно, что в управу поступили еще несколько лиц, – по-видимому, нам неизвестных. Возможно, среди принятых Охотниковым лиц как раз и находился И.П. Липранди и кто-либо из тех, о ком говорится в настоящей статье: Лишин, Семинькевич, Н.С. Таушев, П.П. Липранди, М.С. Гаевский. Принять некоторых из них в Союз Раевский, как он сообщает в своих воспоминаниях, отказался. Но это обстоятельство, если оно передано верно, не отменяет возможности принятия этих лиц другими участниками Кишиневской управы: ведь прием новых участников в тайное общество был инициативой именно руководителей управ. Поэтому Липранди и Гаевский могли быть приняты без участия Раевского, который в этом случае даже и не знал о вступлении их в общество.

Исследователи, как уже отмечалось, рассматривают участников Кишиневской управы, невыявленных следствием, лишь как «активных помощников» Орлова, Раевского и Охотникова, формально не состоявших в тайном обществе (Немировский 1989: 217). Таким образом, показания Н.И. Комарова на следствии и мемуарное свидетельство С.Г. Волконского, прямо сообщающие о принадлежности к Союзу И.П. Липранди, считаются в исследовательской традиции полностью бесосновательными. Безусловно, достоверно можно считать членами лишь тех, чье участие прямо зафиксировано в документах следствия и других источниках. Но если принять во внимание упомянутое свидетельство Н.И. Комарова, – отвергнутое другими подследственными, но подтвержденное воспоминаниями С.Г. Волконского и косвенным мемуарным указанием В.Ф. Раевского, – становится ясным, что и предположение о членстве в Кишиневской управе П.П. Липранди и М.С. Гаевского также небеспочвенно

Обстоятельства, связанные с участием П.П. Липранди в отборе бумаг Раевского при его аресте, принадлежность обоих к кишиневскому кружку единомышленников, а также косвенные свидетельства мемуаристов В.Ф. Раевского (намерение принять обоих, выраженное руководством управы) и Н.В. Басаргина, позволяют, по нашему мнению, отнести П.П. Липранди и М.С. Гаевского не только к числу *«активных помощников Охотникова и Раевского»*, но и к возможным членам Кишиневской управы Союза благоденствия.

Переходя к разряду предполагаемых участников военных выступлений декабристов, остановимся прежде всего на следственных показаниях М.К. Кюхельбекера. Они доносят до нас имена двух офицеров Гвардейского экипажа, об участии которых в выступлении 14 декабря 1825 года других свидетельств нет.

Один из них, лейтенант А.А. Баранцев, был арестован и 14–16 декабря содержался в казармах Семеновского полка, поэтому его участие

в мятеже – присутствие в каре, пусть и кратковременное – можно считать доказанным: в силу этого он включен нами в число «безвестных декабристов». ¹³ В случае другого офицера положение более сложное. Речь идет о командире артиллерийской команды Гвардейского экипажа капитан-лейтенанте И.П.Киселеве. М.К.Кюхельбекер показал:

«Вверенную мне роту увещевал быть в повиновении и не выходить из оногo, как на дворе казарм, так и на площади, и старался вместе с капитан-лейтенантом Киселевым уговорить баталион идти в казармы...».

Позднее Кюхельбекер добавил, что на Сенатской площади он оставил ряды экипажа и, *«встретясь с капитан-лейтенантом Киселевым, пошел к его императорскому высочеству Михаилу Павловичу»* (Кюхельбекер 1979: 36, 38).¹⁴

Пребывание на Сенатской площади в рядах восставшего Гвардейского экипажа И.П.Киселева – заслуженного офицера, достаточно пожилого человека (к моменту восстания ему около 45 лет), выглядит сомнительным. Еще более сомнительна причастность старшего офицера, облеченного ответственностью за артиллерийскую команду, к мятежу. Известно, что весь высший начальствующий состав экипажа (сюда не включается большая часть ротных командиров) остался в казармах, т.е. на стороне правительства (капитан-лейтенанты М.Н.Лермантов, Н.Г.Казин, Т.К.Лялин, экипажный адъютант лейтенант З.И.Дудинский, дежурный по экипажу лейтенант А.Ф.Доливо-Добровольский, офицер артиллерийской команды С.Я.Семенов, командир 1-й роты Н.Ф.Тимирязев) (Габаев 1926: 178). И хотя некоторые из них, по-видимому, были склонны колебаться – какую сторону принять, – их участие в мятеже и в заговоре следует исключить.

Итак, по собственным показаниям М.К.Кюхельбекера, он старался уговорить экипаж вернуться в казармы на дворе казарм, а когда моряки пришли на площадь – продолжал уговаривать вместе с капитан-лейтенантом Киселевым. В конце дня, за несколько минут до разгрома, Кюхельбекер встретился с Киселевым на Сенатской площади и, оставив экипаж, пошел к великому князю Михаилу Павловичу – известно, что он был арестован на площади. Судя по всему, Киселев оказался на Сенатской площади с восставшими ротами и находился вместе с экипажем до конца противостояния – Кюхельбекер покинул ряды непосредственно перед картечными выстрелами.

¹³ См. статью под этим названием в IV выпуске сборника.

¹⁴ Указанием на свидетельство, позволяющее установить присутствие И.П.Киселева на Сенатской площади, автор обязан А.А.Кононову.

Разбираемое свидетельство однозначно фиксирует присутствие Киселева в рядах или в непосредственной близости от колонны восставших моряков. Следует отметить, что он не был одинок.

Следствие выявило присутствие в составе вышедшего на Сенатскую площадь экипажа целого ряда офицеров – моряков, по имеющимся данным, не связанных с заговором. Все они отделались кратковременным арестом. При этом для объяснения их участия в выступлении не исключены и те мотивы, о которых сообщает в своих показаниях Кюхельбекер: Киселев пытался сохранить порядок в рядах командуемой им части, быть рядом со своими солдатами, и, может быть, убедить их в законности «переприсяги». Возможная осведомленность такого рода лиц в политических намерениях заговорщиков требует специального исследования.

Еще одно указание о предполагаемом участнике выступления 14 декабря 1825 года содержит мемуарное свидетельство молодого тогда актера П.А.Каратыгина. Он вспоминал, что увидел матросов Гвардейского экипажа, которые направлялись по Офицерской улице на Сенатскую площадь. Во главе экипажа (возможно, только его части) мемуарист заметил лейтенанта (у Каратыгина ошибочно: «капитана») П.Д.Балкашина:

«Мы побежали смотреть в окна, выходящие на Офицерскую улицу, и тут увидели батальон Гвардейского экипажа, который шел в беспорядке скорым шагом, с барабанным боем и распущенным знаменем; им предводительствовал знакомый нам капитан Балкашин...» (Каратыгин 1970: 137).

П.А.Каратыгин – непосредственный свидетель событий 14 декабря; Балкашин не был для него вовсе незнакомым человеком, – очевидно, они встречались и до 14 декабря. Известно, что Каратыгина посещали офицеры-моряки, он хорошо знал, в частности, Н.А.Бестужева и М.К.Кюхельбекера. В предположение, что Каратыгин мог перепутать своего знакомого Балкашина, например, с Н.А.Бестужевым, его братом Петром, М.К.Кюхельбекером или другим офицером экипажа, – поверить трудно. Тем не менее, сообщение Каратыгина об участии Балкашина в выступлении на Сенатской площади требует дальнейшей проверки и обоснования, поскольку другими источниками присутствие Балкашина в рядах моряков не подтверждается.

Вероятнее всего, Балкашин принадлежал к уже упомянутой довольно многочисленной группе офицеров, которые пошли на Сенатскую площадь, но, по имеющимся сведениям, не были непосредственно связаны с заговором. Спустя некоторое время многие из них покинули ряды вос-

ставших моряков и вернулись в казармы. Офицеры этой группы или вовсе не арестовывались и не привлекались к следствию, или подверглись кратковременному аресту. Что же касается того обстоятельства, что Каратыгин видел Балкашина с обнаженной саблей **во главе** экипажа, что он *«предводительствовал»* батальоном, – иначе говоря, в роли активного участника мятежа, – то увлеченность защитой прав великого князя Константина Павловича могла быстро сойти на нет и на Сенатской площади уже не проявиться.

Группа возможных участников военных выступлений декабристов невелика, что вполне объясняется особым вниманием власти к участникам воинских мятежей. Тем не менее, источники, в основном мемуарные, сообщают некоторые имена, которые остались следственным комиссиям неизвестными.

Речь идет, в частности, и о тех лицах, которые, не принадлежа к моменту выступлений к тайному обществу, узнали о его существовании и намерениях и были готовы принять участие в выступлении. Так, основываясь на записках И.И.Горбачевского, к числу таковых надо отнести капитана Саратовского пехотного полка **Ефимова**. 3 или 4 января 1826 г. Ефимов прислал из Саратовского полка М.М.Спиридову вместе с запиской от И.Ф.Шимкова свою записку, в которой писал:

«К сожалению моему... я был несчастлив, что не заслужил вашей доверенности и не был членом Общества: это моя вина. Но теперь будьте уверены и знайте, что при первом известии начинать я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, и надеюсь на помощь своих товарищей, осмеливаюсь ручаться не только за несколько рот, но и за весь полк» (Горбачевский 1963: 50–51).

Эта записка являлась ответом на записку М.М.Спиридова, адресованную другому офицеру Саратовского полка И.Ф.Шимкову, в которой Спиридов просил уведомить членов общества, служивших в этом полку, что восстание начинается, и призывал подготовить к нему солдат. Записка Ефимова в передаче Горбачевского свидетельствует о том, что этот офицер (кстати, ротный командир Саратовского полка), не будучи членом тайного общества, узнал о существовании заговора и его цели, выразив полное согласие с ней. Он был готов принять участие в задуманном выступлении, рассчитывая на содействие еще нескольких офицеров. Указание мемуариста, опиравшегося, вероятнее всего, на сведения Спиридова и Шимкова, заслуживает внимания.

Некоторые итоги и перспективы изучения группы «предполагаемых декабристов»

Рассмотренные указания источников о предположительном участии в тайных обществах и военных выступлениях 1825-1826 гг. дают основание для разделения всей совокупности возможных участников декабристской конспирации на две основные группы.

В первую входят те возможные члены тайных обществ и участники военных выступлений, о которых стало известно власти. Имена одних прозвучали на следствии, но по каким-то причинам не привлекли внимания следователей (А.М.Мансуров, Ф.С.(или Н.С.) Панютин, И.Б.Шлегель, Д.П.Скуратов, А.П.Сапожников, Д.П.Бутурлин, А.А.Шаховской, И.П.Киселев и другие). Эти указания носят в той или иной степени неопределенный характер, однако следствие не приложило усилий для выяснения степени причастности этих лиц к тайным обществам. Некоторые из следственных показаний подтверждаются свидетельствами позднейших мемуаров декабристов (Панютин, Сапожников, Шлегель). Особенно это касается случаев П.А.Набокова и А.Н.Крупеникова, имена которых хотя и прозвучали на следствии, однако расследование их участия в деятельности декабристского союза проведено не было; в мемуарных источниках они фигурируют нередко как члены тайного общества.

Некоторые лица стали известны в качестве лиц, причастных к декабристским обществам, при подписке 1826 г. или были названы в доносах и записках, обращенных на высочайшее имя (И.С.Бабаев, А.А.Катенин). Есть случаи, когда официальное расследование выявило факты реального содействия конспиративной деятельности декабристского союза со стороны предполагаемых членов (Н.С.Таушев).

Причастность другой группы лиц не была вскрыта в 1825–1826 гг., – они остались неизвестными правительству; исследователь может судить об их участии в тайном обществе по позднейшим, главным образом мемуарным источникам (М.М.Муромцев, Никифораки, П.Д.Балкашин, Ефимов и другие). Указания этого ряда имеют, как правило, большую определенность, но вместе с тем они недостаточны для окончательного ответа на вопрос о формальной принадлежности того или иного лица к тайному обществу. Среди них могут встречаться ошибки памяти (возможно, И.А.Кавелин).

Таким образом, большая часть «предполагаемых декабристов» либо не была выявлена следствием, либо не привлекла его внимание. Эти указания часто носят косвенный или недостаточно определенный характер, либо требуют подтверждения другими источниками.

Далее мы обозначим перспективу изучения персонального состава декабристских обществ и остановимся еще на нескольких лицах; указания источников в отношении причастности их к декабристской конспирации требуют дальнейшего изучения. Отдельного разговора заслуживают свидетельства о принадлежности к тайным обществам, имеющие явно недостоверный характер.

Если оценивать общую перспективу реконструкции состава тайных обществ, то значительная часть невыявленных участников, несомненно, принадлежала к «ранним» тайным обществам, многочисленным по своему составу, – в особенности к Союзу благоденствия и его дочерним организациям. Далек не исчерпанным видится и состав Южного и Северного обществ.

Перспектива выявления новых имен в большой степени зависит от привлечения новых источников. Значительные результаты может дать обращение к неопубликованным документам. Так, характерный пример этому представляет случай отставного коллежского асессора Михаила Васильевича Первова, который, согласно одному из доносов М.К.Грибовского, вступил в тайное общество в Петербурге, судя по всему, около 1823 г.¹⁵ Целенаправленный архивный поиск присоединит к этому вновь открытому имени (в отношении которого требуются дополнительные, в том числе биографические изыскания) новых ранее неизвестных участников тайных обществ.

К Союзу благоденствия определенно близки офицеры гвардейских полков, принявшие участие в громких «историях» начала 1820-х гг. Например, к ним относятся некоторые из участников т.н. «Семеновской истории» 1820 г. (тесно связанные с членами Союза благоденствия И.Д.Щербатов, Н.И.Кашкаров, отставной офицер этого полка Д.П.Ермолаев), участники протеста офицеров л.-гв. Измайловского полка против великого князя Николая Павловича (1822), – в этом полку была целая управа Союза благоденствия и отдельное, контролируемое Союзом «Измайловское общество». Безусловно, к этой же группе лиц, вероятно причастных к Союзу благоденствия, следует отнести и участников протеста офицеров Егерского полка – т.н. «норовской истории». Отметим, что формальная принадлежность к тайному обществу некоторых из ее участников была установлена следствием (кроме главного действующего лица В.С.Норова, это еще Ф.П.Панкратьев, Ф.И.Корф). К этому следует добавить, что на следствии Г.А.Перетц показал, что к отдельному от Союза обществу Ф.Н.Глинки примыкали несколько офицеров Егерского полка (видимо, через лейб-егерей А.В.Семенова и

---

¹⁵ ГА РФ. Ф.109. Оп.3. Д.3186. Л.40. Автор признателен В.М.Боковой и О.В.Эдельман, оказавшим содействие в получении этих сведений.

А. Ф. Дребуша). Он показал в частности, что разговоры участников этого общества, в которых имело место «*осуждение правительства*», происходили

«и при братьях Энгельгардтах – Николае и Валериане Васильевичах... Сколько мне известно, они к тайному обществу не принадлежали, но Сенявин и Дребуш уверяли, что при них можно таким образом говорить, считая их приятелями» (Перетц 2001: 75; выделено мной – П.И.).

Братья Энгельгардты – непосредственные участники «норовской истории». Очевидно, исследователи далеко не все знают о связях офицерских обществ гвардейских полков, и в частности – офицеров-участников такого рода протестов и выступлений, – с многочисленным Союзом благоденствия и его разнообразными дочерними обществами, в том числе офицерскими кружками.

По ряду косвенных указаний и в силу близости политического мировоззрения к Союзу благоденствия мог принадлежать Александр Петрович Куницын (1783–1.7.1840), ординарный профессор кафедры «прав общих» Петербургского университета, известный ученый-правовед, человек, близкий к Н.И.Тургеневу, принявший участие в его инициативе по созданию печатного органа тайного общества (1819) (об этом сообщает и М.К.Грибовский – **Грибовский 1988**: 184). Участие в Союзе благоденствия А.П.Куницына, сторонника освобождения крепостного крестьянства, либерального публициста, связанного личными связями с ведущими участниками тайного общества в Петербурге, представляет очень логичным и весьма возможным.

В доносе Грибовского содержится также любопытная информация о том, что руководители тайного общества «*брались*» вовлечь в него А.Г.Кушелева-Безбородко и Д.Н.Шереметева, близких к лидерам петербургского Союза Ф.Н.Глинке, Н.И.Тургеневу, А.Ф.Бригену.

Наличие необнаруженных участников политической конспирации, как и существование некоторых косвенных указаний источников, которые могут быть истолкованы как свидетельство причастности к тайному обществу, – все это относится и к более поздним декабристским союзам. Известно, например, о готовности лидеров Южного общества принять в его состав некоторых офицеров в больших чинах, в расчете на их поддержку будущего политического переворота. Н.А.Крюков сообщил о том, что в конце 1825 г. он имел поручение передать П.И.Пестелю, чтобы тот «*постарался склонить генерал-майора Кальма на принятие в члены полковника Васильковского, который был ему знаком*» (Крюков 1954: 367). Произошло это на самом деле или

нет, – неизвестно. Помимо всего прочего, показание Крюкова говорит о том, что Ф.Г.Кальм, судя по всему, не прерывал своих отношений с тайным обществом и после ликвидации Союза благоденствия. Согласно показаниям денщика Пестеля С.Ф.Савенко, среди лиц, чаще всего посещавших Пестеля в ряду известных участников Южного общества находится полковник Муратов, который, согласно этому свидетельству, участвовал в собраниях у Пестеля (Савенко 2001: 432, 433).

Но особый интерес вызывают те ответвления тайного общества, персональный состав которых лишь в небольшой степени известен лишь в небольшой степени. К числу таких отделений декабристского союза относится, например, Кишиневская управа Союза благоденствия. Помимо тех имен, которые рассмотрены в настоящей статье, стоит упомянуть еще одно. Согласно показаниям Н.И.Комарова, известным благодаря своему откровенному характеру, в этой управе Союза, возможно, состоял офицер квартирмейстерской части Горчаков, служивший в начале 1820-х гг. в Кишиневе, а в 1826 г. находившийся в отставке. Встретившись после 1821 г. с ним и Н.В.Басаргиным в Москве, Комаров, по его словам, зная их прежде «за невоздержанных в суждениях своих», настаивал на том, что в это время они (а вместе с ними и он сам) уже не позволяли себе прежнего (Комаров 2001: 401). Речь здесь идет, без сомнения, о Владимире Петровиче Горчакове (1800–1867), воспитаннике Московского училища колонновожатых, с ноября 1820 г. служившем по квартирмейстерской части при штабе 16-й пехотной дивизии, с января 1823 г. – поручике в отставке, известным благодаря своему хорошему знакомству с А.С.Пушкиным. Входивший в ближайшее окружение М.Ф.Орлова (Раевский 1983: 148), Горчаков, таким образом, мог принадлежать к участникам Кишиневской управы, принятым К.А.Охотниковым, о которых говорилось выше. Горчаков, согласно его собственному дневнику, был хорошо знаком и с многими офицерами Тульчинской квартиры 2-й армии. Более того, он служил здесь некоторое время и сблизился с целым кругом офицеров, в котором угадываются участники тайного общества, встречался с ними в 1820 и 1821 гг. К тому времени он был знаком более года с А.А.Крюковым, И.Г.Бурцовым, В.Л.Давыдовым, П.С.Пушиным и другими членами Союза благоденствия, в особенности же он сблизился с Раевским и Охотниковым (Горчаков 1998: 231, 253–254, 262). В Кишиневе, по воспоминаниям И.П.Липранди, Горчаков часто бывал у него вместе с Раевским, Охотниковым, Таушевым, Гаевским (Липранди 1998: 297). Обыкновенно Горчакова относят к «негласному резерву» декабристов, который составляли в Кишиневе офицеры квартирмейстерской части (Гиллельсон 1998: 485).

Еще одно отделение тайного общества, состав которого известен далеко не полностью, – Московская управа Северного общества, тесно связанная с кругом лиц, служивших при московском военном генерал-губернаторе Д.В.Голицыне. От Московской управы отделился «Практический союз», состав которого, известный нам, почти полностью совпадает с составом Московской управы. В этой связи заслуживает интереса сообщество лиц, служивших вместе с И.И.Пушиным в Московском надворном суде, а также в канцелярии Д.В.Голицына.

Неожиданно обнаруживается любопытное свидетельство об этом круге лиц. А.Я.Булгаков 22 декабря 1825 г. писал брату К.Я.Булгакову:

«Отсюда попался тоже к негодям петербургским молодой Пушин... У этого Пушина есть здесь приятели. Они составляют так называемое братское общество Семиугольной Звезды, глупости, кои теперь всех их могут компрометировать. Тут Данзас, Колошин, князь Черкасский, Кашкин, Зубков, Пушин, не помню седьмого. Эти молодцы все занимают здесь места при князе [московском генерал-губернаторе Д.В.Голицыне – П.И.]» (Булгаков 1901: 233; выделено мной – П.И.).

А.Я.Булгаков – лицо вполне осведомленное; он состоял при московском генерал-губернаторе по секретной части для дипломатической переписки, был очень хорошо знаком с лицами из ближайшего окружения Д.В.Голицына. Но, с другой стороны, автор свидетельства, очевидно, достаточно далеко отстоял от круга вольнодумцев и от декабристской конспирации. Поэтому его сообщение об обществе «Семиугольной звезды», также как обозначенный им круг участников этого кружка, имеет, скорее всего, характер слуха. Вместе с тем оно подкрепляется служебными связями Булгакова с Голицыным и знакомством с названными лицами. Возможно, о существовании общества «Семиугольной звезды» (скорее всего, кружок масонского характера или дружеское сообщество) ему поведал один из перечисленных им участников. Из письма видно, что автор свидетельства был наслышан о содержании «глупостей», – видимо, о невинном их характере, но тайна, в которую они были облечены, могла представить указанных лиц виновными в глазах правительства. Кроме этой общей интерпретации приведенного фрагмента письма важно еще отметить, что кружок выстраивался вокруг И.И.Пушина, который, как глава двух конспиративных обществ – Московской управы Северного общества и «Практического союза», да и по свойствам своих взглядов, вряд ли бы стал ограничиваться дружеским общением.

Документальным свидетельством близости упомянутого Булгаковым П.Д.Черкасского, а также В.П.Зубкова и Б.К.Данзаса, к участни-

кам московского отделения Северного общества и «Практического союза» служит литографированный групповой портрет Д.М.Соболевского (Зубков 1906: 37). Он был, по некоторым данным, заказан на память, как свидетельство дружеской связи, которая охватывала всех, кто на нем запечатлен. Всего на портрете изображены 8 человек: И.И.Пушин, В.П.Зубков, Б.К.Данзас, Павел И.Колошин, П.Д.Черкасский, И.Н.Горсткин, А.П.Бакунин, В.П.Пальчиков. Этот групповой портрет фиксирует тесную дружескую связь участников тайного общества Пушина, Колошина и Горсткина с менее известными лицами, очевидно, стоявшими очень близко к Пушину – главе московских конспираторов.

Итак, имеющиеся свидетельства – письмо Булгакова и портрет Соболевского – обнаруживают новые имена лиц, близких к Пушину, – А.П.Бакунина, В.П.Пальчикова, П.Д.Черкасского.¹⁶ По всем имеющимся данным, в Московскую управу Северного общества и «Практический союз» входили И.И.Пушин, Павел И.Колошин, И.Н.Горсткин,

---

¹⁶ Александр Павлович Бакунин (1.8.1797–25.8.1862). Из старинного дворянского рода. Лицеист I выпуска, соученик Пушкина и Пушина. Выпущен в л.-гв. Семеновский полк – 1817. Переведен в л.-гв. Финляндский полк подпоручиком – 1821. Назначен адъютантом к командующему 4-м пехотным корпусом Н.Н.Раевского. Перешел на службу по гражданскому ведомству – 14.2.1823. Камер-юнкер – 1824. В том же году назначен состоять при московском военном генерал-губернаторе Д.В.Голицыне. Масон, член ложи «Соединенные славяне» в Киеве. Возможно, принадлежал к обществу «Семиугольной звезды». Советник Московского губернского правления – 1828. Советник 2-го департамента Московской уголовной палаты – 1835. Новгородский вице-губернатор – 1838. Вице-директор 1-го департамента Министерства государственных имуществ – 1839. Тверской гражданский губернатор – с 1842 по 1857 г.; тайный советник. Умер в Ницце. Жена (с 1824) – Анна Борисовна Зеленская, племянница Д.В.Голицына; вторая (с 1838) – Мария Александровна Шулепникова.

Владимир Петрович Пальчиков (25.4.1804–27.4.1842). Из дворян Псковской губернии. Лицеист 2-го выпуска, друг И.И.Пушина и Б.К.Данзаса. Начал службу в департаменте гос. хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел – 1820. Чиновник при московском военном генерал-губернаторе Д.В.Голицыне – 1822. Заседатель 2-го департамента Московского надворного суда – 1825. Возможно, принадлежал к обществу «Семиугольной звезды». Вновь назначен в канцелярию Д.В.Голицына – 1826. Впоследствии статский советник, вице-директор департамента Министерства юстиции – 1840 (директором его был Б.К.Данзас). Жена – Софья Алексеевна Пещурова, дочь псковского предводителя дворянства. Родственник Пушиных (брат жены М.И.Пушина). Некролог – Северная пчела. 1842. №97.

Петр Дмитриевич Черкасский (22.2.1799–3.12.1852), князь, состоял по особым поручениям при московском генерал-губернаторе Д.В.Голицыне (1825). Принадлежал, возможно, к обществу «Семиугольной звезды». В 1827–1834 гг. – советник 1-го департамента Московской гражданской палаты. С 1834 г. – Симбирский гражданский губернатор. Умер в чине действительного статского советника.

С.Н.Кашкин, А.А.Тучков, С.М. и А.В.Семеновы (Пушкина, Ильин 2000: 67). Согласно запискам В.П.Зубкова, к Колошину часто съезжались Пущин, Кашкин, Данзас и сам Зубков. Б.Л.Модзалевский полагал, что в дружеский круг Пущина в Москве, коррелирующий с его конспиративными связями, входили Кашкин, Колошин, Горсткин, Зубков, а также Данзас, Черкасский, Пальчиков и Бакунин (Зубков 1906: 4-5). Следствием была установлена несомненная близость к тайному обществу Б.К.Данзаса и В.П.Зубкова, их известность о существовании политической конспирации (формальное членство не было доказано). Оба вошли в состав «Алфавита» Боровкова. Что касается имен Бакунина, Пальчикова и Черкасского, не прозвучавших на следствии, то приведенные свидетельства говорят о возможной причастности их к тайному обществу. Важно при этом иметь в виду, что Бакунин был лицеистом 1-го выпуска (учился вместе с Пушиным), а Б.К.Данзас (младший брат К.К.Данзаса) и Пальчиков – лицеисты 2-го выпуска; все они встречались с Пушиным еще в стенах Лицея и сдружились с ним.

Перед нами, без сомнения, ближайший резерв декабристского общества, оформленный, по-видимому, как дружеский кружок «Семиугольной звезды». Возможно, эти новые лица входили в состав «Практического союза» или московской управы Северного общества. Даже если Бакунин, Пальчиков, Черкасский формально не вошли в состав тайных обществ, их нужно причислить к ближайшему окружению Пущина и других московских членов Северного общества, наряду с проявленными следствием Зубковым и Данзасом. Н.П.Чулков (1932: 308) отнес всех трех указанных лиц к числу участников «Практического союза», для чего, на наш взгляд, все-таки нет достаточно убедительных оснований.

В числе связанных с Северным обществом лиц заслуживают упоминания «свободомыслящие» морские офицеры, имена которых лишь частично прояснило следствие. Большинство из них были связаны с А.П.Арбузовым, братьями А.П. и П.П.Беляевыми и В.А.Дивовым (Шешин 1979: 126–128). Лишь часть лиц этого круга отражена в «Алфавите» Боровкова (Воейков, А.М.Иванчин-Писарев, Ф.С.Лутковский, Н.И.Морозов). К кружку Арбузова-Беляевых были близки, помимо выявленного следствием А.М.Иванчина-Писарева, еще разжалованный в ноябре 1825 г. из мичманов в матросы Н.И.Морозов (в справочнике «Декабристы» это обстоятельство не зафиксировано – *Декабристы 1988*: 115) и мичман В.А.Кротов, а также Воейков, В.П.Гебауэр, А. и К.Осетровы, П.Е.Дурново, А.С.Шушерин. Все они вели «свободные» разговоры на политические темы (Алфавит 1988: 286 – разговор В.А.Дивова с Н.И.Морозовым). С другой стороны, Д.И.Завалишин «готовил» к вступлению в «Орден восстановления» старшего брата Н.И.Завали-

шина, А.М.Трескина, М.Д.Анненкова, И.А.Купреянова (Шешин 1979: 126–127, 128).

Если говорить о заговоре, который составился накануне 14 декабря 1825 года, то и здесь сохраняется возможность того, что некоторые из его участников остались нераскрытыми, избежали привлечения к следствию. Сведения о вероятном участии в событиях на стороне заговорщиков некоторых лиц содержат не до конца ясные указания источников. То же относится и к участникам событий на юге, связанных с выступлением Черниговского пехотного полка.

Если обратиться к вопросу о составе заговорщиков 14 декабря 1825 г., то бросается в глаза, например, разноречивый, существующий в данных о количестве офицеров ряда частей, принявших участие в событиях на стороне заговора. Пример тому – ситуация вокруг гвардейских конноартиллеристов. Согласно воспоминаниям начальника артиллерии Гвардейского корпуса И.О.Сухозанета, участников беспорядков в л.-гв. Конной артиллерии было больше, чем это известно по «Алфавиту» Боровкова, в котором имеются данные лишь о пяти офицерах (А.Г.Вилламов, А.И.Гагарин, К.Д.Лукин, А.В.Малиновский, И.П.Коновницын – *Алфавит* 1988: 237, 242, 267, 279, 282). Согласно дневнику Г.И.Вилламова (отца заговорщика), из числа конноартиллеристов «*семеро не были вовсе приведены к присяге*» (14 декабря 1999: 84, 85, 223, 225). Причем, по утверждению Г.И.Вилламова, возражали присяге вообще «*все*» офицеры конно-батарейной батареи.

Среди вероятных участников тайного общества и заговора 14 декабря находится штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка Норов. Согласно показаниям его товарища по полку А.С.Гангелова, Норов, «*узнав о бунте в столице*», «*поспешил в предостережение лично и тайно... уведомить*» заговорщиков (Гангелов 1984: 23, 30; *Алфавит* 1988: 319). Норов стал свидетелем и участником разговора с офицером л.-гв. Уланского полка А.А.Скалоном, который рассказал о «бунте» в столице и о готовности своего полка присоединиться к восставшим; Норов при этом отговорил товарища по Измайловскому полку М.Д.Лаппу от попытки «возмутить» полк. Присутствовал он и на встречах офицеров-заговорщиков (Гангелова и Лаппы) после 14 декабря:

«... ввечеру, когда был у нас Норов, то среди толков наших о современных делах, о самоубийстве капитана Богдановича и аресте четырех офицеров наших Лаппа с приметным беспокойством сказал: "Что, если и нас возьмут?"» (Гангелов 1984: 30; выделено мной – П.И.).

По-видимому, Норов был достаточно осведомлен о планах заговорщиков, но предпочитал осторожную позицию выжидания. Он, хотя и

примыкал близко к тайному обществу и, вероятно, знал о существовании заговора, но непосредственно в него не вступил. Следует добавить, что в числе бумаг командующего полком Л.А.Симанского было опубликовано донесение, в котором перечислялись фамилии офицеров, обнаруживших свою причастность к заговору. Наряду с известными участниками событий – А.Н.Андреевым, М.П.Малютиним, А.А. фон Фокком, А.П.Вадбольским – в донесении назван и Норов (Симанский 1911: 11).

В воспоминаниях Гангеблова приведен следующий его диалог с членом Петербургского отделения Южного общества ротмистром Кавалергардского полка З.Г.Чернышевым:

«... в разговоре о Свистунове Захар Григорьевич вдруг сказал: “А знаете что? Ведь очень может быть, что Свистунов не прямо вас выдал; встречались вы у него с Фрезером?” Меня это поразило: я тотчас вспомнил, что Анненков... под конец нашего сидения в казематах задал мне точно такой же вопрос. “Видел его там один только раз, перед отъездом Свистунова из Петербурга”, - ответил я. “Ну, так и есть! Свистунов виноват только тем, что принял вас в члены Общества. Фрезер, как прошел слух уже впоследствии, тотчас после бунта представил по начальству список всех лиц, о вступлении которых в Общество было ему известно”» (Гангеблов 1888: 216–217).

Чернышев, по словам Гангеблова, утверждал, что корнет Кавалергардского полка Фрезер донес о всех лицах, состоявших в тайном обществе, которые были ему известны. Это утверждение, с одной стороны, основывалось на «слухе», разошедшемся, правда, среди полковых товарищей Фрезера – кавалергардов, при этом источник «утечки» информации мог быть вполне авторитетен. С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что если Фрезер действительно подал список известных ему лиц, причастных к тайному обществу и заговору 14 декабря, то эти сведения он мог получить, только имея определенные контакты с членами тайного общества. Очевидно, это были в первую очередь товарищи по полку: Свистунов, Анненков, Горожанский и другие. Об этом свидетельствует сам Гангеблов в своих воспоминаниях. Фрезер упоминается и в следственных показаниях Гангеблова, видевшего его на квартире Свистунова (Гангеблов 1984: 25). Для того, чтобы знать о принадлежности к тайному обществу целого ряда лиц, нужно было как минимум получить сведения о существовании тайного общества. Как видим, мемуаристу сообщил об этом участник тайного общества, кавалергард Чернышев, достаточно осведомленный о положении дел. Более того, Гангеблов вспомнил о том, что другой кавалергард Анненков также утверждал, что Фрезер сообщил властям о заговорщиках. Для того, что-

бы подозревать в этом полкового товарища, надо, прежде всего, не сомневаться в том, что последний достаточно много знал о тайном обществе и его участниках. «Мы нигде не могли найти сведений, подтверждающих предположение графа З.Г.Чернышева о Фрезере», – гласило примечание П.И.Бартенева к запискам А.С.Гангеблова. Историк кавалергардов С.А.Панчулидзеv также ничего не смог добавить к указанию Гангеблова (**Кавалергарды 1906**: 398).

Крайне любопытным в этом свете представляется письмо А.Ф.Воейкова Е.А.Волконской, датированное 18 декабря 1825 г., однако написанное после 20 декабря, так как в тексте упоминается эта дата (**Воейков 1899**: 292–295). А.Ф.Воейков сообщает своему корреспонденту о последовавших после 14 декабря многочисленных арестах офицеров гвардии, причастных к заговору:

«В числе сообщников взяты под стражу... кавалергарды Муравьев, Анненков, Арцыбашев, Свистунов, Делерадович (сын генерала), Фрезер. Конно-гвардейцы: князь Одоевский; все офицеры гвардейского морского экипажа, кроме двоих, и счень много других офицеров» (**Воейков 1899**: 295; выделено мной – П.И.).

Отметим, что все перечисленные офицеры-кавалергарды (кроме Фрезера) действительно оказались в числе заговорщиков и подвергались аресту (это произошло 19 декабря). Если факт ареста Фрезера в самом деле имел место, а не явился лишь отражением слухов, то этот арест (пусть и кратковременный) мог быть связан с обнаружившейся его осведомленностью о тайном обществе. Сам ли он стал инициатором этого «обнаружения» или нет, – неизвестно (прояснить положение могут документы РГВИА и ГА РФ). Имя Фрезера не встречается больше ни в мемуарах участников тайных обществ, ни в документах следствия.¹⁷

---

¹⁷ **Фрезер** (Fräser) **Вильгельм Фрезерович** (Вильгельм-Генрих, Гийом-Анри) (р.1802), корнет Кавалергардского полка. Из португальских дворян, имевших родственников в Шотландии, сын бригадного генерала Анри-Давида Фрезера, внук командующего португальской армией в войне против Франции 1793 г. Жана Форба де-Скелатера. Приехал в Россию в 1821 г. По собственному прошению, подкрепленному ходатайством австрийского посла Л.А.Лебцельтерна и рекомендацией португальского посланника виконта де Лаппе, принят в Кавалергардский полк вольноопределяющимся – 22.4.1821. Эстандарт-юнкер – 1821. В 1821 г. полк представил Фрезера в офицерский чин, но с просьбой о переводе его в л.-гв. Кирасирский Ее величества полк, однако согласие императора на это не было получено. Корнет – 27.9.1824. За действия во время наводнения 1824 г. награжден орденом св. Анны 3-й ст. Участник подавления выступления 14 декабря 1825 г. Уволен в отпуск за границу в связи с получением именина в Шотландии – 14.10.1826. Поручик – 1827. Адьютант генерал-адъютанта П.П.Палена – 1.1.1828. Уволен в отпуск в Лиссабон – 1829. Находясь в отпуске, заболел в Париже и к месту

Этот факт может объясняться исключением Фрезера из рамок основного следствия (как это было, например, в случае А. В. Чевкина).

Еще одно лицо, которое должно быть названо – подполковник Максим Максимович Гротенгельм, в декабре 1825 г. командир Киевского драгунского полка. В документах следствия зафиксирована его дружеская связь с С. П. Трубецким, который долгое время находился в Киеве. 10 января 1826 г. Гротенгельм привлекался к допросу при штабе 1-й армии в связи с его знакомством с Трубецким (**Муравьев-Апостол 1927: 234**). Он и Александр З. Муравьев (командир Александрийского гусарского полка) должны быть названы как лица, вероятно осведомленные о существовании заговора и тайного общества. Оба были арестованы вследствие показаний офицеров-черниговцев, согласно которым лидер мятежа *«хвалился»*, что командиру Гротенгельму и Муравьевым полки присоединятся к Черниговскому полку и находятся с ним в союзе. Оба были доставлены в Главную квартиру 1-й армии, у них были отобраны бумаги. Муравьев уверял, что 25 декабря, когда у него побывали Муравьевы-Апостолы, это было обыкновенное посещение родственников, которые ничего не предлагали ему, о заговоре он не знал и никогда не слышал. Следствие этими объяснениями было удовлетворено. Гротенгельм показал, что в августе 1825 г. познакомился у С. П. Трубецкого с С. И. Муравьевым-Апостолом и И. С. Повало-Швейковским, затем не раз бывал у него, а в конце октября застал там же Муравьева-Апостола, Тизенгаузена, Повало-Швейковского и, *«кажется»*, П. А. Набокова. Муравьев-Апостол рассуждал при них *«о том, какое правление лучшее, и что конституционное есть по нынешним временам превосходнейшее»*, сообщал о недовольстве всех сословий *«теперешним положением своим»* (**Муравьев-Апостол 1927: 238**). Гротенгельм после допроса был также освобожден. Как констатировало следствие, в бумагах Муравьева и Гротенгельма, как и в результате их допросов, *«совершенно ничего сомнительного не оказалось»*. По итогам скоротечного рассмотрения обоим полковым командирам было приказано *«отправиться обратно к своим местам и вступить по-прежнему в командование вверенным им полкам»* (**Муравьев-Апостол 1927: 234–238**). По мемуарным источникам (записки И. И. Горбачевского) хорошо известно, что Александр Муравьев был назван членом тайного общества М. П. Бестужевым-Рюминым участником собрания в Лещинском лагере при объединении

службы не прибыл. Отставлен за болезнью – 12.2.1830 (**Кавалергарды 1906: 397–398**). Возможно, слухи о предательстве Фрезера коренились в отрицательном отношении к нему многих товарищей по полку; не случайно появление просьбы кавалергардов о переводе его в другой полк в 1821 г.

двух тайных обществ (также как, например, П.А.Набоков). Однако мало известно, что Муравьев был назван участником заговора и члену Южного общества А.Ф.Вадковскому, когда тот приезжал во время восстания Черниговского полка в Васильков (Вадковский 2001: 172). Традиционно считается, что Александр Муравьев однозначно не был членом тайного общества (см., например: Порох 1963: 160), хотя к нему приезжали перед началом восстания Черниговского полка С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы, а затем Бестужев-Рюмин.

Круг дружеских связей, многие из которых перерастали в связи по тайному обществу, достаточно широк. В него входили как привлеченные к следствию полковые командиры Ф.К.Левенталь и В.К.Ширман, так и избежавшие рассмотрения на следствии П.А.Набоков, Ф.С. (или Н.С.) Панютин, Александр З.Муравьев, М.М.Гротенгельм, а также П.Я.Ренненкампф (Киянская 1997: 92–95). Также можно назвать и имя Остена – бывшего командира 18-го егерского полка, который, по показанию Д.Грохольского, находился в большой дружбе с С.И.Муравьевым-Апостолом (Восстание Черниговского полка 1929: 307). Неизвестно, удастся ли найти более определенные указания на этот счет, но одним из основных направлений исследования представляется изучение данных неопубликованных дел следствия, проводившегося на юге.

Определенный интерес в этом отношении представляют документы, вошедшие в давнюю публикацию М.Ф.Шугурова в «Русском архиве» (1871. Кн.1. С.258–288). В числе бумаг командира 25-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Ф.Г.Гогеля, опубликованных под общим заглавием «Бунт Черниговского полка», был напечатан рапорт поручика Лишина от 20 января 1826 г., содержащий данные об арестах членов тайного общества в 1-й и 2-й армиях. Согласно этому рапорту, 7 января 1826 г. был арестован командир Александрийского гусарского полка полковник Александр З.Муравьев, а уже 13 января он был возвращен к полку. Однако фигурой Муравьева данные Лишина не исчерпываются. Согласно его рапорту, в январе 1826 г. был арестован и взят в Петербург поручик Александрийского гусарского полка (которым командовал А.З.Муравьев) Милорадович. Возможно, в этом случае офицер Александрийского полка перепутан с кем-либо из офицеров Ахтырского гусарского полка, которым командовал Артамон З. Муравьев. Но стоит отметить, что в записках И.И.Горбачевского содержится любопытное указание о том, что некоторые (неназванные) офицеры Александрийского полка принадлежали к тайному обществу и с ними разговаривал о возможности начала восстания С.И.Муравьев-Апостол 25 декабря, когда отправился из Житомира в свою поездку по полкам (Горбачевский 1963: 52).

Согласно рапорту Лишина, были арестованы также генерал-квартирмейстер 2-й армии Хоментовский, 38-го егерского полка полковник Гессе, адъютант генерал-лейтенанта Левенштерна поручик Биль, а также офицеры Старосельский и Лядуховский (оба, очевидно, Вятского полка, который принадлежал 2-й армии), польские аристократы Яблоновский и Ганьский, помещики Проскура и «*живущий возле Белой Церкви в деревне Разалевке*» отставной подполковник Платин. Большая часть этих данных об арестах труднообъяснима. Можно предположить, что рапорт составлен по слухам или в его основе – непроверенная информация (вероятно, неверно прочитанная публикатором рукопись или неистинный список с оригинала?). Так, офицеры Ахтырского полка могли быть спутаны с офицерами Александрийского гусарского (тем более ими командовали родные братья), Хоментовский – с генерал-интендантом 2-й армии А. П. Юшневским, Гессе – например, с полковниками М. А. Габбе (о котором собирались сведения следствием в 1-й армии) или П. Х. Граббе. Что касается Платина, то это совсем загадочное указание, – уж слишком фантастическим является его соотнесение с участником Союза благоденствия отставным полковником Пятиным, о котором речь шла в нашей статье «Безвестные декабристы». Но, насколько известно, данных об аресте Пятина и привлечении к следствию по делу тайного общества нет. В то же время рапорт Лишина содержит абсолютно достоверную информацию. Другие аресты, о которых в нем говорится, имели место. Так, известно, что М. П. Старосельский, Н. К. Ледоховский, К. Проскура, А. С. Яблоновский, действительно были «*взяты*» и отправлены в Петербург. Лишин сообщает также об арестах таких участников тайного общества, как Тизенгаузен, Жуков, Фролов, Волконский, Барятинский, Аврамов, Леман, Черкасов, братья Крюковы, Загорецкий, Фаленберг.

Определенный «резерв» при реконструкции состава тайных обществ составляют офицеры, привлеченные к расследованию при штабе 1-й армии. Многие из них, отсутствующие в «Алфавите» Боровкова, приведены в справочнике материалов РГВИА. Это – Грабовский, подпоручик 15-го егерского полка, по неподтвержденным данным состоявший в Южном обществе; он был арестован и после расследования освобожден (*Указатель 1975*(1): 227); корнет Татаринов, арестованный в связи с делом о тайных обществах (*Указатель 1975* (3): 632–633); капитан-лейтенант Горливленко, арестованный по делу о тайном обществе, освобожден (*Указатель 1975* (1): 223); Потемкин, штаб-офицер 3-го пехотного корпуса, по неподтвержденным данным состоявший в «Обществе соединенных славян» (*Указатель 1975* (3): 544); Комар-Заботинский, корнет гусарского принца Оранского полка (по некоторым данным, уничтожил бумаги товарища по полку члена Южного общества И. П. Жуко-

ва; комиссия при штабе 1-й армии собирала о нем сведения – **Указатель 1975 (2): 353**). Однако эти офицеры могли быть реально никак не связанными с тайным обществом и военными выступлениями, как это имело место в случае ротмистра гусарского принца Оранского полка Богданова (**Указатель 1975 (1): 151**).¹⁸

В следственных показаниях существует несколько загадочных упоминаний о причастности тех или иных лиц к тайным обществам. Частично эти упоминания, очевидно, связаны с фамилиями, всплывавшими на устных допросах. Многие из них, по-видимому, отражают слухи или ошибочную, непроверенную информацию. Так, на устном допросе Ф.Ф.Вадковского был назван в качестве члена тайного общества «*барон Строганов*». Сам Вадковский не знал о принадлежности Строганова к обществу: «... я в первый раз слышал намедня от господина... Левашева, когда Его превосходительство изволил снимать с меня допрос». (**Вадковский 1954: 207**). Любопытно, что эта фамилия была произнесена одним из ведущих членов Следственного комитета В.В.Левашевым, причем наряду с действительным участником тайного общества А.Л.Кологривовым. Возможно, перед нами ошибка памяти следователя, либо информация, основанная на слухах. Однако не исключено, что это – данные, полученные Левашевым в ходе устных допросов. В таком случае они могут быть как достоверными (как это было в отношении Кологривова), так и неверными. Н.Я.Булгари на следствии показал: «...Вадковский назвал мне еще одного члена: графа Потоцкого» (**Булгари 1975: 122**). Возможно, Вадковский в данном случае хотел представить тайное общество более значимым и многочисленным.

Среди мемуарных указаний имеется уже упоминавшееся свидетельство воспоминаний И.И.Горбачевского, касающееся ротмистра Ахтырского гусарского полка Малявина. Именно на его квартире Я.М.Андреевич встречался с Н.Н.Семичевым и другими офицерами-заговорщиками. По косвенным указаниям, Малявин, таким образом, тоже принадлежал к заговору. На его квартире Андреевич застал ряд офицеров, «*из коих некоторые были члены Южного общества, принятые Бестужевым-Рюминым*» (**Горбачевский 1963: 58**). При Малявине велись разговоры о готовности Ахтырского гусарского полка к мятежу.

---

¹⁸ Ротмистр Богданов был привлечен к следствию при штабе 1-й армии всего лишь из-за своего отсутствия в полку на момент подавления выступления Черниговского полка; освобожден (ГА РФ. Ф.48. Оп.1. Д.257). Другой подобного рода случай: А.А.Лебедев, майор Черниговского пехотного полка, во время событий 1825–1826 гг. не находился при своем месте, а был в отпуске. Арестован 28 января 1826 г., предан суду как подозреваемый в участии в мятеже, оправдан (Восстание декабристов. Т.VIII. М.; Л., 1925. С.340).

Согласно воспоминаниям Ф.П.Толстого, в «*центральное общество*» – руководящий орган тайного союза под названием «Зеленая книга» – входили, помимо И.А.Долгорукова, «*братья*» Муравьевы, П.И.Пестель, Ф.Н.Глинка и сам Толстой, наряду с этим он называет «*двух братьев Игнатьевых*», офицеров Измайловского полка (Толстой 2001а: 177; ср.: Пассек 1963: 379; изложение воспоминаний Ф.П.Толстого). Толстой действительно входил в руководящий орган Союза благоденствия – Коренной Союз, а в 1819–1820 гг. являлся его председателем и в этом качестве находился на известном собрании на квартире Ф.Н.Глинки (своего ближайшего товарища и друга). Возможно, перед нами обыкновенная ошибка памяти мемуариста. Среди офицеров Измайловского полка братья Игнатьевы не обнаружены.

Некоторые неожиданные имена содержат записки С.П.Трубецкого. Так, в список осужденных участников тайного общества им были включены некие Казиков и Рамоль-Сапега (Трубецкой 1987: 246). В этом списке присутствуют осужденные не только Верховным уголовным судом, но и по другим делам; источник информации мемуариста не известен, как не ясна степень причастности названных им лиц к тайному обществу.

Особую группу составляют лица, названные в «Записках декабриста» Д.И.Завалишина. Учитывая особенности этого источника, их принадлежность к числу членов тайных обществ представляется крайне сомнительной, вопреки прямым указаниям мемуариста. Имеет под собой почву предположение о том, что мемуарист «переводил» своих друзей и знакомых, а также лиц, входивших в дружеское окружение декабристов, в разряд членов тайного общества. По-видимому, он преувеличивал силы тайного общества. Например, достоверно известно о принадлежности к обществу одного сына П.Х.Витгенштейна, Льва, тогда как Завалишин в своих записках утверждал, что к обществу принадлежали два сына Витгенштейна. Завалишин приводит ряд совершенно новых имен. Это, прежде всего, И.С.Аржевитинов¹⁹ и П.А.Дохтуров.²⁰ Несколько лиц Завалишин назвал участниками тайного общества

---

¹⁹ Иван Семенович Аржевитинов (1798–1848), симбирский помещик, масон, член симбирской ложи М.П.Баратаева «Ключ к добродетели» (Серков 2000: 178, 256), родственник Н.И.Тургенева. (Завалишин 1904(1): 308, 313, 360; (2): 68).

²⁰ Дохтуров Павел Афанасьевич (р.1787), капитан-лейтенант (1825), адъютант С.-петербургского военного генерал-губернатора М.А.Милорадовича, впоследствии – капитан 2-го ранга (1827), в 1832 г. переведен полковником в корпус жандармов. Родственник и однокашник Ф.П.Толстого по Морскому кадетскому корпусу (1797–1804), друг Н.А.Бестужева.

в Москве; некоторые из них входили в окружение генерал-лейтенанта П.А.Толстого, командующего 5-м пехотным корпусом (1-я армия), штаб которого располагался в 1825 г. в Москве. Это, помимо известных по «Алфавиту» Боровкова А.В.Шереметева и С.Е.Раича, «старший» Вяземский (возможно, старший брат корнета Кавалергардского полка члена тайного общества А.Н.Вяземского 2-го), адъютант П.А.Толстого Михаил Васильевич Ладыженский, впоследствии генерал-лейтенант (жив в 1874 г.; Кротов 1874: 409), еще один адъютант П.А.Толстого Алексей Николаевич Бахметев (1798–1861), впоследствии попечитель Московского учебного округа. Ладыженский и Бахметев – воспитанники известного Училища колонновожатых, одного из центра образования участников тайных обществ. Входили в тайное общество, по словам Завалишина, и дети командующего 5-м пехотным корпусом П.А.Толстого (Завалишин 1904(1): 308).²¹ Скорее всего, он имел в виду Егора и Владимира Толстых. В.П.Зубков (1907: 217–218) вспоминал, что он, будучи арестованным, встретил по дороге из Москвы в Петербург сыновей П.А.Толстого: «*графа Егора Толстого с его младшим братом, которые ехали в свои полки*» (очевидно, Владимир Толстой). Зубков был уверен, что «*их тоже арестовали*» и очень удивился, что они свободны.

Наконец, Завалишин называет в качестве заговорщика известного мореплавателя Василия Михайловича Головнина. Как уверял мемуарист (Завалишин 1904(1): 82), Головнин даже хотел потопить императора на своем судне. Офицеры гвардейской 1-й артиллерийской бригады А.И.Философов и И.М.Бакунин, по утверждению Завалишина, находились под влиянием члена общества А.М.Голицына или были приняты им в общество (Завалишин 1904(1): 358).

Некоторые из сообщений о близости к декабристским обществам, имеющиеся в мемуарных источниках, следует признать недостоверными, поскольку они не подкреплены необходимым документальным основанием и их источник крайне сомнителен.²² Следует осторожно,

---

²¹ Алексей Петрович Толстой (1801–1873), граф, поручик Кавалергардского полка, флигель-адъютант с 1829 г., тверской губернатор (1834–1837), одесский военный губернатор (1837–1840), генерал-лейтенант (1856), обер-прокурор Синода (1856–1862), член Гос. совета (1862). Егор Петрович Толстой (9.7.1802–12.3.1874), граф, поручик л.-гв. Егерского полка, адъютант генерал-майора П.И.Нейдгардта 2-го, с 1862 г. – сенатор, генерал-лейтенант, калужский губернатор. Друг П.А.Муханова. Младший брат – Владимир Петрович (22.5.1805–8.2.1875); еще один брат в 1825 г. был молод – Иван Петрович (30.10.1810–14.5.1873), впоследствии тайный советник.

²² Весьма характерны в этом отношении воспоминания дочери П.А.Витовтова А.П.Салтыковой:

критично воспринимать такого рода указания о принадлежности к декабристам новых лиц. Однако пример обратного нередко дает краеведческая литература, которая грешит «записыванием в декабристы» лиц, при ближайшем изучении никак не связанных с тайными обществами и военными выступлениями 1825–1826 гг. Другим образцом такого рода подхода являются, к сожалению, обобщающие справочные издания или биографические справочники. Здесь также можно встретить ошибки составителей, стремившихся предельно расширить круг участников *«революционного движения»*. Составители справочника «Деятели революционного движения в России», опираясь на мемуарные источники, нередко произвольно трактовали содержащиеся в них сведения. Так, в число участников декабристских обществ попали братья М. Н. и Н. Н. Семеновы, – на основе воспоминаний А. С. Гангеблова (*Деятели 1927*: 166); на самом же деле в этих воспоминаниях сообщается о том, что вокруг этих офицеров собирався кружок их однополчан (*«артель»*) (*Гангеблов 1888*: 21–22); составители справочника интерпретировали это как участие в тайном обществе. Еще одно указание этого справочника касается полковника Лахмана (*Деятели 1927*: 98), который в 1831 г., по донесению своего дворового человека, изобличался в *«сношениях»* с Южным обществом. Это обстоятельство требует дополнительного изучения, выяснения степени достоверности доноса. Согласно данным Е. В. Самойлова (*«Список нижним чинам, принимавшим участие в декабристском движении»*, подготовленный им в 1925–1926 гг. для публикации в издании «Центрархива», посвященном солдатам и матросам; остался в рукописи – *Деятели 1927*: XXIV), *«за принадлежность к Союзу благоденствия»* был установлен секретный надзор за коллежским советником, дивизионным доктором 2-го резервного кавалерийского корпуса Икон-

---

«Слышала я от отца про его знакомство с Рылевым, Бестужевым, Пестелем и другими; про то, как строго хранились их тайные совещания, про его дружбу с Пуцциным (М. И. Пуцциным – П. И.) ... Вся эта образованная, пылкая молодежь приглашала отца на свои собрания и, ничего не подозревая, он неоднократно стремился к ним, но всякий раз являлась какая-нибудь неожиданная помеха. Наконец, выбрав свободную минуту, он отправился, но на полпути вдруг встретился с Пуцциным. “Ты куда катишь, Витовтов?”, – спрашивает он. “Да вот, братец, удалось избавиться от дел и еду в гости к Рылеву послушать умных речей”. “Возвращайся восвояси, не пуцу”, – объявляет убедительно добрый приятель. Насилу удалось ему отговорить отца и тем спасти его от неминуемой беды» (Русский архив. 1907. Кн. 2. С. 351–352).

Рассказ этот, имеющий характер исторического анекдота, не содержащий прямой информации о причастности П. А. Витовтова к тайному обществу, стал основанием для включения последнего в справочник 1927 г. (*Деятели 1927*: 35–36).

никовым²³ (**Деятели 1927: 75; Указатель 1975(1):** вступ. ст.). В исследовательской традиции и в справочных изданиях распространена, к сожалению, практика причисления к декабристам на основе сочувствия их взглядам. Пример тому – книгоиздатель С.И.Селивановский (**Деятели 1927: 166**), который, по сообщению И.М.Снегирева, сочувствовал декабристам. Абсолютное большинство этих сообщений следует признать недостаточными для заключения о членстве в тайном обществе. Наконец, остается сказать о недостоверных преданиях и устных свидетельствах о причастности к тайным обществам. М.В.Нечкина сообщила о семейном предании в роде Барышниковых, касающемся А.И.Барышникова²⁴: будто он, состоя членом тайного общества, только взяткой откупился от наказания. Это сам по себе крайне ненадежный источник сведений, к тому же данное сообщение вряд ли достоверно, поскольку возникло в условиях популярности декабристов в русском обществе рубежа XIX–XX вв.

Таковы некоторые из менее ясных и достоверных указаний на вероятную причастность к тайным обществам и военным заговорам декабристов, которые следует привести в дополнение к более определенным и надежным свидетельствам, касающимся предполагаемого членства в декабристских союзах и участия в выступлениях 1825–1826 гг.

Обозначить группу возможных участников тайных обществ и выступлений декабристов, в отношении которых имеются конкретные указания источников, мы полагали важной исследовательской задачей, решение которой имеет значение для реконструкции наиболее полного состава декабристской конспирации, для выявления ближайшего «резерва» тайных обществ этого ряда, и, следовательно, будет способствовать более четкому представлению о т.н. «декабристской периферии».

В силу этих же причин автору статьи видится вполне обоснованным отведение в будущем новом издании биографического справочника «Декабристы» особого раздела, посвященного предполагаемым участникам тайных обществ и военных выступлений, в отношении которых сохранились достоверные (пусть не всегда прямые и ясные) указания источников, свидетельствующие об их возможной принадлежности к декабристам.

---

²³ Возможно, **Александр Иконников**, штаб-лекарь, надворный советник, участник войны 1812 г. (Российский медицинский список, издаваемый по высочайшему повелению, на 1825 г. СПб., 1825. С.66).

²⁴ **Барышников Андрей Иванович** (1803–1867), поручик Смоленского драгунского полка (1825), адъютант командующего 2-й армией П.Х.Витгенштейна, впоследствии ротмистр лейб-гвардии Конного полка (1828), вышел в отставку в чине полковника (1830) (**Декабристы: Летописи ГЛМ. Вып.3. М., 1938. С.502**).

Ниже приводится сводный список предполагаемых участников тайных обществ и военных выступлений декабристов, с указанием источников, свидетельства которых позволили внести их в этот перечень.

Союз благоденствия и дочерние тайные общества

Бабаев Иван Саввич	ГА РФ. Ф.109. Оп.3. Д.3183. Л.69–71.
Бутурлин (Дмитрий Петрович?)	Восстание декабристов. Т.IX. М., 1950. С.82.
Гаевский Михаил Семенович	Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983. С.347.
Кавелин Иван (?) Александрович	Записки графа Ф.П.Толстого. М., 2001. С.222.
Катенин Александр Андреевич	Всеподданнейшее письмо Я. Н. Толстого от 26 июля 1826 года // Пушкин и его современники. Вып. VII. СПб., 1908. С.42.
Липранди Павел Петрович	Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983. С.347.
Лишин	Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001. С.409.
Логинов Иван Иванович	Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001. С.253–254, 256.
Мансуров Александр Михайлович	Восстание декабристов. Т. XII. М., 1969. С.362–364.
Семинькевич	Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001. С.362.
Таушев Николай Степанович	Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1. Иркутск, 1980. С.249–251; Т.2. Иркутск, 1983. С. 91, 268, 272, 278, 284.

Шаховской Александр Александрович   Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С.428.

Северное общество

Муромцев Матвей Матвеевич*   Муромцев М.М. Воспоминания// Русский архив. 1890. Кн.3. С.390–391.

Сапожников Александр Петрович   Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С.167.

Скуратов Александр Петрович   Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С.217.

Скуратов Дмитрий Петрович   Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С.217; Т. XVIII. М., 1984. С.222–223.

Южное общество

Андрешевский   Восстание декабристов. Т. XI. М., 1958. С.331.

Набоков Петр Александрович   Вадковский Ф.Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1931. Т.1. С.192; Муравьев-Апостол М.И. [Примечания к мемуарному очерку «Белая Церковь»] // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1931. Т.1. С.200.

Никифораки   Горбачевский И.И. Записки. М., 1963. С.58–59; Вадковский Ф.Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1931. Т.1. С.193.

---

* Возможно, принадлежал к Союзу благоденствия.

Новицкий	Восстание декабристов. Т. XIX. М., 2001. С. 256.
Панютин Федор (Николай?) Сергеевич	Восстание декабристов. Т. XI. М., 1954. С. 331.
Семенов	Восстание декабристов. Т. XI. М., 1954. С. 366.
Шлегель Иван Богданович	Восстание декабристов. Т. XI. М., 1954. С. 366.

Общество соединенных славян

Андреев	Горбачевский И. И. Записки. М., 1963. С. 45.
Крупеников Александр Никитич*	Горбачевский И. И. Записки. М., 1963. С. 75–76; Восстание декабристов. Т. IV. М.; Л., 1927. С. 248, 256, 285–286; Т. VI. М.; Л., 1929. С. 18, 20–21, 308; Т. IX. М., 1950. С. 205–206, 239.

Выступление 14 декабря 1825 года

Балкашин Павел Дмитриевич	Каратыгин П. А. Записки. М., 1970. С. 137.
Киселев Иван Павлович	Восстание декабристов. Т. XV. М., 1979. С. 36, 38.

Выступление Черниговского полка

Ефимов	Горбачевский И. И. Записки. М., 1963. С. 50–51.
--------	---

---

* Возможно, принадлежал к Южному обществу.

Приложение

Биографические справки

Андреев

Согласно воспоминаниям И.И.Горбачевского, член Общества соединенных славян или Южного общества. Участник совещаний членов тайного общества во время выступления Черниговского пехотного полка.

Горбачевский 1963: 45

Андрешевский

Согласно показанию В.И.Враницкого, член Южного общества (Васильковская управа). К следствию не привлекался.

Враницкий 1954: 331.

Бабаев Иван Саввич (ум. 1830)

Тульский губернский почтмейстер.

По собственному признанию, сделаному при подписке о «непринадлежности» к тайному обществу в 1826 г., узнал о существовании Союза благоденствия от С.Д.Нечаева (1819, Тула). Возможно, вступил в Тульское отделение Союза.

К следствию не привлекался. В связи с признанием учрежден тайный надзор – 1826.

ГА РФ. Ф.109. Оп.3. Д.3183. Л.69–71.

Булгарин 1998: 143, 195, 621.

Мухина 1975: 243.

Балкашин Павел Дмитриевич (1791 или 1796–1.4.1852)

Лейтенант Гвардейского экипажа.

Поступил кадетом в Морской кадетский корпус – 10.6.1807. Гардемарин – 8.6.1809. Мичман – 26.9.1812. Участник заграничного похода 1813 г., состоял в должности адъютанта в Гвардейском экипаже – 1813. Участник плавания в Вильно – 1815. Лейтенант – 15.3.1817. Командовал (временно) бригам «Пожарский» – 1824.

Возможно, участвовал в выступлении 14 декабря 1825 г. К следствию не привлекался, наказания не понес.

Командирован в Николаев – 1826. Участник плавания до Тулона – 1826–1827. Капитан-лейтенант – 6.12.1827. Участник войны с Турцией, состоял по

особым поручениям при начальнике Главного штаба действующей армии генерал-адъютанте П. Д. Киселеве – 1827–1829. Возвратился в Петербург – 1830. Старший адъютант дежурства Главного морского штаба – 10.2.1831, командирован в Рыбинск для принятия мер против холеры (1831). Командирован по особым поручениям в Астрахань, Выборг, Ревель, Финляндию – 1832–1834. Капитан II ранга с оставлением в прежней должности – 6.12.1836. Командирован по особым поручениям в Архангельск – 1837. Капитан I ранга – 26.3.1839.

Каратыгин 1970: 137.

Биографические данные: Общий морской список. Ч. 6. СПб., 1892. С. 338–340.

Бутурлин

«Писатель».

Согласно показанию М. П. Бестужева-Рюмина, член Союза благоденствия. К следствию не привлекался.

Бестужев-Рюмин 1950: 82.

Возможно, Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–9.10.1849), генерал-майор гвардейского Генерального штаба (1824), исполнял должность генерал-квартирмейстера 1-й армии (утвержден в должности в 1826 г.).

Начал службу в Ахтырском гусарском полку (1808), с 1810 г. – в Кавалергардском полку. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1816 г. назначен адъютантом к начальнику Главного штаба П. М. Волконскому. Флигель-адъютант (1817). Полковник – 1819.

С 1829 г. – генерал-квартирмейстер 2-й армии, участник войны с Турцией 1828–1829 гг. В 1830 г. – определен к статским делам, с производством в чин тайного советника. Впоследствии – действительный тайный советник, сенатор, член Гос. Совета (1840), директор Императорской Публичной библиотеки (1842–1848), председатель Особого секретного «Комитета 2-го апреля, учрежденного для высшего надзора за исправлением печатных в России сочинений» (1848), один из составителей цензурного устава.

Военный историк и писатель.

Биографические данные: Бутурлин 1908: 545–547; Кавалергарды 1906.

Гаевский (Геевский) Михаил Семенович

Майор Селенгинского пехотного полка (1822).

Из Апшеронского пехотного полка переведен в л.-гв. Преображенский полк (1818). Штабс-капитан (с 1818 г.). Переведен в Смоленский пехотный полк капитаном – 20.3.1821. Начальник учебного батальона при штабе 16-й пехотной дивизии.

Согласно воспоминаниям В.Ф.Раевского, возможно, был членом Союза благоденствия (1821–1822; Кишиневская управа). К следствию не привлекался.

В записках И.П.Липранди приведены ошибочные данные о том, что М.С.Гаевский служил в л.-гв. Гренадерском полку и за упущение по службе после «семеновского бунта» был переведен майором в Селенгинский пехотный полк (Липранди 1873: 159).

Жена – графиня Кантакузен.

Раевский 1983б: 347.

Биографические данные: Чичерин, Долгов, Афанасьев 1883: 43 (приложение).

Ефимов

Капитан Саратовского пехотного полка, ротный командир.

По данным И.И.Горбачевского, соглашался принять участие в выступлении Черниговского пехотного полка, узнав о существовании и целях тайного общества. К следствию не привлекался.

Горбачевский 1963: 50–51.

Кавелин

Согласно воспоминаниям Ф.П.Толстого, член Союза благоденствия.

К следствию не привлекался.

Толстой 2001а: 222; Пассек 1963: 388.

Возможно, речь идет об Иване Александровиче Кавелине (р.1789)

Из старинного дворянского рода, сын секунд-майора. Воспитывался в Пажеском корпусе. Выпущен прапорщиком (по другим данным, подпоручиком) в 10-й артиллерийский полк – 1805.

Братья – Николай (1778–1845), Дмитрий (1778–1851), сенатор, литератор, Михаил (р.1780), Владимир (1783–1833), флотский офицер, Сергей (1786–1837), флотский офицер, Павел (1788–1813), Петр (ум. 1815), Александр (член Союза благоденствия).

Биографические данные: Руммель, Голубцов 1886: 340; Милорадович 1876: 147; Фрейман 1894: 139.

Катенин Александр Андреевич (1800 (по другим данным – 1803) – 24.5.1860)

Поручик л.-гв. Преображенского полка.

Из дворян Костромской губернии. Получил образование во 2-й Петер-

бургской гимназии и 2-м Кадетском корпусе. Поступил подпрапорщиком (юнкером) в л.-гв. Преображенский полк – 17.7.1818. Прапорщик – 30.3.1822. Подпоручик – 29.4.1823. Поручик – 12.12.1824.

Двоюродный брат П.А.Катенина, члена Союза спасения и Военного общества, известного литератора.

Согласно записке Я.Н.Толстого, обращенной на имя Николая I, принадлежал к «Обществу добра и правды» (1819–1821). К следствию не привлекался.

Участник войны с Турцией .1828–1829 гг. и польской кампании 1831 г. Штабс-капитан – 6.12.1830. Капитан – 1.7.1832. Назначен флигель-адъютантом с отчислением от фронта – 6.12.1835. Произведен в полковники за отличие по службе – 25.6.1837. Исполняющий должность коменданта Императорской Главной квартиры – 19.2.1839. Сопровождал императора в его поездках; назначен и.д. начальника штаба 1-го пехотного корпуса (Кавказской корпус) – 1839–1840. Участник экспедиций против горцев (1839–1841), за участие в штурме аула Ахульго награжден золотой саблей «За храбрость». Исполняющий должность начальника штаба Отдельного Гренадерского корпуса – 7.8.1842, назначен генерал-майором в Свиту Его Имп. Величества с утверждением в должности – 10.9.1843. Командир л.-гв. Преображенского полка – 11.4.1848. Генерал-адъютант – 1849. Участник венгерского похода 1849 г. Дежурный генерал Главного штаба – 26.8.1852. Генерал-лейтенант – 6.12.1853. И.д. товарища военного министра (В.А.Долгорукова) – 11.4.1854. Член Комитета для составления устава и штатов юнкерских школ – 1856. Уволен от занимаемых должностей «по расстроенному здоровью» с оставлением в звании генерал-адъютанта – 8.9.1856. С апреля 1857 г. – командующий Отдельным Оренбургским корпусом, Оренбургский и Самарский генерал-губернатор.

Автор записки «О невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией».

Жена – урожд. Вадковская.

Толстой 1908: 42.

Биографические данные: ОР РНБ. Ф.608. Оп.1. Д.2932 (формулярный список); **Каратыгин 1970:** 86, 104; **Чичерин, Долгов, Афанасьев 1883:** 105 (прилож); **Свита 1908:** 259;

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т.1. С.361–362. (РГИА. Ф.1284. Оп.42, 1860 г., Д.73).

Киселев Иван Павлович (ум. 1.7.1853)

Капитан-лейтенант артиллерии, командир артиллерийской команды Гвардейского экипажа (1825).

Поступил младшим унтер-офицером в морскую артиллерийскую команду – 1.6.1794. Констанпель – 31.12.1804, унтер-офицер – 1.3.1810. Переведен в артиллерийскую роту Гвардейского экипажа – 12.4.1810. Лейтенант артиллерии – 11.1.1812. Участник сухопутной кампании 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., морского плавания до Вильно – 1815, плаваний к берегам

Англии, Голландии и Франции – 1816–1817. Капитан-лейтенант артиллерии – 17.3.1817. Участник плавания в Исландию – 1823, состоял в должности старшего эскадренного артиллерийского офицера – 1824–1825.

Возможно, участник выступления 14 декабря 1825 г., покинул Сенатскую площадь. К следствию не привлекался, наказания не понес.

Участник плавания до Тулона – 1827. В составе Гвардейского экипажа направлен в Тульчу, участник войны с Турцией 1828–1829 гг. Командир береговой батареи при взятии Варны – 1828. За отличие капитан III ранга – 2.10.1828. Подполковник – 7.1.1831. Командир 2-й (морской) артиллерийской бригады в Кронштадте, с состоянием при Гвардейском экипаже – 31.12.1831. Полковник – 31.12.1832. Участник подавления Венгерской революции 1849 г., за отличие – генерал-майор, с назначением членом Общего присутствия Артиллерийского департамента Морского министерства – 6.12.1849.

Кюхельбекер 1979: 36, 38.

Биографические данные: Общий морской список. Ч.7. СПб., 1893. С.242–243.

Крупеников Александр Никитич

Поручик Курского пехотного полка.

Поступил на службу в Московский казачий полк – 1813. Участник заграничных походов 1813–1814 гг. Юнкер – 22.7.1813. Переведен в Польский уланский полк – сентябрь 1815. Произведен из портупей-юнкеров в корнеты – 25.3.1816. Уволен от службы корнетом – 22.2.1817. Вновь принят на службу прапорщиком в Екатеринославский гренадерский полк – 12.4.1818. Подпоручик – 18.9.1819. Переведен в Курский пехотный полк – 11.2.1820. Поручик – 30.6.1821.

Согласно следственным показаниям С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов и воспоминаниям И.И.Горбачевского, член тайного общества (возможно, Общества соединенных славян). Вероятно, принадлежал к Южному обществу.

Привлекался к следствию, которое вела следственная комиссия военного суда при Главном штабе 1-й армии (Могилев). Арестован (?), после допроса освобожден, взят под надзор военным начальством. Признан непричастным к делу.

Штабс-капитан – 4.8.1826.

Братья: Павел (р. не позднее 1771), отставной коллежский секретарь; Никита (р. около 1792), отставной подполковник; Иван (1794?-1828), поручик в отставке (1825).

Муравьев-Апостол 1950: 205–206, 239; **Муравьев-Апостол 1927:** 248, 256, 285–286; **Восстание Черниговского полка 1929:** 18, 20–23, 308.

Горбачевский 1963: 75–76, 94; **Указатель 1975(2):** 376.

Киянская 1997: 84–87, 146.

РГВИА. Ф.36. Оп.4/847. Св.29. Д.589; Ф.14414. Оп.1. Д.198. Ч.1.

Ф.492. Д.197; Ф.3545. Оп.1. Д.507.

Липранди Павел Петрович (15.1.1796–27.8.1864)

Подполковник 32-го Егерского полка.

Родился в Екатеринославе. Отец – Петр Иванович (Педро де) (ум.1810) – уроженец г. Мондови (Пьемонт), куда его предки переселились в XVII в. из Барселоны, купец, владелец суконных фабрик, в 1785 г. приглашен в Россию, сначала директор казенных суконной и шелковой фабрик, а затем основатель и директор Александровской мануфактурной фабрики, надворный советник, с 1805 г. в отставке. Мать – Варвара Яковлевна Бибилова (ум.1800).

Православного вероисповедания. Получил домашнее образование (губернер Мори, приглашенные учителя), записан в л.-гв. Конный полк – 1796 (исключен по указу Павла I – 1797). Пенсионер Горного корпуса (1808–1810), курса не закончил. Зачислен юнкером в Ахтырский гусарский полк – август 1812. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. Находился при штабе командующего 6-м пехотным корпусом Д.С.Дохтурова. Подпрапорщик Псковского пехотного полка – 1.3.1813. Участник сражений при Тарутине, Малоярославце, Красном, Кацбахе, Ларотьере, Лаоне, Краоне, Суассоне, взятия Парижа. За отличие произведен в прапорщики; подпоручик (1814). Адьютант бригадного командира генерал-майора А.И.Талызина, затем ротный командир Псковского пехотного полка (1814). Поручик, адъютант начальника 16-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Ф.И.Талызина, с переводом в Мингрельский пехотный полк – 17.6.1816. Штабс-капитан – август 1817. За отличие переведен в л.-гв. Гренадерский полк, с оставлением в звании адъютанта – июнь 1818. Капитан, с переводом во фронт – 21.1.1821. Из л.-гв. Гренадерского полка по собственной просьбе – служить вместе со старшим братом – переведен майором в 32-й Егерский полк – 1821. Назначен состоять при начальнике 16-й пехотной дивизии М.Ф.Орлове – ноябрь 1821. Адьютант командира 6-го пехотного корпуса И.В.Сабанеева – январь 1822. Подполковник – ноябрь 1823.

По воспоминаниям В.Ф.Раевского, возможно, был членом Союза благоденствия (Кишиневская управа). К следствию о тайных обществах не привлекался.

Участник войны с Турцией 1828–1829 гг., состоял при начальнике Главного штаба 2-й армии П.Д.Киселеве, выполнял дипломатические и секретные поручения (наблюдение за австрийской границей). Назначен состоять при Новороссийском генерал-губернаторе М.С.Воронцове – 1830, управлял холерными карантинами по Дунаю. Участник подавления польского восстания 1831 г., батальонный командир в отряде генерал-адъютанта Ридигера, командир сводного полка. Назначен командиром Елецкого пехотного полка – апрель 1831. За отличие полковник – 18.6.1831. Командующий 1-й бригадой 11-й пехотной дивизии – 1831. Флигель-адъютант с оставлением в прежней должности – 28.1.1833. Награжден майоратом в 5000 золотых – 1835. Произведен в генерал-майоры, командир гренадерского Его Вел. короля Прусского полка – 1839. Командир л.-гв. Семеновского полка – 1842. Назначен генерал-майором в Свиту с оставлением в должности командира полка – 1843. За отличное состояние полка награжден орденом св. Станислава 1 ст. Разработал правила продовольствия нижних чинов, порядка отчетности денежных

сумм, устройства хозяйственного быта. Генерал-лейтенант за отличие по службе, назначен начальником штаба Гренадерского корпуса – 11.4.1848. Начальник 12-й пехотной дивизии – ноябрь 1849. Участник Крымской (Восточной) войны 1854–1856 гг. (начальник мало-валахского отряда, командир отдельного отряда), сражения при Балаклаве (награжден золотой шпагой за храбрость), начальник центрального отряда при обороне Севастополя (25.10.1854–5.7.1855), командующий 6-м пехотным корпусом – 5.7.1855. Назначен командиром 2-го пехотного корпуса – 9.11.1856 (в отпуске по болезни с декабря 1857 г., с июня 1858 г. – в бессрочном отпуске). Командующий 2-м армейским корпусом – 8.9.1859. Произведен в генералы от инфантерии – 17.4.1860, член Военного совета с отчислением от командования корпусом (1861). Председатель особых комитетов – об изменении и улучшении организации пехотных войск, об «изменении устройства... кадров подвижных госпиталей», об изменении судопроизводства. Инспектор всех пехотных войск – 1862. Пожаловано 5 тыс. дес. земли в Самарской губернии – 17.8.1863. Назначен членом Гос. совета – 1863. Похоронен на Митрофаньевском кладбище в С.-Петербурге (могила не сохранилась).

Автор записок о военных кампаниях 1830–1831 гг. и 1854–1855 гг., оставшихся в рукописи.

Жена (с 1833) – Мария Федоровна Талызина (ум.1843); дочери: Мария, фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1854) – за подполковником А.А.Гернгроссом и NN – за князем В.Л.Девлет-Гиреевым; сын Рафаил (р. 1839), офицер гв. Генерального штаба. Брат – Иван Петрович Липранди (1790–1860), сестра – за князем Тухачевским, командиром Олонецкого пехотного полка.

Раевский 1983б: 347.

Биографические данные: Дубровин 1871: 297–344; Липранди 1900; Свита 1908: 275 (Прил.)

Лишин

По показаниям Н.И.Комарова, возможно, принадлежал к Союзу благоденствия (Кишиневская управа). К следствию не привлекался.

Комаров 2001: 409.

Возможно, подполковник, командир 31-го Егерского полка (с 1822 г. – командир 32-го Егерского полка) П.С.Лишин 1-й.

Раевский 1980: 150, 271.

Логоинов Иван Иванович

Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка (1822).

По показаниям А.В.Капниста, принадлежал к членам Измайловского

общества (один из основателей). Возможно, член Союза благоденствия. К следствию не привлекался.

Капнист 2001: 253–254, 256.

Семенова 1985: 30.

Биографические данные: Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общй штат Российской империи на ... 1822. СПб., 1822. Ч.1. С.153.

Мансуров Александр Михайлович (23.11.1800–около 1826)

Из старинного дворянского рода. Отец – Михаил Николаевич, секунд-майор, мать – Екатерина Петровна (урожд. Протасова).

Первоначальное образование получил дома. С 1816 г. – воспитанник Московского благородного университетского пансиона, в 1820 г. окончил пансион с золотой медалью. Член Общества любителей российской словесности при Московском университете (1818–1820). В 1820-е гг. жил в Москве и Мценске.

По показанию товарища по пансиону Н.С.Бобрищева-Пушкина, возможно, член Союза благоденствия (1818 – начало 1819; Москва). К следствию не привлекался.

Умер от апоплексического удара около 1826 г.

Поэт элегической школы, переводчик. Автор стихотворений, в том числе «Песни страдальца» и «К сочинителю “Руслана и Людмилы”» (1822), написанных в духе декабристского гражданского вольнолюбия, поэмы о крещении Руси, стихотворных переводов поэм Д.Макферсона («Песен Оссиана») и стихотворений Ф.Шиллера. В 1820-е гг. считался одним из наиболее значительных молодых поэтов.

Печатался на страницах альманахов «Каллиопа» – за 1817–1820 гг. (издание Благородного пансиона при Московском университете), «Мнемозина» (1824), «Подснежник» (1829), журналов «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Московский телеграф», в трудах Общества любителей российской словесности (1818–1825).

Бобрищев-Пушкин 1969: 362–364.

Биографические данные: **Мансуров 1994:** 512.

Муромцев (Муромцов) Матвей Матвеевич (р.1789)

Отставной полковник л.-гв. Измайловского полка.

Из старинного дворянского рода. Отец – генерал-поручик, тульский губернатор Матвей Васильевич (ум. 1799), мать – Екатерина Александровна Волкова.

Получил домашнее образование (учителя Ф.И.Вельц, мадам Комб и Дюкре, учитель народного училища Сахаров), затем поступил в пансион Фонка и Дюре (1803 или 1804), с 1805 г. снова воспитывался дома (гувернер Дюбуа). В 1807 г. поступил в Измайловский полк по экзамену. Прапорщик – 1809. Участник войны с Швецией 1808–1809 гг., с Турцией 1810–1812 гг., Отечествен-

ной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Подпоручик – 1812. Капитан, дивизионный адъютант – май 1813 г. (адъютант А.П.Ермолова). Полковник – 1816. В 1816 г. отказался быть чиновником посольства А.П.Ермолова в Персию и состоял по армии, с 1817 г. – в отставке. Владимирский вице-губернатор (1821), затем тамбовский вице-губернатор. В отставке с 1822 г.

В 1808–1809 гг. входил в кружок офицеров Измайловского полка, занимавшихся военными науками (М.А. Фонвизин, А.А. Вельяминов, П.А. Рахманов, Дибич, Спиридов и др.). Друг М.А. и И.А. Фонвизиных и П.Х. Граббе. Масон, член ложи «Александр тройственного благословения».

По собственным воспоминаниям, участвовал в собраниях членов тайного общества в Москве (август 1822 г.?). Вероятно, являлся членом Союза благоденствия (управа Ф.П. Шаховского). Возможно, принят (М.А. и И.А. Фонвизиными или П.Х. Граббе) в тайное общество, основанное на Московском съезде в январе 1821 г. К следствию не привлекался.

Предводитель дворянства Рязанской губернии – 1826. Саратовский вице-губернатор – 1829. С 1833 г. в отставке. Вновь поступил на службу, назначен членом совета Департамента податей и сборов министерства финансов, в 1837 г. назначен таврическим губернатором. Вскоре окончательно вышел в отставку. Занимался откупам. Мемуарист (воспоминания написаны не позднее 1863 г.).

Жена – Варвара Гавриловна Бибикова (сестра члена Союза благоденствия И.Г. Бибикова). Сын – Петр.

Брат – Петр; сводные братья – Павел, Иван, бывший офицер л.-гв. Измайловского полка, Александр (то же); сестры – Варвара «старшая» (за Николаем Ивановичем Лавровым); сводные – Александра (за Степаном Николаевичем Волковым) Софья (за полковником Гинцем), Анна (за Алексеем Ивановичем Трескиным), Елизавета (за Павлом Матвеевичем Бибиковым), Екатерина, Варвара.

Муромцев 1890: 390–391.

Биографические данные: **Зноско-Боровский 1882:** 298; III, V (приложение).

Набоков Петр Александрович (ум. 1847)

Полковник, командир Кременчугского пехотного полка.

Отец – Александр Иванович (ум. 1807), генерал от инфантерии.

Получил образование в Пажеском корпусе. Из камер-пажей поступил прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк – 1808. Подпоручик – 1810. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. Поручик – 1813. Штабс-капитан – 1816. Капитан – 1817. Полковник, переведен в Кременчугский пехотный полк – 1819.

Полковой товарищ братьев С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов.

Согласно мемуарному свидетельству С.П. Трубецкого, член тайного общества. По воспоминаниям И.И. Горбачевского и Ф.Ф. Вадковского знал о существовании и целях Южного общества; возможно, принадлежал к Союзу благоденствия.

Возможно, привлекался к следствию при Главном штабе 1-й армии неарестованным. Признан непричастным к делу.

Впоследствии – генерал-майор, генерал-лейтенант (1847).

Жена – Анастасия Дмитриевна Пушина (Медведева), сыновья – Александр и Николай. Братья: Иван (1787–1852), генерал-майор, командир 3-й пехотной дивизии (в 1826 г. – председатель военно-судной комиссии при Главном штабе 1-й армии), впоследствии – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, комендант С.-Петербургской крепости, член Гос. совета; Николай (1794–1873), генерал-лейтенант.

Муравьев-Апостол 1931: 200; Вадковский 1931: 192; Муравьев-Апостол 1982: 191; Горбачевский 1963: 10.

Архив СПбИИ РАН. Колл.154. Оп.1. Е.х.44. Л.41.

Биографические данные: Фрейман 1897: 147; Дирин 1883: 124.

Никифораки

Поручик Ахтырского гусарского полка.

Согласно воспоминаниям И.И.Горбачевского и Ф.Ф.Вадковского, возможно, член Южного общества. К следствию не привлекался.

Согласно изложению Ф.Ф.Вадковского (очерк «Белая Церковь»), к тайному обществу были причастны офицеры Ахтырского гусарского полка братья Никифоровы.

Горбачевский 1963: 58–59; Вадковский 1931: 193.

Новицкий

Подпоручик артиллерии.

По показаниям И.М.Черноглазова, возможно, принадлежал к Южному обществу (Васильковская управа). К следствию не привлекался.

Черноглазов 2001: 256.

Панютин

Согласно показаниям В.И.Враницкого и мемуарному свидетельству С.П.Трубецкого, член Южного общества (Васильковская управа).

К следствию не привлекался.

Враницкий 1954: 331.

Архив СПбИИ РАН. Колл.154. Оп.1. Е.х.44. Л.41.

Возможно, Николай Сергеевич Панютин или Федор Сергеевич Панютин

Панютин 2-й Николай Сергеевич (1791 или 1792–1843)

Полковник Кременчугского пехотного полка.

Из дворян Нижегородской губернии. Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1809 г. выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк (по другим данным, корнетом в Конно-Польский полк). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. Штабс-капитан – 1816. Полковник, с переводом в Кременчугский пехотный полк – 1819. Командир Рыльского пехотного полка – 1826 (?). Уволен в отставку генерал-майором – 23.2.1828.

Товарищ С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов по л.-гв. Семеновскому полку.

Братья – Федор (см.), Иван, отставной подпоручик л.-гв. Семеновского полка (1820).

Биографические данные: Милорадович 1876: 151; Фрейман 1894: 146.

Панютин 1-й Федор Сергеевич (1790–31.5.1865)

Полковник, командир Севского пехотного полка.

Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1807 г. выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк. Подпоручик – 1811. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. Поручик, адъютант начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии И.Ф.Паскевича (1813). Капитан – 1817. Полковник – 1819.

Товарищ С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов по л.-гв. Семеновскому полку.

В 1820 г. после «семеновской истории» переведен в чине полковника в Севский пехотный полк. Командир Ревельского пехотного полка – 1826. Произведен в генерал-майоры, назначен командиром 2-й бригады 20-й пехотной дивизии – 29.9.1828. Участник войны с Турцией 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг. (состоял при главнокомандующем русской армии И.И.Дибиче, находился два месяца в плену у польских мятежников). Командовал полками в 8-й и 9-й пехотных дивизиях. Начальник 1-й (1834), затем 9-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант – 1837. Начальник отдельного отряда, посланного для подавления восстания в Кракове (1846), занял Краков и оставался в нем до восстановления порядка. Участник венгерской кампании 1849 г., командир отдельного отряда, действовавшего при австрийской армии (Передом, Темешвар). За отличие пожалован в генерал-адъютанты – 15.6.1849. Командир 2-го пехотного корпуса – 1849. Генерал от инфантерии – 6.12.1851. Участник Крымской войны 1853–1855 гг., командующий Средней армии Юго-Западного края (резерв) – 1855. Варшавский военный генерал-губернатор и присутствующий в Варшавском департаменте Сената – 1856. Назначен членом Гос. совета – 1861.

Жена – Надежда Евграфовна Мерлина, сын Степан (1822–1885), тайный советник.

Биографические данные: Милорадович 1876: 149; Фрейман 1894: 150-152; Дириш 1883: 134; Свита 1908: 260 (Прил.);

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1. С. 403–404 (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 401).

Сапожников Александр Петрович (р. 1788)

Купец 1-й гильдии.

Из богатого купеческого рода. Сын астраханского купца, владельца торговой фирмы, рыбных промыслов на Каспийском море и земель в приволжских губерниях, получившего потомственное дворянство. Предприниматель, владелец кожевенных, мукомольных, мыловаренных фабрик.

Согласно показаниям В. И. Штейнгейля, знал о существовании и целях тайного общества от Я. И. Ростовцева и, возможно, был принят им в Северное общество (декабрь 1825 г.). Участник собраний членов общества накануне 14 декабря 1825 г. К следствию не привлекался.

Жена – Пелагея Ивановна Ростовцева. Родственник (зять) Я. И. Ростовцева.

Брат – Андрей Петрович (1795–1855), впоследствии генерал-майор инженерного ведомства, начальник чертежной Инженерной части, главный наблюдатель за рисованием и черчением Военно-учебных заведений (1844), художник-иллюстратор, коллекционер, владелец картинной галереи.

Штейнгейль 1976: 167; Штейнгейль 1985: 154–155.

Семенов

Капитан корпуса инженеров путей сообщения.

Согласно показаниям Н. А. Крюкова, возможно, был принят в члены Тульчинской управы Южного общества (ноябрь–декабрь 1825 г.). К следствию не привлекался.

Крюков 1954: 366.

Семишкевич

Подпоручик (32-го Егерского полка?).

Согласно показаниям Ю. М. Юмина, возможно, принадлежал к Союзу благоденствия (Кишиневская управа; принят А. Г. Непениным в 1820–1821 гг.). К следствию не привлекался.

Юмин 2001: 362.

Скуратов Александр Петрович

Отставной подпоручик л.-гв. Преображенского полка.

Из старинного дворянского рода. Произведен из полковых сержантов

в прапорщики л.-гв. Преображенского полка – 31.12.1820. Уволен в отставку подпоручиком по домашним обстоятельствам – 18.11.1822.

Согласно показанию В.М.Голицына, возможно, принадлежал к Северному обществу. К следствию не привлекался.

Братья – Дмитрий (см.), Павел – отставной штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка (1813), Алексей, сестра – Анна (за Н.Д.Лукиным).

Голицын 1976: 217.

Биографические данные: Чичерин, Долгов, Афанасьев 1883: 198 (прил.).

Скуратов Дмитрий Петрович (18.6.1802–14.5.1885)

Отставной прапорщик л.-гв. Преображенского полка.

Из старинного дворянского рода. Начал службу подпрапорщиком в л.-гв. Преображенском полку в 1819 г., после экзамена произведен в юнкеры. Вышел в отставку прапорщиком по домашним обстоятельствам – 1822. Служил «частным секретарем» при попечителе С.-Петербургского учебного округа С.С.Уварове (1821). В 1824–1826 гг. находился за границей (Франция), изучал политическую экономию.

Принадлежал к родственному и дружескому окружению Е.П.Оболенского и семейства Капнистов.

Согласно показаниям А.В.Поджо и В.М.Голицына, возможно, принадлежал к Северному обществу (принят Е.П.Оболенским (?), 1823). К следствию не привлекался.

С 1826 г. жил в Москве и своем имении Московской губернии. Предприниматель, основатель бумагопрядильной фабрики в Наро-Фоминске (1830-е гг.), в 1860-е гг. разорился. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел (1860-е гг.), цензор.

Один из основателей Общества содействия русской промышленности и торговли. Писатель по экономическим вопросам, публицист, сотрудничал в периодических изданиях 1850–1860-х гг. Сторонник протекционистской политики, оппонент министра финансов М.Х.Рейтерна. Автор статей по экономическим вопросам в журналах и газетах «Вестник промышленности», «Русском вестнике», «Неделе», «Северной почте», «Биржевых ведомостях», «Петербургских ведомостях», «Северной пчеле», «Коммерческой газете». Автор записки о народном образовании (1884).

Жена – Фаина Алексеевна Пушкина (дочь А.М.Пушкина). Дочь – Х.Д.Рахманинова.

Поджо 1984: 222–223; **Голицын 1976:** 217.

Биографические данные: Корсакова 1904: 624–625; Некролог: Экономист. 1885. № 21.

Таушев Николай Степанович (р.1800)

Поручик 10-го Егерского полка (1825).

Из дворян Свяжского уезда Казанской губернии. Получил образова-

ние в Казанском университете (1814–1817). Подпоручик 31-го Егерского полка – 11.3.1821. Гевальдигер 16-й пехотной дивизии. Поручик – 1822.

Возможно, член Союза благоденствия (Кишиневская управа; 1820–1822). Принадлежал к ближайшему окружению М.Ф.Орлова, К.А.Охотникова и В.Ф.Раевского.

После ареста В.Ф.Раевского принял книги и рукописные материалы учебных заведений дивизии, содействовал уничтожению рукописных материалов («прописей») и сокрытию «книг» – главных улик по делу. Привлечен к допросам во время следствия по делу В.Ф.Раевского, а затем привлечен к делу как «прикосновенный» – 1822. Переведен в 10-й Егерский полк с освобождением от должностей – 25.12.1823.

К следствию по делу о «злоумышленном тайном обществе» не привлечался.

Уволен от службы поручиком «по домашним обстоятельствам» – 18.1.1826; обязался жить в г. Свияжске Казанской губернии – 1826.

В 1823 г. Полевым аудиториатом 2-й армии приговорен к содержанию под арестом 6 месяцев за уничтожение уличающих документов по делу (возможно, в связи с незавершенностью дела наказание было отложено). Особой комиссией военного суда под председательством В.В.Левашова его проступок оставлен без внимания, освобожден от наказания. После завершения следствия по делу В.Ф.Раевского «оставлен в подозрении» в умысле скрыть вину В.Ф.Раевского и К.А.Охотникова, в чем, однако, не был полностью изобличен. По итогам дела В.Ф.Раевского Таушева решено не привлекать к ответственности, за ним учрежден строгий полицейский надзор – 15.10.1827.

Раевский 1980: 249–251; **Раевский 1983:** 91, 268, 272, 278, 284.

Шаховской Александр Александрович (24.4.1777–22.1.1846), князь

Заведующий репертуарной частью при дирекции императорских театров.

Отец – князь Александр Иванович, камергер двора польского короля Станислава Августа. Мать – Анастасия Федоровна Пассек.

Воспитывался в Благородном пансионе Московского университета (с 1785 г.), по окончании которого начал службу в в л.-гв. Преображенском полку (в 1787 г. записан в него сержантом). В 1802 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. Член репертуарной части при дирекции императорских театров, камер-юнкер.

Участник Отечественной войны 1812 г., командир полка тверского ополчения. В 1813 г. вернулся на гражданскую службу. С 1819 г. в отставке. В 1824 г. возвратился на службу в театральную дирекцию. Один из авторов Постановления и правил внутреннего управления Императорской театральной дирекции.

По показаниям А.Ф.Бригена, состоял в Союзе благоденствия. К следствию не привлекался.

В 1826 г. уволен от службы.

Известный писатель-драматург, водевилист, поэт, переводчик, театральный режиссер, критик. Член «Беседы любителей русского слова». Член Российской академии с 1810 г. Основатель журнала «Драматический вестник».

Бригген 1976: 428.

Биографические данные: **Кубасов 1905:** 571–576.

Шлегель (Schlegel) Иван Богданович (Иоганн Готлиб) (19.8.1787–20.9.1851)

Коллежский советник, дивизионный доктор 16-й пехотной дивизии.

Представитель разветвленного немецкого семейства, из которого вышли несколько известных медиков. Отец – пастор, ученый, ректор училища при Domkirche в Риге, – вероятно, доктор медицины на русской службе Богдан Богданович (Готлиб) Шлегель (1763–1828), мать – Анна Сибилла (урожд. Мажевская).

Родился в Риге. В 1790 г. вместе с семьей переехал в Грейфсвальд. Первоначальное образование получил дома, с 1801 г. – студент медицинского факультета университета в Йене. Защитил диссертацию и получил диплом Бамбергского университета, доктор медицины и хирургии – 1803. Продолжил медицинское образование в Бамберге и Вене. В 1808 г. принял предложение русского посланника в Вене и после экзамена в С.-Петербургской Медико-хирургической академии поступил на русскую службу. Полковой лекарь в Эстляндском мушкетерском полку – сентябрь 1808 г., участник более 6 сражений на Кавказе, взятия Анапы (1809), с 1810 г. на Черноморском флоте, принимал участие в экспедициях против горцев. Штаб-лекарь в Дунайской армии (участник войны с Турцией 1806–1812 гг.). С 1811 г. старший лекарь 5-го Егерского полка. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 и 1815 гг., принимал участие в 40 сражениях. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. и медалью в память 1812 г. В 1816 г. вышел в отставку. С июля 1818 г. – помощник генерал-штаб-доктора при Главной квартире 2-й армии. В 1820 г. переведен дивизионным доктором в 28-ю пехотную дивизию, затем в этой же должности в 16-й пехотной дивизии. Успешно руководил борьбой с эпидемиями чумы в 1819 г. (Бессарабия) и в 1824–1825 гг. (в Бухаресте). Коллежский советник (1825). В 1825–1826 гг. был прикомандирован к Главному штабу 2-й армии.

По показаниям Н.А.Крюкова, а также согласно сведениям, сообщенным в воспоминаниях П.И.Фаленберга и Н.В.Басаргина, возможно, был принят в члены Южного общества (конец 1825 г.). Знал о существовании тайного общества. К следствию не привлекался.

В 1828 г. назначен главным штаб-доктором 2-й армии, находился при Главнокомандующем действующей армии И.И.Дибиче, участник войны с Турцией 1828–1829 гг. В 1829–1830 гг. состоял дивизионным врачом при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе М.С.Воронцове, инспектор Одесской врачебной управы. В 1829 г. – за отличие назначен императорским лейб-медиком. Главный доктор действующей армии в Польше, участник Польской кампании 1830–1831 гг. В 1831 г. – главный доктор госпиталя в Вар-

шаве, председатель Варшавского медицинского совета, руководил мерами против холерной эпидемии 1831 г. Генерал-штаб-доктор в армии И.Ф.Паскевича – 1832. С 1833 г. – главный доктор военного госпиталя в Риге, с 14.12.1834 – военного госпиталя в Москве. Высочайшее благоволение за образцовый порядок – 1837. Действительный статский советник (1838). С 1838 г. (8.12.; вступил в должность 5.2.1839) и до конца жизни – президент Императорской Медико-хирургической академии.

Член Медицинского совета Министерства внутренних дел, Военно-медицинского ученого комитета, почетный член Виленской Медико-хирургической академии, Венского медицинского общества.

Пользовался широкой известностью и авторитетом как врач, специалист по борьбе с эпидемиями и организатор медицинского дела. Автор исследования о чуме (Военно-медицинский журнал. 1825. Ч.5. №3), а также дневника, «который велся... всю жизнь». Умер в Петербурге.

Жена – Хелена Элеанора Паукер.

Брат – Андрей, штаб-лекарь.

Крюков 1954: 366.

Фаленберг 1931: 225, 226; **Басаргин 1988:** 52, 80.

Биографические данные: **Lexicon 1970:** 681–682; **Ивановский 1898:** 359–363; Российский медицинский список... на 1825 год. СПб., 1825. С.145, 210; Военно-медицинский журнал. 1852. №59. (биография И.Б.Шлегеля на основе его дневника).

Литература

Азадовский 1992 – Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т.2. С.3–237.

Алфавит 1988 – «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией, составлен 1827-го года» [«Алфавит» А.Д.Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 215–345.

Базанов 1949 – Базанов В.Г. В.Ф.Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949.

Басаргин 1988 – Басаргин Н.В. Воспоминания. Статьи. Документы. Иркутск, 1988.

Батеньков 1976 – Дело Г.С.Батенькова // Восстание декабристов. Т.ХIV. М., 1976. С.29–145.

Бестужев-Рюмин 1950 – Дело М.П.Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов. Т.ИХ. М., 1950. С.25–176.

- Бобрищев-Пушкин 1969** – Дело Н.С.Бобрищева-Пушкина // Восстание декабристов. Т.ХII. М., 1969. С.343–388.
- Брегман, Федосеева 1980** – Брегман А.А., Федосеева Е.П. Владимир Федосеевич Раевский // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1. Иркутск, 1980. С.5–54.
- Брегман, Федосеева 1983** – Брегман А.А., Федосеева Е.П. Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983. С.5–58.
- Бригген 1986** – Бригген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.
- Бригген 1976** – Дело А.Ф.Бриггена // Восстание декабристов. Т.ХIV. М., 1976. С.423–447.
- Булгаков 1901** – Письма А.Я.Булгакова К.Я.Булгакову // Русский архив. 1901. Кн.2.
- Булгакова 2000** – Булгакова Л.А. От декабризма к осведомительству. Заметки к биографии Якова Николаевича Толстого // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып.III. СПб., 2000. С.170–200.
- Булгари 1975** – Дело Н.Я.Булгари // Восстание декабристов. Т.ХIII. М., 1975. С.111–127.
- Булгарин 1998** – Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В.Булгарина в III Отделение. М., 1998.
- Бурцов 2001** – Дело И.Г.Бурцова // Восстание декабристов. Т.ХХ. М., 2001. С.189–203.
- Бутурлин 1908** – Бутурлин Дмитрий Петрович // Русский биографический словарь. Т.3. Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С.545–547.
- Вадковский 1931** – Вадковский Ф.Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т.1. С.192–199.
- Вадковский 1954** – Дело Ф.Ф.Вадковского // Восстание декабристов. Т.ХI. М., 1954. С.189–236.
- Вадковский 2001** – Дело А.Ф.Вадковского // Восстание декабристов. Т.ХIX. М., 2001. С.161–177.
- ВД XVI** – Восстание декабристов. Документы. Т.ХVI. М., 1986.
- Воейков 1899** – Воейков А.Ф. Письмо Е.А.Волконской // Русский архив. 1899. Кн.2. № 6. С.292–295.
- Волконский 1991** – Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.
- Восстание Черниговского полка 1929** – Восстание декабристов. Документы. Т.VI. М.; Л., 1929.
- Враницкий 1954** – Дело В.И.Враницкого // Восстание декабристов. Т.ХI. М., 1954. С.309–344.

- Габаев 1926** – Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С.153–206.
- Гангеблов 1888** – Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888.
- Гангеблов 1984** – Дело А.С.Гангеблова // Восстание декабристов. Т.XVIII. М., 1984. С.17–44.
- Гиллельсон 1998** – Гиллельсон М.И. [Комментарий к дневникам В.П.Горчакова] // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т.1. С.485–488.
- Глиноецкий 1883** – Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т.1. 1698–1825 гг. СПб., 1883.
- Голицын 1976** – Дело В.М.Голицына // Восстание декабристов. Т.XIV. М., 1976. С.215–229.
- Горбачевский 1963** – Горбачевский И.И. Записки. Письма. М., 1963.
- Гордин 1989** – Гордин Я.А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989.
- Горленко 2001** – Дело П.И.Горленко // Восстание декабристов. Т.XIX. М., 2001. С.179–186.
- Горчаков 1998** – Горчаков В.П. Выдержки из дневника о А.С.Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т.1. С.229–263.
- Грибовский 1988** – Записка [М.К.Грибовского] о Союзе благоденствия, представленная А.Х.Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С.181–187.
- Декабристы 1988** – Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Деятели 1927** – Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т.1. Ч.1: От предшественников декабристов до падения царизма / Сост. А.А.Шилов и М.Г.Карнаухова. М., 1927.
- Дирин 1883** – Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1883. СПб., 1883. Т.2.
- Дубровин 1871** – [Дубровин Н.Ф.] Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди. Биографический очерк // Военный сборник. 1871. Т.80. №8. С.297–344.
- Завалишин 1904** – Завалишин Д.И. Записки декабриста. Мюнхен, 1904. Т.1–2.
- Зеленая книга 1951** – Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т.1. С.237–276.
- Зноско-Боровский 1882** – Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882.

- Зубков 1906** – Записки В.П.Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря. СПб., 1906.
- Зубков 1907** – Зубков В.П. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // *Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских.* М., 1907. С.217–244.
- Ивановский 1898** – История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за 100 лет. 1798–1898. / Под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898. С.359–363.
- Кавалергарды 1906** – Сборник биографий кавалергардов. Т.3. СПб., 1906.
- Капнист 2001** – Дело А.В.Капниста // *Восстание декабристов.* Т.XX. М., 2001. С.237–258.
- Каратыгин 1970** – Каратыгин П.А. Записки. Л., 1970.
- Киянская 1997** – Киянская О.И. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка. М., 1997.
- Ковалева 1996** – Ковалева Т.В. Пушкин и П.Х.Габбе // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып.27. СПб., 1996. С.155–163.
- Комаров 2001** – Дело Н.И.Комарова // *Восстание декабристов.* Т.XX. М., 2001. С.393–412.
- Корсакова 1904** – Корсакова В. Скуратов Дмитрий Петрович // *Русский биографический словарь.* Т.18. Сабанеев-Смыслов. СПб., 1904. С.624–625.
- Крюков 1954** – Дело Н.А.Крюкова // *Восстание декабристов.* Т.ХI. М., 1954. С.345–378.
- Кубасов 1905** – Кубасов И.А. Шаховской Александр Александрович // *Русский биографический словарь.* Т.22. Чаадаев-Швитков. СПб., 1905. С.571–576.
- Кутузов 2001** – Дело Н.И.Кутузова // *Восстание декабристов.* Т.XX. М., 2001. С.333–340.
- Кюхельбекер 1979** – Дело М.К.Кюхельбекера // *Восстание декабристов. Документы.* Т.ХV. М., 1979. С. 31–40.
- Лачинов 2001** – Дело Е.Е.Лачинова // *Восстание декабристов.* Т.ХIХ. М., 2001. С.215–222.
- Левин 1980** – Левин Ю.Д. Осиан в русской литературе. Конец XVIII–первая треть XIX вв. Л., 1980.
- Липранди 1873** – Замечания на воспоминания Ф.Ф.Вигеля. Из дневниковых записок И.П.Липранди / Издание Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1873.
- Липранди 1900** – Липранди Р. Генерал от инфантерии [И.П.] Липранди // *Военный сборник.* 1900. № 12. С.213–235.
- Липранди 1998** – Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // *Пушкин в воспоминаниях современников.* СПб., 1998. Т.1. С.285–343.

- Мансуров 1994** – Мансуров Александр Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Т.3. М., 1994. С.512.
- Мартынов 2001** – Дело А.Мартынова // Восстание декабристов. Т.ХІХ. М., 2001. С.201–214.
- Мироненко 1988** – Мироненко С.В. Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С.376–398.
- Мозалевский 1925** – Показания А.Е.Мозалевского от 9 января 1826 г. // Красный архив. 1925. Т.6 (13). С.36–38.
- Муравьев-Апостол 1927** – Дело С.И.Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Т.ІV. М.; Л., 1927. С.227–412.
- Муравьев-Апостол 1931** – Муравьев-Апостол М.И. [Примечания к мемуарному очерку Ф.Ф.Вадковского «Белая Церковь»] // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т.1. С.199–201.
- Муравьев-Апостол 1950** – Дело М.И.Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Документы. Т.ІХ. М., 1950. С.177–284.
- Муравьев-Апостол 1982** – Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С.163–225.
- Муромцев 1890** – Муромцев М.М. Воспоминания // Русский архив. 1890. Кн.1. № 1. С.59–81; № 3. С.366–394.
- Мухина 1975** – Мухина С.Л. Безвестные декабристы (С.Д.Нечаев, П.Д.Черевин) // Исторические записки. Т.96. М., 1975. С.231–251.
- Немировский 1987** – Немировский И.В. Декабрист К.А.Охотников, кишиневский знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып.21. Л., 1987. С.137–146.
- Немировский 1989** – Немировский И.В. Кишиневский кружок декабристов (1820–1821 гг.) // Пушкин: Исследования и материалы. Т.13. Л., 1989. С.213–221.
- Непенин 2001** – Дело А.Г.Непенина // Восстание декабристов. Т.ХХ. М., 2001. С.205–213.
- Нечкина 1955а** – Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т.1.
- Нечкина 1955б** – Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т.2.
- Оболенский 1925** – Дело Е.П.Оболенского // Восстание декабристов. Документы. Т.І. М.; Л., 1925. С.219–286.
- Оксман 1925** – Восстание Черниговского полка (новые материалы) / Публ. Ю.Г.Оксмана // Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С.5–36.
- Оксман 1954** – Оксман Ю.Г. «Воззвание к сынам Севера»: Из истории агитационно-пропагандистской литературы 1820-х гг. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С.451–515.

- Орлов 1928** – Два письма М.Ф.Орлова к Д.П.Бутурлину / Публ. А.А.Сиверса // Декабристы и их время. Т.1. М., 1928. С.199–205.
- Павлова 1964** – Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф.Орлов. М., 1964.
- Пассек 1963** – Пассек Т.П. Из дальних лет. М., 1963. Т.2.
- Перетц 2001** – Дело Г.А.Перетца // Восстание декабристов. Т.ХХ. М., 2001. С.33–92.
- Пестель 1927** – Дело П.И.Пестеля // Восстание декабристов. Т.IV. М.; Л., 1927. С.1–226.
- Поджио 1969** – Дело И.В.Поджио // Восстание декабристов. Т.XII. М., 1969. С.153–186.
- Поджио 1984** – [Показания А.В.Поджио в деле Д.П.Зыкова] // Восстание декабристов. Документы. Т.XVIII. М., 1984. С.222–223.
- Порох 1954** – Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С.121–185.
- Порох 1963** – Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве / Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып.VIII. М., 1963. С.9–106.
- Пушкина, Ильин 2000** – Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып.II. СПб.; Кишинев, 2000. С.9–77.
- Раевский 1980** – Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1. Иркутск, 1980. С.345–364.
- Раевский 1983** – Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983.
- Раевский 1983а** – Дополнения В.Ф.Раевского к «ответным пунктам» от 18 марта 1826 г. // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983. С.147–151.
- Раевский 1983б** – Раевский В.Ф. [Воспоминания] «В тайном обществе» // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1983. С.345–364.
- Рапорт 1902** – Рапорт Комиссии военного суда при Главной квартире 1-й армии // Русский архив. 1902. № 6. С.270–288.
- Руммель, Голубцов 1886** – Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т.1.
- Рынкевич 2001** – Дело И.В.Рынкевича // Восстание декабристов. Т.XIX. М., 2001. С.187–192.
- Сабанеева 1996** – Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом // История жизни благородной женщины: Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом; Головина В.Н. Мемуары; Лабзина А.Е. Воспоминания. М., 1996. С.333–434.

- Савенко 2001** – Дело С.Ф.Савенко // Восстание декабристов. Т.ХІХ. М., 2001. С.429–434.
- Садиков 1941** – Садиков П.А. И.П.Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т.6. М.; Л., 1941. С.266–295.
- Сафонов 1995** – Сафонов М.М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С.166–181.
- Свита 1908** – Столетие Военного министерства. Императорская главная квартира. История государевой Свиты. Т.2. Царствование императора Николая I. СПб., 1908.
- Семенова 1982** – Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- Семенова 1985** – Семенова А.В. К истории Союза благоденствия (по неопубликованным следственным делам декабристов) // Советские архивы. 1985. № 6. С.26–32.
- Серков 2000** – Серков А.И. История русского масонства ХІХ века. СПб., 2000.
- Симанский 1911** – Архив измайловца. Бумаги Л.А.Симанского / Сообщ. П.Н.Симанский // Журнал Имп. Военно-исторического общества. 1911. № 2. С.1–12 (5 паг.).
- Толстой 1908** – Толстой Я.Н. Всеподданнейшее письмо Я.Н.Толстого от 26 июля 1826 года // Пушкин и его современники. Вып. VII. СПб., 1908. С.41–45.
- Толстой 1926** – Переписка Я.Н.Толстого с А.И.Тургеневым / публ. С.А.Щегловой // Памяти декабристов. Вып. II. Л., 1926. С.164–188.
- Толстой 2001а** – Записки графа Ф.П.Толстого. М., 2001.
- Толстой 2001б** – Дело Ф.П.Толстого // Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001. С.431–436.
- Указатель 1975** – Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. М., 1975. Вып. 1–3.
- Фаленберг 1931** – Фаленберг П.И. Записки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т.1. С.223–243.
- Фрейман 1894** – Фрейман О.Р. Пажи за 183 года. 1711–1894. Биографии бывших пажей. Фридрихсгамн, 1894. Вып. 1.
- Чернов 1960** – Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения: Сб. ст. Саратов, 1960.
- Черноглазов 2001** – Дело И.М.Черноглазова // Восстание декабристов. Т.ХІХ. М., 2001. С.243–262.
- 14 декабря 1999** – 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999.

- Чичерин, Долгов, Афанасьев 1883** – История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. СПб., 1883. Т.4.
- Чулков 1932** – Чулков Н.П. Москва и декабристы // Декабристы и их время: Сб. ст. М., 1932. Т.2. С.129–222.
- Шешин 1979** – Шешин А.Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С.115–128.
- Штейнгейль 1976** – Дело В.И.Штейнгейля // Восстание декабристов. Т.XIV. М., 1976. С.147–193.
- Штейнгейль 1985** – Штейнгейль В.И. Записки о восстании // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т.1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С.143–180.
- Щеголев 1908** – Щеголев П.Е. Зеленая лампа // Пушкин и его современники. Вып.VII. СПб., 1908. С.19–50.
- Щеголев 1926** – Щеголев П.Е. Владимир Раевский (первый декабрист) // Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С.7–70.
- Эрлих 2000** – Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советской историографии // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып.III. СПб.; Кишинев, 2000. С.258–313.
- Юмин 2001** – Дело И.М.Юмина // Восстание декабристов. Т.XX. М., 2001. С.359–365.
- Юрасов 2001** – Дело И.Ф.Юрасова // Восстание декабристов. Т.XIX. М., 2001. С.193–198.
- Якушкин 1993** – Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993.
- Lexicon 1870** – Deutschbaltisches Biographisches Lexicon. 1710–1960. Koeln; Wien, 1970.

С.Н.Коржов

ДЕКАБРИСТЫ – УЗНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ КРЕПОСТЕЙ РОССИИ

S.N.Korzhev.

Decembrists imprisoned in North-Western fortresses of Russia

The article, for the first time, gives a minute chronology of Decembrists staying in northwest fortresses of Russia (mainly in Old-Finnish and New-Finnish districts of the Russian empire) in 1826–1828. The author of the article recreates and for the first time proves dates of transfers from one fortress to another, those real events, which occurred in fortresses of the region during two years in their consecutive development. The offered article introduces in scientific circulation new dates and facts, offers some supplements and corrections to fundamental works and scientific researches about Decembrists staying in northwest fortresses of Russia.

Декабристов, приговоренных Верховным уголовным судом к различным наказаниям, после завершения суда перед отправлением в Сибирь содержали в Петропавловской крепости «*впредь до повеления*». Известно, что отправления в Сибирь и на Кавказ многие из осужденных декабристов ожидали не только в Петропавловской, но и в целом ряде других крепостей Российской империи. Однако по непонятным причинам эта страница истории декабристов не удостоилась серьезного специального изучения, исследователи обошли ее стороной.

Автор не ставил перед собой задачу высветить всю проблему. Обозначив ее, мы раскроем несколько сюжетов, чтобы показать всю массу необработанных пластов этой обширной темы. Задачу-минимум исследования сформулируем следующим образом: «Декабристы, осужденные Верховным уголовным судом и приговоренные к каторжным работам, отправленные до исполнения назначенного им наказания в северо-западные крепости Российской империи».

Для раскрытия заявленной темы наиболее авторитетным и надежным источником, безусловно, являются, архивные материалы, хотя и они нуждаются в критическом анализе. Важную информацию о перемещении и условиях пребывания декабристов в северо-западных крепостях России, а затем и об их отправлении в Сибирь, дают письма и воспоминания самих декабристов. Безусловно, будут востребованы, проанализированы и использованы свидетельства непосредственных участников интересующих нас событий.

Еще раз с сожалением приходится отметить, что за весь период изучения движения декабристов в литературе нашли отражение лишь отдельные элементы обозначенной нами темы. При этом роль этих исследований была вспомогательной – дать информацию о том или ином факте из жизни декабриста, прошедшего через северо-западные крепости. В процессе раскрытия темы мы вернемся к этим работам и остановимся на их достоинствах и недостатках.

Список работ открывает изданный в 1925 г. в составе VIII тома материалов «Восстание декабристов» указатель к «Алфавиту декабристов». Эту публикацию мы не рассматриваем как специальное исследование, хотя она и располагает определенным массивом нужной информации, однако использовать ее можно лишь после серьезного критического анализа. Здесь же, нарушая хронологию, следует сказать еще об одном тесно связанном с «Алфавитом декабристов» издании: «Декабристы. Биографический справочник» (М., 1988). Оно полностью воспроизводит «Алфавит» Боровкова. Указатель к «Алфавиту» в издании 1925 года был подготовлен Б.Л.Модзалевским и А.А.Сиверсом. В «Биографическом справочнике» он значительно переработан и дополнен С.В.Мироненко, с учетом архивных и опубликованных биографических данных о декабристах. Таким образом, издание 1988 года полностью поглощает издание 1925, и, следовательно, анализируя интересующую нас информацию, мы будем ссылаться на «Биографический справочник», для краткости называя его «Справочник».

Впервые изданный в 1940 и 1946 гг. в двух томах, а затем в 1951–1956 гг. уже в пяти, фундаментальный труд М.Н.Гернета «История царской тюрьмы» тоже, в определенной мере, содержит нужную нам информацию. Остается сожалеть о том, что автор уделил интересующей нас теме лишь один параграф «Декабристы в крепостях после приговора». Это всего несколько страниц текста. С не меньшим сожалением приходится отметить, что здесь много общих рассуждений и мало конкретных фактов и дат. К тому же на этих страницах присутствуют и фактические, и технические ошибки. Дополнением к параграфу может служить часть таблицы «Список узников Шлиссельбургской крепости за 1826–1870 годы» (Т. II. С.385–386).

В середине 1950-х годов вышел в свет еще один фундаментальный труд – «Движение декабристов» крупнейшего историка-декабристоведа М.В.Нечкиной. Казалось бы, в ее двухтомном исследовании обязательно должен присутствовать сюжет о пребывании декабристов в северо-западных крепостях, тем более что диапазон исследования – от ранних преддекабристских организаций до пребывания декабристов в Сибири. Но отправлению декабристов в северо-западные крепости России и их заключению в этих крепостях в названной работе уделен только один, не представляющий никакого интереса в информационном плане, абзац.

С начала 1950-х и до конца 1980-х не появилось ни одной публикации, в той или иной мере отвечающей раскрытию заявленной темы. Только в 1987 г. вышла научно-популярная книга Г.С.Усыскина «Из революционной истории Карельского перешейка. 1820–1920». В определенной мере нашим интересам отвечает первая глава этой книги «Солдаты-семеновцы и декабристы – узники финляндских крепостей». Но с сожалением приходится отметить, что материал, использованный для этой главы, компилятивный, автор отнесся к нему некритически, что породило не только ошибки, но и противоречия. К сожалению, материал этой главы не может быть использован для изучения темы.

Как уже было сказано выше, в 1988 г. вышло в свет издание «Декабристы. Биографический справочник». А в 1989 г. Красноярский университет издал работу М.С.Михайловой «Свод данных о декабристах. 1826–1856». Нужная нам информация находится преимущественно в приложениях к основному тексту (Приложение 3А: «Отправление декабристов из Петропавловской крепости после вынесения приговора». Приложение 3Б: «Перевод 35 декабристов, оставшихся в крепостях (кроме Петропавловской) после вынесения приговора». Приложение 4: «Крепости (кроме Петропавловской), в которых содержались декабристы после вынесения приговора»). Следует отметить, что приложения выполнены в виде таблиц и потому лишены и комментариев, и ссылок на источники. Указывая время перемещения декабристов из крепости в крепость, автор не оперирует числами, показывая только год и месяц. Работа М.С.Михайловой ближе других соответствует поставленной нами теме и является завершающей в ряду тематически интересующих нас работ. Поэтому, раскрывая заявленную тему, придется оппонировать, прежде всего, изданию «Декабристы. Биографический справочник», исследованию М.С.Михайловой, а остальным публикациям – лишь в той мере, в какой они затрагивают сюжеты, ставшие предметом внимания автора настоящей статьи.

Едва ли не в день выступления на Сенатской площади Николай I определил свое отношение к восставшим. Уже 15 декабря он писал в Варшаву брату Константину: «...так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова» (Междоусобица 1826: 147). Пять дней спустя, беседуя с французским послом П.Л. де Лаферронне, Николай I сказал:

«Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожжаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я буду непреклонен; я обязан дать этот урок России и Европе» (Татищев 1893: 14; Шильдер 1903: 347).

Как зарубежное, так и российское общественное мнение уже в то время в значительной степени диссонировали с мнением императора. Когда прошел первый шок от известия о событиях на Сенатской площади, у общественности появилась надежда на милосердие императора, многие были уверены, что он помилуется поверженных. Такое же мнение высказывалось и в зарубежной прессе. Так, в частности, английская газета «British Press» в номере от 11 января 1826 года писала: «*Николай объявляет о своем намерении наказать виновных и в корне уничтожить зло. Вместо подобных обвинений общая амнистия была бы более подходящей для нового монарха*» (Звавич 1926: 47).

Поляризация намерений императора и надежд общества сохранилась и впредь, до тех пор, пока события 14 декабря оставались актуальными как для российского, так и для зарубежного общества. Но это было не открытое противостояние, каждая из сторон высказывала свое мнение, лишь надеясь, что к ее позиции противная сторона отнесется с пониманием. Николай I не рассчитывал, что его «праведный гнев», направленный против «горсти извергов», будет поддержан российским и зарубежным общественным мнением. Поэтому от первых резких высказываний:

«Я думаю покончить, возможно скорее, с теми из негодяев, которые... не могут быть помилованы... Я думаю, что их нужно попросту судить... полковым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка» (Междоусобица 1826: 175),

– он постепенно мигрировал к пониманию, что в своих заявлениях не должен демонстрировать жестокосердие, как самодержец он обязан быть милосердным...

Часть общества поверила ему, и это возродило надежды на помилование «государственных преступников». Надежды эти поставили Николая I в щекотливое положение. До укрепления своих позиций он как эквилибрист обязан был сохранять равновесие между желаемым и действительным. Не отказавшись от стремления поступить с заговорщиками *«без жалости, без пощады»*, он, вместе с тем, функции беспощадности решил переложить на Верховный уголовный суд, который, как следует из Доклада (1980: 221) Верховного уголовного суда, будто бы вопреки воле государя настаивал на смертной казни.

Этому поверили многие. В том числе и П.А.Вяземский:

«Умел же и осмелился же Верховный уголовный суд предписывать закон Государю, говоря в докладе: “И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общею безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажутся, должны быть недоступны”. Тут, где закон говорит, что значат Ваши умствования и Ваши предположения? Когда дело идет о пролитии крови, то тогда умеете Вы дать вес голосу своему и придать ему государственную значительность! О подлые тигры! И Вас-то называют всею Россиею и в Ваших кровожадных когтях храниться урна ее жребия!» (Вяземский 1992: 80).

Князь П.А.Вяземский, современник событий на Сенатской площади, лично знал многих их участников, а некоторые были его близкими друзьями. Его дважды приглашали в тайное общество, но он решительно отказывался. По собственным словам: *«Из рядов правительства очутился... не тронувшись с места, в ряду... оппозиции»*. Не потому, что он стал мыслить по-другому, а потому

«...что правительство перешло на другую сторону ... Все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием. Эта... несозвучность была большинством выдаваема за мятежничество» (Ивинский 1992: 18).

Прочитав Манифест, Вяземский оставил свое мнение в своих «Записных книжках» и о нем, и о тех, о ком шла речь в документе, и о политической ситуации в России:

«19-го [июля] ...13 число жестоко оправдало мое предчувствие! Для меня этот день ужаснее 14-го – по совести скажу, что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состо-

яла только в одном умысле. Вижду в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижду ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оногo. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные» (Вяземский 1992: 74).

В Манифесте, напечатанном в день казни, император Николай I сообщал своим подданным, что *«...дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено; преступники восприняли достойную их казнь; Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся...»* (Манифест 1980: 252). Вяземский и, надо полагать, не только он, по этому поводу имел другое мнение, отличное от официального:

«22 [июля]...призовите присяжных из всех состояний общества, из всех концов Государства и спросите у них: не преступны ли те, которые посягали на перемену Вашего положения? Не враги ли они Ваши? Спросите у них по совести: не Ваши ли общие стенания, не Ваши ли повсеместный ропот вооружил руки мстителей, хотя и не уполномоченных Вами на деле, но действовавших тайно в Вашем смысле, тайно от Вас самих, но по Вашему не выраженному внушению? Ответ их один мог бы приговорить или спасти призванных к суду» (Вяземский 1992: 78–79).

И далее Вяземский продолжает:

«Но решение Ваше поспеятельное, Правительство спрашивает у своих сообщников: не преступны ли те, которые меня хотели ограничить, а Вас обратить в ничтожество, на которое Вас определила природа и из коего вывела моя слепая прихоть и моя польза, худо мной самим постигнутая?» (Вяземский 1992: 79).

Нет сомнения, что, написав здесь слово «правительство» Вяземский имел в виду «император». Далее он пишет:

«...вольно же Вам после говорить: “таким образом, дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено” (М [анифест] 13 июля). В этих словах замечательное двоясмыслие. И конечно, дело это было делом всей России, ибо вся Россия страданиями, ропотом участвовала делом или помышлением, волею или неволею в заговоре, который был не что иное, как вспышка общего неудовольствия. [...] Дело, задевающее за живое Россию, должно быть и поручено рассмотрению и Суду России: но в Совете и Сенате нет России, нет ее в Ланжероне и Комаровском!

А если и есть она, то эта Россия самозванец... Ниспровержение этой мнимой России и было целью голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан; но правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностью своих желаний, зреющих в ожидании, прибегают в отчаянии к посредству молитв вооруженных» (Вяземский 1992: 79).

На следующий день после казни пяти декабристов – 14 июля, т.е. спустя семь месяцев после событий на Сенатской площади, на этом «оскверненном» восставшими месте была проведена церемония очистительного молебствия. Благодарственное молебствие состоялось во всех губернских городах и в войсках. Эти богослужения должны были свидетельствовать, что *«горестные происшествия, смутившие покой России, миновали и, как мы при помощи Божьей уповаем, миновали навсегда и невозвратно»* (Манифест 1980: 253). Еще месяц спустя, 14 августа, находившийся в Михайловском Пушкин напишет в Ревель П.А.Вяземскому: *«Еще таки я все надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна»* (Пушкин 1982: 253). Ожидание «милости к падшим» – это не только ожидания Пушкина, это ожидания весьма значительной части российского общества. Свои надежды оно связывало с предстоящей коронацией императора.

Николай I понимал, что и когда от него ждут, но это противоречило его первоначальной установке. А он следовал ей неукоснительно и пока не отступил ни на йоту. Перед императором стояла задача сделать так, чтобы у общества ко дню коронации не осталось никаких надежд относительно «милости к падшим». Казнь, проведенная 13 июля, явилась первым актом плана по разрушению общественных иллюзий. Этот задуманный императором план составлялся его соратниками параллельно с докладом Верховного уголовного суда и Манифестом.

Спустя четыре дня после казни пятерых декабристов военный министр, министр внутренних дел, министр юстиции и комендант Петропавловской крепости получили от начальника Главного штаба копии секретного распоряжения, в которой говорилось: *«Государь император высочайше повелеть соизволил: преступников, осужденных Верховным уголовным судом, разослать по назначению следующим порядком. Во-первых...»*. Далее, в соответствии с приложенными списками, начиная с офицеров, разжалованных в солдаты, подписывалось

отправлять *«государственных преступников»* с фельдъегерями в назначенные для них места. Из содержания этого документа, кроме того, следует, что первые решения о том, кого из осужденных и в какую именно крепость отправить – принимались еще в первой половине июля 1826 г.

Нас из этого обширного отношения интересуют два пункта с конкретным содержанием и один общего характера:

«Во-вторых, отправить с фельдъегерями 3-х человек осужденных в крепостную работу по назначению...»

В-шестых, из числа... приговоренных в каторжную работу отправить четырнадцать человек в крепости по назначению... для содержания их там под строгим арестом впредь до назначения им мест в Сибири... При сем предписать Шлиссельбургскому коменданту, чтобы он немедленно донес, не имеется ли во вверенной ему крепости еще более помещения для арестантов, донесение же его прислать ко мне для доклада Государю императору с нарочным фельдъегерем.

В-седьмых, отправление арестантов в 3-х первых и в 6-м пункте... устроить таким порядком, чтобы следуемые по одному тракту выезжали не в один день, а через сутки, в случае же недостатка фельдъегерей можно употреблять надежных жандармских унтер-офицеров» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.31, 32, 32 об.).

Что касается сопровождения декабристов фельдъегерем и жандармами, то во избежание недоразумений следует указать на одну несообразность в инструкции по обеспечению сопровождения. Так, «Отношение начальника Главного штаба к Военному министру» от 17 июля 1826 года, за № 1256, предписывает: *«...отправлять через день по два человека при одном фельдъегере и 4-х жандармах таким образом, чтобы с каждым преступником ехало два жандарма и позади их фельдъегерь»* (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.31 об.). Но, похоже, эта инструкция никогда не выполнялась, поскольку группы осужденных отправлялись ежедневно и более чем по два человека. Уже первые группы в Сибирь и в Кексгольм, намеченные к отправлению на 21 июля, приказано было *«отправить... имея при каждом преступнике одного жандарма и при каждом четырех одного фельдъегера»* (РГИА. Ф.1286. Оп.4. 1826. Д.712. Л.3 об.).

Оправившись от шока, вызванного событиями на Сенатской площади, общество, в своем большинстве, поняло, что серьезной угрозы государственному устройству восставшие не представляли. Появилась надежда, что и серьезного наказания они не понесут. Чем больше просачивалось сведений о планах и действиях заговорщиков, тем больше крепла эта уверенность. Поэтому слова Вяземского о том, что *«...казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть*

состояла только в одном умысле», – это срез общественного мнения тех дней.

Но император, не упуская из поля зрения настроения общества, вместе с тем настойчиво проводил свою линию. Не успело общество пережить ужас свершившейся казни, как Николай I предпринимает действия, свидетельствующие о том, что он и с остальными «бунтовщиками» не намерен либеральничать. Одна за другой две партии отправляются в Сибирь. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Первые партии убыли в Сибирь 21 и 23 июля, а неделю спустя, когда декабристы еще не достигли пределов Сибири, Дибич пишет генерал-инспектору по инженерной части:

«По неимению в Нерчинске достаточного помещения для каторжников государю императору угодно, чтобы впредь до устройства там острога государственные преступники, приговоренные Верховным уголовным судом к каторжной работе, были размещены по возможности в крепостях Старофинляндского и Новофинляндского округа» (РГВИА. Ф.36. 1826. Д.345. Л.14; Окунь 1985: 114).¹

Распоряжение Дибича лишний раз свидетельствует, что решение об отправлении в Сибирь первых двух партий было политическим, а не юридическим актом. Правительство знало, что в Нерчинске нет помещений для содержания каторжников. Начав отправление декабристов в Сибирь, оно тем самым продемонстрировало свою непримиримость по отношению к осужденным «*бунтовщикам*».

К тому моменту, когда Дибич писал это распоряжение, а датировано оно 29 июля, в северо-западные крепости уже было отправлено 7 партий осужденных (16 человек), уже были «заселены» 5 крепостей, в том числе и в Ново-, и в Старо-Финляндском округе. Эти четкие действия правительства свидетельствуют о том, что все проводимые акции были спланированы давно и тщательно. Теперь же, постепенно и дозированно реализуя их, правительство демонстрирует обществу свою силу, наблюдая за его реакцией. На языке жестов, понятных обществу и власти, отправление декабристов в Сибирь и в крепости северо-запада России означало, что общество не должно рассчитывать на всепрощение в дни коронации. Более того, состав первых двух партий, отправленных в Сибирь, говорит о том, что на прощение не может рассчитывать никто: ни те, кто близко стоял к трону, ни те, кто тянул армейскую лямку

---

¹ Старо-Финляндской называлась территория Выборгской губернии, присоединенная при Петре I по Ништадтскому мирному договору 1721 года; Ново-Финляндской – вся остальная часть Финляндии, вошедшая в состав России после русско-шведской войны 1808–09 гг. по решению Боргоского сейма 1809 года.

в дальних гарнизонах. Первые восемь человек, отправленных в Сибирь, – это, прежде всего, не только представители всех тайных обществ (начиная с Союза спасения и заканчивая Обществом Соединенных славян). Это близкие ко двору Волконский, Трубецкой и Оболенский, и мелкопоместные дворяне братья Борисовы. Это командир полка Артамон Муравьев и отставной полковник Василий Давыдов. Так что первые декабристы, отправленные в Сибирь, являлись представителями самых разных общественных слоев и, в то же время, были своеобразным срезом тайного общества. Ни одной из сословных групп этот акт императора не давал оснований «уповать на царскую милость» во время коронации. Эту же мысль подтверждает и социально-политический состав декабристов, отправленных в северо-западные крепости.

Как уже было сказано выше, к отношению начальника Главного штаба от 17 июля 1826 г. были приложены списки государственных преступников, определяющие кого, куда, в какой последовательности и когда отправлять:

«Лист В. Список назначенных в крепостную работу. 1. Бодиско 2-й, в Бобруйск; 2. Берстель, в Бобруйск; 3. Булгари, в Динабург...» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1. Л.34).

«Лист Д. Список приговоренным в каторжную работу, отправляемым впредь до повеления в крепости для содержания. 1. Горбачевский; 2. Спиридов; 3. Бярятинский; 4. Кюхельбекер; 5. Поджио; 6. Вадковский (в Кексгольм); 7. Андреевич; 8. Пуцин; 9. Юшневский; 10. Пуцин (так в списке, фамилия повторена ошибочно дважды – С.К.); 11. Пестов (в Шлиссельбург; четыре декабриста. – С.К.); 12. Штейнгейль; 13. Батеньков; 14. Бечаснов (в Свартгольм – С.К.)». (Там же. Л.36).²

Иногда, из-за отсутствия точных сведений, необходимо хотя бы ориентировочно, по косвенным признакам, определить время прибытия декабристов из одного пункта в другой. Но здесь исследователей ждет много подводных камней. Так, в отношении Военного министра Татищева к министру внутренних дел, в частности, сказано: *«При сем имею честь уведомить, что отправление всех показанных в приложениях преступников сделано будет по ночам 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 июля и 1 августа»* (ГА РФ. Ф.1. Оп. 1826. Д.61 Ч.1. Л.29 об.). Как понимать *«по ночам 21, 22...»* и т.д.? Готовить к отправлению

---

² Как видим, списки содержат далеко не всех, кто впоследствии оказался в крепостном заключении. Эта часть документа представляет собой таблицу; названия крепостей, выделенные обычным курсивом – взяты из отдельного ее столбца.

с вечера 20 в ночь на 21, или отправлять вечером 21 в ночь на 22? Более логичным кажется предположение, что отправлять должны были с вечера 20 в ночь на 21. Но логику теоретических рассуждений опровергает фрагмент воспоминаний Е.П.Оболенского, отражающий фактические действия тюремщиков:

«21-го июля 1826 года вечером мне принесли в мой номер Кронверкской куртины, где я находился, серую куртку и такие же панталоны из самого грубого солдатского сукна и возвестили, что мы должны готовиться к отправлению в путь... Вскоре после полуночи меня повели в Комендантский дом... Принесли тяжелые ножные цепи, нас заковали, сдали фельдъегерю Седову при четырех жандармах, и мы вышли, чтобы отправиться в дальний путь... Тройки помчали нас с рассветом дня через Петербург в Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемены лошадей на первой станции...» (Оболенский 1981: 96, 97, 98).

После знакомства с этой информацией нет сомнения, что, скажем, *«отправить ночью 21...»* значило отправить не в ночь с 20 на 21 июля, а в ночь с 21 на 22. Итак, первая партия декабристов была отправлена в Сибирь 22 июля. Взяв за основу данный факт, мы и впредь будем руководствоваться этой схемой отправления вплоть до 1 августа 1826 года.³

Согласно документу, названному *«Разчисление, сколько по какому тракту нужно будет иметь в готовности лошадей для препровождения*

³ Неоднократно мы будем говорить о маршрутах, по которым перевозили декабристов, и о скорости их перемещения. Мы отдаем себе отчет в том, что в каждом конкретном случае скорость передвижения могла зависеть от самых разных, зачастую непредвиденных причин. Тем не менее, в отдельных случаях, мы считали необходимым рассчитывать скорость передвижения фельдъегерей с декабристами от одного пункта к другому. При этих расчетах мы пользовались правилами и нормами, которыми руководствовались в то время участники движения по российским почтовым трактам. В интересующее нас время на почтовых трактах предписывалось ездить с определенной скоростью. Для *«обыкновенных проезжающих в летнее время до 10, в зимнее – 12, а в осеннее 8 верст в час. Курьеры же и фельдъегеря имеют быть возимы столь поспешно, сколько еще будет возможно»* (Путеводитель 1831: 755). Следует оговориться, что такая скорость предполагалась на передвижение от одной почтовой станции до другой. На снижение среднесуточной скорости влияли погодные условия, передвижения в ночное время, расстояние и количество почтовых станций. Чем больше расстояние, тем больше почтовых станций, на которых приходилось останавливаться. Смотритель перезакладывал почтовых лошадей, фельдъегерь платил прогоны. Затем, по мере необходимости, путники принимали пищу и, наконец, хотя бы изредка отдыхали. Таким образом, расстояния в сто верст теоретически фельдъегерь мог проехать со средней скоростью 10–12 верст в час. Расстояние в тысячу верст – по 150–170 верст в сутки, т.е. средняя скорость лась до 7–8 верст в час.

отправляемых из Санкт-Петербурга преступников» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1. Л.37–38), на 21 июля от Санкт-Петербурга до Бобруйска следовало иметь 6 лошадей. А «Список назначенных в крепостную работу» свидетельствует, что в Бобруйск отправлялись Бодиско 2-й (Михаил Андреевич), мичман Гвардейского экипажа, и Берстель Александр Карлович, подполковник 9 артиллерийской бригады.⁴

В тот же день (а точнее, в ночь с 21 на 22 июля 1826 г.), согласно «Разчислению...», от Санкт-Петербурга до Кексгольма необходимо было на почтовых станциях иметь в готовности 12 лошадей. В эту крепость были отправлены, впредь до повеления, приговоренные в каторжную работу: князь Барятинский Александр Петрович, штабс-ротмистр, адъютант главнокомандующего 2-й армией, Горбачевский Иван Иванович, подпоручик 8-й артиллерийской бригады, Спиридов Михаил Матвеевич, майор Пензенского пехотного полка (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.8. Л.84).⁵

Об отправлении Барятинского и Горбачевского в Кексгольмскую крепость в основных исследовательских работах разночтений нет. В отношении же Спиридова эти сведения противоречивы. Его отправлен в Кексгольм **Справочник (1988: 169)** относит к 26.7.1826, а **Михайлова (1989: 40)** – к январю 1827 года. Но с архивными материалами согласуется письмо Горбачевского к Михаилу Бестужеву. Оно было написано по просьбе последнего, как воспоминание о тех, кого Горбачевский знал лично. Вот что пишет он в своем письме: «...*После сентенции в пятый (кажется) день был отправлен из Петербургской крепости вместе со Спиридовым и Барятинским в крепость Кексгольм...*» (Горбачевский 1916: 249).

23 июля на почтовых станциях от Санкт-Петербурга до Динабурга в готовности находились 3 лошади. По этому маршруту был отправлен «государственный преступник» граф Булгари Николай Яковлевич, поручик Кирасирского полка (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1. Л.34, 37).

---

⁴ В некоторых из рассматриваемых нами крепостей находились декабристы, приговоренные «в крепостную работу» и, следовательно, заключенные в этих крепостях в соответствии с определенным им наказанием. Мы вынуждены оставить этих декабристов за скобками нашей работы. Если декабристов, приговоренных Верховным уголовным судом в каторжные работы и ожидавших в крепости отправления в Сибирь, определяли в крепостные арестанты «по высочайшей воле», вопреки приговору Верховного уголовного суда, то с этого момента они выводились за рамки нашей работы. Такую жесткость диктуют рамки, определенные для этой статьи.

⁵ Кексгольм, или Карелы – город Выборгской губернии, расположенный на берегу Ладожского озера. От Кексгольма до Санкт-Петербурга 143½ версты, до Выборга по летней дороге 128, а по зимней – 90 верст.

Михайлова (1989: 40) ошибочно относит отправление Булгари в Динабургскую крепость к августу 1826 года. В других исследованиях эта тема не затрагивается. Нет об этом информации и в статье о Булгари в Справочнике.

Андреевич Яков Максимович, подпоручик 8 артиллерийской бригады, и Юшневский Алексей Петрович, генерал-интендант 2 армии, были отправлены в Шлиссельбург 23 июля (РГИА. Ф.1280. Оп. 1. Д.8. Л.84).⁶

Об Андреевиче в Справочнике сказано, что он «отправлен в Шлиссельбург – 23.7.1826», что соответствует архивным данным. А Юшневский, по Справочнику, «отправлен в Шлиссельбург – 24.7.1826». Получается, что декабристы следовали в Шлиссельбург независимо друг от друга. Кстати, это же утверждает и М.С.Михайлова. Кроме того, она ошибочно считает, что в Шлиссельбург Юшневский был отправлен с Пуциным (Михайлова 1989: 40).⁷

Где же истина? Если Андреевич убыл из Петропавловской крепости 23.7.1826, а эту дату никто не подвергает сомнению, то когда он мог прибыть в Шлиссельбург? От Петербурга до Шлиссельбурга 5-6 часов пути с учетом ночного времени. Выехав из Петропавловской крепости в ночь с 23 на 24, в Шлиссельбург Андреевич мог прибыть 24 июля, рано утром. По такой же схеме должны были перемещать и Юшневого.

⁶ Шлиссельбург – город Санкт-Петербургской губернии на берегу Ладожского озера, у истока реки Невы. К нему ведет главная почтовая дорога. От Петербурга до крепости 58 $\frac{1}{2}$ версты.

⁷Определенную сумятицу в этот вопрос вносит и М.Н.Гернет. Вот что он пишет о первых поселенцах Шлиссельбургской крепости: «Направляя сюда (в Шлиссельбург – С.К.) 1 июля 1826 г. Андреевича, Пуцина, Юшневого и Пестова впрямь до отправки их в Сибирь...» (Гернет 1951: 165). Совершенно непонятна приводимая историком дата – 1 июля; остается предположить, что это техническая ошибка. Но то, что под одной датой указаны лица, прибывшие в крепость в разное время, – уже фактическая ошибка. Вместе с тем, в таблице (о которой мы говорили выше) М.Н.Гернет исправляет ошибку о декабристах, якобы прибывших в крепость 1 июля. Там они правильно разбиты по группам и сведения об их прибытии в крепость также даны правильно.

Но и в таблице не обошлось без ошибок. Чтобы не возвращаться к этой части исследования М.Н.Гернета многократно, сделаем анализ содержащихся в ней сведений здесь. Через Шлиссельбургскую крепость прошло 18 декабристов, в таблице их показано только 13. Дивов, Михаил и Николай Бестужевы прибыли в крепость 8 августа 1826 г., а в таблице они значатся под 9 августа. Барятинский, братья Бестужевы и Горбачевский убыли из Шлиссельбургской крепости в одной группе в сентябре 1827 года. В таблице братья Бестужевы убыли в октябре 1826 года, а Горбачевский и Барятинский – в октябре 1827. В первой половине октября 1827 года из Шлиссельбургской крепости убыло 12 человек. В таблице за этот временной отрезок правильно показано убытие лишь двух человек (Гернет 1951: 385–386).

Если он выехал 24.7.1826, как свидетельствует *Справочник* (1988: 207), т.е. в ночь с 24 на 25 июля, то в Шлиссельбург должен был прибыть утром 25. Но это противоречит имеющимся архивным данным. О прибытии Юшневского в Шлиссельбург не 25, а 24 июля свидетельствует архивный документ. Комендант Шлиссельбургской крепости в рапорте, написанном дежурному генералу Главного штаба 6 октября 1827 г., сообщает о Юшневском, отправленном три дня назад в Сибирь: «Из числа отправленных государственных преступников у Юшневского в доставленном прошлого 1826 года 24 июля из Санкт-Петербургской Петропавловской крепости чемодане, найдено...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.8 об.). Хотя здесь речь идет не о Юшневском, а о его чемодане, но едва ли у кого возникнут предположения, что в крепость сначала привезли чемодан, а на следующий день его владельца. Думаю, нет оснований сомневаться в том, что Юшневский прибыл в Шлиссельбургскую крепость именно 24 июля 1826 года, и, следовательно, не должно оставаться сомнений в том, что Юшневский и Андреевич были отправлены в Шлиссельбург с одним фельдъегерем.

В ночь на 25 июля в сопровождении фельдъегеря Вельша и трех жандармов были отправлены в Свартгольм: Батеньков Гавриил Степанович, подполковник корпуса инженеров путей сообщения, Бечаснов Владимир Александрович, прапорщик 8 артиллерийской бригады, и барон Штейнгейль Владимир Иванович, отставной подполковник (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.8. Л.84).

Правильно показывая отправление Батенькова и Штейнгейля в Свартгольмскую крепость в июле 1826 года, Михайлова (1989: 40), вместе с тем, допускает ошибку, показав отправление Бечаснова в августе 1826 года.

Правильно называет дату отправления в Свартгольм Батенькова А.А.Брегман (1989: 74)⁸, хотя и не указывает источник информации. Вместе с тем, она допускает ошибку, но не хронологическую, а географическую. В частности, она пишет: «25 июля 1826 г. временно, до подготовки мест отбывания каторжных работ, Батенькова, Бечас-

---

⁸ В 1979 году Восточно-Сибирское книжное издательство приступило к изданию многотомной серии «Полярная звезда». Каждый том включает в себя мемуары, письма и другие документы, принадлежащие одному декабристу. Готовят такой том, как правило, историки, посвятившие многие годы изучению жизненного и творческого пути этого декабриста. Они же готовят и биографический очерк об этом декабристе, предваряющий документальную часть. В этой серии вышло несколько томов документов и материалов декабристов, интересующих нас в рамках данного исследования. Мы будем использовать информацию не только из документальной части, но и биографические сведения.

пова и Штейнгейля отправили в крепость Свартгольм (Аландские острова)».⁹

О пребывании в Свартгольмской крепости оставил воспоминания В.И.Штейнгейль:

«...Был поражен удивлением, когда вместо Сибири отвезли в Финляндию и засадили в крепость Свартгольм, взорванную потом (в Крымскую войну) англичанами.

Здесь меня ввели в [1-й] № секретного дома; это был низкий каземат 8 шагов длины и 6 ширины, с двумя железными дверьми и маленьким окошком с железной решеткой. «Это ваше место», – проговорил черство офицер-смотритель и с шумом запер двери запорами и ключом. Это была самая ужаснейшая минута во всей жизни. Мне вообразилось, что тут определено умереть. Я упал перед окошечком на колени и молился на свет создателю света с таким чувством, с каким никогда не молился. Слезы текли ручьем, сердце облегчилось, я встал и в ту же минуту услышал, что двери темницы отворяются. Смотритель вошел и ласково просил извинения, что ничего не приготовлено, но все будет. С тем вместе спросил: «Не прикажете ли что? Нам велено пристойно содержать вас»» (Штейнгейль 1985: 137).

Такое психологическое состояние овладело Штейнгейлем в первые минуты пребывания в камере Свартгольмской крепости. Характеризуя общие условия содержания, он пишет:

«Содержание в Финляндских крепостях... до декабря месяца 1826 г. было самое строгое: не выпускали не только пользоваться воздухом, но даже в баню; каждый был заперт, в полном смысле, в carcere-duro (стро-

⁹ По-видимому, источником этой ошибки является книга А.П.Бородавкина и Г.П.Шатровой «Декабрист Г.С.Батеньков» (Томск, 1960). Вот что пишут авторы: «...Батеньков был отправлен в Свартгольмскую крепость на один из Аландских островов в Балтийском море...» (Бородавкин 1960: 38).

Крепость Свартгольм к Аландским островам не имеет отношения. Эти острова расположены на своеобразном перекрестке Балтийского моря, Ботнического и Финского заливов, примерно верстах в 700 от Петербурга.

Вместе с тем следует отметить, что в этом же томе, в примечании к письму 106, написанному Батеньковым А.П.Елагиной, правильно указано местонахождение крепости: «...крепость Свартгольм в Финляндии, южнее города Лавизы». Здесь неверно написано лишь название города – «Лавизы». В первой четверти XIX века он назывался: Ловиза (современное название Ловиса. – С.К.) (Батеньков 1989: 458).

Крепость Свартгольм находится в 5 верстах от города Ловизы, который расположен на почтовом тракте Петербург – Гельсингфорс, в 310 верстах от Санкт-Петербурга. Это крепость расположена уже в Ново-Финляндском округе, а в Старо-Финляндском округе, или в Выборгской губернии, верстах в 60 от Свартгольма, находилась Роченсальмская крепость.

гое заключение. – лат.). Но после обозрения всех заключенных финляндским генерал-губернатором Закревским положение их во многом изменилось. Дозволено стало прогуливаться поодиночке по валу, видеться друг с другом в казематах и разрешено водить в баню» (Штейнгейль 1985: 179).

Это все, что нам известно об условиях содержания декабристов в Свартгольмской крепости. Но, судя по свидетельствам других декабристов о других крепостях, существенных отличий в условиях содержания было мало.

Два дня спустя после отправления группы декабристов в Свартгольмскую крепость, 27 июля, были отправлены в Кексгольм: Вадковский Федор Федорович, прапорщик Нежинского конно-егерского полка, Кюхельбекер Вильгельм Карлович, отставной коллежский ассессор, Поджо Александр Викторович, отставной подполковник (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.8. Л.84).¹⁰

Анализ сведений, имеющихся в исследовательской литературе о перемещении второй группы в Кексгольм, начнем с В.Кюхельбекера. До недавнего времени сведения о том, содержался или не содержался он в Кексгольме, были очень запутаны.¹¹

---

¹⁰ У В.К.Кюхельбекера была феноменальная память, он мог десятки лет спустя точно вспомнить, где находился в тот или иной день. Неоднократно приходилось проверять его утверждения архивными материалами и они, как правило, подтверждались. Но, тем не менее, одна дата, названная Кюхельбекером, разнится с архивным документом. В своем дневнике за 1833 год он записал: «25 июля. Ныне семь лет, как покинул я Петербург» (Кюхельбекер 1979: 261) Архивные документы свидетельствуют, что из Петербурга в Кексгольм он убыл 27 июля.

¹¹ Пребывание Вильгельма Кюхельбекера в Кексгольме для его биографов оказалось роковым. Все крупные исследователи его жизненного и творческого пути, начиная с Ю.Н.Тынянова, проходили мимо этого факта. В свое время автор настоящих строк посвятил этому вопросу специальную статью (Коржов 1988: 147–156). Но роковая тень Кексгольма умудрилась упасть и на нее. Тому около 20 лет, в фондах РГИА я искал документы о спутниках В.К.Кюхельбекера в момент его известной встречи с А.С.Пушкиным на станции Залазы. Позднее на эту тему была опубликована статья (Коржов 1988: 72–82). Попутно я нашел документ, свидетельствующий о том, что в Кексгольме содержался Вильгельм Кюхельбекер, а не его брат Михаил, как значилось в «Алфавите декабристов». В этом же читальном зале архива над темой «Солдаты-декабристы – узники Кексгольмской крепости» работала научный сотрудник Приозерского (б. Кексгольм) краеведческого музея Л.Д.Пашкина. Мы были знакомы, и я рассказал ей о своей находке. К Кюхельбекеру у меня был давний интерес. Закончив статью о встрече на станции Залазы, я решил полностью восстановить хронологию перемещений В.Кюхельбекера по крепостям и приступил к этой работе. Спустя некоторое время в журнале «Русская литература» появляется публикация Л.Д.Пашкиной о пребывании Вильгельма

Запутала не только читателя, но и себя информацией о перемещении В.К.Кюхельбекера и его брата Михаила из Петропавловской крепости и М.С.Михайлова. Правильно указав, что в июле 1826 г. В.Кюхельбекер был отправлен из Петропавловской крепости в Кексгольмскую, несколькими строчками ниже автор уже показывает, что В.Кюхельбекер в августе того же года был перемещен из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую. Кроме того, она утверждает, что в июле В.Кюхельбекер был отправлен в Кексгольм один, а его брат Михаил в группе с Вадковским и А.Поджио. Затем М.Кюхельбекера в феврале 1827 г. доставили из Кексгольмской крепости в Петропавловскую, включили в одну группу с Глебовым, Репиным, Розеном и отправили в Сибирь (Михайлова 1989: 40). Здесь действительности соответствует лишь то, что в Сибирь М.Кюхельбекер был отправлен с этой группой.¹²

О пребывании В.К.Кюхельбекера в Кексгольмской крепости информация в «Алфавите декабристов» отсутствовала (Алфавит 1925: 337). Но зато там сообщалось, что Кюхельбекер Михаил Карлович «отправлен в Кексгольм – 27. VII. 1826» (Алфавит 1925: 338). В Справочнике положение несколько исправилось. По-прежнему говорится, что Михаил Кюхельбекер «...отправлен в Кексгольм – 27.7.1826...» (Справочник 1988: 96), но уже и Вильгельм Кюхельбекер «переведен в Кексгольмскую крепость – 27.7.1826» (Справочник 1988: 96).¹³

ма Кюхельбекера в Кексгольме. Это меня и удивило, и огорчило. Считаю себя «первооткрывателем» проблемного вопроса, я написал Людмиле Дмитриевне, чтобы узнать, как она «вышла» на источник информации о пребывании В.Кюхельбекера в Кексгольме. На этот вопрос она «простоеки» ответила, что после нашей беседы взяла в читальном зале нужное «дело» с моего номера. Не о подобных ли ситуациях в народе говорят: «такая простота хуже воровства»? Но, как бы там ни было, а «лавы первооткрывателя» пришлось уступить.

¹² Вот краткая информация о перемещениях Михаила Кюхельбекера по крепостям. С 15 декабря 1825 г. он содержался в Петропавловской крепости. 7 января 1826 г., еще во время следствия, его перевели в Выборгскую крепость. Там М.Кюхельбекер содержался до 2 июня, после чего был возвращен в Петропавловскую крепость и никуда более не перемещался, вплоть до отправления в Сибирь 5 февраля 1827 года.

¹³ Авторский коллектив книги «Шлиссельбургская крепость» так пишет о пилигриме российских крепостей: «Тяжелая судьба выпала на долю В.К.Кюхельбекера. Почти десять лет (везде подчеркнуто мною. – С.К.) он провел в заключении в пяти царских крепостях. Арестованный 25 января 1826 года, он был доставлен в Петропавловскую крепость, из нее перевезен в Шлиссельбургскую, а оттуда – в Динабургскую. Из Динабурга через четыре года его перевели в Ревельскую цитадель, а из нее – в Свеаборгскую крепость, оттуда, наконец, в 1835 году отправили на поселение в Баргузин, в Восточную Сибирь» (Игнатьева 1986: 31).

Об этом же на 35 лет раньше писал другой автор: «Арестованный 25 января 1826 г. в Варшаве... он был доставлен в Петропавловскую крепость, из нее переведен в Шлиссельбургскую, оттуда переведен в Динабургскую, из которой через четыре

Что касается Вадковского и А.Поджио, то в Справочнике сведения об их отправлении в Кексгольмскую крепость соответствуют архивным данным. Тем более вызывает недоумение информация из такого солидного издания, как «Полярная звезда»: *«А.В.Поджио до августа (выделено мною. – С.К.) 1826 г. оставался в Петропавловской крепости, затем был переведен в Кексгольм...»* (Матханова 1989: 32).

Руководствуясь высочайше утвержденной инструкцией (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1 пр. Л.31–32 об.; РГИА. Ф.1286. Оп.4. Д.712. Л.3–4об.) и графиком предоставления лошадей (РГИА. Ф.1286. Оп.4. Д.712. Л.9–10), комендант Петропавловской крепости 29 июля отправил в Шлиссельбург Пестова Александра Семеновича, подпоручика 9 артиллерийской бригады, и Пушина Ивана Ивановича, коллежского асессора (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.8. Л.84).

У М.С.Михайловой (1989: 40) Пестов отправлен в Шлиссельбургскую крепость один, а Пушин в паре с Юшневским, что является ошибочным утверждением, т. к. Юшневский и Андреевич в Шлиссельбургскую крепость, как мы знаем, прибыли еще 24 июля.

В Шлиссельбургскую крепость, в сопровождении фельдъегеря Васильева 2-го и 3 жандармов, 8 августа прибыли братья Бестужевы – Михаил Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка и Николай Александрович, капитан-лейтенант 8 флотского экипажа. С ними был Дивов Василий Абрамович, мичман Гвардейского экипажа. Из Петербурга они были отправлены *«в ночь с 7 на 8 августа»* (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.3. Л.17, 18).

В Справочнике (1988: 21, 22, 64) сказано, что эти декабристы *«доставлены в Шлиссельбург – 7.8.1826»*. В качестве одного из источников этой ошибки можно предположить книгу Гернета. В основном тексте он пишет: *«7 августа с фельдъегерем и тремя жандармами сюда (в Шлиссельбург. – С.К.) были доставлены декабристы Дивов и Миха-*

года переведен в Ревельскую цитадель (1831), а из этой крепости – в Свеаборгскую, откуда, наконец, в 1835 году вывезен на поселение в Баргузин, в Восточную Сибирь» (Гернет 1951: 168).

Приведем теперь правильные сведения о крепостном заключении В.Кюхельбекера, выделяя ту информацию, которая получила неверное отражение или отсутствует вовсе в исторической литературе. *Почти одиннадцать (10 лет, 10 месяцев и 25 дней: без 36 дней 11 лет) лет он провел в заключении в шести царских крепостях. Арестованный 19 января 1826 года в Варшаве, он был доставлен в Петропавловскую крепость (25 января), из нее перевезен в Кексгольмскую (27. 7. 1826), затем – в Шлиссельбургскую (25. 4. 1827), а оттуда - в Динабургскую (13. 10. 1827. Прибыл туда 17.10.1827). Из Динабурга (15.4.1831) через три года, 6 месяцев (без двух дней) его перевели в Ревельскую цитадель (прибыл 19.4.1831), а из нее – (7.10.1831) в Свеаборгскую крепость (прибыл 14.10.1831), откуда, наконец, 14. 12.1835 года отправили на поселение в Баргузин, в Восточную Сибирь.*

ил и Николай Бестужевы» (Гернет 1951: 165, 166). А вот в таблице, о которой говорилось выше, уже сказано, что этих декабристов привезли в Шлиссельбург 9 августа (Гернет 1951: 385). Обе даты ошибочны, несмотря на то, что Гернет ссылается на архивный источник. Он использует директивный документ, который предписывал отправить «государственных преступников» 7 августа. А в документах Петропавловской крепости указано конкретное время отправления *«в ночь с 7 на 8 августа»*. Следовательно, в Шлиссельбург декабристы могли прибыть 8 августа утром.

Об условиях содержания декабристов в Шлиссельбургской крепости оставил воспоминания Михаил Бестужев. Его мемуары особенно ценны, так как автор, обладая литературным даром, сумел создать колоритный сплав исторической достоверности с литературным изложением. Это обстоятельство провоцирует обильное цитирование, поскольку такого яркого и эмоционального рассказа о днях, проведенных декабристами «под гранитным небом», мы больше ни от кого не услышим.

«В сентябре (в августе. – С.К.) нас с братом повезли в Шлиссельбург: там мы пробыли до октября (до 29 сентября. – С.К.) следующего года в заведении, подобном человеколюбивому заведению Алексеевского равелина, ухудшенному отдаленностью от столицы и 30-летним управлением генерал-майора П л у т а л о в а (в это время Плуталов был генерал-лейтенантом. – С.К.), обратившего, наконец, это заведение в род аренды для себя и своих тюремщиков на счет желудков несчастных затворников, получавших едва гривну медью на дневной харч, когда положено было выдавать по 50 коп. ассигнациями» (Бестужевы 1951: 137).

К прибытию Бестужевых и Дивова в крепости уже находились Андреевич, Пестов, Пущин и Юшневский. Для вновь прибывших «*по одному фасу здания*» камер не хватило, и Михаила поселили поодаль от других, что имело свои недостатки, которые красноречиво описывает автор «Воспоминаний»:

«Я был помещен в маленькую комнатку в 4 квадратных шага, из коего надо вычесть печь, выступающую в комнату, место для кровати, стола и табурета. Это была та самая комната, где содержался в железной клетке Иван Антонович Ульрих, где и был убит при замысле Мировича. Комната стояла отдельно, не в ряду с другими номерами, где помещались брат Николай, Иван Пущин, Пестов, Дивов и другие; те комнаты были просторны и светлы...» (Бестужевы 1951: 138).

«Когда Плуталов умер... назначен был генерал Фритберг...¹⁴ Мы вздохнули свободнее. Он дал нам все по положению: халаты, белье, тюфяки, постельное белье, и устроил общее приготовление пищи, что дало нам возможность иметь табак и даже чай. Комнаты начали поправлять и белить» (Бестужевы 1951: 138).

Следующий сюжет, рассказанный Михаилом Бестужевым, дает нам ценные сведения о том, как декабристам, находившимся в изолированных помещениях, удавалось поддерживать контакты друг с другом, передавать и получать нужную информацию.

«Меня временно перевели в одну из комнат общего фаса, просторную, светлую и чистую. Погода стояла теплая, окно – открыто. Я подошел к нему и оценел от восторга, услышав в едва слышимых постукиваниях, подобно скрипу червячка, точащего дерево, вопрос (как я узнал после) Пуцина, который спрашивал Пестова: “узнай, кто новый гость в твоём соседстве?...”. Не помня себя, забыв обычную осторожность, я бросился к окну, начал стучать и тем чуть не испортил дела. Меня во время остановили, и я, узнав все законы их воздушной корреспонденции, часто разговаривал даже с братом Николаем, сидевшим в самом крайнем номере, так что между нами находилось шесть комнат» (Бестужевы 1951: 138).

В крепость Свартгольм, с фельдъегерем Завитаевым и четырьмя жандармами, 8 августа из Петропавловской крепости была отправлена вторая группа декабристов: Панов Николай Алексеевич, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, Повало-Швейковский Иван Семенович, полковник Саратовского пехотного полка, Сутгоф Александр Николаевич, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, князь Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.3. Л.17).¹⁵

---

¹⁴ Мемуарист говорит о смерти Плуталова, не называя даты. В документах Шлиссельбургской крепости в записи под 11 апреля генерал-лейтенант Плуталов назван покойным (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.3об). Следовательно, генерал-майор Фритберг стал комендантом Шлиссельбургской крепости не ранее второй половины апреля 1827 года. Таким образом, «под патронатом» Плуталова Бестужевы провели в крепости восемь месяцев, а Фритберг был их «патроном» лишь четыре месяца.

¹⁵ Даже не будучи лингвистом, трудно не заметить отдельные терминологические ошибки, нередко допускаемые авторами: «Примерно в течение года находился он (Повало-Швейковский. – С.К.) в Свартгольме на каторге. Затем (по-видимому, в июне 1827 года) этапом был направлен на каторгу в Сибирь...» (Орлов 1951: 138,139). Другая цитата: «В августе 1826 года И.Д. Якушкина и других осужденных

13 августа военный министр А.И.Татищев разослал циркулярное сообщение во все места заключения, где в данный момент содержались декабристы, сообщая, что Николай I потребовал сделать описание примет всех «государственных преступников». Такое же распоряжение получил и комендант Петропавловской крепости А.Я.Сукин (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.3. Л.26). Здесь же на восьми страницах (Л.37–40 об.) список «государственных преступников», содержащихся в крепости на 13 августа 1826 г. Из этого списка мы узнаем, что в это время в Петропавловской крепости находилось 56 человек. Кроме того, отметим очень важное обстоятельство: в этом списке значится *«Кюхельбекер – лейтенант»*, а это значит, что М.Кюхельбекер не находился в Кексгольмской крепости.

Лишь десять дней спустя после отправления группы декабристов в Свартгольм, по этому же почтовому тракту в Роченсальм в ночь на 17 августа с фельдъегерем Воробьевым и пятью жандармами была отправлена самая многочисленная группа: Арбузов Антон Петрович, лейтенант Гвардейского экипажа, Бестужев Александр Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, Муравьев-Апостол Матвей Иванович, отставной подполковник, Тютчев Алексей Иванович, капитан Пензенского полка, Якушкин Иван Дмитриевич, отставной капитан (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.3. Л.33, 46; Там же. Д.8. Л.84).¹⁶

этапировали в крепость Роченсальм... В ноябре осужденных отправили по этапу в Сибирь» (Басков 1980: 136) (выделено мною. – С.К.). Здесь авторы достаточно вольно относятся к употребляемым ими терминам, забывая, что за каждым из них стоит устойчивое понятие. В данном случае автору-историку необходимо ответственно относиться к устоявшемуся значению исторических терминов, а не заниматься словесной эквилибристикой. Декабристов, приговоренных в каторжную работу, отправили в Свартгольм и другие северо-западные крепости не на каторгу, а *«для содержания их там под строгим арестом, впредь до назначения им мест в Сибири»*. Лишь о тех, кто прибыл в Сибирь на рудники и заводы, можно сказать, что они находились на каторге. Столь же необдуманным является употребление термина «этап» и всех его производных. Идти «по этапу» значило идти по строго определенному пути следования партии арестантов «от одного этапа до другого», то есть от одного пункта ночлега до другого. Употребление этого термина по отношению к декабристам, осужденным Верховным уголовным судом, неправомерно. Их не *«этапировали»*, а *«отправляли в Сибирь на почтовых»*.

Но В.И.Басков в приведенной выше цитате допустил не только терминологическую, но и хронологическую ошибку. Из его фразы следует, что Якушкин и другие осужденные прибыли в Роченсальм в августе 1826 года, а *«в ноябре»* того же года их уже отправили в Сибирь. Здесь автор ошибся почти на год. Якушкина и его товарищей из Роченсальма в Сибирь отправили в октябре 1827 года.

¹⁶ На почтовом тракте Петербург – Гельсингфорс в 266^{1/2} версты от Петербурга находился Кюмень-город. От него перпендикулярно тракту на юг в 8 верстах расположена Роченсальмская крепость и в трех верстах от нее – форт Слава. Современное название Кюмень-города – город Котка.

Декабристооведам повезло, что в этой группе оказался Иван Дмитриевич Якушкин. Благодаря мемуаристу мы имеем яркое свидетельство об условиях содержания декабристов в этой крепости. Историки считают Якушкина *«правдивейшим человеком своего времени»*, а его «Записки» *«одним из достовернейших документов»*. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в тексте встречаются фактические неточности, являющиеся, по-видимому, ошибками памяти. Но в данном случае это не существенно. Хронологию можно уточнить по документам, а вот ауру того времени нам смогут передать только яркие свидетельства современников и участников событий. Поэтому не будем ограничивать автора «Записок» в возможности рассказать нам, что он и его товарищи чувствовали, о чем думали, находясь в застенках этой и других крепостей.

«Перед обедом, 5 августа (ошибка мемуариста. – С.К.), зашел ко мне священник с известием, что я в ту же ночь буду отправлен в Финляндию... Перед сумерками пришел плац-адъютант Трусев с приказанием изготвиться к отъезду...

Вскоре по приходе моем к коменданту прибыли туда и мои спутники: Матвей Муравьев, Александр Бестужев (Марлинский), Арбузов и Тютчев. С Муравьевым я был коротко знаком... прочих я прежде не знал. ...Комендант Сукин объявил нам высочайшее повеление отправить нас в Финляндию...

Когда мы вышли от коменданта, у подъезда стояли уже наши повозки и жандармы. По освещенным улицам Петербурга мы еще ехали довольно скоро; но, проехав заставу, подвигались очень медленно. В это время около Петербурга горели леса, и днем солнце виднелось сквозь дым, покрывавший город и его окрестности, как обгорелая головня; ночью же ни зги не было видно, и наши ямишки беспрестанно сбивались с дороги; часто они или пешком и вели лошадей за поводья. До Парголово мы ехали часа три» (Якушкин 1951: 86).

В Парголово они провели всю ночь в станционном доме. Как пишет Якушкин, фельдъегерь Воробьев всю дорогу *«сквозь пальцы смотрел»* на мелкие нарушения полученной им инструкции теми, кого он сопровождал. Не препятствовал он и их общению с прибывшими в Парголово родственниками. Здесь же были протоиерей Мысловский и младший брат М. А. Фонвизина Иван, также побывавший в заключении в Петропавловской крепости. Кстати, вот что пишет Якушкин о настроениях в обществе и надеждах осужденных: *«В это время многие были уверены, что при коронации мы будем избавлены от работ и что нас поселят в Сибири. Поутру я простился с своими в уверенности, что мы скоро свидимся».*

Далее Якушкин в радужных тонах описывает радостное настроение союзников, вырвавшихся из мрачных застенков Петропавловской крепости. Их восхищало все: возможность передвигаться, чистый воздух, дикая природа, общение друг с другом. *«Фельдъегерь наш Воробьев прекрасно вел себя с нами»*, – пишет Якушкин, и приводит любопытную сцену, отразившую бытовые условия передвижения, характер разговоров, и, главное, показавшую, что не все фельдъегеря строили свои взаимоотношения с «государственными преступниками», руководствуясь инструкцией:

«На одной станции, где мы обедали в особенной комнате, завязался очень живой разговор между мной и Бестужевым о нашем деле; я старался доказать ему, что несостоятельность наша произошла от нашего нетерпения, что истинное наше назначение состояло в том, чтобы быть основанием великого здания, основанием под землей, никем не замеченным; но что мы вместо того захотели быть на виду для всех, захотели быть карниз. “И потому упали вниз”, – сказал наш фельдъегерь, стоявший сзади меня, и о присутствии которого мы совершенно забыли» (Якушкин 1951: 88).

Мы не располагаем точными сведениями, сколько времени эта группа находилась в пути. Выехав 17 августа, 18-го она находилась еще в Петербурге. Следовательно, от Парголово до Роченсальма и в крепость-форт Слава им предстояло еще более 30 часов пути. Поэтому до места назначения они могли добраться не ранее второй половины 19 августа.

«По приезде в Роченсальм, – продолжает Якушкин, – фельдъегерь сдал нас коменданту полковнику Кульману, после чего через полчаса мы отправились к берегу в сопровождении коменданта и небольшого отряда солдат. Начальник этого отряда поручик Хоруженко был в полной форме; у берега ожидал нас шестивесельный катер, на котором мы и отправились в море. Плавание наше продолжалось более часа, и, наконец, мы увидели вдали огромную круглую башню, как будто выросшую из воды; это была крепость «Форт-Слава», построенная фельдмаршалом Суворовым, и в которой были приготовлены для нас казематы. Вид ее был мрачен и не предвещал нам ничего доброго» (Якушкин 1951: 88).

Предчувствия не обманули Якушкина. Бытовые условия, судя по тому, что нам известно, в Роченсальмской крепости были очень тяжелые:

«Нас разместили поодиночке в казематы и заперли на замок. В каждом каземате, с русской печью, было два окошка, перед которыми снаружи были поставлены щиты из теса, устроенные нарочно для нас, по

распоряжению инженерного генерала Оппермана. По стене стояла кровать с соломой, стол и несколько стульев довершали принадлежность каземата; жилье было и темно и сыро. Первое время нас строго держали под замком и выпускали только на короткое время, и то поодиночке, гулять по двору. Василий Герасимович Хоруженко, гарнизонной артиллерии поручик... был и наш непосредственный начальник... Добывая выгоду для себя из пятидесяти копеек на ассигнации, отпускаемых ежедневно на наше продовольствие, кормил он нас очень плохо... Несмотря на то, что Хоруженко пользовался крохами нашего продовольствия и тешился, распоряжаясь нами по собственному своему хотению, он был не дурной человек. Случалось ли кому-нибудь из нас захворать, он тотчас собирал нас к больному, и сам был с ним любезен, насколько это было для него возможно. Будь на его месте какой-нибудь аккуратный немец, хоть даже добрейший Шиллер, тюремщик Пеллико, кормил бы он нас конечно лучше, но зато, чтобы исполнить в точности предписание начальства, он бы ни за что не выпустил нас из-под замка, и мы бы с ним пропали... Когда стало холоднее и стали топить печи, оказалось, что они дымилась, и после того, что закрывали трубу, в комнате был несносный угар, и потому держать нас целый день под замком не приходилось. Однажды ночью часовой услышал в комнате Бестужева необычайный шум... он в испуге побежал и дал знать унтер-офицеру о том, что на его часах не совсем ладно... Некоторое время никто не решался отворить дверь, и когда ее отворили, то увидели Бестужева, лежащего на полу без чувств: он угорел. После этого происшествия нас почти никогда не запирали днем» (Якушкин 1951: 88–90).

Нет сомнения, что страшнее невзыскательной тюремной пищи и даже физического голода был голод духовный, который доставлял декабристам большие страдания:

«Книг у нас было очень мало. Муравьев привез с собой французскую библию и Саллюстия с французским переводом. Я имел возможность захватить с собой только Монтеня, но, к счастью, у Бестужева было два тома старинных английских журналов, один том Ремблера и один том Гертнера. При помощи Бестужева Муравьев и я, мы стали учиться по-английски. Библиотека нашего офицера состояла из одной части “Четыи минеи” и “Мальчика у ручья”; он решил дать нам прочесть и то и другое, но никак не решался добывать нам книг из Роченсальма...» (Якушкин 1951: 90).

Все те, кто оставил заметки о своем пребывании в северо-западных крепостях, однозначно отмечают, что инспекторская поездка по крепостям генерал-губернатора Финляндии А.А.Закревского, при всей неоднозначности этой личности, облегчила участь декабристов:

«К концу года запасы наши чаю, сахару и табаку истощились, денег от ста рублей оставалось у меня немного, да и те надо было беречь на мытье белья и другие необходимые издержки. В это время нас стали иногда запирать; в крепости заметно было особенное движение, и офицер, собирая ежедневно команду, учил ее. Мы узнали, что скоро ожидают генерал-губернатора Финляндии Закревского. Недели за две до нового года он навестил нас... Посещение его было для нас во многих отношениях на пользу; видя его к нам внимание, и офицер наш, и комендант Кульман стали к нам также несколько внимательнее» (Якушкин 1951: 91).

Активной творческой деятельностью в крепостях занимался В.Кюхельбекер, но, судя по воспоминаниям Якушкина, в их камерах тоже были и книги, и письменные принадлежности:

*«В посылке, привезенной Закревским Муравьеву, был курс Лакруа, и я пристально принялся за математику. За недостатком книг и других занятий, наука эта имела для меня прелесть *casst-tête chinois*, и занимался ею страстно. При этом занятии главное неудобство состояло в том, что у меня не было грифельной доски, и хотя я сохранил при себе карандаш, но бумагу достать было очень трудно.*

Бестужев в это время пытался писать на клочках бумаги повесть в стихах из времен, весьма древних, русской истории — “Андрей Переяславский”. Археологические его познания были не обширны, стих его был вял, и повесть вообще не удалась. За критику его скороспелого произведения он не сердился, но впрочем, защищал его усердно...» (Якушкин 1951: 91–92).

После 17 августа 1826 г. более чем на месяц прекращается пересылка декабристов из Петропавловской крепости в другие крепости северо-запада. К этому времени их еще не было в Свеаборгской и Выборгской крепостях.

Несколько ранее Дибич запросил коменданта Свеаборгской крепости – нет ли «приличного помещения» для содержания «государственных преступников»? Если таковое есть, он просил сообщить, «сколько человек на сем острове безопасно помещены быть могут». Комендант ответил, что «на острове Лонггерне, в казематах средней куртины 8 арестантов временно содержать удобно в 8 отдельных покоях». Нет сомнения, что «мрачные затворы», тем более «лежащие на гранитной скале и окруженные водою – начиная от самых стен», внушали уверенность в их надежности. Комендант крепости вскоре получил распоряжение подготовить казематы к размещению в них «государственных преступников». Работа закипела (Окунь 1985: 114).

«К окнам нижнего и верхнего этажей вставлены надежные железные решетки, к 4-м дверям со входа скованы из цельных железных полос притворы, для запираания коих искуплены хорошия висячие замки, а к дверным полотнам, сверх того, врезаны и внутренние замки, печи исправлены, стены отбелены вохроу и вставлен в окна зимний переплет» (РГВИА. Ф.36. 1826. Д.343. Л. 30–30 об.; Окунь 1985: 116).

Закончив работы по переоборудованию «покоев» для «государственных преступников», комендант крепости 16 октября сообщил об этом в Петербург. Это сообщение в Главном штабе могли получить не ранее 19, и уже 21 октября в самую дальнюю от Санкт-Петербурга крепость Финляндии – Свеаборгскую – «по наступлении ночи, с строжайшим наблюдением, чтобы никому отнюдь не могло сделаться известным, когда и куда будут они отправлены», с фельдъегерем Александровым и четырьмя жандармами, убыли из Санкт-Петербурга: Громнитский Петр Федорович, поручик Пензенского полка, Киреев Иван Васильевич, прапорщик 8 артиллерийской бригады, Лунин Михаил Сергеевич, подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, Митьков Михаил Фотиевич, полковник лейб-гвардии Финляндского полка (РГИА. Ф.1280. Д.3. Л.81, 86, 93; Там же: Д.8. Л.84). С.Б.Окунь пишет, что эта группа достигла места назначения 25 октября (Окунь 1985: 116).¹⁷

Через день, 23 октября, в ту же крепость была отправлена с фельдъегерем Тихановым и тремя жандармами последняя группа декабристов, назначенных в северо-западные крепости: Муханов Петр Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, Норов Василий Сергеевич, отставной подполковник, Поджио Иосиф Викторович, отставной штабс-капитан. Первоначально в этой группе предполагалось отправить в Свеаборг и Муравьева Никиту Михайловича, капитана Гвардейского генерального штаба, но в последний момент его оставили в Петропавловской крепости (РГИА. Ф.1280. Д.3. Л.81, 86, 93; Там же. Д.8. Л.84; Окунь 1985: 116).¹⁸

---

¹⁷ Указывая эту дату прибытия, автор не дает ссылки на архивный документ. И честно говоря, она вызывает некоторые сомнения. Расстояние между Петербургом и Свеаборгом 422½ версты. Почтовый тракт на этом маршруте хотя и холмистый, но хороший. Конечно, это уже глубокая осень, и дожди могли обусловить снижение среднесуточной скорости. Но и в этом случае 5 верст в час слишком низкая скорость. Преодолевая расстояние более 6 тысяч верст, фельдъегеря не опускали скорость до этого предела. Можно предположить, что эта группа, выехав из Петербурга «21 октября в 12 часов ночи», достигла Свеаборга 23 октября в исходе дня, или 24, в начале.

¹⁸ В 10 верстах к югу от губернского города Гельсингфорса (ныне г. Хельсинки), на Варгских островах находится город-крепость Свеаборг. В казематах на острове Лангерне, входящем в группу Варгских островов, и были заключены декабристы.

Это была последняя группа декабристов, путь для которых из Петропавловской крепости в Сибирь был определен через северо-западные крепости. Всего через полтора месяца «откроется навигация» в Сибирь, и меньше чем через четыре месяца «в каторжные норы» будут отправлены все, кто находился в Петропавловской крепости. Почему же, например, Муханов, еще год будет скитаться по крепостям, прежде чем попадет в Читинский острог? Это интереснейшая тема для исследования. Не имея фактических материалов, можно лишь предположить, что ко многим из декабристов, прошедших через северо-западные крепости, у императора Николая I были личные счеты. К этому наблюдению подводит и отмена первоначального распоряжения об отправке в Свеаборг Н.М. Муравьева.

После прибытия групп декабристов в Свеаборгскую крепость «государственные преступники», размещенные в северо-западных крепостях до 21.4.1827 г., а по другим данным – до 23.2.1827, попадают в своеобразную «штилевую полосу». Несколько месяцев все остаются на своих местах. Не происходит никаких передвижений из крепости в крепость.

Временное затишье для фельдъегерей, жандармов и коменданта Петропавловской крепости, воцарившееся с конца октября, было нарушено 10 декабря 1826 года. В этот день из Петропавловской крепости в Читинский острог были отправлены И.А. Анненков, братья Александр и Никита Муравьевы и К.П. Торсон. Сопровождали их фельдъегерь Желдыбин и 4 жандарма (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.3. Л.125).

Александр Муравьев оставил «Записки», одна из страниц которых рассказывает об отправлении в Сибирь. Остановимся на пронзительной сцене прощания с родственниками по пути следования:

«В полуверсте от первой почтовой станции фельдъегерь велел остановить наши повозки, а сам пустился во весь опор к станционному дому, откуда вскоре возвратился со свежими лошадьми. Фельдъегерь действовал в соответствии с данными ему инструкциями. Подозревали, что наша бедная матушка ожидала нас на станции, чтобы в последний раз попрощаться с нами. И действительно, наша матушка, моя невестка Александрина, ее сестра графиня Софи Чернышева ждали нас в станционном доме. Моя матушка унизилась до просьбы, чтобы ей дозволили

С.Б.Окунь, цитируя архивный документ, называет остров, где будут заключены декабристы – «остров Лонггерн». У автора настоящей статьи есть копия плана реконструкции Свеаборга, утвержденного Александром I 10 марта 1809 года. На этом плане есть остров Лангерн, что в переводе на русский язык означает – «Ключевой».

Свеаборгская – самая дальняя от Петербурга (422 $\frac{1}{2}$ версты) из северо-западных крепостей.

обнять нас в последний раз; она предложила довольно крупную сумму, но ничего не смогла добиться; фельдъегерь сказал, что за исполнением предписанных ему инструкций следят. Лошади запряжены, мы помчались во весь дух. Так мы промчались мимо матушки, жены моего брата и графини Софи. Долго еще слышались их крики: “Прощайте!”» (Муравьев 1999: 104).¹⁹

Сцена, описанная А.Муравьевым, произошла у первой почтовой станции по тракту на Шлиссельбург Мурзино, в 12 верстах от Петербурга. Невольно вспоминается сцена на почтовой станции Парголово, описанная Якушкиным. Чем можно объяснить диаметрально противоположное поведение фельдъегерей при однотипной ситуации? Пренебрежением или строгим следованием требованиям инструкции? Сознанием собственного превосходства на данный момент? Наконец, присутствием или отсутствием корыстолюбия или «человеколюбия»? Безусловно, все эти факторы влияли на ту или иную модель поведения.

После отправления группы, проследовавшей в Сибирь, снова более чем на месяц установилось затишье. Затем с 18 января и до конца месяца в Сибирь было отправлено четыре группы по четыре человека. С 1 по 17 февраля были отправлены 18 человек. Последними из декабристов Петропавловскую крепость покинули Ивашев и Загорецкий. В Сибирь их сопровождал фельдъегерь Сигизмунд 1-й с жандармами.²⁰

Комендант Шлиссельбургской крепости генерал-лейтенант Плуталов с января по апрель 1827 г. рапортует в Инспекторский департамент: *«из здешней почтовой экспедиции»* он получает деньги *«на содержание семи государственных преступников, осужденных Верховным уголовным судом»* из расчета *«50 копеек в сутки на человека»* (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.1–3).

---

¹⁹ На эту же почтовую станцию пыталась приехать и Полина Гебль, невеста И.А.Анненкова, – она надеялась увидеться здесь с ним, но опоздала. В своих воспоминаниях П.Е.Анненкова пишет, что свидание Муравьевых состоялось, но это входит в жесткое противоречие с «Записками» непосредственного очевидца событий Александра Муравьева, которые вызывают в данном случае больше доверия (Анненкова 1929: 95).

²⁰ Судя по интенсивным отправлениям из Петропавловской крепости, к концу 1826–началу 1827 гг. в Сибири уже было подготовлено место для «государственных преступников». Все осужденные Верховным уголовным судом к каторжным работам и ожидавшие исполнения наказания в Петербурге уже убыли к месту назначения. Но ни один из тех, кто находился в северо-западных крепостях, в Сибирь отправлен не был. Этот факт, вероятно, следует рассматривать как самовластное ужесточение наказания для тех «государственных преступников», которые были у императора на особом счету.

Напомним, что 23 июля 1826 г. в Шлиссельбургскую крепость первыми прибыли декабристы Андреевич и Юшневский. Шесть дней спустя – Пестов и Пущин. Дивов, Михаил и Николай Бестужевы – 8 августа. Таким образом, в первой четверти августа и до последней трети апреля 1827 г. изменений в численном составе среди декабристов узников Шлиссельбургской крепости не происходило.

В Кексгольмскую крепость в июле 1826 г. поступило шесть декабристов: 22 июля – Барятинский, Горбачевский и Спиридов, а 28-го – Вадковский, Александр Поджио и Вильгельм Кюхельбекер. За стенами этой крепости они провели 9 месяцев.

Вследствие Высочайшего повеления военный министр граф Татищев 20 апреля 1827 г. подготовил распоряжение коменданту Кексгольмской крепости об отправлении из крепости содержащихся у него «государственных преступников». С 21 июля 1826 года декабристов только размещали по северо-западным крепостям, а 21 апреля 1827 года поступает распоряжение об их отправлении... Но куда – в Сибирь? Нет! Отъезд этой группы из Кексгольма знаменует начало «великого перемещения».²¹

«Мы не знали, что ожидало нас в Сибири, но мы испытали всю горечь заключения, и неизвестность в будущем нас нисколько не утрашила» (Якушкин 1951: 92).

«...Новый комендант на чудо отделал наши казематы. Однако я благодарю Бога, что из них выбрался...» (Пущин 1988: 85).

«Летом в 1827 г. нас опять посетил генерал Закревский и поручил нашему офицеру узнать, не желаем ли мы остаться в крепости на весь срок работы, к которой мы были приговорены; никто из нас не подумал воспользоваться таким предложением» (Якушкин 1951: 92).

«Будущее не в нашей воле, и я надеюсь, что как бы ни было со мной – будет лучше крепости...» (Пущин 1988: 85).

«Божье мой! Когда конец? Когда конец моим испытаниям? Несчастные мои товарищи, по крайней мере, теперь спокойны: если для них и кончились все надежды, то кончились и все опасения; грустно им – они горюют вместе; а я один, не с кем делиться тоской, которая давит меня; к тому же нет у меня и той силы характера, которая, может быть, поддержала бы другого» (Кюхельбекер 1979: 69).

---

²¹ Перемещаясь из крепости в крепость, заключенные везде встречались с одной и той же обстановкой: сырость и мрак одиночных камер, затхлый воздух и отсутствие возможности общения. Для тех, кто уже находился в сибирских каторжных казематах, имелось одно, но большое преимущество перед северо-западными тюрьмами: отделив союзников от внешнего мира, они объединили их. Те, кто еще находился в северо-западных крепостях, не зная преимущества каторжных казематов перед крепостными одиночными «*номерами*», тем не менее, не боялись отправления в Сибирь.

«Каземат (сибирский. – С.К.) нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге... дал нам охоту жить... и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти» (Бестужевы 1951: 146).

Из Кексгольмской крепости декабристов отправили в Шлиссельбургскую. Комендант Кексгольмской крепости 23 апреля послал начальнику Главного штаба рапорт, в котором сообщал: *«21 апреля Горбачевский, Спиридов и Барятинский с фельдъегерем и тремя жандармами пополуночи в 11 часов отправлены в Шлиссельбург»*. Сопровождал эту группу фельдъегерь Никулин (РГВИА. Ф.36. Оп.5. Д.90. Л.10).

А фельдъегерь Новиков с жандармами доставил в Шлиссельбург вторую группу. Она убыла из Кексгольма 24 апреля. В рапорте коменданта сообщалось:

«...Содержащихся в башне Кексгольмского шлюса каторжных преступников Кюхельбекера, Поджио и Вадковского с нарочно присланным за ними фельдъегерем Новиковым и тремя жандармами 24-го числа пополуночи в 6 часов в Шлиссельбургскую крепость отправил...» (РГВИА. Ф.36. Оп.5. Д. 90. Л.11).

В Шлиссельбургскую крепость они прибыли 25 апреля.²²

С 24 апреля камеры Кексгольмской крепости, предназначенные для декабристов, на время опустели, а в Шлиссельбургской крепости с 25 апреля число узников увеличилось до 13 человек.

В исследовательской литературе отправление декабристов из Кексгольма и их прибытие в Шлиссельбург часто датируется 30 апреля. Причиной тому – отношение дежурного генерала Главного штаба Потапова Бенкендорфу. Вот его текст:

«Имею честь уведомить Ваше превосходительство для надлежащего сведения, что содержащиеся в Кексгольме государственные пре-

---

²² Федор Вадковский оказался в роли заключенного в Шлиссельбургской крепости во второй раз. Первый раз он здесь побывал еще до суда, и произошло это следующим образом. Арестован он был 13 декабря 1825 года, и в тот же день, несколько часов спустя, в Тульчине был арестован Пестель. Это были первые аресты по делу декабристов. С фельдъегерем Федоровым Вадковского отправили в Шлиссельбургскую крепость, куда он прибыл 21 декабря. К этому времени его уже потеряли. Николай I лично писал коменданту Шлиссельбургской крепости, разыскивая Вадковского. Плуталов с недоумением и тревогой отвечал, что такого узника у него в крепости нет. Наконец все разъяснилось. Вадковский прибыл в Шлиссельбург и тут же под надежной охраной был отправлен в Петербург.

ступники Горбачевский, Спиридов, Бярятинский, Кюхельбекер, Поджио и Вадковский по Высочайшему повелению переведены в Шлиссельбургскую крепость. 30 апреля 1827 года. № 499» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.49).

Отголоски этой ошибки попали, к сожалению, и в Справочник. Все убывшие из Кексгольма показаны в соответствии с датами их отправления, время же их прибытия в Шлиссельбургскую крепость не указано. В справке же о В.Кюхельбекере не указано время отправления из Кексгольма и ошибочно сказано, что он *«доставлен в Шлиссельбургскую крепость – 30.4.1827»*.

Это легко опровергнуть. Кроме вышеназванных документов, есть и другие, подтверждающие дни убытия и прибытия, что позволяет определить хронологические рамки пребывания декабристов как в Кексгольмской, так и в Шлиссельбургской крепости.

О первой группе, убывшей из Кексгольма, в документах Шлиссельбургской крепости, сказано: *«В Шлиссельбург они прибыли и за строгий арест посажены...»* 23 апреля (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.4 об.). Таким образом, получается, что на дорогу из Кексгольма в Шлиссельбург ушло три дня. Вторая группа, следуя этим же маршрутом, добиралась два дня.²³

Генерал-майор Фритберг в последний день апреля отправил в Петербург в Инспекторский департамент рапорт следующего содержания: *«В Шлиссельбургской крепости государственных преступников 13 человек на 31 день по 50 коп. на человека в сутки. Всего 201 руб. 50 коп. сего апреля 30 числа из здешней почтовой экспедиции получил»*. До 25 апреля в Шлиссельбургской крепости было 7 декабристов, теперь стало 13 (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.5).

С трудом поддается анализу информация о перемещении декабристов из Кексгольма в Шлиссельбург, опубликованная в исследова-

---

²³ Стены этих цитаделей омываются водами Ладожского озера и расстояние между ними «по прямой» около 120 верст. Правила, которые регламентировали скорость передвижения фельдъегеря, время года и хорошие погодные условия позволили бы фельдъегерским тройкам преодолеть это расстояние за 10-12 часов. Но, во-первых, прямого почтового тракта между Кексгольмом и Шлиссельбургом не было. Путь лежал через Петербург, а это 143½ версты и 58½ – до Шлиссельбурга. Во-вторых, был конец апреля и, следовательно, на российских трактах царствовала распутица. В-третьих, первая группа убыла в 11 утра, а вторая в 6 утра. Мы не знаем часа их прибытия в Шлиссельбург, но по самым оптимистичным расчетам и та, и другая группа на дорогу затратили около 40 часов, что для этого времени года допустимая скорость. Следовательно, мы можем предположить, что первая группа прибыла на место в первом часу по полуночи 23 апреля, а вторая в исходе дня 25-го.

нии М.С.Михайловой. Правильно показав, что группа в составе Барятинского, Горбачевского и Спиридова отправилась из Кексгольма в апреле, она ошибочно включила в эту группу и Вадковского. Показав прибытие В.Кюхельбекера в Кексгольм, убытие его из этой крепости автор нигде не показывает. Так же ошибочно М.С.Михайлова считает, что А.Поджио убыл из Кексгольма в августе, и что из крепости в крепость он был доставлен один, без соузников (Михайлова 1989: 40,41).²⁴

Через десять дней исполнился бы год, как узниками Свартгольмской крепости стали Бечаснов, Повало-Швейковский и Штейнгейль. Но 17 июня 1827 года, заковав в кандалы, в сопровождении фельдъегеря Вельша и трех жандармов, их отправили в Сибирь (Зейфман 1985:

---

²⁴ О пребывании декабристов в Шлиссельбургской крепости речь идет в нескольких специально посвященных этой крепости работах. Остановимся на трех наиболее солидных, поглощающих информацию ранее опубликованных работ. Во втором томе книги М.Н.Гернета «История царской тюрьмы» более 80 страниц посвящено Шлиссельбургской крепости, в том числе несколько страниц – пребыванию в ней декабристов. Всего упомянуто 13 декабристов, в разное время находившихся в этой крепости. О достоверности хронологии их перемещения сказано выше и, как говорить, добавить к этому нечего.

В 1978 г. вышла книга «Узники Шлиссельбургской крепости». Из 380 страниц полного объема – 80 отведено пребыванию декабристов в крепости. Составитель сборника Л.Б.Добринская составила его из очерков об отдельных узниках. К достоинствам такой структуры относится то, что можно подробно рассказать об одном декабристе, а к основным недостаткам – за рамками сборника осталось большинство декабристов, находившихся в Шлиссельбургской крепости. Но даже о тех из них, кому «посчастливилось» попасть под обложку этой книги (И.Пушин, В.Кюхельбекер, М. и Н.Бестужевы, И.Поджио), помещен не рассказ о пребывании их в крепости, а полный биографический очерк. Периоду заключения уделено лишь небольшая часть текста. Несколько ошибок, допущенных М.Н.Гернетом, перекочевали в эти очерки.

В 1986 г. вышла в свет книга «Шлиссельбургская крепость». Она тоже написана авторским коллективом. Объем интересующего нас текста – четыре страницы из ста. Об этих четырех страницах можно сказать, что это неподражаемый образец заимствования. Вот два примера:

«Неизвестно, чем руководствовался тайный комитет или, вернее, сам царь, оставляя одних приговоренных в Петропавловской крепости, а других пересылая в иные места заключения» (Гернет 1951: 160). «Неизвестно, чем руководствовался царь, оставляя одних приговоренных в Петропавловской крепости, а других пересылая в иные места заключения» (Игнатьева 1986: 30). «Так, Иосиф Поджио, приговоренный к 12 годам каторги со снижением срока до 8 лет, был отправлен после объявления приговора в Свеаборгскую крепость, откуда в апреле 1828 года был переведен в Шлиссельбургскую» (Гернет 1951: 160). «Так, Иосиф Поджио, приговоренный к 12 годам каторги со снижением срока до 8 лет, был отправлен после объявления приговора в Свеаборгскую крепость, откуда в апреле 1828 года был переведен в Шлиссельбургскую» (Игнатьева 1986: 30).

Примеры можно продолжить. Не много ли для четырех страниц? Узниками Шлиссельбургской крепости в этой книге названо 17 декабристов.

38; **Справочник 1988**: 23, 144, 203). 17 июня 1827 года можно считать рубежной датой для декабристов, находившихся в северо-западных крепостях. Это была первая группа, которую отправили в Сибирь.

Вторая группа, в составе Панова, Сутгофа, Щепина-Ростовского, отправленная в Сибирь 21 июня, также была из Свартгольмской крепости (**Справочник 1988**: 138, 171, 205).

У М.С.Михайловой правильно назван месяц отправления декабристов из Свартгольма в Сибирь – июнь 1827 г., но из крепости она показала убытие не двух групп с интервалом во времени, а одновременно всех шести человек.

На следующий день после отправления в Сибирь первой группы декабристов из Свартгольма комендант Петропавловской крепости получил от военного министра предписание, которое, наверное, его немало удивило. Генералу Сукину предписывалось согласно *«высочайшего повеления»* принять из Свартгольмской крепости *«государственного преступника Батенькова»* для содержания во вверенной ему крепости. «Государственного преступника», осужденного в каторжную работу, император отправил не в Сибирь, а возвратил в главную цитадель империи. В начале четвертого часа пополудни 23 июня 1827 года декабриста Батенькова посадили в каземат № 9 секретного дома Алексеевского рavelина, а затем почти 19 лет о нем не вспоминали (**Брегман 1989**: 74–75).²⁵

Из переписки между Главным штабом и ведомством Бенкендорфа следует, что в Сибирь *«...отправлены с фельдъегерем, следующие в каторжную работу содержащиеся в Шлиссельбургской крепости государственные преступники Барятинский, Николай Бестужев, Михаил Бестужев и Горбачевский»* (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1 пр. Л.51). Эту информацию подтверждает и комендант Шлиссельбургской крепости. 29 сентября он сообщает дежурному генералу Главного штаба А.Н.Потапову:

«Во исполнение предписания Вашего превосходительства сего сентября от 28 за № 163-м... находящихся в Шлиссельбургской крепости на временном содержании государственных преступников Барятинского,

---

²⁵ Дата прибытия Батенькова в Петропавловскую крепость известна, а когда он убыл из Свартгольма? Не располагая документами, определяющими интересующую нас дату, попытаемся вычислить ее. От Свартгольма до Санкт-Петербурга 315 верст. В Петропавловскую крепость Батеньков прибыл в четвертом часу дня. Учитывая все факторы, влияющие на скорость передвижения, можно допустить, что в данном случае среднесуточная скорость составила 9 – 10 верст в час. Следовательно, расстояние между Свартгольмом и Петербургом было покрыто за 30–35 часов. Эти расчеты позволяют предположить, что из Свартгольмской крепости Батеньков убыл 22 июня утром.

Николая Бестужева, Михайлу Бестужева и Горбачевского для дальнейшего доставления с закованием в кандалы фельдъегерю Чернову сего числа сданы...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.7 об.-8; подчеркнуто мной – С.К.).

Отправляясь из крепости, Михаил и Николай Бестужевы даже не подозревали, что завтра сюда привезут их брата Александра.

Согласно **Справочнику (1988: 14, 22, 21, 55)**, все вышеназванные декабристы отправлены из Шлиссельбурга 28 сентября. По-видимому, при подготовке этих сведений за основу было взято донесение за №1182, отправленное 29 сентября 1827 года Потаповым шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. Не получив еще цитированного выше донесения шлиссельбургского коменданта, Потапов уведомляет о сделанном распоряжении:

«Имею честь известить Ваше превосходительство, что по высочайшему повелению 28-го сего месяца отправлены с фельдъегерем следующие в каторжную работу содержащиеся в Шлиссельбургской крепости государственные преступники: Бяратинский, Николай Бестужев, Михайло Бестужев и Горбачевский» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1 пр. Л.51).

Еще ранее, 27 сентября, Потапов сообщал Бенкендорфу:

«... Государь император высочайше повелеть соизволил государственного преступника Александра Бестужева отправить вместо каторжной работы в Иркутск на поселение, за коим уже послан в Роченсальм фельдъегерь для доставления его по назначению» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1 пр. Л.50).

3 октября Бенкендорф получает сообщение, что *«содержавшегося в Роченсальме преступника Матвея Муравьева-Апостола высочайше повелено вместо каторжной работы сослать в Сибирь на поселение, который туда по сему назначению отправлен 2-го сего октября»* (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1 пр. Л.52).²⁶

---

²⁶ Неожиданный кульбит императора, изменивший его отношение к Александру Бестужеву и Матвею Муравьеву-Апостолу, вызывает закономерное недоумение. Государственные преступники, осужденные Верховным уголовным судом по I разряду и по конфирмации приговоренные в каторжную работу на 20 лет, ссылаются в Сибирь на поселение, как государственные преступники VIII разряда?! Один документ, как млечный путь, осветив это загадочное решение Николая I, оставил при этом в тумане все прочее. В нем говорится, что А.Бестужев и М.Муравьев-Апостол удостоились царской милости *«ввиду чистосердечного раскаяния»* (РГИА. Ф.1405. Оп.534. Д.61. Л.1). В чем оно выразилось и как этому *«чистосердечному раскаянию»* удалось растопить неумолимое сердце императора, документ умалчивает.

При этом возникает вопрос – откуда, когда, вместе или раздельно, последовали эти декабристы в Сибирь. В **Справочнике (1988: 20)** о пребывании А.Бестужева в Шлиссельбурге информации нет: *«После приговора отправлен в Роченсальм – 17.8.1826, а затем по особому высоч. повелению обращен прямо на поселение в г. Якутск. Выехал из Петербурга – 6.10.1827»*. Нет здесь информации и о пребывании в Шлиссельбурге М.Муравьева-Апостола. Биографическая справка сообщает, что из Петропавловской крепости он *«отправлен в Роченсальм – 17.8.1826... затем по высоч. повелению обращен сразу на поселение в Сибирь. Выехал из форта Слава – 1.10.1827, отправлен из Шлиссельбурга в Сибирь – 2.10.1827» (Справочник 1988: 121).*

На основе этих сведений можно сделать следующие выводы. Оба декабриста находились в Роченсальмской крепости. Муравьев-Апостол, прибыв 2.10.1827 в Шлиссельбургскую крепость, в тот же день был отправлен в Сибирь. Бестужев из Роченсальма отправлен в Петербург и оттуда 6.10.1827 выехал в Сибирь. Так Справочник ответил на поставленные вопросы: откуда, когда, вместе или раздельно.

Теперь ответим на эти же вопросы, используя архивные и опубликованные источники. Комендант Шлиссельбургской крепости 30 сентября рапортовал в Главный штаб:

«Вследствие Высочайшего повеления при предписании Вашего превосходительства сего сентября от 29 за № 1187-м фельдъегерь Якунин государственного преступника Александра Бестужева в Шлиссельбургскую крепость для содержания в оной впредь до повеления сего числа доставил...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.8).

В архивных документах по Шлиссельбургской крепости, которыми располагает автор, следов пребывания в ней Матвея Муравьева-Апостола нет. Однако этот декабрист оставил воспоминания, в которых, в частности, пишет:

«1 октября я выехал из Форта Славы (архивные документы датируют его отправление из Роченсальма на день позднее: «2-го сего октября». – С.К.). Меня привезли в Шлиссельбургскую крепость; на другой день из каземата отвезли на гауптвахту, где уже был Ал[ександр] Бестужев (Марлинский)» (Муравьев-Апостол 1982: 200).²⁷

²⁷ До сих пор считалось, что узниками Шлиссельбургской крепости было 17 декабристов. Мемуарное свидетельство Матвея Муравьева-Апостола о его кратковременном пребывании в Шлиссельбургской крепости прошло мимо внимания исследователей вопроса. Теперь следует считать доказанным тот факт, что через казематы Шлиссельбургской крепости прошли 18 узников-декабристов.

Итак, свидетельство Матвея Муравьева-Апостола подтверждает раздельное прибытие декабристов из Роченсальмской крепости в Шлиссельбургскую и свидетельствует о том, что на следующий день после прибытия в крепость Муравьев-Апостол встретился на гауптвахте с Александром Бестужевым.

Прибыв в Шлиссельбург 30 сентября, спустя неделю Александр Бестужев уже убыл «по назначению»:

«Во исполнение предписания Вашего превосходительства сего октября от 1-го, а мною полученного 5-го числа <...> находящегося в Шлиссельбургской крепости государственного преступника Александра Бестужева, для препровождения по назначению фельдъегерю Григорьеву обще с двумя жандармами, находившимися здесь, сего октября 6-го числа сдал...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.9).

Прежде всего, этот документ не оставляет места для утверждения, что будто бы Александр Бестужев убыл в Сибирь из Петербурга. Если это так, тогда он должен был выехать из столицы не 6 октября, а позднее, – вопреки утверждению *Справочника* (1988: 20): *«выехал из Петербурга – 6.10.1827»*.

Вместе с тем, Муравьев-Апостол остается за рамками этого документа. Убыл ли он в Сибирь раньше или остался в Шлиссельбургской крепости? Где содержался – на гауптвахте или в крепости? Ответов на эти вопросы документ не содержит. Но обращает на себя внимание одна незначительная, на первый взгляд, деталь. До сих пор мы видели, что с каждым «государственным преступником» следовал один жандарм. В этом же рапорте комендант пишет, что сдал А. Бестужева *«...фельдъегерю Григорьеву обще с двумя жандармами»*. За какие «заслуги» Бестужева сопровождают два жандарма?

Что касается М.Муравьева-Апостола, то его следы теряются на Шлиссельбургской гауптвахте в первых числах октября, лишая нас возможности дать ответ на поставленные вопросы. Лишь полтора месяца спустя, в сибирском городе Томске, сенатор князь А.Б.Куракин, ревизуя сибирские губернии и по совместительству информируя шефа жандармов Бенкендорфа о «государственных преступниках», следовавших через сибирские города «в каторжные норы», в донесении №13 от 18 ноября 1827 г. писал:

«Генерал! В течение этой недели чрез Томск прошли, направляясь из Тобольска в Иркутск, три партии арестантов по преступлениям большого заговора: первая состояла из трех человек – бывших капитанов

Якушкина и Тютчева и лейтенанта Арбузова; вторая из двух – бывших подполковника Матвея Муравьева-Апостола и штабс-капитана Александра Бестужева...» (Декабристы 1925: 123).

Следовательно, Бестужева и Муравьева-Апостола вез один фельдъегерь. Это обстоятельство ставит все на свои места, отвечая на поставленные вопросы: А.Бестужев и М.Муравьев-Апостол убыли в Сибирь из Шлиссельбургской крепости 6 октября 1827 г. с фельдъегерем Григорьевым и двумя жандармами.

Михайлова (1989: 41), правильно показав, что в Сибирь Бестужев и Муравьев-Апостол следовали в одной партии, ошибочно полагает, что из Роченсальма они тоже убыли вместе.

С каждым днём все чаще посылают в Шлиссельбург фельдъегерей в сопровождении жандармов. Закончилось 15-месячное пребывание в стенах мрачной цитадели еще для нескольких декабристов. Генералу Потапову комендант крепости посылает очередной рапорт:

«Во исполнение предписания Вашего превосходительства сего октября от 1-го за №169-м изъявленной высочайшей Государя императора воли, находящихся в Шлиссельбургской крепости на временном содержании государственных преступников Спиридова, Юшневского, Якова Андреевича и Пестова, для дальнейшего доставления с закованием в кандалы фельдъегерю Васильеву 3-му сего октября 3-го числа сданы...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.8 об.).

И снова в *Справочник* (1988: 8, 142, 170, 207) просочилась характерная хронологическая ошибка (указана дата 2.10.1827), о которой мы говорили, обсуждая отправление группы, убывшей из Шлиссельбурга 29 сентября. Здесь вновь использована информация из уведомления, посланного дежурным генералом Главного штаба Бенкендорфу. Вот его текст: *«...Из числа следующих в Нерчинские рудники государственных преступников отправлены туда 2-го сего октября содержащиеся в Шлиссельбурге: Спиридов, Юшневский, Андреевич 2 и Пестов...» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.52).* Уведомление о сделанном распоряжении является солидным источником, но нередко отраженная в нем информация (в частности, даты) не соответствует действительному ходу событий.

В первой половине октября наблюдается картина массового перемещения декабристов. Одних отправляли в Сибирь, других ожидало бессмысленное перемещение из одной крепости в другую – не что иное, как дополнительное наказание.

В августе 1826 г. в Роченсальмскую крепость одновременно были отправлены пять декабристов. Более года состав узников форта «Слава» не менялся. Затем исход из нее начался в конце сентября, когда стены этой крепости покинул Александр Бестужев. За ним, уже в октябре, убыл Матвей Муравьев-Апостол. Еще несколько дней спустя дежурный генерал Главного штаба Потапов уведомляет шефа жандармов Бенкендорфа: «...Из числа государственных преступников, следующих в каторжную работу, отправлены туда 5 сего октября содержащиеся в Роченсальме Арбузов, Якушкин и Тютчев». (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.54).²⁸

В своих «Записках» Якушкин, говоря об отправлении в Сибирь, писал: «В начале ноября, в один прекрасный вечер, нас привезли с Форта-Славы в Роченсальм». Мемуарист снова ошибается – следовало написать: «в начале октября». Издавая «Записки» в 1925 г., его внук Е.Е.Якушкин прокомментировал эту ошибку. Для определения истинной даты он использовал донесение жандармов Сильвестра Щедрина и Гордея Исаева, сопровождавших Якушкина, Арбузова и Тютчева в Сибирь. По возвращении они написали донесение об этой командировке, из которого следует, что в Роченсальме «означенных преступников» они взяли 6 октября. Составители Справочника, вероятнее всего, полагались на этот источник, указывая дату отправления Якушкина из Роченсальма в Сибирь. Но тогда совершенно непонятно, почему датой отправления в Сибирь Арбузова и Тютчева они называют 5 октября. Ведь в комментарии недвусмысленно сказано: «...как видно из донесения возвратившихся из командировки жандармов, сопровождавших до Иркутска Якушкина, Арбузова и Тютчева...» (Якушкин 1951: 580).²⁹

Получается, что 6 октября в Сибирь были отправлены две группы: из Роченсальма Якушкин, Арбузов и Тютчев, а из Шлиссельбурга А.Бестужев с М.Муравьевым-Апостолом. Следовательно, в день убытия расстояние между группами было 333 версты, основываясь же на донесении князя Куракина, в Томск обе группы прибыли в один день.

---

²⁸ Следует еще раз обратить внимание на то, с какой осторожностью нужно относиться к директивным документам. Уведомляя Бенкендорфа, Потапов полагал, что согласно указаниям Главного штаба, «государственные преступники» будут отправлены из Роченсальма «5 сего октября». Нет сомнения, что в фондах РГВИА хранятся рапорты коменданта Роченсальмской крепости о приеме и отправлении всех бывших в ее стенах «государственных преступников». Наличие этих рапортов поставило бы все точки над «i». Но пока нам приходится, в поисках истины, использовать те документы, которыми располагаем в данный момент.

²⁹ В августе 1826 г. из Петропавловской крепости в Роченсальмскую была отправлена единственная группа: Арбузов, А.Бестужев, М.Муравьев-Апостол, Тютчев и Якушкин. Спустя год они почти одновременно покинули эту крепость, и больше никто из декабристов в ее стенах не был.

Громнитский, Киреев, Лунин, Митьков, Муханов, Норов, Иосиф Поджио почти год были узниками Свеаборгской крепости. 4 октября 1827 г. появилось уведомление о переводе, согласно которому были отправлены: «*Громнитский, Киреев, Митьков и Поджио (Иосиф) из Свеаборгской в Свартгольмскую, Лунин, Норов и Муханов из Свеаборгской в Выборгский иллюс*» (ГАРФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.53; Окунь 1985: 116).³⁰

По поводу перемещений этих декабристов в исследовательской литературе существуют значительные разночтения. *Справочник (1988: 123, 130)* по всем декабристам, за исключением Муханова и Норова, дает информацию, аналогичную архивной (т.е. 4 октября). Перемещение же Муханова и Норова из Свеаборга в Выборгскую крепость он относит к 23.2.1827. Эту же дату показывает, ссылаясь, к сожалению, не на архив, как следовало бы такому серьезному изданию как «Полярная звезда», а на *Справочник, Чагин (1991: 34–35)*.

М.С.Михайлова показывает перемещение Лунина, Муханова и Митькова согласно архивным данным 4 октября. Громнитского и Киреева из Свеаборгской она «отправляет», минуя Свартгольмскую, сразу в Кексгольмскую крепость в марте 1828 г. Напомним, что, по мнению М.С. Михайловой, И.Поджио был отправлен из Свеаборгской в Шлиссельбургскую крепость, минуя Свартгольмскую в июле 1827 года. Об отправлении Норова из Свеаборгской крепости скажем позднее.

К сожалению, мы не можем утверждать, что эти перемещения из Свеаборгской крепости произошли именно 4 октября, а не ранее, как это было в случае с Норовым и Мухановым. Дело в том, что текст цитиру-

---

³⁰ Основанный в 1293 г. Выборг в интересующий нас период был губернским городом Старо-Финляндского округа. Он являлся узловым пунктом превосходных грунтовых дорог, ведущих из западной Финляндии к Петербургу. Здесь уместно вспомнить один сюжет, кочующий из одной книги в другую. Впервые его рассказала в своих «Записках» М.Н.Волконская. Однажды, при посещении тюрьмы, генерал-губернатор Закревский спросил у Лунина: «*Есть ли у вас все необходимое?*». Тот, показывая на потолок, через который в камеру протекала дождевая вода, ответил, улыбаясь: «*Я вполне доволен всем, мне недостает только зонтика*» (Волконская 1975: 108). Одни исследователи считают, что этот эпизод произошел в Свеаборгской крепости, другие – что в Выборгской. Это объясняется тем, что даже такие серьезные биографы М.С.Лунина, как С.Я.Штрайх, С.Я.Гессен, М.С.Коган, С.Б.Окунь, Н.Я.Эйфельман не дали полной, основанной на архивных документах, хронологии перемещения Лунина по северо-западным крепостям. Нет, к сожалению, таких данных и у автора этой работы. Но известно, что А.А.Закревский дважды инспектировал тюрьмы, где находились декабристы. Первый раз за две недели до окончания 1826 г. и второй раз – летом 1827 г. Ясно, что шутка Лунина должна была соответствовать реалиям: дождь и зонтик – летние атрибуты и, следовательно, этот эпизод должен был произойти летом. Основываясь на документах, которыми мы располагаем, Лунин и в декабре 1826 г., и летом 1827 г. находился в Свеаборгской крепости.

емого документа говорит в пользу его ретроспективного характера, а не директивного. Вполне возможно, что некоторые перемещения произошли ранее указанного срока, и в этом документе лишь констатировались постфактум. Поэтому и перемещение Лунина из Свеаборгской в Выборгскую крепость могло состояться ранее 4 октября 1827 г.³¹ Но, как бы там ни было, Свеаборгскую крепость к началу октября 1827 г. покинули все декабристы.

8 октября 1827 г. дежурный генерал Главного штаба Потапов уведомляет Бенкендорфа о том, что:

«...из числа государственных преступников следующих в каторжную работу, отправлены туда 8 числа сего месяца содержащиеся в Выборге Муханов, в Шлиссельбурге Александр Поджио и Иван Пуцина...». В этом же документе несколькими строками ниже говорится, что и *«...содержащегося в Выборге преступника Норова высочайше повелено перевести в Шлиссельбург, о чем уже и сделано надлежащее распоряжение»* (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.56).

Несколько дней спустя генерал-майор Фритберг рапортует в Главный штаб:

«...Содержащихся в Шлиссельбургской крепости государственных преступников Александра Поджио, Ивана Пуцина, равно и доставленного фельдъегерем Желдыбиным преступника Муханова для дальнейшего доставления с закованием всех трех в кандалы сего октября 12-го числа ему Желдыбину обще с находившимися здесь двумя жандармами сданы...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.9об.).

---

³¹ В настоящем сборнике публикуется статья З.А.Новоселовой «К вопросу о местах заключения декабристов в Выборгской крепости». Обнаруженные автором отношение финляндского генерал-губернатора А.А.Закревского к губернатору Выборгской губернии А.Рамаю и ответ последнего дают возможность предположить, что партия осужденных из Свеаборга в Выборг была отправлена после 20 февраля 1827 г. Конкретную дату отправления помогает определить издание «Декабристы. Биографический справочник»: согласно его данным, Муханов и Норов отправлены из Свеаборга в Выборг 23 февраля 1827 г. (Декабристы 1988: 123, 130). Из документа, введенного в оборот З.А.Новоселовой, следует, что в Выборгской крепости были подготовлены три покоя – для трех узников из Свеаборга. Следовательно, в Выборг прибыли три осужденных декабриста и третьим мог быть только Лунин, так как другие узники Свеаборгской крепости (Громницкий, Киреев, Митьков, И.Поджио) были перемещены в Сварггольм. Датой перемещения последних также не обязательно следует считать 4.10.1827. Это может быть любое число между 22.6.1827 и 4.10.1827 – поскольку декабристы, доставленные в Сварггольм ранее, в июле-августе 1826 г., были перемещены из нее 17-22 июня 1827 года и таким образом освободили казематы (см. таблицу-приложение к статье С.Н.Коржова) – *Ред.*

На следующий день, 13 октября, тому же адресату был отослан еще один рапорт:

«Во исполнение предписания Вашего превосходительства сего октября от 12 за № 196-м изъявленной высочайшей Государя императора воли, содержащихся в Шлиссельбургской крепости государственных преступников Дивова, Норова и Вильгельма Кюхельбекера для доставления вместо каторжной работы в крепостные арестанты первых 2-х в Бобруйск, а последнего в Динабург фельдъегерю Подгорному сего числа сданы...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.9 об.).³²

³² Здесь уместно ближе познакомиться с одним из тех, с кем декабристы совершали свои бесконечные перемещения между крепостями и сибирскими тюрьмами. Фельдъегерь фельдъегерского корпуса инспекторского департамента Военного министерства Петр Григорьевич Подгорный с предписанием Главного штаба отправился в Шлиссельбург (58½ версты) 12 октября 1827 г., для выполнения привычной миссии. Из Шлиссельбурга с Дивовым, Норовым и Кюхельбекером он убыл 13 октября. Вечером следующего дня на почтовой станции Залазы Псковской губернии произошла неожиданная встреча его подопечных с А.С.Пушкиным, спешившим к 19 октября в Петербург к лицейскому юбилею. (Подробнее о встрече на станции Залазы (см.: Коржов 1988,).

В Динабург (от Шлиссельбурга 835 верст) они прибыли 17 октября (средняя скорость более 200 верст в сутки). В Динабурге фельдъегерь Подгорный оставил Кюхельбекера. В Бобруйск с Дивовым и Норовым он убыл 18 октября. Расстояние в 566 верст они преодолели за трое суток (средняя скорость около 200 верст в сутки). В Петербург Подгорный убыл 22 октября, оставив своих бывших подопечных в Бобруйской крепости. Возвращаясь один, он явно не торопился: расстояние от Бобруйска до Петербурга (994 версты) преодолел за шесть суток – в среднем 165 верст в сутки. Прибыв в Петербург, Подгорный 28 октября написал рапорт о поездке и о происшествии на станции Залазы. За 16 суток фельдъегерь Подгорный преодолел 2453 версты.

Чем занимался Подгорный с 28 октября по 17 ноября – неизвестно, но 17 ноября он повез из Шлиссельбургской крепости в Читинский острог Ф.Вадковско-го. В Читку они прибыли 5 января 1828 года. На возвратном пути в Петербург Подгорный привез из Читинского острога в Петропавловскую крепость А.Корниловича. В Петербург они прибыли 15 февраля 1828 года. Таким образом, на поездку в Сибирь и обратно у фельдъегеря Подгорного ушло 90 дней.

В Сибирь Подгорный сопровождал и группу, в которой был Н.И.Лорер, оставивший «Записки». В них нашлось место и фельдъегерю Подгорному. Лорер пишет о нем с иронией, но достаточно доброжелательно:

«Он был молод, красив собою и добрый малый... Мы его немного обогородили, и он стал реже драться с ямщиками и содержателями почт... При последних сборах Подгорного нам стало его жалко. Мы к нему привыкли, мы его любили, а он нас тешил, по возможности, и облегал нашу судьбу. На прощанье мы его одарили кто чем мог...» (Лорер 1984: 128).

Весьма любопытную мемуарную заметку, опубликованную в журнале «Русская старина», оставил и сам Подгорный. Он рассказал, что перед поездкой в Сибирь его приглашал к себе император Николай I: *«выдавал мне несколько сот*

Судя по финансовым документам, пребывание Муханова и Норова в Шлиссельбургской крепости было самым кратковременным, не более суток. Но в связи с этим возникает вопрос: если Муханов прибыл в Шлиссельбург 12 октября, то когда он убыл из Выборга? Директивный документ датой убытия называет 8 октября. Но если даже отъезд из Выборга состоялся в исходе дня 8 октября, а прибытие в Шлиссельбург в самом начале 12 октября, то получается, что в пути Муханов был около 80 часов. Расстояние между Выборгом и Шлиссельбургом – 191 верста. Почтовый тракт между Выборгом, Петербургом и Шлиссельбургом по понятиям того времени хороший. Но время уже осеннее и, возможно, дождливое. Допустим, с учетом неблагоприятных погодных условий на передвижение между Выборгом и Шлиссельбургом ушло минимум 24 часа. Тогда если Муханов прибыл в Шлиссельбург 12 октября, то в то же время 11-го он должен был убыть из Выборга. Следовательно, указанная в результирующем документе дата убытия из Выборга – 8 октября – не может соответствовать действительности.

Теперь об отправлении из Выборга Норова. Во-первых, он следовал в Шлиссельбург не с Мухановым. Прибытие Муханова с фельдъегерем Желдыбиным зафиксировано комендантом Шлиссельбургской крепости, Норова с ними нет. Создается впечатление, что в Шлиссельбурге он лишь пересел с повозки, прибывшей из Выборга, на повозку, следующую в Бобруйск. Но если он прибыл в Шлиссельбург 13 октября к моменту отправления фельдъегеря Подгорного с Дивовым и Кюхельбекером, то, исходя из логики рассуждений о передвижении Муханова из Выборга в Шлиссельбург, Норов убыл из Выборга 12 октября. Это вполне соответствует седьмому пункту «секретной директивы»: «...*чтобы следующие по одному тракту, выезжали не в один день, а через сутки...*» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.32 об.).

Убытие Муханова и Норова из Выборга **Справочник (1988: 123, 130)** показывает под 8 октября. Из писем Пущина видно, что в Сибирь он следовал с А.Поджио и Мухановым. Это, к сожалению, прошло мимо внимания составителей Справочника. Но и он называет датой отправления из Шлиссельбурга Пущина и А.Поджио тоже 8 октября, т.е. день, когда Муханов убыл из Выборга. Дату убытия Муханова из Шлиссельбурга в Сибирь Справочник не дает.

Что касается даты отправления из Шлиссельбурга Дивова, В.Кюхельбекера и Норова, то **Справочник (1988: 64, 95, 130)** для каж-

---

рублей с приказанием купить пуд чаю, а на остальные деньги Жукова табаку и все раздать в Сибири сосланным по 14 декабря». При этом он потребовал, чтобы ни одна живая душа не знала, что эта посылка от него. «А если спросят от кого, – наказывал император, – то отвечай, что из Москвы от неизвестных благотворителей» (Подгорный 1892: 154).

дого из них называет 12 октября. Источник этой ошибки известен. Дежурный генерал Главного штаба Потапов 13 октября 1827 года сообщил шефу жандармов Бенкендорфу:

«Имею честь известить Ваше превосходительство, что содержащиеся в Шлиссельбургской крепости государственные преступники Дивов, Норов и Кюхельбекер по Высочайшему повелению отправлены 12 числа сего месяца вместо каторжной работы в крепостные арстанты первые два в Бобруйск, а последний в Динабург» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.57).

Эта информация результирующего, «уведомительного» документа и взята составителями Справочника за основу. Следует отметить то обстоятельство, что документ свидетельствует о самовластном решении императора изменить меру наказания «государственным преступникам», отменившим тем самым решение Верховного уголовного суда.

Михайлова (1989: 41) отправление Норова в Бобруйскую крепость относит к февралю 1828 года и «переводит» его в сразу из Свеаборгской крепости, минуя Выборгскую и Шлиссельбургскую.

Зададимся вопросом, сколько человек было в Шлиссельбургской крепости в начале октября и сколько осталось во второй половине месяца. Ответ на этот вопрос дает рапорт коменданта в инспекторский департамент от 16 октября:

«Следует получить на неотправленных по назначениям государственных преступников за содержание их в Шлиссельбургской крепости. На 30 сентября и сего октября с 1-го по 6-е 1-ному 3 р., (на содержание А.Бестужева за 6, а не за 7 дней, день убытия не идет в зачет. – С.К.); октября с 1-го по 3-е число 4-м 4 р., (на содержание Андреевича, Пестова, Спиридова, Юшневского. – С.К.); с 1-го по 12 число 2-м 11 р., (на содержание А.Поджио и Пушина. Муханов, убывший с ними, не показан, что свидетельствует о его кратковременном пребывании в крепости. – С.К.); с 1-го по 13 число 2-м 12 р., (на содержание Дивова и В.Кюхельбекера. Норов, убывший с ними, так же как и Муханов, из-за кратковременного пребывания в крепости не был поставлен на довольствие. – С.К.); а всего за всех 30 рублей. Покорнейше прошу... департамент означенное число денег присылкою ко мне не оставить» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.10).

После отправления Дивова, Норова и Кюхельбекера в Шлиссельбургской крепости остался только один «государственный преступник». Это подтверждается рапортом коменданта крепости в инспекторский департамент:

«...для продовольствия состоящего в Шлиссельбургской крепости на временном содержании одного государственного преступника, на сей октябрь месяц полагается по 50 копеек в сутки. Всего на 31 день 15 рублей 50 копеек из здешней почтовой экспедиции вчерашнего числа получил...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.10).

Рапорт написан спустя три дня по отправлении последней группы, т.е. 16 октября. Узник-одиночка – Федор Вадковский.

С 4 октября в Свартгольмской крепости содержались четыре человека, в том числе Иосиф Поджио. Находясь там, он не догадывался о назревающих переменах в своей судьбе. Он уже был обречен на перевод в Шлиссельбургскую крепость. Приехав за Дивовым, Норовым и Кюхельбекером, фельдъегерь Подгорный привез генерал-майору Фритбергу вещи, предназначенные Поджио. Получив их, Фритберг уведомляет об этом Потапова:

«... Препровожденные... государственному преступнику Иосифу Поджио открытое письмо с приложением денег государственными ассигнациями 95 рублей и реестр различных вещей в запечатанном чемодане от фельдъегеря Подгорного сего числа мною принят и по доставлении означенного преступника как письмо с деньгами, так и чемодан по надлежащем осмотре имеет быть ему отдан...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.9 об.–10).

Спустя неделю после поступления в Шлиссельбургскую крепость вещей Иосифа Поджио прибыл туда и он сам, о чем и сообщил в Петербург генерал-майор Фритберг 21 октября:

«Препровожденного при предписании Вашего превосходительства сего октября от 15 за № 202... содержащегося в Свартгольме государственного преступника Иосифа Поджио фельдъегерь Воронов в Шлиссельбургскую крепость сего числа доставил...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.10об.).

Потапов же, отправив коменданту Свартгольмской крепости предписание о переводе Иосифа Поджио в Шлиссельбург от 15 октября за № 202, на следующий день отношением за № 1272 от 16 октября сообщил Бенкендорфу: *«... содержащийся в Швартгольме государственный преступник Иосиф Поджио по Высочайшему повелению переведен оттуда в Шлиссельбургскую крепость» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.58).* Это отношение явилось источником для появления очередной ошибки в Справочнике (1988: 145): *«... оттуда (из Свартгольма. – С.К.)*

по высоч. повелению по просьбе своего тестя А.М. Бороздина вместо Сибири отправили в Шлиссельбург – 16.10.1827...». Таким образом, для еще одного «государственного преступника» по высочайшей воле было определено содержание в крепости вместо каторжной работы.

От Свартгольма до Шлиссельбурга 373¹/₂ версты. С учетом всех особенностей, относящихся к этому тракту, это около 40 часов пути. Поскольку Иосиф Поджио прибыл в Шлиссельбург 21 октября, то из Свартгольма он не мог убыть раньше 19. Напомним, что когда Иосиф Поджио прибыл в Шлиссельбургскую крепость, в ее стенах находился только Федор Вадковский.

«21 октября 1827 года, когда Иосифа Поджио доставили в Шлиссельбург, в крепости еще находились осужденные декабристы: И.Пуцин, А.Юшневский, А.Пестов, Я.Андреевич, В.Дивов, И.Горбачевский, братья Н. и М.Бестужевы, М.Спиридов, В.Кюхельбекер, А.Барятинский, Ф.Вадковский. Тюремная азбука позволяла им переговариваться друг с другом. Потом стук прекратился, и Иосиф Поджио остался один. Он не знал, что с Пуциным в Сибирь повезли Александра. Брат был в Шлиссельбурге, совсем рядом...» (Добринская 1978: 112 – 113).

Как говорится, комментарии излишни.

А по сведениям Михайловой (1989: 41), Иосиф Поджио еще в июле 1827 года из Свеаборга, минуя Свартгольм, был отправлен в Шлиссельбургскую крепость.

С 21 октября в Шлиссельбургской крепости «государственных преступников» стало двое. Об этом свидетельствует и рапорт коменданта в инспекторский департамент:

«...для продовольствия остающихся в Шлиссельбургской крепости на временном содержании государственных преступников за ноябрь месяц, полагая по 50 копеек на человека в сутки, всего 30 рублей из здешней почтовой экспедиции сего ноября 5-го числа получены...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.10 об.)

Но дни пребывания Федора Вадковского в стенах Шлиссельбургской крепости были сочтены. О том, что они содержались в крепости вдвоем, узники, вероятнее всего, знали. Если это так, то без нескольких дней месяц они, ощущая моральную поддержку, сопереживали друг другу.

«Во исполнение предписания Вашего превосходительства сего ноября от 16-го за №1398-м изъявленной высочайшей Государя императора воли, содержавшегося в Шлиссельбургской крепости на временном содержании государственного преступника Федора Вадковского, для до-

ставления по назначению, с закованием в кандалы фельдъегерю Подгорному сего ноября 17 числа сдан...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.11).³³

Федор Вадковский убыл в Сибирь. А Иосифу Поджио предстояло провести в стенах этой мрачной цитадели почти полных семь лет. Из рапорта коменданта Шлиссельбургской крепости в инспекторский департамент следует, что в ней остался только Иосиф Поджио. 31 декабря комендант получил на его имя письмо и вложенные в него деньги, «...письмо ему отдано, а деньги оставлены при мне, из коих выдаваться будет сколько нужно на необходимые надобности...» (ГА РФ. Ф.98. Оп.1. Д.140. Л.12).

Наступил 1828 год. Скоро будет два года, как декабристов с непонятной целью перемещают из крепости в крепость. В финляндской крепости Свартгольм остались три декабриста. А затем – без малого за три месяца до отправления в Сибирь их перемещают в Кексгольмскую крепость... Почему их не могли отправить на каторжные работы прямо из Свартгольма, где они уже пробыли пять месяцев (перед тем они почти год находились в Свеаборге)?

2 апреля 1828 года Потапов уведомляет Бенкендорфа:

«... Вместе с сим сообщена Высочайшая воля генерал-адъютанту Закревскому, чтобы содержащиеся в Швартгольме государственные преступники Громнитский, Митьков, Киреев и арестанты обер-офицерский сын Лушников и 12 класса Критский переведены были в половине марта месяца сего года в Кексгольм» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.60).

Руководствуясь этим документом, за неимением другого, будем считать, что «в половине марта» Громнитский, Киреев и Митьков убыли из Свартгольма и были доставлены в Кексгольм.³⁴

---

³³ Последним из декабристов, осужденных в каторжную работу и отбывавших ее, Шлиссельбургскую крепость покинул Федор Вадковский. Эта крепость (из всех северо-западных) была наиболее плотно «заселенной» декабристами. Всего в ее стенах находилось 18 декабристов: Андреевич, Барятинский, А.Бестужев, М.Бестужев, Н.Бестужев, Вадковский, Горбачевский, Дивов, В.Кюхельбекер, М.Муравьев-Апостол, Муханов, Норов, Пестов, А.Поджио, И.Поджио, Пушин, Спиридов, Юшневский.

³⁴ В Свартгольмскую крепость первыми прибыли декабристы Батеньков, Бечаснов, Штейнгейль. Спустя две недели сюда доставили Панова, Повало-Швейковского, Сутгофа, Щепина-Ростовского. После того, как в июне 1827 г. Батенькова вернули в Петропавловскую крепость, а остальных отправили в Сибирь, в Свартгольмскую крепость из Свеаборгской поступили Громнитский, Киреев, Митьков, И.Поджио. Таким образом, в Свартгольмской крепости находились 11 декабристов. По численности содержащихся в ней узников-декабристов это вторая крепость после Шлиссельбургской.

Михайлова (1989: 41) показывает, что Митьков отправлен из Свартгольмской в Кексгольмскую крепость один, и не в марте, а в феврале. А что касается Громнитского и Киреева, то они отправлены, по ее мнению, вдвоем, в марте, но сразу из Свеаборгской крепости в Кексгольм, минуя Свартгольм.

Массовые скитания декабристов по северо-западным крепостям заканчивались. Завершался пасьянс, задуманный и сыгранный по правилам, ведомым только императору. Последняя партия «государственных преступников» отправлялась в Сибирь, о чем 24 апреля 1828 года Потапов сообщил Бенкендорфу:

«... содержащиеся в крепостях государственные преступники, осужденные в каторжную работу Петр Громнитский, Иван Киреев, Михайла Митьков и Михайла Лунин отправлены в Нерчинские рудники, а арстанты обер-офицерский сын Лушников и 12 класса Критский переведены из Кексгольма в Выборг» (ГА РФ. Ф.1. Оп.1826. Д.61. Ч.1пр. Л.61).

На первый взгляд можно предположить, что все декабристы отправлены в Сибирь из Кексгольма. На самом деле это не так, и документ обращает на это наше внимание, там написано: *«...содержащиеся в крепостях* (подчеркнуто мною. – С.К.) *государственные преступники...»*. Михайлова (1989: 41), перечисляя все указанные в документе имена декабристов, констатирует, что *«на каторжные работы в Читинский острог»* все они были отправлены из Кексгольмской крепости.

В Кексгольме находились все вышеназванные декабристы, кроме Лунина. Лунин с октября 1827 г. содержался в Выборгской крепости. Оттуда он и был отправлен в Сибирь, влившись в Петербурге или в Шлиссельбурге в эту группу.³⁵ В *Справочнике* (1988: 60, 80, 113, 106) фраза *«отправлен в Сибирь – 24.4.1828»* – относится ко всем вышеназванным четырем декабристам.

Потапов действительно 24.4.1827 сообщал, что *«государственные преступники»* отправлены, но это значит лишь то, что на момент написания письма он знал, что они уже отправлены в Сибирь. Однако отношение Потапова, как можно было убедиться из предыдущих примеров,

---

³⁵ Из северо-западных крепостей Выборгская была единственной, куда декабристы прибывали не напрямую из Петропавловской крепости. Она оказалась своеобразным пересыльным пунктом между Свеаборгской и Шлиссельбургской крепостью. В Выборгской крепости содержались три декабриста: Лунин, Муханов, Норов. В Кексгольмской: Барятинский, Вадковский, Горбачевский, Громнитский, Киреев, В.Кюхельбекер, Митьков, А.Поджио, Спиридов.

не позволяет установить точную дату самой отправки. Документ не сообщает о том, что отправка произошла именно 24 апреля.

Сестра Лунина Е.С.Уварова уже давно жила в Ярославле, на постоялом дворе, надеясь встретиться с братом, когда его будут везти в Сибирь. Встречаясь с проезжавшими декабристами, чтобы узнать о брате хотя бы что-то, она уже несколько раз попадала в конфликтные ситуации. Бенкендорф поручил начальнику второго округа корпуса жандармов генералу А.А.Волкову обеспечить наблюдение за этой беспокойной *«генеральшей»*. Генерал Волков поручил это начальнику ярославских жандармов подполковнику Шубинскому. Его рапорт и позволяет скорректировать дату отправления Громнитского, Киреева и Митькова из Кексгольма, а Лунина из Выборга.

«Сего апреля 24-го числа по утру в 5-м часу – пишет Шубинский, – привезли государственных преступников четырех человек при фельдъегере Захарове с жандармами, которых часа через полтора повезли далее к Костроме. В числе сих преступников находился Лунин, родной брат генеральши Уваровой, по сие время проживающей в Ярославле...» (Павлюченко 1976: 114).

Итак, 24 апреля в 5 утра декабристы были уже в Ярославле. От Санкт-Петербурга до Ярославля 736 верст, учитывая, что в это время года, как правило, бывает весенняя распутица, то чтобы преодолеть это расстояние, нужно не менее четырех суток. Это значит, что из Петербурга декабристы убыли, как минимум, ранним утром 20 апреля. Но чтобы добраться до Петербурга из Выборга и Кексгольма, нужны еще сутки. Таким образом, можно предположить, с большой долей вероятности, что из крепостей последняя группа декабристов отправлена в Сибирь 19 апреля 1828 года. Конечно, это тоже условная дата, но она более точная, чем указанная в отношении Потапова.³⁶

---

³⁶ В исследовательской литературе существует еще одна, более ранняя дата убытия последней группы в Сибирь:

«Затем партии по два-четыре человека следовали в Сибирь на всем протяжении 1827 – половины 1828 гг. из Петропавловской, Шлисельбургской и других крепостей, по которым были распределены до отправки декабристы. Последняя партия покинула место своего заточения – Выборгскую крепость – лишь почти два года спустя после первой, 14 апреля 1828 г. (М.С.Луни, П.Ф.Громнитский, И.В.Киреев, М.Ф.Митьков)» (Кодан 1983: 103).

Как было показано выше, последняя партия декабристов (Громнитский, Киреев, Митьков) убыли из Кексгольмской крепости, а Выборгскую покинул один декабрист – Лунин. Что касается даты «14 апреля», то не исключено, что это

Предложенная статья не претендует на исчерпывающую разработку заявленной темы. Отсутствие достаточного объема архивных материалов обусловили предел проникновения автора в тему. Предпринята попытка с предельно возможной точностью и полнотой восстановить хронологическую цепочку перемещения по северо-западным крепостям каждого декабриста, попавшего в эту орбиту. В большинстве своем, установлено, кто и в какой партии перемещался по крепостям, даты перемещения, сроки пребывания в крепостях и даты отправления в Сибирь. Вводятся в научный оборот новые даты и факты пребывания декабристов в северо-западных крепостях российской империи. Отмечены фактические и хронологические ошибки в ранее опубликованных научно-исследовательских работах и в справочной литературе, касающихся этой темы. Результаты работы приведены в таблице, приложенной к настоящей статье.

Рамки, определенные для статьи, не позволили нам обосновать ответы на целый ряд вопросов. Почему не все декабристы ожидали исполнения наказания в Петропавловской крепости? Перевод в северо-западные крепости следует рассматривать как смягчение или как ужесточение условий содержания по сравнению с декабристами, находившимися в Петропавловской крепости? Чем руководствовались органы исполнения наказания, определяя именной состав декабристов, подлежащих перемещению из Петропавловской в другие крепости? Что являлось первопричиной перемещений из крепости в крепость уже распределенных по крепостям декабристов, производимых с завидным упорством? Вот лишь некоторые пласты этой темы, требующие серьезного исследования.

Вместе с тем, если читатели, на которых рассчитана эта статья, сочтут, что, по их мнению, она дала им ранее неизвестную и полезную информацию, то автор будет считать, что время и усилия, затраченные на эту работу, не пропали даром.

простая описка: «24 – 14»). Использовал ли С.В.Кодан архивные материалы – проверить нет возможности, т.к. автор ссылается на свою ранее опубликованную, недоступную нам работу. Обращает на себя внимание категорическое утверждение автора, что в Сибирь партии следовали *«на всем протяжении 1827 – половины 1828 гг.»*. В январе – феврале 1827 г. в Сибирь убыли все декабристы из Петропавловской крепости. Из *«других крепостей»* в Сибирь были отправлены две группы в июне, одна в сентябре, четыре в октябре и в ноябре – Вадковский. В 1828 году в Сибирь была отправлена одна группа в апреле.

Литература

- Алфавит 1925** – Восстание декабристов. Материалы. Алфавит декабристов. Л., 1925. Т. VIII.
- Анненкова 1929** – Анненкова П.Е. Воспоминания. М., 1929.
- Басков 1980** – Басков В.И. Суд коронованного палача. М., 1980.
- Батеньков 1989** – Сочинения и письма. Т. I. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989.
- Бестужевы 1951** – Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.
- Бородавкин, Шатрова 1960** – Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С. Батеньков. Томск, 1960.
- Брегман 1989** – Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. I. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С.3–88.
- Волконская 1975** – Записки княгини М.Н. Волконской. Красноярск, 1975.
- Вяземский 1992** – Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.
- Гернет 1951** – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. II.
- Горбачевский 1916** – Горбачевский И.И. Записки декабриста. М., 1916.
- Декабристы 1925** – Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б.А. Куракина. 1827 г. // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925.
- Добринская 1978** – Добринская Л.Б. «Лично действовал в мятеже» // Узники Шлиссельбургской крепости. Л., 1978. С.61–75.
- Доклад 1980** – Всеподданнейший доклад Верховного уголовного суда от 8 июля 1826 г. // Восстание декабристов. Документы. М., 1980. Т. XVII. С.216–223.
- Звавич 1926** – Звавич И.С. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение // Печать и революция. 1926. Кн.8. С.31–52.
- Зейфман 1985** – Зейфман Н.В. Декабрист Владимир Иванович Штейнгейль // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. I. Записки и письма. Иркутск, 1985. С.3–54.
- Ивинский 1992** – Ивинский Д.П. П.А. Вяземский и его записные книжки // Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992. С.5–28.
- Игнатьева 1986** – Игнатьева Г.П., Казакова С.А., Казовский Ф.З., Климов В.А. Шлиссельбургская крепость. Л., 1986.
- Кодан 1983** – Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983.
- Коржов 1988₁** – Коржов С.Н. «Узник Кексгольма В.К. Кюхельбекер» // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып.5. С.147–156.
- Коржов 1988₂** – Коржов С.Н. Новое о встрече Пушкина и В.К. Кюхельбекера на почтовой станции Залазы. // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып.22. С.72–82.

- Кюхельбекер 1979** – Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Лорер 1984** – Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
- Манифест 1980** – Манифест 13 июля 1826 г. // Восстание декабристов. Документы. М., 1980. Т.ХVII. С.252–253.
- Матханова 1989** – Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С.3–64.
- Междуцарствие 1926** – Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.
- Михайлова 1989** – Михайлова М.С. Свод данных о декабристах. 1826–1856. Красноярск, 1989.
- Муравьев 1999** – Муравьев А.М. Записки // Муравьев А.М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С.81–112.
- Муравьев-Апостол 1982** – Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С.165–225.
- Оболенский 1981** – Оболенский Е.П. Воспоминания о 1826-м и 1827-м годах // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С.77–119.
- Окунь 1985** – Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985.
- Орлов 1951** – Орлов В.С., Вержбицкий В.Г. Декабристы-смоляне. Смоленск, 1951.
- Павлюченко 1976** – Павлюченко Э.А.. В добровольном изгнании. М., 1976.
- Подгорный 1892** – Подгорный П.Г. Заметка // Русская старина. 1892. № 7. С.154.
- Путеводитель 1831** – Карманный почтовый путеводитель, или описание всех почтовых дорог Российской империи. СПб., 1831.
- Пушкин 1982** – Переписка А.С. Пушкина. М., 1982. Т.1.
- Справочник 1988** – Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Татищев 1893** – Татищев С.С. Воцарение императора Николая // Русский вестник. 1893. №4.
- Чагин 1991** – Чагин Г.В., Федоров В.А. Декабрист Петр Александрович Муханов // Муханов П.А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 3–52.
- Шильдер 1903** – Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб, 1903. Т.1.
- Штейнгейль 1985** – Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т.1. Записки и письма. Иркутск, 1985.
- Якушкин 1951** – Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. М., 1951.

ДАТА	ДЕКАБРИСТЫ – УЗНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ КРЕПОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ									
	Петропавловская	Шлиссельбург	Ке́ксго́льм	Вь́борг	Ро́чненский	Сва́ргго́льм	Све́аборг	Днепа́бург	Бобруйск	Сибирь
2.10.27.					-20.					
3.10.27.		-1,24,29,34 +20.						-11.		+1,24,29,34.
4.10.27.						+14,16,19,27. -(18,21,22.?)				
6.10.27.		-6,20.		+(18, 21,22.?)	-2,31,35.					+6,20. +2,31,35.
11.10.27.				-21						
12.10.27.		+21 -21,26,28.		-22						+21,26,28.
13.10.27.		+22 -15,17,22.								
17.10.27.								+17.		
19.10.27.						-27.			+15,22.	
21.10.27.		+27.								
17.11.27.		-12.								+12.
2.3.28.			+14,16,19.			-14,16,19.				
19.4.28.			-14,16,19.	-18.						+14,16,18,19.

1.Андреевич. 2.Арбузов. 3.Баяртинский. 4.Батеньков. 5.Бертель. 6.Бестужев. 7.Бестужев, А. 8.Бестужев, М. 9.Бечаснов. 10.Бодиско, М. 11.Булаги, Н. 12.Вадковский. 13.Горбачевский. 14.Громницкий. 15.Дивов. 16.Киреев. 17.Кюхельбегер, В. 18.Дунин. 19.Милыков. 20.Муравьев-Авустол, М. 21.Муханов. 22.Норов. 23.Панов. 24.Пестов. 25.Повало-Швейковский. 26.Поджжо, А. 27.Поджжо, И. 28.Пушкин, И. 29.Спиридов. 30.Суттоф. 31.Тюгчев. 32.Штейнгель. 33.Щепин-Ростовский. 34.Юшневский. 35.Янушкин.

Новоселова З.А.

К ВОПРОСУ О МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Novoselova Z.A.

*A Contribution to Locating Places of Jail
of the Decembrists in Vyborg Fortress*

**An article offers new data about sentenced Decembrists staying
in Vyborg.**

Выборг 1820-х годов – небольшой, однако по тем временам довольно благоустроенный город. С 1744 года он являлся центром обширной Выборгской губернии, к которой, наряду с Выборгом, относились такие города, как Вильманstrand (Лапеенранта), Кексгольм (Приозерск), Сердоболь (Сортавала), и Фридрихсгамн (Хамина). Многонациональное население города (финны, шведы, русские, немцы) насчитывало в 1825 году около трех с половиной тысяч человек. Выборг являлся городом-крепостью, и здесь наряду с властью гражданской находилась и власть военная, в лице коменданта крепости. Губернатором Выборгской губернии в 1825 – 1834 гг. был барон Август Рамсай, комендантом – генерал-майор Б.М.Берг.

На конец декабря 1825 года гарнизон Выборга насчитывал 1710 солдат, не считая офицеров. Это были первый и третий батальоны Выборгского пехотного полка (881 рядовой), артиллерийская рота (146 рядовых) и непосредственно выборгский гарнизон (683 рядовых).¹

Естественно, что в таком городе имелись места заключения как для гражданских, так и для военных лиц. 29 декабря 1825 года их в

---

¹ РГВИА. Ф.1019. Оп.1. Д.448. Л.7 об. Второй батальон Выборгского пехотного полка находился в Кексгольме.

своим ответе на запрос военного министра А.И.Татищева перечислил генерал-губернатор автономной Финляндии А.А.Закревский.

Это, во-первых, «*острог, устроенный в Крону-Санкт-Анненской крепости, показанный на плане под № 66*», во-вторых, «*4 покоя*» в здании Ордонанс-гауза, в которых содержались «*подсудимые и пересылаемые нижние чины*», и, в-третьих, «*12 покоев шлосского острога*», в которых содержались «*с немалой теснотой арестанты и преступники гражданского ведомства*».²

В этот период уже изучался вопрос об отправке в Финляндию нижних чинов-участников восстания 14 декабря 1825 года. Переписка между А.А.Закревским и Б.М.Бергом свидетельствует о том, что оба сошлись в одном мнении: в Выборге самым приемлемым местом для их размещения являлся острог под № 66, «*сокровеннее*» которого, по словам выборгского коменданта, «*не имеется*».³

26 января 1826 года – «*по утру в 6 часов*» – содержащиеся в данном остроге 62 «*крепостных арестанта*» были переведены в находившуюся в этих же укреплениях казарму под № 54, а прибывшая в этот же день из Петербурга – «*в 11 часов по полуночи*» – 1-я партия, состоящая из 100 солдат лейб-гвардии Гренадерского полка, была размещена в остроге под № 66.⁴ Всего в нем с конца января до начала марта 1826 года содержалось 293 нижних чина: 257 солдат лейб-гвардии Гренадерского полка, 13 солдат лейб-гвардии Московского полка и 23 матроса морского Гвардейского экипажа.

Острог под № 66 располагался на острове Линнансаари (ныне о. Твердыш), который был отделен от города и Зацкого острова проливом, а соединен с ними путем Абовского (ныне Крепостного) моста.

Еще в 1730-1750-е годы на Линнансаари по проекту генерал-майора Кулона были возведены укрепления, призванные защитить Выборг со стороны Швеции. Свое наименование – «Корона-Санкт-Анненские» (современное название Аннинские) – они получили в честь императрицы Анны Иоанновны.

Здание острога было построено, очевидно, в 1805 году, так как на плане Выборгской крепости, составленном 20 февраля 1806 г., оно уже обозначено.⁵

На датированном 1 февраля 1807 года документе: «*Увеличенные планы... строениям, состоящим в Выборгской, Шлосской и Корона-*

² Там же.

³ Там же. Л.16.

⁴ Там же. Л.163–165.

⁵ РГВИА. Ф.349. Оп.7. Д.248.

*Санкт-Анской крепостях, с показанием произведенных в прошлом 1806 году работ»*⁶ среди других построек имеется «*План каменному вновь выстроенному в Корона-Санкт-Анской крепости невольничьему острогу*». В этом же архиве (РГВИА) хранится план острога, расположенного на территории укреплений и значущего под № 66-м. План датирован 1823 годом.⁷ Сравнение этих двух планов дает право утверждать, что это – одна и та же постройка, в виде одноэтажного вытянутого по длине здания. На более четком и подробном плане 1823 года обозначены следующие помещения острога: два покоя для кладовых арестантов, кухня, отдельные покои для караула, офицера и богадельни. Три довольно значительные по размеру помещения предназначались, очевидно, для арестантов. Слева и справа от здания – с торцов – располагались деревянные отхожие места.

Месторасположение острога на острове помогают определить планы 1806 и 1826 гг.⁸ Острог располагался северо-восточнее 1-го бастиона Аннинских укреплений, к востоку от начала куртины, соединяющей 1-й и 2-й бастионы. Возможно, это здание – в измененном виде – сохранилось до наших дней, так как именно на этом месте находится сейчас одноэтажное продольное здание, в котором прежде располагалась солдатская казарма, а в настоящее время – котельная и склады швейной фабрики «Сайма» (АОЗТ «Маяк»).

В январе 1826 года, еще в период следствия по делу тайных обществ, в Выборг были доставлены лейтенант морского Гвардейского экипажа М.К.Кюхельбекер и подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка А.А.Шторх. Как свидетельствуют документы, содержались они в здании гауптвахты, расположенной у Абовского (ныне Крепостного) моста (Кюхельбекер находился здесь до 2 июня, Шторх – тоже, по-видимому, до июня 1826 года, – после чего оба были отправлены обратно в Санкт-Петербургскую крепость).

Здание гауптвахты было построено во второй половине XVIII века. Эпиграмма к «Генеральному плану Выборгской... крепости» 1803 года сообщает о нем следующее: гауптвахта «... у Абовских ворот об одном этаже. Из кирпича, крыша черепичная. По обширности одна половина занимается караулом, а другая невольниками».⁹ Такое же назначению у этого здания оставалось и в последующие годы.

В измененном после неоднократных переделок виде здание бывшей гауптвахты сохранилось до наших дней. В советское время здесь нахо-

---

⁶ РГВИА. Ф.349. Оп.7. Д.255.

⁷ Там же. Д.360. Л.1–2.

⁸ Там же. Д.393. Л.1–6.

⁹ Там же. Д.228. Л.3.

дился «Кинопрокат», в настоящий период – ЗАО Выборгская энергетическая компания («ВЭНКО»). Адрес здания: Южный вал, 2.

Что касается содержавшихся в Выборгской крепости декабристов И.А.Анненкова, П.А.Муханова, М.С.Лунина и В.С.Норова, то ни один из документов не сообщает точного места их заключения здесь. М.Н.Гернет «помещает» узников в *«шестистазисную башню Выборгского замка»*. Туда же «определяет» М.С.Лунина и С.Б.Окунь. (Гернет 1961: 162; Окунь 1962: 116). Однако, во-первых, башня святого Олафа и до пожара 1856 года, и после ее восстановления в конце XIX века, была 7-этажной, а во-вторых, функции тюрьмы она не выполняла. В экспликациях к планам Выборгского замка различных лет о ней имеются следующие сведения: *«Башня в коей стоят пушки»* (1783 г.), *«Башня, на коей вывешивается флаг»* (1797, 1803, 1826 гг.).

И.А.Анненков был отправлен в Выборг еще 25 декабря 1825 года, вскоре после своего ареста. Из воспоминаний декабриста известно, что содержался он в замке, а, судя по эпизоду с брошенным к нему в окно букетиком фиалок, его камера находилась на первом этаже. Но в каком именно из помещений замкового комплекса он находился, Иван Александрович не уточняет. Рассказ декабриста о постоянном общении с офицерами, комендантом, о ежедневных пирушках позволил, в свое время, предположить, что он содержался в одной из камер Ордонансгауза. Здание это является первым при входе с моста на Замковый остров. В изучаемый период на первом его этаже размещались пекарня, *«аудиторские писаря и инвалиды»* и *«4 покая для помещения крепостных арестантов»*; на втором, верхнем этаже находились Ордонансгауз и канцелярия коменданта крепости.¹⁰

Однако, впоследствии анализ ряда документов РГВИА позволил усомниться в данном предположении о месте заключения декабриста. В одном из них – рапорте А.А.Закревского от 29 декабря 1825 года военному министру А.И.Татищеву – генерал-губернатор, касаясь вопроса о размещении нижних чинов – участников восстания в остроге под № 66, предлагал находившихся в нем *«54-х человек крепостных арестантов»* перевести в здание Ордонансгауза, из которого, в свою очередь, *«подсудимых и пересылаемых нижних чинов разместить по прочим арестантским покаям, по караульным домам и по иным местам»*.¹¹

В следующем документе, датированном 6 января 1826 года,¹² комендант Б.М.Берг информировал А.А.Закревского о том, что *«в 4-х покаях ордонансгауза находятся ныне налицо 56-ть человек»* крепостных

¹⁰ РГВИА. Ф.1019. Оп.1. Д.448. Л.14 об.

¹¹ Там же. Л.7 об.

¹² Там же. Л.14 об.

арестантов (здесь же имеется упоминание о «*малом пространстве*» данных помещений).

И тот, и другой документы составлены в тот период, когда в замке уже находился И.А. Анненков. Несомненно, что его содержали в отдельной камере, и если бы она была в здании Ордонанс-гауза, то в обоих документах речь шла бы о 3-х, а не о 4-х помещениях для более чем 50-ти арестантов. Зная размеры камер – три из них и сегодня можно увидеть в этом здании – можно сказать, что размещение в них такого количества узников было бы нереальным.

Таким образом, из двух вышеупомянутых мест в замке, предназначенных для узников, остается лишь тюрьма для гражданских лиц, состоявшая из 12 покоев. А если это так, то, выражаясь словами самого Анненкова, в Выборге действительно «*сидеть было довольно сносно*», хотя бы потому, что в пределах Замкового острова декабрист мог пользоваться свободой передвижения, так как, вероятнее всего, офицеры собирались «*в шлосс как на рауты*» не в камере узника, а в здании Ордонанс-гауза.

Тюрьма («*шлосский острог*») для гражданских лиц располагалась в 3-х этажном корпусе нижнего двора Замка.

Не позднее 4 октября 1827 года* из Свеаборгской крепости в Выборгскую были отправлены декабристы П.А. Муханов, М.С. Лунин и В.С. Норов.¹³ Ни документы архивов, ни мемуары декабристов не называют место их заключения здесь. Поэтому остается только предполагать, что они содержались либо на гауптвахте, как М.К. Кюхельбекер, либо в замке, как И.А. Анненков.

Весной 2000 года, при работе в ЛОГАВ (Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге), были обнаружены материалы, позволившие пролить свет на этот, казалось бы, уже неразрешимый вопрос. В деле, именуемом «*Переписка с губернскими правлениями и полицейскими властями по вопросам препровождения в тюрьмы, на крепостные работы и в арестантские роты за 1827–1828 годы*», встретились два интереснейших документа. Первый из них – отношение Финляндского генерал-губернатора и командира Отдельного Финляндского корпуса А.А. Закревского вице-ландсгевдингу Выборгской губернии А.Рамсаю от 18 февраля (2 марта) 1827 года. Приводим его почти полностью:

«По всеподданнейшему докладу моему Государю Императору о неудобностях, найденных мною в казематах Свеаборгского укрепления

* О дате перемещения этой партии заключенных см. также редакционное примечание (31) к статье С.Н. Коржова в наст. сб. – *Ред.*

¹³ ГА РФ. Ф.109 (III отд.), 1 экспед., 1826. Д.61. Ч.1. Л.53. Ср.: Окунь 1962: 116.

Лонгерн, в коих содержатся ныне несколько человек осужденных Верховным Уголовным Судом каторжных преступников, Его Императорское Величество в 15 / 27 день текущего февраля Высочайше повелеть соизволил перевести трех из Лонгерна в Выборгский шлосс. Вследствие чего предлагаю... те три покоя из занимаемых в Выборгском шлоссе тюрьмою Гражданского ведомства, которые прежде Вами, совместно с Выборгским комендантом, были осмотрены, а потом и мною найдены способными для помещения каторжных преступников, сдать в распоряжение помянутого коменданта, впредь до назначения оным преступникам места в Сибири; об исполнении сего не оставьте меня уведомить».¹⁴

Кстати, данный документ подтверждает следующую фразу из «письма – воспоминания о Луине» Е.С.Уваровой: «Он просил графа Закревского... дать ему зонтик, чтобы защитит себя от дождя в своей тюремной камере в Свеаборге...». (Уварова 1988: 371). (Этот эпизод, рассказанный в «Записках» М.Н.Волконской, но без указания – в какой из финляндских крепостей он происходил, ряд исследователей относит к Выборгу).

Вышеприведенный документ свидетельствует также о том, что, найдя Свеаборгскую крепость с ее «неудобностями» непригодной для содержания узников, А.А.Закревский, прежде чем обратиться по этому поводу к императору, предварительно сам подыскал новые места для них.

Ответ Августа Рамсае последовал 20 февраля / 4 марта. В нем губернатор информировал Закревского о том, что, следуя полученному приказу, он

«дал тюремному смотрителю Окерблomu предписание сдать оные покои вместе с одною кроватью в каждой комнате тому офицеру, который от г. Коменданта назначен будет для приема оных, с тем чтоб он, Окерблом, во 1-х, при сдаче составил опись покоем и принадлежностям их... и, во 2-х, удерживался от всяких распоряжений на счет сих покоев, пока оные будут состоять в ведении г. Коменданта... Ныне же, получив от смотрителя Окерблома рапорт, что те покои, значущиеся по плану тюрьмы под №-ми 13, 23 и 27, вчерашнего числа были сданы им с кроватями и всеми принадлежностями здешнему г. Плац-Майору Акулову при описи... я спешу о таком по предписанию Вашего Превосходительства исполнении почтеннейше сим донести».¹⁵

(Исходя из приведенной в данном документе нумерации, можно утверждать, что число камер в гражданской тюрьме к 1827 году значительно увеличилось – 3.Н.).

¹⁴ ЛОГАВ. Ф.1. Оп.1. Д.980. Л.2–2 об.

¹⁵ ЛОГАВ. Ф.1. Оп.1. Д.980. Л.5–5 об.

Прибывшие из Свеаборгской крепости декабристы были затем доставлены в Шлиссельбургскую крепость, откуда П.А.Муханов 12 октября 1827 года был отправлен в Сибирь. На следующий день – 13 октября – в Бобруйскую крепость последовал В.С.Норов (См.: **Коржов 1988**). М.С.Лунин же содержался в Выборге не менее полугода. Новые данные о месте заключения трех декабристов в Выборге служат косвенным подтверждением того, что в здании гражданской тюрьмы мог содержаться и И.А.Анненков.

Тюрьма существовала в замке до 80-х годов XIX века. Впоследствии здание неоднократно перестраивалось и служило различным назначениям. В настоящее время это административный корпус Государственного музея «Выборгский замок».

Литература

- Гернет 1961** – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. II.
- Коржов 1988** – Коржов С. Гранитом крепости одеты // Диалог. 1988. № 27. С.24–31.
- Окунь 1962** – Окунь С.Б. Декабрист М.С.Лунин. Л., 1962.
- Уварова 1988** – Е.С.Уварова – И.С.Гагарину. Письмо-воспоминание о Лунине // Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988.

Туманик Е.Н.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДЕКАБРИСТА А.Н.МУРАВЬЕВА**

Tumanik E.N.

New Data about Administrative Activities of A.N.Muraviev.

The article contains new data about activities of A.N.Muraviev as a City Police Officer in Irkutsk and Governor of Vyatka, his struggle against abuses and his attempts to improve administration in the local government institutions he led.

Александр Николаевич Муравьев (1792–1863) – виднейший деятель раннего этапа движения декабристов, инициатор создания Союза Спасения и один из основателей Союза Благоденствия, в 1819 г. оставил тайное общество. По приговору Верховного уголовного суда, конфирмованному императором, Александр Муравьев был отправлен в сибирскую ссылку без лишения чинов и дворянства. В Иркутске началась административная карьера декабриста, завершившаяся на губернаторском посту в Нижнем Новгороде в эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы. В исторической литературе наиболее подробно освещены два периода жизни А.Н.Муравьева – его участие в деятельности первых тайных обществ и время нижегородского губернаторства (Нечкина 1955; Нечкина 1951; Чернов 1960; Дружинин 1985; Герасимова 1979; Герасимова 1986). Нерассмотренными остаются многие важные аспекты политического и философского мировоззрения декабриста. В историографии также отсутствует полная характеристика административной службы А.Н.Муравьева в российской провинции (управленческая деятельность декабриста в Вятке, например, совершенно не получила освещения), между тем как обращение к указанной проблема-

тике существенно восполнило бы раскрытие таких общих тем, как движение декабристов, история и эволюция общественно-политических идей первой половины – середины XIX в., история государственного управления и органов власти на местах в эпоху Николая I. Возместить же пробелы возможно только путем привлечения дополнительного круга источников.

Решение задач исследования с самого начала потребовало активных изысканий с целью выявления новых материалов к биографии декабриста в фондах не только центральных, но и местных архивохранилищ. Технически это является достаточно сложным, так как результатом постоянных служебных перемещений А.Н.Муравьева по различным губерниям Российской империи стало рассредоточение материалов о нем. Тем не менее, обращение в местные архивы дало весомые результаты – был выявлен ряд не привлекавшихся исследователями источников об административной деятельности А.Н.Муравьева в Иркутске и в Вятке. При характеристике и анализе указанных источников справедлив принцип их рассмотрения в хронологической и логической последовательности, соответствующей времени, месту и обстоятельствам возникновения этих материалов.

Документы из Государственного архива Иркутской области позволяют дополнить сведения о периоде службы декабриста городничим в Иркутске, а источники из Государственного архива Кировской области – раскрыть до сих пор неизвестную страницу не только жизни Муравьева, но и истории Вятской губернии, связанную с административной деятельностью декабриста на посту председателя Вятской палаты уголовного суда (1834–1835 гг.). Нами будут рассмотрены материалы трех дел: 1) «Дела по рапорту протодиакона Кедрова о делаеваемом ему вопросам насчет беспорядков во время крестного хода иркутским городничим Муравьевым»;¹ 2) «Дела по донесению председателя уголовной палаты о беспорядках уголовной палаты»;² 3) журнала заседания Вятской палаты уголовного суда от 30 декабря 1834 г.³

Рассматриваемые документы можно отнести к группам источников по истории государства, в частности, касающихся его внутривнутриполитических функций, а также – по истории церкви. По виду данные источники принадлежат к материалам делопроизводства учреждений (Вятской палаты уголовного суда и Иркутской духовной консистории).

---

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.50. Оп.1. Д.3912. Св.173. Л.1–7.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.582. Оп.128з. Д.13. Л.1–9.

³ ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.227. Л.776–781.

рии).⁴ «Записка об открывшихся беспорядках по Вятской палате уголовного суда»⁵ (составитель А.Н.Муравьев), входящая в состав «Дела по донесению...», по виду представляет собой источник смежного характера – имея в своей основе делопроизводственные материалы (журналы заседаний), содержание документа выводит его на уровень законодательной инициативы, которая вполне могла бы быть использована в практике Министерства внутренних дел. Поэтому «Записку...» можно одновременно считать и материалом законодательной деятельности, и материалом делопроизводства.

Полное название документа, хранящегося в Государственном архиве Иркутской области – «Дело по рапорту протодиакона Кедрова о делаемым ему вопросам насчет беспорядков во время крестного хода иркутским городничим Муравьевым». «Дело по рапорту...» датировано июнем 1831 г. и включает в себя три донесения (*«рапорта»*) и три объяснительные записки низших церковнослужителей высшим, характеризующие обострившиеся взаимоотношения церковных властей и местной полиции.⁶ Вполне вероятно, что появление дела было четко спланированной акцией иркутского архиепископа Ириния в его борьбе с городничим-декабристом. Архипастырь, в 1830 г. занявший местную кафедру, сразу же вступил в противоборство со светскими властями в лице генерал-губернатора А.С.Лавинского, советника Главного управления Восточной Сибири А.Кабрита и, в особенности, А.Н.Муравьева. Ссылный декабрист вызывал раздражение владыки потому, что будучи необычайно популярным в Иркутске благодаря своей административно-преобразовательной деятельности и попыткам духовно-культурного воздействия на горожан, он встал на пути Ириния в стремлениях последнего занять место духовного лидера в далекой сибирской провинции.⁷ С первых же месяцев пребывания в епархии архиерей поставил перед собой цель избавиться от ненавистного чиновника, результатом чего стал ряд его писем-доносов в III Отделение.⁸ Владыка обвинял А.Н.Муравьева в тайных противозаконных связях с декабристами, заключенными в Петровском заводе, в незаконном превышении админис-

---

⁴ В Иркутске А.Н.Муравьев занимал пост городничего (1828–1831), а позже – председателя Иркутского губернского правления (1831–1832). Делопроизводственная документация за этот период в соответствующих фондах Государственного архива Иркутской области не сохранилась, по причине чего нами были проведены изыскания, давшие положительные результаты, в параллельных фондах.

⁵ ГАКО. Ф.582. Оп.128з. Д.1. Л.4–8 об.

⁶ ГАИО. Ф.50. Оп.1. Д.3912. Св.173. Л.1–6.

⁷ Подробнее см.: Туманик 2000а.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.109. 1 эксп., 1831. Д.535. Л.4–5 об., 6, 8 об.–9.

тративных полномочий и вмешательстве в церковное управление, возлагал ответственность за раскол городского общества и поддержку «*злонамеренной*» части иркутских жителей и, в итоге, в подготовке антиправительственного заговора с целью стать «*сибирским принцем*».⁹ Иринею, обладавшему сильным характером и умевшему привлекать к себе людей, удалось создать «антимуравьевскую партию» из числа небольшой части реакционного купечества и некоторых чиновников.¹⁰ Духовенство, за редчайшим исключением, конечно же, поддерживало владыку и активно участвовало в противостоянии архиепископа и городничего, что ярко подтверждает обнаруженное дело из фондов консистории. Особое сопротивление владыки вызывали мероприятия А.Н.Муравьева по благоустройству городских территорий и организации культурного досуга иркутян.¹¹

Мы можем назвать побудительную причину появления на свет этого дела – 13 мая 1831 г. владыка приказал городничему шествовать в своей свите во время крестного хода, на что А.Н.Муравьев ответил отказом, так как в круг его служебных обязанностей подобные действия не входили. Чтобы усмирить «непокорного» декабриста, Ириной усилил «*неудовольствие*» и «*нападки*» до такого предела, что А.Н.Муравьев был вынужден через генерал-губернатора Восточной Сибири А.С.Лавинского искать защиты в Св. Синоде.¹² В этих обстоятельствах Иркутская духовная консистория 3 июня 1831 г., спустя некоторое время после майских событий, заводит «Дело по рапорту протодиакона Кедрова о делаеваемом ему вопросам насчет беспорядков во время крестного хода иркутским городничим Муравьевым». В своем донесении, давшем делу название, Д.Кедров приносит жалобу архиепископу на несправедливый, по его мнению, допрос городничего.¹³ Из материалов дела можно заключить, что полиция придерживалась мнения о том, что в действительности серьезных «беспорядков» во время крестного хода не было. В свою очередь, противоположная сторона (владыка) представляла дело так, как будто по причине того, что городничий 13 мая отсутствовал в процессии, произошли правонарушения. Целью составителей «Дела по рапорту...», заведение которого было, судя по всему, санкционировано Иринеем, являлось собиране как можно большего числа свидетельств о притеснениях А.Н.Муравьевым духовных властей, только этим можно объяснить включение в комплекс источников донесений, совсем

---

⁹ Русская старина. 1882. №10. С.101.

¹⁰ ГА РФ. Ф.109. 1 эксп., 1831. Д.535. Л.5, 10 об.–11, 12, 16.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л.81 об.– 84.

¹³ ГАИО. Ф.50. Оп.1. Д.3912. Св.173. Л.1–1 об.

не относящихся к теме событий 13 мая 1831 г. и содержащих информацию, позволяющую судить о конфликте между епархиальными властями и полицией из-за устройства городского сада при Спасской церкви.¹⁴ Общий смысл документов дела достаточно ясен – представить А.Н.Муравьева администратором, постоянно превышающим свои служебные полномочия, в частности, в отношении церковнослужителей. Вероятно, архиепископ хотел собрать воедино всевозможные претензии своих подчиненных к городничему, чтобы, оформив их отдельным делом, иметь веский аргумент в своей борьбе с местной администрацией. Общему тону дела не соответствует только одно донесение, подшитое последним – диакон А.Корнаков своим объективным и беспристрастным «объяснением» косвенно выступил в защиту А.Н.Муравьева¹⁵. Таким образом, дело является важным дополнительным источником для воссоздания социального фона, на котором развивалось противостояние, позволяя говорить о нем не только как о столкновении узких интересов различных групп местной властной элиты. Учитывая позицию А.Корнакова, мы можем более обоснованно судить о наличии двух противоположных «партий» и в среде иркутского духовенства, тесно связанного с одной стороны с городскими низами, а с другой – с купеческой верхушкой.¹⁶ Итак, данный комплекс документов проливает дополнительный свет на историю конфликта архиепископа Иринея и городничего А.Н.Муравьева, служит важным источником не только для характеристики административной деятельности ссыльного декабриста, но и для воссоздания истории местных органов власти Восточной Сибири в рассматриваемый период, что тем более важно при частичном отсутствии материалов по данной проблематике в основных фондах иркутского архива. Также рассмотренные источники представляют значительный интерес для церковной истории.¹⁷

После краткого периода пребывания в Тобольске на посту управляющего губернией (1832–1833 гг.) А.Н.Муравьев получил назначение в Вятку, где практически сразу же начал энергичные действия по приведению в законный порядок работы палаты уголовного суда.¹⁸ В журнале заседания от 30 декабря 1834 г. зафиксированы выявленные А.Н.Муравьевым в первые же недели его пребывания в Вятке значительные злоупотребления и факты халатности по части делопроизводства, канцелярии, архива. В частности, задерживались рассмотрение

---

¹⁴ Там же. Л.2–4 об.

¹⁵ Там же. Л.7.

¹⁶ Русская старина. 1882. № 9. С.573–574.

¹⁷ Подробнее см.: Туманик 2000б.

¹⁸ О службе А.Н.Муравьева в Вятке см.: Туманик 1999.

дел и вынесение приговоров, исполнение приговоров не контролировалось, из присутствия похищались секретные документы, процветало лжесвидетельство, в министерство посылались неверные годовые отчеты, чиновники не имели сведений о количестве подсудимых и арестантов.¹⁹ Через месяц после вступления в должность А.Н.Муравьев начинает выработать комплекс мер по приведению судебной палаты в законное состояние, получивших окончательное оформление в «Записке об открывшихся беспорядках по Вятской палате уголовного суда». «Записка» была адресована гражданскому губернатору и представлена для сведения министрам внутренних дел и юстиции, основные положения документа составлены по материалам присутственных заседаний апреля – июня 1834 г. Меры, предложенные Муравьевым к исправлению ситуации, выработывались в ходе непосредственной служебной практики, обсуждались, либо принимались к сведению присутствием палаты. Кроме того, каждый журнал проходил процедуру утверждения у губернского прокурора.²⁰ «Записка» дает жесткий план конкретных краткосрочных и долговременных мер по приведению положения дел в судебной палате в законный вид. Одновременно документ является своеобразным отчетом о том, что было сделано в преобразовании учреждения за три месяца службы А.Н.Муравьева, и планом того, что предстоит сделать на базе исходного опыта. История оформления «Записки» явилась результатом строгого канцелярского порядка, введенного новым председателем в марте 1834 г. Этот порядок характерно обозначен в документе, как *«совершенно для палаты сей новый и основанный на законах»*.²¹ Самые первые преобразования сводились к следующему. К 27 июня 1834 г. были введены входящие и исходящие регистры по высочайше установленной форме, а также настольные регистры. Вся делопроизводственная документация была упорядочена, заведены новые канцелярские книги, старые книги упразднены и оставлены только для справок; составлен новый алфавит арестантов и подсчитано их количество. Началось составление списка подсудимых, но эта работа тормозилась тем, что большое количество «безгласных дел» было свалено в помещении палаты в беспорядке.²² Обнаруженные дела, часто лежавшие в палате годами, наконец-то получали законное течение, по мере подъема и разбора они заслушивались и вносились в ежемесячную перечневую ведомость и настольные регистры. А.Н.Муравьевым на осно-

---

¹⁹ ГАКО. Ф.18. Оп. 1. Д.227. Л.776–777.

²⁰ Там же. Ф.582. Оп.128з. Д.1. Л.3.

²¹ Там же. Л.7.

²² Там же. Л.6 об.

ве требований закона был определен точный и ясный порядок рассмотрения дел, который неукоснительно соблюдался.²³

Имели место и существенные кадровые перемены. А.Н.Муравьев, практически сразу же по вступлении в управление палатой, начал увольнение взяточников, казнокрадов и пьяниц, а на их место поступали новые служащие, «*доброй нравственности*» и «*способные*». К июню 1834 г. в Палату определились новые столоначальники и секретарь. Роль канцелярии при Муравьеве существенно понижается; она ставится в подчиненное положение относительно присутствия. Это был один из главных принципов административной практики А.Н.Муравьева: полная подконтрольность низших звеньев. Присутствию было заявлено, что «*по долгу звания своего*» оно обязано «*иметь за канцелярией прилежный и неослабный надзор, содержать ее в пределах закона и понуждать к исправлению обязанностей своих*», для чего, «*силою учреждений*», ему дана «*власть соразмерная*».²⁴ Наряду с преобразованиями в делопроизводстве был изменен и внутренний механизм деятельности палаты. Круг обязанностей каждого чиновника стал определяться точной инструкцией, что внесло в работу учреждения четкость и порядок. С целью предотвращения краж документов, взлома замков и печатей, в палате было введено постоянное дежурство, порядку дневания составлены особые правила.²⁵

Осуществив первые преобразования, А.Н.Муравьев понял, что этого недостаточно, нужна четкая программа, комплекс чрезвычайных мер для дальнейшей систематизации деятельности судебного учреждения. По мнению Муравьева, если бы палата начала заниматься насущнейшей задачей приведения в порядок и окончания дел прежних лет, то настоящее делопроизводство за 1834 г. должно было неминуемо остановиться из-за значительного объема текущей работы при малочисленной канцелярии и отсутствии денежных средств. Чтобы доказать высшему начальству необходимость дополнительных, помимо текущей деятельности, преобразований палаты, А.Н.Муравьев наметил в «Записке об открывшихся беспорядках по Вятской палате уголовного суда» главные задачи, «именно то, что непременно должно еще быть окончено и исправлено» для успешной деятельности палаты. Прежде всего, это приведение в порядок и окончание 55-ти следственных дел с 1827 по 1834 гг.; 28-ми апелляционных дел с 1830 по 1834 гг. для представления их в Сенат – по ним необходимо было составить сложные записки; а также дел секретных, к разбору которых в июне 1834 г. палата еще не

---

²³ Там же. Л.7 об.

²⁴ Там же. Л.5–5 об.

²⁵ Там же. Л.7.

успела приступить. Далее предстояла огромная работа по систематизации документации учреждения, которая беспорядочно накапливалась более десяти лет и хранилась в безобразном состоянии. Нужно было разобрать и сдать в архив несколько тысяч дел с 1828 г. – по этим делам не велось настольных регистров, и их материалы в расшитом виде были рассеяны; для сдачи в архив нужно было подготовить журналы и протоколы, тоже в большом количестве, которые, часто с важнейшими документальными утратами, халатно сваливались в груды на протяжении многих лет. Наконец, в палате находилось множество единичных, повсюду разбросанных листов, относящихся к разным делам. Эти тысячи документов нужно было разобрать, рассортировать, незаслушанные – заслушать и внести в соответствующие дела.²⁶ Для решения этих проблем А.Н.Муравьев предлагает систему согласованных мероприятий. Предполагалось составить временный стол из двух надежных чиновников и трех писцов для заведывания присутствием. Главной целью введения этого стола являлось искоренение всех беззаконий прошлых лет по ведению дел – эти действия должны были направляться и контролироваться присутствием. Временный стол при постоянных рапортах в присутствие должен был представлять и результаты своей работы: выписки из следственных дел, записки и экстракты делам апелляционным, другие документы. Предусматривалась статья расходов на содержание стола – 3,5 тыс. рублей в год, включая жалование и канцелярские траты, и предполагались временные рамки его работы – 1,5 года со дня утверждения. После упразднения стола его чиновники должны были поступить в ведение канцелярии. Возможно, А.Н.Муравьев предполагал, что его актуальное предложение о введении временного стола, к тому же, сопряженное с требованием дополнительных материальных затрат, при всей своей значимости, носит скорее законотворческий, теоретический характер, и может не вызвать особого восторга у начальства. Поэтому он предложил на рассмотрение еще один выход:

*«...если высшему правительству угодно будет, не взирая на описанное беспорядочное положение архива, оставить его в настоящем виде, то палата ограничится тем только, чтобы будущая сдача, прием и хранение дел были основаны на законном порядке».*²⁷

Источники не позволяют констатировать факт утверждения временного стола в палате, но известно, что к концу 1834 г. ее помещение было освобождено от многолетних завалов делопроизводственной документации.

²⁶ ГАКО. Ф.582. Оп.128з. Д.1. Л.8–8 об.

²⁷ Там же. Л.9.

Огромное значение для нормального функционирования Вятской судебной палаты имело ее внутреннее обустройство, которое соответствовало бы значению губернского учреждения юстиции:

*«Г. председатель, ведая при том, что непременная воля самого правительства состоит в отношении к сему в том, чтобы присутственное место являло собой вид благообразия и чистоты, и, хотя без всякой роскоши, но доставляло бы и служащим способы, потребные к исправному прохождению должности и самым посторонним лицам внушало бы доверие».*²⁸

А.Н.Муравьев ставит себе, казалось бы, невыполнимую задачу: без привлечения казенных средств привести палату в рабочее состояние, чтобы внешняя форма заведения отвечала его идеологическому содержанию – и успешно справляется с ней. В декабре 1834 г. в журнале заседаний констатируется «*блестящий*» и «*цветущий*» «*во всех отношениях*» вид учреждения. Председатель А.Н.Муравьев за полгода разрешил сложнейшие проблемы палаты, которая «*по неимению средств совсем не надеялась и выйти из бывшего весьма неприятного и затруднительного положения своего*».²⁹ А.Н.Муравьеву удалось убедить губернские власти и местную общественность в необходимости поддержки своих преобразований. В здании судебной палаты был сделан ремонт, на средства жертвователей из числа купечества и чиновников приобретены предметы канцелярского обихода и мебель для помещений канцелярии и присутствия.³⁰ Имущество палаты, ничего не стоившее казне и оцененное более чем в 2500 рублей, было внесено в опись и в книгу, специально заведенную для контроля за сохранностью собственности. Строгая ответственность за бережное содержание помещений и имущества в безупречном порядке и чистоте была возложена на секретаря, приходорасходчика и дневальных. Новое образцовое состояние палаты А.Н.Муравьев умело использовал в целях воспитания подчиненных. Он постоянно подчеркивал, например, свою уверенность в том, что «*сотрудники его вместе с ним усугубят старания свои к поддержанию введенного порядка и оправданию ожиданий высшего правительства*».

В декабре 1834 г. он потребовал от чиновников, «*окинув взором настоящий вид уголовной палаты, в полной мере ныне соответствующий достоинству и важности своей, вникнуть и в те значительные удоб-*

---

²⁸ ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.227. Л.777.

²⁹ Там же. Л.781 об.

³⁰ Там же. Л.777 об.– 778 об.

ства, которые подобное расположение и устройство доставляет к службе его императорского величества».

В ответ на приказное требование председателя присутствие и канцелярия приносят уверение, что *«они в полной мере разделяют ... чувства к пользе службы ... и надеются доказать на самом опыте»*.³¹

После окончания преобразований палаты А.Н.Муравьев постарался поставить подчиненных в безвыходное положение: даже недобросовестным служащим, которые раньше могли пенять на беспорядок и недостаток средств, не оставалось ничего другого, как прилежно исполнять свои обязанности. Всем благотворителям палаты – заседателям, чиновникам, гражданам – была выражена благодарность.

По новым источникам удалось восстановить во многом уникальную для практики судопроизводства николаевской России картину деятельности Вятской палаты уголовного суда под председательством А.Н.Муравьева, восполнить недостающий пробел в биографии декабриста. Анализируя документы, мы можем констатировать, что за короткий срок в реалиях николаевской эпохи с помощью ревностной административной инициативы, при поддержке губернских властей и общественности, можно было привести в образцовое внутреннее и внешнее состояние конкретное губернское учреждение. Энергичный и честный чиновник, А.Н.Муравьев обладал редким качеством сочетания талантов законотворца и управленца. Своими преобразованиями вятской палаты уголовного суда Муравьев доказал, что законодательство Российской империи позволяло местным органам власти функционировать успешно, нужно было только использовать все возможности закона. Административный проект А.Н.Муравьева оказался реалистичным; его практическая схема преобразования судебной палаты в контексте общего опыта деятельности Министерства юстиции вполне могла быть применима и в других учреждениях суда России, для этого нужны были только соответствующие исполнители на местах.

Николай I был доволен службой А.Н.Муравьева в Вятке и изъявил желание перевести его прежде назначения на губернаторское место в какую-либо из европейских губерний, – снова на должность председателя судебной палаты.³² А в формулярный список Муравьева, впервые после 1825 г., была занесена поощрительная запись: *«... за участие в успешном решении дел с прочими членами Вятской уголовной палаты в 1835 году, объявлено ему высочайшее его императорского величества благоволение»*.³³

³¹ ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.227. Л.780, 781 об.

³² ГА РФ. Ф.109. 1 эксп., 1826 г. Д.61. Ч.119. Л.131.

³³ РО ИРЛИ. Р I. Оп.17. №430. Л.8.

Новые источники к биографии А.Н.Муравьева позволяют существенно расширить и восполнить представления об административной деятельности декабристов в эпоху николаевского царствования.

Также новые материалы помогают проследить на примере служебной практики А.Н.Муравьева некоторые важные особенности поведения декабристов, оказавшихся на государственной службе после 1825 г., связанные с эволюцией их политических убеждений и общих социокультурных установок после поражения восстания.

Литература

- Герасимова 1979** – Герасимова Ю.И. Декабрист А.Н.Муравьев в годы первой революционной ситуации // История СССР. 1979. №4. С.164–172.
- Герасимова 1986** – Герасимова Ю.И., Думин С.В. Декабрист Александр Николаевич Муравьев // Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С.3–64.
- Дружинин 1985** – Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С.305–330.
- Нечкина 1951** – Нечкина М.В. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814 – 1817 гг. // Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С.155–188.
- Нечкина 1955** – Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1;
- Туманик 1999** – Туманик Е.Н. Преобразование Вятской палаты уголовного суда в 1834 г. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции 11–12 ноября 1999 г. Новосибирск, 1999. С.170–180.
- Туманик 2000а** – Туманик Е.Н. «Бунт архиепископа Иринея»: причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 398–404.
- Туманик 2000б** – Туманик Е.Н. Новые источники о жизни и деятельности декабриста А.Н. Муравьева // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С.192–203.
- Чернов 1960** – Чернов С.Н. Из работ над «Зеленой книгой» // Декабристы и их время. М., 1932. Т.2. С.44–112.

Дмитриев А.П.

**ТЕОДИЦЕЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ ДЕКАБРИСТОВ
А.П.БАРЯТИНСКОГО И В.К.КЮХЕЛЬБЕКЕРА
В СВЕТЕ ИХ ДУХОВНОЙ БИОГРАФИИ**

Dmitriev A.P.

*The Theodicy in Religious Poetry by A.P.Baryatinski and
V.K.Kuhelbecker in View of their Spiritual Biography.*

An article studies a representation of a religious problem of theodicy – a vindication of God as creator of an imperfect world – in the poetry of the Decembrists A.P. Baryatinski and V.K. Kuhelbecker.

Проблема *теодицеи*, или оправдания Бога, сотворившего мир, который, однако, пребывает во зле, как известно, один из наиболее жгучих вопросов религиозно-культурного творчества Нового времени. Правда, еще в новозаветных книгах и святоотеческой письменности несовершенство мира убедительно объяснялось фактом грехопадения – гибельным плодом свободы, дарованной Господом человеку. Винить благого, премудрого, всемогущего Бога в том, что Он *пустил* существование зла, хотя и не творил его, начала легковесно-задорная мысль классического рационализма XVII–XVIII вв. На знаменитое сочинение Лейбница «Теодицея» последовали остроумные возражения как в дискурсивной форме, так и в художественной (прежде всего вспоминаются, конечно, трактат Гольбаха «Система природы» и сатирическая повесть Вольтера «Кандид»).

Куда в более острой этической постановке проблема теодицеи зазвучала в спорах героев Ф.М. Достоевского и в лирико-богословских построениях священника Павла Флоренского. Однако, пожалуй, первые отзвуки этой западноевропейской полемики на русской почве стали

слышны в творчестве двух поэтов-декабристов: князя Александра Петровича Барятинского и Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

Первый из них известен в литературе как один из немногих поэтов-атеистов в декабристской среде, «самый убежденный материалист» (Розанов 1926: 254). Второй, напротив, – как самый глубокий религиозный поэт. О существенном влиянии их философско-поэтических идей на умы современников говорить не приходится, так как их наследие, в своей подавляющей части, было опубликовано в России лишь в XX столетии.

Они – сверстники (Кюхельбекер лишь на полгода старше Барятинского), в их судьбе много сходного: прежде всего, это опыт духовно-нравственных и физических страданий в период, наступивший с разгромом декабристских организаций. Познакомились они, вероятнее всего, только будучи узниками Кексгольмской крепости-тюрьмы. С 25 января по 21 июля 1826 г. они, впрочем, одновременно содержались в казематах Петропавловской крепости, но в разных ее концах: Барятинский – в №21 куртины между Трубецким и Екатерининским бастионами, Кюхельбекер – в Алексеевском рavelине.¹

В Кексгольме с июля 1826 г. по апрель 1827 г. находились шесть осужденных декабристов, которые были заключены в крепость, а позже переведены из нее в другую, Шлиссельбургскую, двумя партиями. Поместили узников в Кексгольмский «шлосс» – одиночные камеры второго яруса Круглой башни Ларса Торстенсона (шведской постройки 1582–1592 гг.; фортификатор – Якоб ван Стендал). Это бывшие оружейные казематы, и их ровно шесть; расположены они вокруг центрального овального помещения, где нес службу часовая. К тому времени, как в Кексгольм привезли декабристов, Круглую башню в народе именовали Пугачевской – там с января 1775 г. содержались не менее пяти членов семьи знаменитого бунтовщика: две его жены и трое детей от первого брака (возможно, и одна из сестер Емельяна Пугачева).

Впоследствии сам Кюхельбекер в своей «Исповеди перед причастием», написанной 2 апреля 1832 г., вспоминал:

*«... в день прибытия моего в крепость Кексгольм я действительно ощутил хотя краткий, но сильный припадок моего недуга, который начался болезненным хохотом, какой случается при гистерических судорогах, а потом оказался бредом, похожим на ясновидение, без всякого сна».*²

---

¹ Когда 25 января 1826 г. в Петропавловскую крепость водворили Кюхельбекера, Барятинский уже находился там с 15 января (см.: *Декабристы 1988*: 14, 95).

² Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С.95.

Конечно, это происшествие не могло остаться незамеченным в узком кругу обитателей Кексгольмской тюрьмы и сразу привлекло внимание к болезненному узнику с колоритной внешностью. К тому же Кюхельбекер был знаменит как литератор с именем и единственный из кексгольмских заключенных, кто в роковой день 14 декабря вышел на Сенатскую площадь и даже пытался стрелять в великого князя Михаила Павловича и генерала А.Л.Воинова.

Партия, в которой находились В.К.Кюхельбекер, А.В.Поджио и Ф.Ф.Вадковский, была отправлена из Петербурга в Кексгольм 28 июля 1826 г. Ранее, 22 июля, этот путь проделали А.П.Барятинский, И.И.Горбачевский, М.М.Спиридов.³ В Шлиссельбургскую крепость из Кексгольма последних этапировали 21 апреля 1827 г., а В.К.Кюхельбекера и его товарищей – через 3 дня, 24 апреля.⁴ Таким образом, в течение целых девяти месяцев пребывания в Кексгольме два поэта, склонных к медитациям на религиозно-философские темы, были рядом – за бревенчатыми перегородками своих камер и, видимо, могли без особых препятствий общаться. По крайней мере известно, что тюремный режим в этой провинциальной финляндской крепости был довольно мягким. Сибирский литератор П.И.Першин (Караксарский) по рассказам Горбачевского, описывал, как декабристы подтрунивали над дочерью и, вероятно, сестрой Емельяна Пугачева, которые в крепости *«обжились, были как дома»*. *«... От скуки, – отмечал мемуарист, – узники подшучивали над “царевнами”, оказывали им почет, засылали сватов...»* (Першин 1885: 223).

К сожалению, о содержании их серьезных разговоров или споров сведений не сохранилось, не дошли до нас и произведения того переломного периода – они не могли быть записаны, так как узникам запрещалось выдавать бумагу и письменные принадлежности. Еще находясь в Петропавловской крепости, 10 июля 1826 г., заключенные узнали о смягчении приговора (первоначально и Барятинский, и Кюхельбекер приговаривались к смертной казни): теперь первый осуждался на вечную каторгу, а второй – на двадцатилетнюю. В Кексгольме не без влияния царского милосердия в душах узников окончательно совершился внутренний поворот от смерти к обновлению, к обретению нового смысла жизни. До арестантов довели Высочайший указ от 22 августа

---

³ РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.8. Л.84. Долгое время ошибочно считалось, что в Кексгольме сидел не Вильгельм Кюхельбекер, а его брат Михаил (см. об этом: Коржов 1988а).

⁴ РГВИА. Ф.36. Оп.5. Д.90. Л.10, 11. См. также статью С.Н.Коржова в наст. сборнике (Ред.).

1826 г.: Бярятинскому срок сократился до 20 лет, Кюхельбекеру – до 15-ти. Случилось это месяц спустя по прибытии их в Кексгольм.

В Шлиссельбурге оба декабриста одновременно находились в течение пяти месяцев: с 25 апреля по 28 сентября 1827 г.⁵ Впоследствии их жизненные пути разошлись, чтобы соединиться уже, если воспользоваться выражением Бярятинского, «за дальней чертой мироздания». (Декабристы 1975: 389. – пер. с фр. М.В. Нечкиной). Важно отметить, что Кюхельбекер, по свидетельству его вдовы, Дросиды Ивановны, считал Бярятинского своим *другом* и потому сам пожелал, чтобы «*устроили ему могилу*» рядом с захоронением князя на русском кладбище (хотя был лютеранином) (Кюхельбекер 1980: 310). В Тобольске, на Завальном кладбище, у церкви Семи Отроков, рядом расположены две чугунные надгробные плиты. Кюхельбекер лишь 5 месяцев прожил в Тобольске, куда через полтора года после похорон Бярятинского приехал «*для лечения*», а как оказалось – умирать.

В этих «судеб скрещеньях» двух замечательных поэтов – атеистически настроенного и глубоко верующего – видится нечто большее, нежели просто внешние биографические контакты или даже дружба товарищей по несчастью, – здесь проступают черты духовной драмы целого поколения, вступившего в сознательную жизнь в период наполеоновских войн.

Эпоха романтизма не случайно избрала себе кумира в лице вождя Великой французской революции и последующей имперской контрреволюции, пресловутое «величие» которых состояло прежде всего в их невиданном по размаху безбожии, пронизывающем все сферы общественной жизни. К слову сказать, А.В. Суворов так и воспринимал свои Итальянский и Швейцарский походы 1799 года – как борьбу с государственным атеизмом французского правительства.

Детство и юность будущих декабристов пришлись на тот период, когда русское общество самозабвенно увлеклось бонапартизмом, вольтерьянством и масонством с их нечистым в духовном отношении содержанием: гордыней, уповающей на демиурга-человекобога, магием, мистицизмом и прочими обольщениями. Ожесточенное отрицание Бога, которое почти через всю жизнь пронесет князь Бярятинский, берет свои истоки не только из общей атмосферы его времени, но в еще большей степени из личных семейных обстоятельств.

Его мать, Анна Андреевна Бярятинская, бросила мужа и детей, оставила семью, и эта незаживающая рана давала себя знать постоянно: даже в своих «Стансах в темнице», созданных в Петропавловской кре-

---

⁵ В.К. Кюхельбекер был переведен в Динабургскую крепость 13 октября 1827 г., а 14 октября судьба даровала ему последнюю встречу с Пушкиным на станции Залазы близ Боровичей Новгородской губернии. См. об этом: Коржов 1988б.

пости, глядя сквозь прутья «решетки железной» на невские воды, поэт просил их:

*Снесите ж и матери милой
Печальных очей моих слезы.
(Декабристы 1975: 390)*

Воспитывался мальчик в Иезуитском благородном пансионе в Петербурге – одном из центров католической пропаганды – и окончил курс незадолго до закрытия этого учебного заведения и высылки иезуитов из столицы (согласно Высочайшему указу от 20 декабря 1815 г.).

Его атеистические взгляды, вероятно, вполне сформировались в период обучения в Педагогическом институте, о котором княгиня Тугоуховская в комедии «Горе от ума» говорит, что *«там упражняются в расколах и в безверьи»* (Грибоедов 1995: 93). Во всяком случае, сам Барятинский признавался на допросах, что в то время был далек от церкви – не посещал службы и не причащался: *«Прежде я не всякой год исповедовался и был у святого причастия...»* (Барятинский 1953: 262). Начал же говеть, видимо, лишь по необходимости, раз в год, когда в январе 1817 г. поступил юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк. Известно, что данные о причастниках фиксировались в установленном порядке и доводились до сведения начальства.

12 января 1820 г. князь Барятинский назначается адъютантом к главнокомандующему 2-й армией графу П.Х.Витгенштейну. Вскоре он сближается с П.И.Пестелем, вступает в Союз Благоденствия, а с 1821 г. становится активнейшим членом Южного общества, в ноябре 1825 г. возглавляет его центр – Тульчинскую управу. Успех подпольной деятельности Барятинского во многом объяснялся его личными качествами – особенно закваской иезуитского воспитания, полученного в столичном пансионе. Вовлеченные им в ряды заговорщиков сослуживцы на следствии показывали не вполне добросовестные уловки «блестящего адъютанта», нередко вопреки намерениям будущих членов тайного общества посвящавшего их в предосудительные политические планы, заключавшего с ними письменные договоры и т.п.⁶ В тот период Барятинский, отличавшийся легкомысленным образом жизни, приобрел вполне угадываемый недуг, который мемуаристы туманно именуют *«неизлечимой болезнью»*, сведшей его в преждевременную могилу.

Закономерным внутренним итогом этой бурной активности явились талантливые стихи на французском языке – дружеские послания и мад-

---

⁶ См., например, ответы поручика А.А.Крюкова на вопросные пункты Следственной комиссии (Восстание декабристов. М., 1969. Т. XII. С.144).

ригалы, составившие сборник «Часы досуга в Тульчине» (М., 1824), и найденная при аресте в его бумагах незаконченная поэма атеистического содержания, которая с легкой руки одного из публикаторов получила название: «О Боге». ⁷ Прежде чем обратиться к анализу этой поэмы, представляющей собой как бы «теодицею наоборот», то есть не оправдание, а осуждение Бога, покажем, с каким духовным «багажом» подошел к событиям 1825 года Вильгельм Кюхельбекер.

Он родился в благочестивой лютеранской семье первого директора Павловска Карла Генриха Кюхельбекера. Его мать, Юстина Яковлевна, истово верующая женщина, ревностно занималась религиозным воспитанием сына. Атмосфера почитания евангельских заповедей, в которой он пребывал с рождения, не была пронизана токами православной духовности, однако, в отличие от обстановки в доме Барятинских, не могла создать предпосылок для внутреннего надлома в душе ребенка. Воцерковленный в столь нежном возрасте, Вильгельм Карлович к своей вере относился всегда очень серьезно, регулярно посещал богослужения в кирхе, причащался у пасторов. В Сибири, впрочем, бывал у обедни и в православных храмах – возможно, из-за отдаленности кирхи, но вероятнее, по причине своей широкой веротерпимости, или, говоря современным языком, экуменической настроенности.

После трехлетнего обучения в пансионе эстляндского города Верро (ныне Выру) он поступает в Царскосельский лицей, где, с одной стороны, приобщается к радикальным политическим идеям Ж.-Ж. Руссо и Ф.-Р. Вейсса, а с другой, – как и остальные питомцы, воспитывается в духе строгого, нелицемерного христианства: преподавание богословских предметов в Лицее осуществлялось отнюдь не формально (Соколова 1994: 51–52).

---

⁷ См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: [В 3 тт.]. Л., 1951. Т.2. С.437, 559. Здесь впервые опубликован подстрочный перевод, выполненный М.В.Нечкиной с единственного известного списка поэмы (не до конца обработанный черновик со многими помарками хранится: ГА РФ. Ф.48. Оп.1. Ед. хр. 474. Л.16). На языке оригинала поэму напечатала в тексте своей статьи Е.Г.Кислицына в 1934 г. (Кислицына 1934). Повторная публикация поэмы на французском с подстрочным переводом представлена в приложении к X тому документальной серии следственных материалов «Восстание декабристов» (М., 1953), подготовленному М.В.Нечкиной. В 1950 г., для антологии «Поэзия декабристов», вышедшей в «Большой серии» «Библиотеки поэта», Б.В.Томашевский перевел стихами 63 из 115 строк поэмы Барятинского («наиболее идеологически острых»); правда, расположил эти фрагменты в совершенно произвольной последовательности. Впоследствии его стихотворный перевод был воспроизведен в 1975 г. в 1 томе антологии поэзии и прозы «Декабристы» (Декабристы 1975).

Педагогическая деятельность, поездка по Европе и служба на Кавказе, сопровождаемые интенсивной литературной работой, способствовали кристаллизации религиозных взглядов Кюхельбекера. Придерживаясь в сердечной глубине веры своих отцов (лютеранства), он разумом все больше увлекается православным богомыслием и уже в марте 1824 г. сам же констатирует: «*Кюхельбекер передается славянофилам*» (Кюхельбекер 1979: 499).

Проблема теодицеи решается им в духе Лейбница и русской одической традиции XVIII в. Для своего стихотворения «Мой сократизм» (1817) Кюхельбекер не случайно взял эпиграфом строки из духовной оды поэта Ф. И. Ленкевича «Феодицея» (1806). Панацеей от всех земных страданий, педагогически попущенных «Творцом земнородных», является вера в благой замысел мироустройства:

*Перестаньте же плакать и верьте,
Верьте, дыхание вам не для печалей дано!*
(Кюхельбекер 1967: 82).

Однако этот благочестивый отклик на учение о теодицее еще слишком иллюстративен – он не пропущен через горнило очистительного страдания, личного духовного опыта. Та же философическая тема гармоничного мироздания, где зло выступает в качестве преходящего испытания, звучит и в других ранних стихотворениях: «Упование на Бога» (1822 или 1823), «К Богу» и «Первое марта» (оба – 1824).

Однако изучение творчества Кюхельбекера этого периода показывает, что его внутреннее развитие было исполнено драматизма. Протоиерей Тимофей Буткевич, один из первых исследователей религиозной лирики Кюхельбекера, считал, что все написанное им до 1825 г. – это только соблазнительные гимны Аполлону, Прометею, Бахусу и только «*мрачная темница для него была источником духовного света*» (Буткевич 1899: 649).

Конечно, античная образность вдохновляла поэта, но здесь все же мы имеем дело не с принципиальной мировоззренческой установкой, как, например, у Батюшкова с его метафизическим «*упоением сладострастием*». Использование языческих мифов Кюхельбекером, с одной стороны, имеет эстетический и временный характер, а с другой – вызвано юношеской незрелостью и нежеланием «*различать духов*» (1 Кор. 12: 10). Для 17-летнего поэта непреложно бытие Божие, но безразлично Его имя:

*Егова, случай ли, Ормузд или Зевес
Царя небес*

**Святое имя? – Но вовеки
Всему начало Он, всему конец...
(Кюхельбекер 1967: 66–67).**

Правота о Тимофея несомненна в другом: почтительно поминая Господа, Кюхельбекер все же бессознательно ассоциирует с Ним не Благодатный Промысел, а Рок в античном смысле. И вообще, слова «рок» и «судьба» – из наиболее частотных в поэзии Кюхельбекера 1814–1825 гг., да и нередко встречаются в позднем творчестве поэта. Первое из них снабжается эпитетами «*безмятежен, без чувств, не омрачаем вовек*», «*неутолимый*», «*грозный*», «*жесточкой*» (Кюхельбекер 1967: 79, 100, 151, 169, 187, 280). «Судьба» у Кюхельбекера также находится либо «*по ту сторону добра и зла*», либо откровенно враждебна человеку: она «*непреклонная*», «*своенравная*», «*грозная*», «*злая*», «*суровая*», «*черная*», «*унылая*», «*тяжелая*», «*плачевная*», «*гневная*», «*бесчувственная и холодная*», ее атрибуты – «*убийственная длань*», «*холодные взоры*», «*железная рука*» (Кюхельбекер 1967: 79, 81, 83, 91, 134, 143, 185, 187, 200, 239, 299).

Оговоримся, что в подобном словоупотреблении нет ничего необычного для поэзии первой четверти XIX века, в частности – для ранней лирики Пушкина и поэтов его круга. Эстетика романтического двоемрия отражала главным образом две реальности: пошлую и бездуховную земную и животворящую *потустороннюю* («*святую отчизну*», «*вертоград рая*») (Кюхельбекер 1967: 154) в лирике Кюхельбекера). Но у него метафорические, казалось бы, образы приобретают религиозную конкретику, так как порождаются не столько требованиями литературного этикета, сколько потаенными вероисповедными чувствами.

Дело в том, что протестантизм, в отличие от православия, основывается на учении о полной утрате человеком *образа Божия* из-за грехопадения прародителей. Отсюда – представление о тотальной испорченности и людей, и всего мира и упование на Слово Божие, которое единственно может преобразить душу, обратить ее к Свету Истины. Бог, таким образом, не обвиняется в существующем зле, но оправдывается лишь в той мере, в какой помогает восстановить утраченное совершенство человеческого бытия.

Лютеранская тема обращения, внутреннего перелома в раннем творчестве Кюхельбекера оказалась растворенной в теме революционного подвижничества и переустройства мира. Сблизившись на Кавказе с Грибоедовым, он творчески перечитывает Ветхий Завет, но ищет в нем одни лишь тираноборческие, вольнолюбивые мотивы. Пророческое призвание поэта видится ему в проповедовании идеалов политической свободы. В стихотворении «Пророчество» (1822) прямо говорится:

*Бог зыблет и громит престолы.
Он правых, Он свободных щит!*
(Кюхельбекер 1967: 159)

Фактически, оставаясь с Богом («*Тобой сочтен мой каждый влас!*» Кюхельбекер 1967: 161), Кюхельбекер от Его имени призывает к решительному пересозиданию того, что было освящено многовековой религиозно-моральной традицией. Вероятно, эта тенденция и вызвала жесткую критику Пушкина, который в письме к брату Льву от 4 сентября 1822 г. возмущался, как можно воспевать Грецию, объятую национально-освободительной борьбой, «*славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремия*» (Пушкин 1937: 45). (Правда, Пушкин критиковал Кюхельбекера, так сказать, «слева» – он считал тогда, что библейская фразеология, архаичный слог ослабляют революционную тему).

И действительно, гораздо более последователен при решении этой творческой и одновременно мировоззренческой проблемы был князь Барятинский в своей незаконченной поэме, жанр которой можно обозначить как «лирический трактат». По своей композиции это произведение отдаленно напоминает знаменитые «духовные созерцания» иезуитов. Здесь те же две «прелюдии»: представление объекта (жестокый Бог) и определение цели созерцания (опровержение Его существования), за которыми следует «основная часть» – глубокое эмоционально-интеллектуальное переживание, порождающее ожидаемый (и внушаемый) результат (Тонди 1955: 128–130).

Профессор Н.П.Павлов-Сильванский, впервые опубликовавший в 1906 г. в своем переводе начальные и заключительные строки поэмы, величает ее автора «*отъявленным безбожником*» (Павлов-Сильванский 1907: 103). Критик И.Н.Розанов по недоразумению принял эти фрагменты за цельное стихотворение, причем «*очень сильное и выразительное, дающее право назвать Барятинского Иваном Карамазовым 20-х годов*» (Розанов 1926: 254).

Поэт, как и герой Достоевского, категорически не согласен со всем мироустройством. Бог под его пером предстает жестоким извергом, который «*вдыхает дымящиеся повсюду испарения крови*».⁸ Иллюстрирует свой тезис Барятинский колоритными примерами неумной борьбы и взаимного истребления, царящих в мире животных. Аргументы эти, как показала в свое время Е.Г.Кислицына, заимствованы поэтом у Гольбаха,

---

⁸ Подстрочный перевод поэмы, выполненный М.В.Нечкиной (оригинал на французском), цитируется по изданию: Восстание декабристов. Т. X. М., 1953. С.304.

главное сочинение которого, «Систему природы», перевел в начале 1820-х годов друг Барятинского, член Южного общества Н.А.Крюков (Кислицына 1934: 429–430).

С точки зрения православного теизма, ссылки на «*кровавые когти*» ястреба и кошки, липкую паутину или змеиное жало со смертоносным ядом, из-за которых якобы «*все обречено на страдание*»⁹, абсолютно беспочвенны. Этот псевдоморальный суд над Творцом лишается серьезных оснований, потому что здесь налицо подтасовка фактов: согласно Книге Бытия, и человек, и животные сотворены таким образом, что должны были питаться одной лишь растительной пищей, «*зеленью травною*» (Быт. 1: 29–30). Клыки, когти, копыта, шерсть животных служили человеку до его грехопадения для защиты от диких зверей и в качестве одежды, орудий труда и т.д. (Григорий Нисский 1995: 19–21). Только при описании периода после Потопа библейский повествователь говорит о появлении хищных зверей и птиц и о введении мяса в пищу человека (Быт. 9: 3). Вся «бессловесная тварь», однако, остается «*подчиненной людям в работу*» до грядущего обновления их духовной природы. (Симеон 1892: 373).

Впрочем, Барятинский учитывает аргументы русской литературной традиции XVIII в. с ее псалмодическим, ветхозаветным пафосом «*размышлений о Божием величестве*». Но ломоносовское восхищение грандиозными природными явлениями под пером поэта-декабриста сводится на нет с помощью простого приема. На другую чашу весов помещается сострадательное чувство к безвинно замученному живому существу. Благость Бога ниспровергается стоном гибнущей птицы:

*Торжественная ночь, возжегшая светила,
Твое величие глазам моим явила,
Но птишки, схваченной зверьком, внезапный крик,
Как жало острое, до сердца мне проник.*
(Декабристы 1975: 388.– пер. с фр. Б.В.Томашевского).

Подобно другим материалистам, Барятинский видит в почитании Бога результат предрассудков и заблуждений, внушаемых с детства. Вкорененный традиционным воспитанием страх довлеет над человеком, и он готов «*отречься от разума*». Как бы в противовес этому эмоциональному гнету, сопровождающему людей всю их жизнь, поэт предлагает свою картину «Домостроительства» Божия – необыкновенно выразительную в изображении кровавых злодейств, приписываемых Творцу. Явной алогичностью она должна убедить читателя в необходимости

---

⁹ Восстание декабристов. Т.Х. М., 1953. С.304.

отвергнуть жестокого Бога. Заключительный стих: «*И был бы Бог, Его должны мы отрицать!*» (Декабристы 1975: 388) – является перифразом знаменитого афоризма Вольтера о том, что, если бы Бога не существовало, Его следовало бы выдумать.

Обычно считается, будто бы и вся в целом поэма Барятинского полемически нацелена на деизм Вольтера (Горбачева 1995: 33). Но подобное суждение не подтверждается уже интонацией произведения: здесь превалирует возвышенная инвектива и нет места вольтеровским язвительным уколам или игривой иронии. Кюхельбекер, кстати, тоже не придавал особого значения нападкам фернейского затворника на религию, презрительно именуя их «*утилитарным богохульством*» (Кюхельбекер 1967: 87).

В сущности, Барятинский и Кюхельбекер стали исполнителями негласного социального заказа – декабристское мировоззрение нуждалось в идейном своем оправдании «свыше». Но своеобразная теодицея Кюхельбекера, прославлявшая Божие покровительство революционному движению, выглядела как компромисс, если даже не «измена». Более последовательным казался князь Барятинский, в своей «теодицее наоборот» вставший на путь откровенного богоборчества.

Под маской атеизма кроется именно богоборчество, искушение отменить сверхличностные законы, чтобы затем своевольно лепить мир по-новому. Отсюда этот демонический экстаз, дионисийское упоение, особенно заметное в ранней лирике Кюхельбекера.

В лучшем лирическом стихотворении Барятинского – «Стансах в темнице» (1825), – в сущности, развивается та же тема осуждения Бога, но теперь Господь обвиняется в личных невзгодах поэта, который при описании своих страданий прибегает к широким обобщениям:

*Холодное небо надменно
Глядит на людское смятенье:
Смеется оно неизменно
Тщете наших слез и волненья.*
(Декабристы 1975: 389).

Здесь же небо именуется «*лостью*», упоминается и «*безжалостность рока*». Строгательными лирическими излияниями особенно резко контрастирует этот образ безблагодатного, холодного мира, пустых небес, встающих перед духовными очами гордого поэта.¹⁰

¹⁰ Религиозную драму декабризма тонко почувствовал О.Э.Мандельштам. В его стихотворении «Декабрист» (1917) присутствует образ «*слепых небес*», словно бы навеянный стансами Барятинского (впервые опубликованными лишь в 1931 г.).

Произведения Бярятинского периода каторги и ссылки, как известно, не сохранились, однако есть данные о его активном участии в религиозно-философских спорах декабристов на рубеже 1820–1830-х годов. В Петровском заводе заключенным запрещалось посещать церковь (кроме нескольких дней во время поста, отпущенных на причастие). По этой причине они решили устроить религиозные чтения, участники которых составили особый казематный кружок – так называемую «конгрегацию».

Как вспоминал один из ее членов, А.П.Беляев, их главным оппонентом нередко был именно Бярятинский, бравировавший своим *«атеизмом»*. В частности, он принял участие в полемике по поводу библейского учения о происхождении языка. П.С.Бобрищев-Пушкин написал статью в защиту того положения, что дар слова был получен человеком от Божественного Духа. Опровержение, составленное Бярятинским, *«вышло слабое, что подтвердили даже те, которые разделяли его мнение»* (Беляев 1882: 228).

Известны неодобрительные отклики товарищей Бярятинского на его поведение в частной жизни (Волконский 1901: 404). Например, Д.И.Завалишин упоминает о том, что крестьяне корысти ради приводили своих дочерей к Бярятинскому, Свистунову и некоторым другим «атеистам». И те *«оправдывали свой разврат материалистическими воззрениями»* (Завалишин 1906: 347).

Впоследствии, однако, в душе Бярятинского совершился серьезный переворот. В начале 1840-х гг. в Тобольске он, по свидетельству М.А.Фонвизина, усиленно занимался изучением древнегреческого и древнееврейского языков (Соколов 1946: 134), – вероятно, чтобы самостоятельно переводить Писание и углубляться в его сокровенный подтекст. Правовед И.В.Погоржанский, навестивший Бярятинского незадолго до его кончины, описывает комнатку *«отвратительной нечистоты»*, ее хозяина, на лице которого *«неприятные следы»* оставила *«многолетняя разрушительная болезнь»*. Сидя в больших вольтеровских креслах, Бярятинский *«переводил стихами на французский язык акафист Богородичный»* (Погоржанский 1916: 473).

На его могильной плите бывшими союзниками были выбиты проникновенные слова – как бы соборное моление пред Господом о заблудшей душе: *«Друзья и товарищи изнания проводили его тело до дверей вечности и поручили его душу вечной благодати Искупителя»* (Дмитриев-Мамонов 1905: 198).

Рядом, на чугунном надгробии В.К.Кюхельбекера, высечено знаменитое евангельское изречение: *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»* (Мф.11: 28) (Семенов 1975: 180–181). Под знаком этого обетования протекли долгие 10 лет тюремного заключения

поэта в шести крепостях и последующие 11 лет сибирской ссылки. Не случайно он иногда отождествлял себя с праведным Иовом Многострадальным и цитировал соответствующую библейскую книгу в своем дневнике (Кюхельбекер 1979: 72).

Вся его религиозная поэзия этого периода являет собою покаянное изживание юношеских искушений, мучительное преодоление духовных соблазнов. Опыт одиночных крепостных размышлений постепенно превратился в восторженную осанну Богу и сотворенному Им миру, что особенно ярко запечатлено в таких стихотворениях первой половины 1830-х годов, как: «Брату», «Моей матери», «Племяннику Д. Г. Глинке при пересылке притчи Св. Димитрия», «Мое предназначение», «Молитва узника». Религиозное сознание Кюхельбекера все более крепнет, отчаяние сменяется упованием, и, как точно определяет Е. И. Анненкова, поэтическая мысль движется от ветхозаветного к новозаветному кругу образов и идей (Анненкова 1989: 47).

Теодицея Кюхельбекера очищается от суемудренных напластований. В противовес пушкинскому Онегину и лермонтовскому Печорину является Ижорский – тоже «герой времени» (а также – одноименной мистерии, создававшейся в 1826–1841 гг.), который, однако, в итоге своих духовных исканий преодолевает греховный эгоизм и находит пути к религиозному покаянию. Но если он не разочаровался еще в идеалах вооруженной борьбы за свободу угнетенных, то замысел драматической поэмы «Агасвер» (1832–1846) лишается этой двойственности в трактовке персонажей. Ее герой – бунтарь, чающий политического освобождения Иудеи из-под власти римлян, – становится врагом Христа, проповедующего иную, вечную свободу – от поработившего человечество греха. В примечаниях к поэме Кюхельбекер словно бы кается в грехах молодости:

«... пусть религия не будет для вас никогда средством для достижения мирских целей, как бы, впрочем, эти цели ни были благородны и высоки» (Кюхельбекер 1967: 87).

Пессимизм позднего творчества поэта имеет непосредственное отношение к теме теодицеи. По его мнению, как справедливо отмечает литературовед А. В. Моторин,

«человечество, при всем благом устремлении, так и не уверовало по-настоящему во Христа, не поднялось над ветхозаветной ступенью богопознания, отвергло, подобно богоизбранным иудеям, сошедшего на землю Сына Божия» (Моторин 1997: 53–54).

Значит, ответственность за зло, существующее в мире, лежит на совести людей, но никак не Творца.

В самом начале 1835 г. заключенный в Свеаборгской крепости поэт пишет главную свою полемическую теодицею – стихотворение «Он есть!». Навеяно оно, с одной стороны, чтением писем Шеллинга, с другой – духовных од Державина. У немецкого философа, по мнению Кюхельбекера, Бог предстал некоей трансцендентной абстракцией, «обескачествовался». Этот догматизм для поэта по сходству противоположностей оказывался сродни атеизму «*поклонников самобытного Я*» (Кюхельбекер 1979: 348). Вопреки «*лепетанью холодных, дерзостных слепцов*», без конца муссирующих «*Денницы падшего ученья*» (Кюхельбекер 1967: 274), Божие бытие с очевидностью реализуется в существовании тварного мира и в человеческом самосознании:

*Здесь в глуби сердца моего
И в чудесах моей судьбины!*
(Кюхельбекер 1967: 275)

Впрочем, христианское мироощущение Кюхельбекера прекрасно обходится и без рассудочных скреп. В конце жизни, судя по всему, он находит для себя разрешение мучительной проблемы смысла творения и мирового зла. В апреле 1845 г., начав читать мистерию Байрона «Каин», он записывает в дневнике:

«...признаюсь, страшно. Богохульства его демона ничего не значат в сравнении с ужасным вопросом, на который нет ответа для человеческой гордости; этот вопрос: зачем было сотворить мир и человека? Тут только один ответ – в христианском смирении. “Горшку ли скудельному вопрошать гончара: зачем ты меня сделал?”. Но Бог благ... Итак, не для страданья же Он создал то, что создал. Самые простые вопросы без веры неразрешимы» (Кюхельбекер 1979: 422–423).

Иными словами, *вера* и есть исчерпывающий ответ на все поднимаемые классической теодицеей вопросы.

Заманчиво было бы предположить, что здесь, как и в некоторых других местах своего дневника и в ряде стихотворений, Кюхельбекер спорит не только с отвлеченными атеистами и скептиками (Розанов 1912: 9–10), но и со своим товарищем по заключению в Петропавловской, Кексгольмской и Шлиссельбургской крепостях – А.П.Барятинским, а также с собственными юношескими заблуждениями. К примеру, в уста Сатаны из стихотворения «Ангел», созданного в первой половине 1830-х годов, вкладываются слова, как будто взятые из поэмы Барятинского:

*«Непостижимый – благ... Почто же на страданье
Он землю, дело рук Своих, обрек?»
(Кюхельбекер 1967: 289)*

Смысл земного зла вполне открывается герою произведения (Ангелу) лишь на небесах:

*И видит он духов, страданьем омовенных,
Как золото, очищенных огнем,
И раздается песнь восторгом окрыленных:
«Отца страданий славим и поем!»
(Кюхельбекер 1967: 290)*

Полемика Кюхельбекера с умственными блужданиями его эпохи продолжалась все последние 20 лет жизни поэта и приобретала все больше черты задушевности и горячности, по мере того как он проникался *«верой в премудрую, преблагую, всемогущую самобытную Причину вселенной»* (Кюхельбекер 1979: 348) и *«смиренной покорностью Божией воле»* (Струве 1953: 23). За полгода до своей кончины в «Сонете», написанном 22 февраля 1846 г., Кюхельбекер исповедуется:

*О, да служу умом, и чувством, и мечтою,
И песнями души единому Ему!
(Кюхельбекер 1967: 320).*

Самый же существенный факт духовной биографии поэта, видимо, так и останется неразгаданным. Известно, что Н.Г.Чернышевский и Л.Н.Толстой за многие грехи мысли и слова, вопреки своему желанию, не сподобились предсмертной исповеди и причащения Святых Тайн. Сходное случилось и с Кюхельбекером. Его вдова сообщает, что умер он в воскресенье в двенадцатом часу, без напутствия пастора: тот служил обедню в кирхе и не мог приехать по первому зову (Кюхельбекер 1938: 185).

Вероятно, в этом событии можно усматривать осуждение свыше замыслов гуманистов-масонов. Существует, может быть, апокрифический рассказ о том, что незадолго до восстания на Сенатской площади заговорщики посетили саровского старца Серафима. Тот, провидя, какую страшную участь уготовили они России, наотрез отказался их благословить и дважды («блестящие офицеры» на коленях испрашивали благословения и на другой день) с гневом прогонял их из своей кельи (Афанасьев 1993: 10).

Литература

- Анненкова 1989** – Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы. (Творчество Н.В.Гоголя в контексте литературного движения 30–40-х гг. XIX в.). М., 1989.
- Афанасьев 1993** – Афанасьев В. Дивный старец // Журнал Московской Патриархии. 1993. №6.
- Барятинский 1953** – Дело А.П.Барятинского // Восстание декабристов. Т.Х. М., 1953. С.251-306.
- Беляев 1882** – Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882.
- Буткевич 1899** – Буткевич Т., прот. Религиозные убеждения декабристов // Вера и разум. 1899. № 22 (Ноябрь. Кн. 2), отд. церк.
- Волконский 1901** – Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901.
- Грибоедов 1995** – Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб., 1995. Т.1.
- Григорий Нисский 1995** – Григорий Нисский, епископ. Об устройении человека / Пер. В.М.Лурье. СПб., 1995.
- Декабристы 1951** – Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: [В 3 т.]. Л., 1951. Т.2.
- Декабристы 1975** – Декабристы: Антология: В 2 т. Л., 1975. Т.1: Поэзия.
- Декабристы 1988** – Декабристы: Биографический справочник. М., 1988.
- Дмитриев-Мамонов 1905** – Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири: Исторический очерк. По официальным документам. СПб., 1905.
- Завалишин 1906** – Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906.
- Кислицына 1934** – Кислицына Е.Г. Поэт-декабрист А.П.Барятинский: По неизданным материалам // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С.Орлова. Л., 1934.
- Коржов 1988а** – Коржов С.Н. Узник Кексгольма В.К.Кюхельбекер // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып.5. С.147–156.
- Коржов 1988б** – Коржов С.Н. Новое о встрече Пушкина и В.К.Кюхельбекера на почтовой станции Залазы. // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С.72–82.
- Крюков 1953** – Дело А.А.Крюкова // Восстание декабристов. Т.Х. М., 1953.
- Кюхельбекер 1938** – Письмо Д.И.Кюхельбекер к Ю.К.Глинке <август (?) 1846 г.> // Декабристы: Летописи ГЛМ. М., 1938. Кн.3.

- Кюхельбекер 1967** – Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т.1.
- Кюхельбекер 1979** – Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Кюхельбекер 1980** – Кюхельбекер Д.И. Письмо к Ю.В.Косовой <от 18 декабря 1869 г.> // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т.2.
- Моторин 1997** – Моторин А.В. Обращение русских писателей // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб., 1997. Вып.ХVI.
- Павлов-Сильванский 1907** – Павлов-Сильванский Н.П. Материалисты двадцатых годов // Былое. 1907. №7.
- Першин 1885** – Першин П.И. Дочери Пугачева // Исторический вестник. 1885. Т.ХХI. №7.
- Погоржанский 1916** – Погоржанский И.В. Четыре записки из жизни декабристов // Исторический вестник. 1916. Т. СХLIII. №2.
- Пушкин 1937** – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1937. Т. 13: Переписка 1815–1827 гг.
- Розанов 1912** – Розанов С.С. В.К.Кюхельбекер. М., 1912.
- Розанов 1926** – Розанов И. Декабристы-поэты. Атеист А.П.Барятинский // Красная новь. 1926. №3.
- Семенов 1975** – Семенов И. Загадка надгробия Кюхли // Урал. 1975. №7.
- Симеон 1892** – Слова Преподобного Симеона Нового Богослова: [В 2 вып.] / Пер. с новогреч. епископа Феофана (Говорова). 2-е изд. М., 1892. Вып.1.
- Соколов 1946** – Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946.
- Соколова 1994** – Соколова Е.Е. «Особенный лицей» // Пушкинская эпоха и христианская культура: По материалам традиционных Христианских Пушкинских чтений. СПб., 1994. Вып. IV.
- Струве 1953** – Струве Г. Религиозные мотивы в творчестве В.Кюхельбекера // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1953. №4 (29).
- Тонди 1955** – Тонди А. Иезуиты / Пер. с итал. М., 1955. С.128–130.

Вершевская М.В.

ЗАРУБЕЖНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ДЕКАБРИСТОВ: ГЕРМАНИЯ

Vershevskaya M.V.

A Decembrists' Necropolis Abroad: Germany

A research is dedicated to burials of the Decembrists, and persons related to them, in Germany.

Массивная каменная плита с едва различимыми буквами, казалось, навсегда скрыла имя погребенного. Неожиданно после дождя на влажном камне проступили слова эпитафии: «*Никита Всеволодович Всеволожский. Скончался 28 июля 1862 года. Упокой, Господь, душу его!*». Неподалеку – белый мраморный крест на могиле Юлии Кюхельбекер. Эти декабристские фамилии не единственные на русском кладбище в Висбадене.

Вопрос уточнения биографических сведений об участниках декабристского движения, их родных и близких – родителях, женах, детях, братьях, сестрах – до сих пор не потерял своей актуальности. За годы, прошедшие после выхода в свет в 1988 году издания «Декабристы. Биографический справочник», были введены в оборот новые данные.¹

При выяснении дат жизни декабристов большую роль играют надписи на надгробиях, тщательная проверка сообщений о местах захоронений. Ранее неизвестный фактический материал дает изучение метрических книг, литературных источников, натурные обследования мест

---

¹ Например, С.И.Афанасьев в статье «Православные храмы Петербурга – памятные декабристские места», основываясь на данных метрических книг, приводит около 80 свидетельств о совершении таинств и обрядов в 21 храме Петербурга, которые содержат новые биографические сведения о целом ряде участников декабристских обществ (Афанасьев 1996).

погребения декабристов в Сибири и в Европейской части России и ближнего зарубежья. Однако такого рода исследования до сих пор не охватывали зарубежные кладбища. Между тем, за рубежом завершился жизненный путь некоторых участников декабристских организаций и их близких родственников. Предпринятые в этом, новом направлении изыскания позволяют не только установить или уточнить дату и место кончины или погребения, но и обнаружить новые факты о последних годах жизни того или иного лица, что является особенно актуальным, когда речь идет о тех, кто скончался за границей.

В настоящей статье вопрос о зарубежном некрополе декабристов рассмотрен на примере русского кладбища в Висбадене – одного из первых заграничных русских некрополей. История его возникновения такова.

В январе 1844 года племянница Николая I великая княжна Елизавета Михайловна вышла замуж за владетельного герцога Адольфа Нассауского. Спустя год молодая герцогиня скончалась в Висбадене во время родов. Безутешный герцог хотел возвести вблизи города на горе Нероберг надгробный храм, на строительство которого, с согласия Николая I, пошло более 1 миллиона рублей приданого великой княжны. Строительство храма по проекту немецкого зодчего Филиппа Хофмана завершилось в 1855 году.

Ф.П.Толстой записал в дневнике свои впечатления о Висбадене:

«Местоположение города очень живописно, поэтому привлекает много путешественников, в особенности русских и англичан, которые приезжают пользоваться минеральными водами и проиграться в рулетку и карты» (ОР РНБ. Ф.785 (Ф.П.Толстой). №3. Л.2 об.).²

Русское общество «на водах» было достаточно многочисленным. Посещали Висбаден члены царской семьи, аристократы, политики, люди искусства, известные писатели В.А.Жуковский, И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, М.Е.Салтыков-Щедрин.

«Находясь в середине вод, преимущественно посещаемых русскими, висбаденская церковь должна была в то время удовлетворять нуждам русских и в Гейдельберге, и в Бадене, и в Страсбурге, и по всему протяжению Рейна» (Базаров 1901: 308).

² Дневниковые записи не датированы, но без сомнения, их можно отнести к началу 1845 г., поскольку речь в них идет о трауре по случаю недавней смерти вел. кн. Елизаветы Михайловны. Отметим, что дневники Ф.П.Толстого – пока единственное выявленное мемуарное свидетельство о пребывании в Висбадене кого-либо из включенных в «Алфавит...» А.Д.Боровкова членов декабристских обществ.

Среди собравшихся на освящение церкви святой праведной Елисаветы распространился слух, что при храме собираются устроить русское кладбище. «*Мысль прекрасная и да благословит ее Господь Бог и даст ей созреть и осуществиться!*», – восклицал князь Петр Вяземский (Вяземский 1855: 15).

Не осталась безучастной к идее основания некрополя великая княгиня Елена Павловна, о чем до сих пор гласит надпись над входом в кладбищенскую часовню:

*«Кладбище для православных устроено христолюбивым попечением государыни великой княгини Елены Павловны на иждивение ее императорского высочества и Российского министерства иностранных дел. Освящено августа 19 / 31 дня 1856 года».*³

Кладбище находится на горе, непосредственно вблизи церкви. Расположено оно на двух террасах и весьма необычно спланировано в виде равноконечного креста, ориентированного по сторонам света. Участки между концами креста имеют форму секторов. Окружает некрополь высокая ограда из массивных камней.⁴ Самые старые по времени могилы находятся на южном участке и располагаются по его периметру. Также, по периметру, производили захоронения в восточной, западной и северной частях.⁵

В церковном архиве сохранилась метрическая книга, в которую внесены записи об умерших, начиная с 1856 года. Там же находится план кладбища, составленный в 1923 году. Сравнение результатов натурного обследования с данными метрической книги и планом приводят к заключению, что в основном могилы сохранились, и утраченные памятники единичны. Правда, со временем погибли отдельные элементы декоративного оформления надгробий, практически полностью отсутствуют металлические ограждения могильных участков. Эпитафии в ряде

---

³ В 1864 г. кладбище, находившееся на принадлежавшей к государственному имуществу Нассауского герцогства земле, было приобретено в собственность висбаденской церкви. Храм с прилегающим к нему лесным участком перешел в собственность российского правительства в 1912 г. с уплатой 414 тысяч марок из сумм Министерства императорского двора и уделов. В настоящее время церковь и кладбище на Нероберге принадлежат Русской православной церкви за рубежом. На кладбище, где около 500 могил, продолжают совершать новые погребения. Подробно об истории храма см.: Вершевская 1999: 327–390.

⁴ В 1970-е гг. кладбище получило значительное распространение с восточной стороны за счет включения новой территории.

⁵ Оставшиеся свободными центры участков стали использовать спустя многие десятилетия. Поэтому, например, рядом с могилой Н.В.Всеволожского находятся захоронения 1920–1940-х гг.

случаев трудно различить, иногда установить фамилии можно только на основании тех или иных документов.⁶

На первом, самом старом участке кладбища находится могила Н.В.Всеволожского.⁷ Обстоятельства его жизни в Петербурге достаточно хорошо известны. Знарок литературы и философии, составитель исторических очерков и переводчик французских водевилей, завзятый театрал, он стал одним из основателей литературного общества «Зеленая лампа». Заседания общества в роскошной квартире Всеволожского на Театральной площади посещали А.С.Пушкин, А.А.Дельвиг, Н.И.Гнедич, Ф.Н.Глинка. Некоторые «лампысты» состояли членами декабристского Союза благоденствия, и литературные беседы часто приобретали политическую окраску. Следственная комиссия по делу декабристов «оставила оное без внимания». В царствование Николая I Никита Всеволодович успешно продолжил карьеру: служил в ведомстве тифлисского, а затем виленского генерал-губернатора, был чиновником особых поручений при управляющем Главного штаба, получил придворный чин камергера, затем церемониймейстера, стал действительным статским советником, членом Кабинета его величества, занимал придворные должности егермейстера и гофмейстера.

После смерти отца, считавшегося одним из богатейших людей России, Никите и его брату Александру достались многочисленные имения, железодельные заводы на Урале, соляные промыслы, золотоносные пески в Верхотурье. Сыновья не унаследовали коммерческих способностей родителя, а светская жизнь и привычка к роскоши множили и без того значительные расходы. Вскоре заводы и солеварни поступили за долги в казну, часть имений пришлось продать.

Последние месяцы жизни Никита Всеволожский провел за границей и скончался в Бонне 28 июля / 9 августа 1862 года.⁸ Вероятно, этот

---

⁶Помимо метрической книги, важными источниками являются документы российских дипломатических миссий в немецких государствах, различные материалы по истории храма, мемуарные свидетельства.

Необходимо отметить, что при изучении зарубежных некрополей особые затруднения часто вызывает точное определение дат. Русские люди за границей в XIX – начале XX вв. вынужденно пользовались и одновременно, и попеременно двумя стилями календаря, не всегда указывая, какому стилю соответствует поставленное число. В полной мере это относится и к записям в метрических книгах, и к надгробным эпитафиям. Поэтому в тех случаях, когда это можно было уточнить, даты приводятся по старому и по новому стилям.

⁷Фамилия Н.В.Всеволожского внесена в список лиц, похороненных на русском кладбище в Висбадене, составленный В.Б.Аренсом и опубликованный в кн.: Чернопатов 1913: 12. Это единственная из «декабристских фамилий», упомянутых в этом издании в связи с Висбаденом.

⁸Погребение Н.В.Всеволожского состоялось 31 июля / 12 августа. Обряд совершал настоятель храма о. Иоанн Янышев.

малоизвестный период его жизни был омрачен материальными трудностями. Документы свидетельствуют, что наследникам Всеволожского пришлось вести тяжбу с неким Генрихом Гейбнером за причитавшийся тому долг в 30 тысяч гульденов. Дело приняло настолько серьезный оборот, что через несколько месяцев вдова Всеволожского Екатерина Арсеньевна оказалась в висбаденской тюрьме. Оттуда, судя по документам, ей удалось совершить побег (АВПР. Ф.176. Оп.827. Д.331. Л.41 об.-42). Незадолго до этого события у настоятеля русского храма в Висбадене о. Иоанна Янышева побывала дочь Всеволожских Елизавета, которая *«говорила, что татап жалуется на нездоровье»*. Сын Всеволожского к тому времени был *«уже в Париже, отчасти из опасения, чтобы и его не закрепили здесь за долги собственного отца, как наследника его»* (Там же. Д.19. Письмо о. И.Л.Янышева К.С.Лабенскому от 24 августа / 5 сентября 1862 г.).

Изучение висбаденского некрополя позволило выяснить дату кончины и место погребения еще одного лица, включенного в «Алфавит членам бывших тайных злоумышленных обществ...». Это Федор (Фридрих) Логгинович Бреверн. В 1825 году он был штабс-ротмистром лейб-гвардии Конного полка, адъютантом главнокомандующего I армией графа Ф.В.Остен-Сакена. Следствие установило, что членом тайных декабристских обществ Ф.Л.Бреверн не был, но знал об их существовании. На основании этого последовало высочайшее повеление установить за ним секретный надзор и ежемесячно доносить о поведении. Спустя пять лет надзор был прекращен. Со службы Бреверна не уволили. В отставку он вышел в 1840 году, будучи уже командиром Борисоглебского уланского полка в чине генерал-майора. Затем, с 1853 по 1856 год он состоял коломенским уездным предводителем дворянства. Последний известный факт биографии Бреверна: в 1863 году он был выборным в Думскую комиссию. На этом основании в биографическом справочнике «Декабристы» указано, что скончался Бреверн после 1863 года. Между тем, документы церковного архива висбаденского храма свидетельствуют, что Бреверн умер 28 февраля 1882 года.⁹ Похоронен он на северном участке кладбища вместе с супругой, Натальей Петровной Глебовой-Стрешневой, которую он пережил немногим более чем на полгода.¹⁰ На их могиле – массивная серая каменная плита с рельефом креста и эпитафией на немецком языке.¹¹

⁹ Пока не удалось выяснить, по старому или по новому стилю указана эта дата.

¹⁰ Н.П.Глебова-Стрешнева умерла 31 мая 1881 года.

¹¹ Относительно даты рождения Ф.Л.Бреверна имеются существенные расхождения: в биографическом справочнике «Декабристы» указан 1799 г., в надгробной эпитафии – 1 сентября 1802 г., а в издании В.В.Долгорукова «Российская родословная книга» (т. 3) – 20 августа 1804 г.

По другую сторону дорожки похоронен муж дочери Бреввернов Евгении князь Михаил Валентинович Шаховской-Глебов-Стрешнев.¹²

Среди покоящихся в Висбадене близких родственников декабристов следует прежде всего назвать Юлию (Ульяну) Карловну Кюхельбекер. Высоко ценя душевные качества сестры, Вильгельм Кюхельбекер посвятил ей такие строки:

*«В образе доброй сестры мне посланный ангел-хранитель,
Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг?
В скорбях не ты ль утешаешь меня, мои бури смиряешь?»*

Слова эти оказались пророческими. Юлия и Юстина (старшая из сестер Кюхельбекер) старались помочь братьям Вильгельму и Михаилу в сибирском изгнании. *«Нынешний день оаза в моей пустыне: я получил письмо и книги от моей доброй Улиньки»*, – писал Вильгельм (Кюхельбекер 1989: 542). Среди присланного – повести Пушкина и последняя глава «Евгения Онегина». Юлия играла также роль посредника между Кюхельбекером и Пушкиным в связи с возможным изданием сочинений ссыльного декабриста (Пушкин 1990: 487).

Известный литературовед Б.Л.Модзалевский писал о Ю.К.Кюхельбекер:

«Время ее смерти нам неизвестно; знаем только, что она и сестра ее поддерживали своим пособием обоих братьев-декабристов и в 1845 году посылали им по 600 рублей каждому, – о чем В. К. Кюхельбекер 21 декабря 1845 года писал Жуковскому» (Пушкин 1990: 489).

Исходя из этого, последнего упоминания имени Юлии в бумагах Вильгельма, в разных изданиях сообщается, что она умерла не ранее 1845 года. Между тем, имеющиеся документы указывают не только точную дату, но и проливают свет на последние годы жизни сестры декабристов.

Прожила Юлия Карловна до 1869 года, правда, преимущественно за границей. С начала 1830-х годов она пребывала компаньонкой при очень богатой и влиятельной даме – Варваре Петровне Полье¹³ и жила со своей покровительницей во Франции, Швейцарии, Италии, Герма-

¹² М. В. Шаховской-Глебов-Стрешнев родился в 1836 г., скончался в Аахене 21 января / 2 февраля 1892 г. О нем как родственнике Ф. Л. Бревверна упоминается в биографическом справочнике «Декабристы».

¹³ В. П. Полье (1796–1870), урожденная княжна Шаховская, в первом браке – графиня Шувалова, в третьем – княгиня Бутера ди Радали. -

нии, бывала и в Висбадене.¹⁴ Известия о заграничной жизни Юлии Кюхельбекер доходили до ее родных и знакомых в России. Декабрист С.П.Трубецкой в ответ на письмо из Парижа своего зятя Н.Д.Свербеева писал в апреле 1858 года: *«Очень приятно было читать, что добрая старушка к-ня Бутера так ласкова с вами, а о знакомстве вашем с Ульяной Карловной передано ее брату...»* (Трубецкой 1987: 343).¹⁵

Ю.К.Кюхельбекер была назначена пенсия из Главного казначейства. Своему доверенному лицу Ивану Дмитриевичу Орлову она адресовала письма в Петербург, *«в конторы кн. Бутера Радали в доме графа Андрея Павловича Шувалова в Галерной улице»*.¹⁶ Многие письма написаны неровным старческим почерком. Впоследствии по просьбе Кюхельбекер за нее вела переписку близкая знакомая Елизавета Даудель. *«Я так слаба, что не в состоянии сама подписать эти строки»*, – сетовала Юлия Карловна (РГИА. Ф.1092. Оп.1. Ч.2. Д.1927. Л.21 об.). В последнем письме Даудель сообщала Орлову:

«Вам известно, что Ульяна Карловна больна с 1848 года и с 1867 года она уже более не вставала с постели, ее только переносили на кушетку, пока перестилали постель. Последние месяцы она была истинная мученица... она почти совершенно лишилась зрения и слуха... Она скончалась 9/21 июля [1869 года – М.В.] ... Действительно, надо благодарить Бога, что он призвал ее к себе...».

Это письмо из Парижа, где умерла Юлия Карловна, проясняет и обстоятельства, связанные с местом ее погребения: *«на днях перевезут тело в Висбаден, где она пожелала быть похоронена»* (РГИА. Ф.1092. Оп.1. Ч.2. Д.1927. Л.67–68 об.).¹⁷

---

¹⁴ Газета «Санкт-Петербургские ведомости» 24 мая 1833 года в №№118–119 в объявлении о предстоящем отъезде за границу В.П.Полюе с двумя малолетними сыновьями Андреем и Павлом Шуваловыми, извещала, что с ними вместе последует и *«дочь статского советника Юлия Карловна Кюхельбекер, Санкт-петербургская уроженка»*. В 1846 г. Ю.К.Кюхельбекер вновь сопровождала свою покровительницу при отъезде за границу (Русский инвалид. 1846. №151. 10 июня).

¹⁵ С.П.Трубецкой имел в виду Михаила Кюхельбекера.

¹⁶ Во владении В.П.Бутера ди Радали находился участок от Английской набережной (д. 10) до Галерной ул. (д. 9). Отправленные по этому адресу письма Юлии Кюхельбекер сохранились в фонде Шуваловых в РГИА (Ф.1092).

¹⁷ По-видимому, висбаденские материалы могут внести некоторые уточнения по поводу даты рождения Ю.К.Кюхельбекер. В биографическом справочнике «Декабристы» и в других изданиях отмечено, что она родилась около 1789 года. В надписи на надгробной плите указана дата 1/12 декабря 1795 г. и место рождения: Санкт-Петербург. Последняя дата представляется более правдоподобной, если учесть, что в 1814 г. Ю.К.Кюхельбекер окончила Екатерининский институт, и ей должно было быть тогда 17–19 лет.

На северном участке кладбища покоится внук старшей сестры Ю.К.Кюхельбекер Николай Дмитриевич Глинка, дипломат, секретарь российской миссии в Берне, а затем генеральный консул во Франкфурте-на-Майне.¹⁸

Рядом с массивной плитой на могиле Бревернов довольно типичный для 70–80-х годов XIX века памятник: белый мраморный крест на сером гранитном постаменте, в верхней части которого сияние и барельеф Иисуса Христа в терновом венце. Здесь похоронена Надежда Ивановна Набокова, скончавшаяся в 1881 году.¹⁹ Спустя двадцать лет в другой части кладбища появилась могила ее сестры Софии.²⁰ По-видимому, обе сестры не отличались крепким здоровьем, вместе и поодиночке они часто приезжали в Висбаден, где и завершили свои дни. Надежда и София по материнской линии приходились племянницами И.И. и М.И.Пуциным. Их мать – Екатерина Ивановна была сестрой декабриста, отец – Иван Александрович Набоков – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, завершил службу в должности коменданта Петропавловской крепости.

Постамент с крестом на высоком пьедестале в виде каменной глыбы установлен на могиле графини Людмилы Михайловны Муравьевой²¹, жены генерал-майора графа Николая Михайловича Муравьева, отец которого, М.Н.Муравьев, был включен в «Алфавит...» как один из основателей первых декабристских организаций. Вместе с Л.М.Муравьевой похоронен ее отец – видный чиновник Михаил Павлович Позен.²²

В заключение приведем рассказ о посещении кладбища на Нероберге сестрой С.П.Трубецкого Елизаветой Петровной. Во втором браке она была замужем за сенатором Исполитом Ивановичем Подчаским. Его сын, *«прекрасный собою и много обещавший молодой человек»*, заболел чахоткой, уехал за границу и скончался в феврале 1862 года в По. Похоронили его в Висбадене. К могиле Льва Подчаского, напротив

¹⁸ Н.Д.Глинка родился 16/28 мая 1838 г., скончался 1/13 апреля 1884 г. Его отец – племянник декабристов В.К. и М.К.Кюхельбекеров Дмитрий Григорьевич Глинка, видный дипломат, теоретик права и писатель, не раз бывал в Висбадене. Мать – Христина Глинка (1810–10 декабря 1893, Версаль), урожденная Хюгенс (Бангеман-Гюйгенс), которая по отцовской линии принадлежала к фамилии знаменитого астронома Гюйгенса, спустя девять лет после кончины сына была похоронена рядом с ним на висбаденском кладбище. Ее могила не сохранилась.

¹⁹ Н.И.Набокова родилась 25 октября 1833 г., скончалась 14/26 октября 1881 г.

²⁰ С.И.Набокова родилась 28 сентября 1835 г., скончалась 2/15 ноября 1901 г.

²¹ Л.М.Муравьева родилась 5 января 1822 г., скончалась в Висбадене 22 мая/3 июня 1898 г.

²² М.П.Позен родился 3 апреля 1798 г., скончался в Висбадене 21 сентября 1871 г.

входа на кладбище, нередко приходили мужчина и женщина преклонного возраста. *«Я ничего не видел трогательнее этих двух стариков, посещавших могилу единственной своей радости и надежды в жизни, сына, ушедшего от них неожиданно и так жестоко»*, — вспоминал князь Д.Д.Оболенский (1895: 365–366).

Литература

- Афанасьев 1996** – Афанасьев С.И. Православные храмы Петербурга – памятные декабристские места. Историко-архивная справка // Мера. 1996. №1. С.268–283.
- Базаров 1901** – Базаров И.И. Воспоминания протоиерея И.И.Базарова // Русская старина. 1901. № 5.
- Вершевская 1999** – Вершевская М.В. Из истории русского храма и кладбища в Висбадене // Невский архив. Вып.4. СПб., 1999. С.327–390.
- Вяземский 1855** – Вяземский П.А. Освящение новосооруженной надгробной Е. И. В. государыни великой княгини Елизаветы Михайловны церкви во имя святые праведные Елисаветы в Висбадене. СПб., 1855.
- Кюхельбекер 1989** – Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л., 1989.
- Оболенский 1895** – Наброски воспоминаний кн. Д.Д.Оболенского // Русский архив. 1895. № 2.
- Пушкин 1990** – Пушкин А.С. Письма. М., 1990. Т.3. (репринтное воспроизведение издания 1935 года под редакцией и с примечаниями Б.Л.Модзалевского).
- Трубецкой 1987** – Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Иркутск, 1987.
- Чернопятов 1913** – Чернопятов В.И. Русский некрополь за границей. М., 1913. Т.2.

Мартынова Н.Ф.

**СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ФОН ДЕР БРИГГЕН –
ЖЕНА ДЕКАБРИСТА**

*«Прости меня, милая и добрая моя
Сонюшка...»*

Martynova N.F.

S.M. von der Briggen: a Wife of a Decembrist

**An article is dedicated to biographical and genealogical matters of
A.F. Briggen.**

14 июня 1820 года полковник Измайловского полка Александр Федорович фон дер Бригген¹ получил официальное письмо от командира полка о разрешении ему вступить в брак с Софьей Михайловной Миклашевской. Ему было 27 лет, ей – 17.

А.Ф.Бригген принадлежал к древненемецкому рыцарскому роду из Вестфалии, обосновавшемуся в средние века в Курляндии. К концу XVIII века род утратил былое богатство, и отец Александра Федоровича, Фридрих Эрнст фон дер Бригген, в 1784 году поступил на русскую военную службу, участвовал в морских сражениях против шведов, был награжден, получил чин премьер-майора и умер, когда сыну не было еще 5 лет. С материнской стороны дедом декабриста был генерал-майор Алексей Федорович Микешин, а бабушка его также принадлежала к роду фон дер Бриггенов. Крестным отцом Александра Федоровича был Гавриил Романович Державин, который принимал

---

¹ Существуют различные варианты русского написания немецкой фамилии «Brüggen»: сам декабрист подписывался «Бриген», «Брыгин» или «Бригин», его сын и внуки писали свою фамилию с удвоенной буквой «г». Также написана фамилия на могильной плите декабриста на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

активное участие в воспитании крестника и отличал его незаурядные способности.²

Софья Михайловна принадлежала к дворянскому роду, вышедшему в первой четверти XVII века из Польши. Ее отец – Михаил Павлович Миклашевский – отличился в боях при Рымнике и Мачине, за что был награжден Екатериной II. В рескрипте, данном Миклашевскому императрицей, было отмечено:

«Усердная ваша служба, храбрые и мужественные подвиги обратили на себя наше внимание и милость. Мы в изъявлении оных все милостивейше пожаловали вас в 30 день марта 1790 года кавалером военного нашего ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса... Удостоверены мы совершенно, что вы, получа сие со стороны нашей одобрение, потщитесь продолжением ревностной службы явче удостоиться монаршего нашего благоволения» (Летопись 1911).

В 1796 году М.П. Миклашевский был назначен волынским, а в 1798 году малороссийским губернатором, однако в 1799 году за резкость своих донесений отстранен Павлом I от службы. В 1801 году взошедший на престол Александр I назначил Миклашевского Новороссийским губернатором. В 1802 году за свою хозяйственную деятельность он получил бриллиантовые знаки ордена св. Анны I-го класса, а Правительствующий Сенат объявил ему *«особенную благодарность»*.

В 1803 году Михаил Павлович был награжден орденом св. Владимира 2-й степени большого креста и в том же году при разделении Новороссии на три губернии оставлен Екатеринославским губернатором. В 1806–1807 гг. он принял начальство над екатеринославским ополчением, *«не требуя себе жалования и умеренно расходуя казенные деньги, он держал земскую армию наготове в течение более года»* (Летопись 1911). За эту свою службу Миклашевский получил благодарность Александра I в особом рескрипте и был пожалован золотой табакеркой, осыпанной драгоценными камнями и вензельным изображением высочайшего имени. Кроме того, Александр I пожаловал старшему сыну Михаила Павловича Александру (будущему декабристу) бриллиантовый перстень за службу отца. В 1808 году М.П. Миклашевский был избран сенатором. Род Миклашевских был внесен в VI часть родословной книги Черниговской губернии и тем самым от-

---

² В письмах к дочерям А.Ф. Бригген не раз называл своего крестного *«батюшка Державин»*. Письма и исторические сочинения Бриггена собраны и прокомментированы замечательным сибирским исследователем жизни и творческого наследия декабриста О.С. Гальской (Бриген 1986). Благодаря этому оказалась возможной данная работа.

несен к «древнейшему дворянству». По линии матери Софья Михайловна Миклашевская была в близком родстве с самыми знатными и богатыми кланами Малороссии – Безбородко, Кочубеями, Бороздна, Лобановыми–Ростовскими. Ее бабушка Татьяна Андреевна была родной сестрой канцлера А.А.Безбородко.

В 1818 году Михаил Павлович вышел в отставку и поселился в своем имении Пануровка Черниговской губернии, занимаясь сельским хозяйством и усовершенствованием своей суконной фабрики. В огромном парке регулярной планировки по моде XVIII века были устроены прекрасные пруды с искусственными островами, «аллея любви», «грот вздохов», оранжереи, где росли виноград, абрикосы, персики. Прекрасный дворец был построен, предположительно, по проекту Д.Кваренги. Замечательным было внутреннее убранство дворца: фрески, беломраморные лестницы, хрустальные светильники, вазы. Предметом особой гордости семьи была прекрасная библиотека³. В собрании рукописей и бумаг М.П.Миклашевского находились адресованные ему письма Потемкина, Суворова, Румянцева, канцлера Безбородко и других известных государственных деятелей. Рядом с усадьбой находилась суконная фабрика, на которой работали крепостные. В отличие от других помещиков, Миклашевский платил им жалованье и устроил больницу, где бесплатно лечили пануровских крестьян.

После свадьбы Александр Федорович и Софья Михайловна поселились в одном из домов наследников Безбородко, о чем Бригген сообщал своему другу, известному военному историку А.И.Михайловскому-Данилевскому (Бригген 1986: 96).⁴ В 1859 году после возвращения из ссылки в одном из своих писем (от 14 июля 1858 г.) к дочери Марии Александр Федорович писал: *«Вчера познакомился я с Лихачевым. Он живет в бывшем доме князя Лобанова и в той же квартире, в коей ты родилась. Какое странное стечение обстоятельств»* (Бригген 1986: 96). В этом доме родились старшие дети Бриггенов: 1 июня 1821 года дочь Мария и 20 ноября 1822 года сын Михаил. Оба они были крещены в находящейся в доме Безбородко Почтамтской церкви. Восприемниками у Марии были

«тайный советник и кавалер Михаил Павлович Миклашевский и княгиня Клеопатра Ильинична Лобанова-Ростовская, урожденная гра-

³ В настоящее время сохранились лишь несколько хозяйственных построек, запущенный парк и заросший пруд.

⁴ Наследникам И.А.Безбородко принадлежали два дома в квартале между Почтамтской улицей, Почтамтским переулком и улицей Якубовича. Очевидно, Бриггены жили в доме, доставшемся дочери Безбородко Клеопатре Ильиничне, бывшей замужем за князем Лобановым-Ростовским.

фия Безбородко); у Михаила – «граф Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко и графиня Анна Иоановна Безбородко» (РГИА. Ф.1343. Оп.17. Д.6132, 6133).

К концу 1824 года семья Бриггена переехала в дом генерала-лейтенанта К.Ф.Толя.⁵ С Карлом Федоровичем Толем Бригген был знаком еще со времен Отечественной войны 1812 года, когда находился при императорской главной квартире в Невеле. Вообще же вся военная карьера Бриггена была связана с Измайловским полком, в составе которого он воевал в Отечественную войну 1812 года и во времяграничных походов. Был дважды ранен в битве при Бородине и под Кульмом. В 1820 году Софья Михайловна выходила замуж за боевого офицера, награжденного золотой шпагой с надписью «За храбрость» за Бородино, орденом Владимира 4-й степени с бантом и знаком прусского Железного Креста за сражение под Кульмом и медалью в память войны 1812 года. В его формулярном списке в 1821 году было записано «*к повышению... достоин*» (Бриген 1976: 424–425). Все сулило продолжение блестящей карьеры.

Но в мае 1821 года в доносе на Союз благоденствия М.К.Грибовский причислил А.Ф.Бриггена к «*примечательнейшим по ревности*» членам тайного общества, наряду с Н.И.Тургеневым, И.Г.Бурцовым и Ф.Н.Глинкой, которые «*приняли управление*» в тайном обществе в Петербурге. При этом Грибовский добавлял, что даже приобретенные Бриггеном после женитьбы «*связи*» не образумили его (Грибовский 1988: 184, 186). В результате этого доноса 27 октября 1821 года Бригген высочайшим указом был уволен из армии (якобы «*по болезни*») и за ним было установлено негласное наблюдение.

22 января 1824 года у Бриггенов рождается дочь Анастасия, а 8 февраля 1825 года сын Платон, который прожил лишь месяц. После неудачных родов Софья Михайловна чувствовала себя плохо, и семья решила поехать сначала в Пануровку, к родителям Софьи Михайловны, а потом – на лечение за границу. Перед отъездом Александр Федорович несколько раз встречался с К.Ф.Рылевым и Н.М.Муравьевым и получил от них важные поручения к С.П.Трубецкому, который в 1824 году был переведен на службу в Киев. На юге Бригген виделся не только с Трубецким, но и с членами Васильковской управы М.П.Бестужевым-Рюминым и С.И.Муравьевым-Апостолом. Обо всех встречах он сообщил Рылеву в Петербург.

Во время восстания 14 декабря 1825 года Бригген находился в Пануровке и никакого участия в событиях не принимал. Об обстоятель-

---

⁵ Письмо А.Ф.Бриггена от 18 декабря 1824 г. (Бриген 1986: 96). Дом К.Ф.Толя находился на Фуштатской ул. (по современной нумерации – №52).

ствах ареста Бриггена сохранилось предание, вошедшее в воспоминания Н.И.Лорера. В канун нового 1826 года Бригген с семьей собирался отправиться за границу.

«Карета была приготовлена к дороге, вещи уложены. Отслужили молебен, и Бригген выехал из родного дома. В 20 верстах от дома у него ломается экипаж, и Бригген возвращается домой. Через сутки опять все было исправлено, и Бригген с женою и детьми вновь прощается с остающимися родными. Вдруг влетает на двор исправник с фельдъегерем, хватают Бриггена и везут в Петропавловскую крепость» (Лорер, 1984: 171–172).

Почти одновременно с Бриггеном 10 января 1826 года был арестован и брат его жены Александр Миклашевский.

17 января 1826 года Бригген был доставлен в Петербург на главную гауптвахту и 18 января заключен в камеру №16 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

Вслед за мужем в Петербург приехала и Софья Михайловна с детьми. Ей было в это время 22 года и у нее на руках было трое маленьких детей, сын и две дочери. Третью дочь она родит через 10 дней после приговора, вынесенного ее мужу, и неслучайно назовет ее Любовью.

Во время пребывания А.Ф.Бриггена в Петропавловской крепости Софья Михайловна несколько раз обращалась к императору с прошениями о разрешении свиданий и, наконец, 1 июня 1826 года впервые после ареста увидела мужа (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.6. Л.329). Бригген не знал о беременности жены, был настолько потрясен этим, что после свидания появилось единственное его покаянное письмо к Николаю I, совершенно необъяснимое в свете выбранной им твердой линии защиты.

Следует отметить, что уже на этой ранней стадии борьбы за семью Софья Михайловна берет в свои союзники детей. Вся жизнь Александр Федорович хранил записочку пятилетней Маши, переданную ему в крепость Софьей Михайловной: *«Белая смородина. Папа, я вам посылаю варенья. Дочь ваша Марья Бригина»* (Бригген 1986: 242). Когда Любочке исполнилось 3 недели, Софья Михайловна принесла ее на свидание в крепость; через 2 месяца она вновь принесла дочку к отцу. В феврале 1846 года Бригген писал уже взрослой Любе:

«Я прижимал вас к своему сердцу, взволнованному чувствами, которые двадцать бурных лет, прошедших в мучениях, не заставили еще меня забыть... Моим первым желанием было благословить вас, и сегодня я возобновляю свое благословение, данное маленькому херувиму... моей дорогой любимой дочери, ставшей взрослой, чтобы быть достойной по-

хвал и добродетелей и всего счастья, которым только может обладать женщина на этой земле...» (Бригген 1986: 212).

В феврале 1827 года Софье Михайловне удалось добиться разрешения на два свидания в неделю, но воспользоваться этим не удалось, так как 15 февраля Бригген вместе с Аврамовым, Черкасовым и Выгодским был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь.

Сразу после вынесения приговора почти все жены декабристов обратились к Николаю I с просьбами о сопровождении мужей в Сибирь. Среди них была и Софья Бригген. Она получила разрешение ехать в Сибирь, но, как и все женщины, без детей. Этого позволить себе она не могла. У каждой женщины есть две стороны ее семейной жизни: долг жены и долг матери. В свете этого интересно посмотреть на судьбы всех жен декабристов и их детей.

Из 121 осужденных декабристов только 23 были женаты (считая и Анненкова, у которого не был оформлен брак). 10 из них поехали в Сибирь за мужьями, оставив детей, родившихся до ссылки на попечении родственников. Довольно печальна была судьба детей, поневоле оставленных родителям. Матери, разлученные с детьми, бесконечно тосковали по ним, не раз обращались к Николаю I с просьбой разрешить им навещать детей, но неизменно получали отказ. Молодая, но бесконечно мужественная Софья Михайловна решила не сдаваться. Не теряя надежду на воссоединение семьи, она всеми силами старалась морально и материально поддерживать мужа.

После года каторги в Читинском остроге в 1828 году А.Ф. Бригген был определен на поселение в окруженный болотами глухой заштатный городок Пелым на север Тобольского края. Здесь, кроме Бриггена, был на поселении только В.И. Враницкий. Софья Михайловна высылает Александру Федоровичу огромную по тем временам сумму в 1000 рублей серебром на строительство дома для всей семьи, книги и все необходимое для жизни. *«Благодаря и тысячу раз благодаря книгам, посланным тобою, большая часть дня проходит очень хорошо. Прости, мой дорогой друг...»*, – писал он жене с благодарностью (Бригген 1986: 99).

На присланные деньги А.Ф. Бригген построил трехкомнатный дом с хозяйственными постройками и надеялся на скорый приезд семьи, на все прошения Софьи Михайловны о разрешении на поездку в Пелым вместе с детьми она получает отказ.

Жизнь в Пелыме для Бриггена была тяжела не только одиночеством, но и потерей здоровья из-за отвратительного сырого климата. Он заболевает тяжелой формой *«кожной лихорадки»* и обращается к генерал-губернатору Западной Сибири И.А. Вельяминову с просьбой

«о исходатайствовании ему перевода в другое место южнее» в связи с расстройством здоровья. На это последовала резолюция царя: «*Начали все проситься; надобно быть осторожнее в согласии на это, особенно ныне*» (Бриген 1986: 52). В 1833 году тобольский гражданский губернатор А.Н.Муравьев, а в 1835 году полковник Корпуса жандармов А.П.Маслов вновь в своих официальных донесениях сообщают об ухудшившемся здоровье А.Ф.Бриггена, в результате чего в марте 1836 года он был переведен на юг Тобольской губернии в Курган.

Софья Михайловна со своей стороны подает прошение Николаю I о переводе мужа из Пелыма в Европейскую часть России и о разрешении ему поступить на государственную службу. Она надеялась, что это даст возможность семье воссоединиться. В письме М.М.Нарышкину 11 апреля 1838 года Бригген писал:

«... в судьбе моей произошла перемена, по просьбе жены моей Государь разрешил вступить мне в гражданскую службу, только в Сибири, и я теперь канцелярист Курганского окружного суда, куда я по желанию моему определен...» (Бриген 1986: 120).

В Кургане А.Ф.Бригген оказался в дружной колонии декабристов: здесь жили М.М.Нарышкин, А.Е.Розен, В.Н.Лихарев, Н.И.Лорер, М.А.Назимов, И.Ф.Фохт. Однако в 1837 году почти все они (за исключением Фохта и Бриггена) были отправлены рядовыми на Кавказ. Перевод туда грозил и Александру Федоровичу. Софья Михайловна 19 декабря 1837 года подает ходатайство на имя наследника с просьбой не посылать его на Кавказ, «*где он по летам и истощенным силам своим служить уже не может*» (Бриген 1986: 120). Ей удалось отстоять мужа, и он продолжал служить канцеляристом IV разряда в Курганском суде. В этой должности он оставался восемь лет, затем после многочисленных ходатайств жены, его перевели в 3-й разряд канцелярских служащих, а в 1848 году произвели в коллежские регистраторы и назначили на должность заседателя курганского окружного суда.

Все эти тяжкие для Бриггена годы Софья Михайловна одна растила детей. Девочки учились в Смольном институте благородных девиц, сын Михаил – в I Кадетском корпусе. Софья Михайловна не хотела давать сыну военное образование и обращалась с просьбами взять сына на казенное содержание в гимназию при Петербургском университете или перевести в Лицей, но оба раза получила отказ.

Уже в Пелыме А.Ф.Бригген начал переписываться с детьми, стараясь влиять на формирование их личностей. 15 декабря 1834 года он пишет старшей дочери Марии:

«...Не проходит и дня, чтобы я не думал с нежностью о вас и вашей сестре Анастасии и не посылал самые искренние пожелания счастья. Ваше письмо доставило мне большое удовольствие, оно хорошо написано, я читал и перечитывал с большим интересом подробности, которые вы мне сообщаете о ваших занятиях...». И затем – советы, как надо заниматься: «Знание должно стать вашим удовольствием, а значит, только упражняя ум, вы приобретете проницательность и прозорливость и дадите вашим умственным способностям то развитие, которое им доступно...» (Бригген 1986: 109).

Именно на основе этой переписки А.Ф.Бриггена с детьми литературовед С.Н.Браиловский рассматривает систему педагогических взглядов декабриста (Браиловский 1902).

Софья Михайловна много рассказывала детям об отце, он был для них близким и любимым человеком. Вероятно, из этих рассказов и ожиданий встречи родилась в семье легенда о том, что она ездила на свидания с ним в Сибирь, хотя на многочисленные просьбы об этом неизменно следовал отказ. Эта семейная легенда нашла отражение в стихотворении правнука Софьи Михайловны и Александра Федоровича – дипломата, поэта и музыканта Ивана Павловича Умова «Прабабушка»:

*«О день злосчастной памяти – четырнадцатый день!
Под шорох снежной зямьки, вдоль черных деревень,
Подобно стольким странникам, страны изведав ширь,
К свиданию с изгнанником Вы ехали в Сибирь...»
(Умов 1949: 149).*

Но доехать до Сибири ей не удалось... Дети росли, Анастасия часто болела, и ее пришлось забрать из Смольного института в Пануровку для лечения. Мария в 1839 году заканчивает институт третьей по успеваемости в своем выпуске и награждается вензельным знаком имени императрицы. Замечательно письмо, посланное А.Ф.Бриггенем по этому поводу дочери:

«...Мы существуем, чтобы делать добро, насколько это в наших силах; и только так человек может иметь счастье на земле, прежде чем достигнет его в ином мире... Теперь вы должны работать сами над совершенствованием своего ума и духа...» (Бригген 1986: 128).

Эта переписка Александра Федоровича с детьми тоже, конечно, заслуга Софьи Михайловны, которая создала в своей семье удивительную атмосферу любви, дружбы и уважения к отцу.

В 1841 году заканчивает Кадетский корпус Михаил Бригген. Мария и Анастасия едут в Курск, где служил брат, и подают там 9 сентября 1842 года Николаю I, присутствовавшему на учениях, просьбу о помиловании отца, на которую вновь получают отказ. Таким образом, Софья Михайловна передала эстафету борьбы за воссоединение семьи дочерям. В феврале 1843 года новое прошение Марии о смягчении участи отца и вновь отказ. В 1845 году младшая дочь Любовь, после окончания Смольного института, обращается к царю с просьбой о разрешении поехать на свидание с отцом и о переводе отца в Европейскую часть России, но получает отказ. По этому поводу Бригген пишет Любе: *«Благодарю тебя, дорогое дитя мое, за добродетельный твой подвиг: если он, как и прежние попытки в этом роде, не имел успеха, то это не твоя вина...»* (Бригген 1986: 195).

В ответ на эту просьбу Бриггену вновь было предложено отправиться рядовым на Кавказ, но ему уже 52 года, он болен, и Софья Михайловна вновь вступает в борьбу, доказывая, что муж ехать рядовым на Кавказ не может по состоянию здоровья. Бриггена оставили «в покое», хотя ему еще предстоит высылка из Кургана в Туринск за принципиальность его деятельности в Курганском суде. Все эти годы Александр Федорович продолжает интересоваться судьбой детей, интенсивно переписывается с ними и с Софьей Михайловной. Дети передают отцу книги, спрашивают мнение о прочитанном. Он, в свою очередь, отправляет им переводы понравившихся стихов, делится мыслями о философии, литературе и музыке. Глядя на присланные женой портреты детей, мысленно беседуя с ними, Александр Федорович даже *«хотел бы заставить улыбнуться»* милые ему лица (Бригген 1986: 162).

Дочери сообщают отцу о важных переменах в личной жизни. В 1844 году Анастасия вышла замуж за Ивана Павловича Умова, капитана Екатеринбургского пехотного полка, расквартированного в Киеве. В 1845 году Мария стала женой Владимира Ивановича Туманского, помещика Глуховского уезда Черниговской губернии. В 1850 году состоялась свадьба Любочки и Василия Васильевича Гербея, в то время ротмистра гвардейского Уланского полка. Александр Федорович так благословляет младшую дочь на брак:

«Срадостью в душе и со слезами благодарности молю я всевышнего, да благословит он тебя и избранного тобою друга на новую жизнь... Прошу тебя, моя милая Бубинька, скажи от меня твоему жениху самые душевные и родственные приветствия. Он избран тобою быть твоим другом на всю жизнь, и это достаточно для меня, чтобы его любить от всего сердца, даже и в том случае, если бы я не слышал отзывов твоей маменьки... о прекрасных качествах его ума и сердца... Ничто

на свете не может дать того душевного спокойствия, которое дает чистая совесть и сознание безукоризненной жизни. Не теряй этого никогда из памяти и, действуя и поступая таким образом, ты усвоишь себе счастье, которое внешние неблагоприятные обстоятельства могут иногда омрачить мгновенно, но никогда не разрушат» (Бриген 1986: 266).

Дочери приходят на помощь отцу, когда в 1850 году он был сослан в Туринск. Причиной перевода Бриггена из Кургана стал его конфликт с местными властями, включая самого генерал-губернатора Западной Сибири П.Д.Горчакова. Исполняя обязанности судьи, Бригген защищал крестьянина Павла Власова от несправедливого обвинения в убийстве брата. Добиваясь пересмотра дела, Александр Федорович обратился за помощью к дочерям:

«15 июля отправил я из Кургана... письмо по известному вам делу. Я надеюсь, что вы, мои дочери, просьбу мою исполните. Я прошу поста- раться, чтобы дело это было вытребовано и рассмотрено в Петербурге, потому что я горчаковскому суду ни на грош не верю...» (Бриген 1986: 272).

Мария и Люба передали письмо отца члену Государственного Совета Д.В.Кочубею, который вмешался в рассмотрение дела, в результате чего Павел Власов был освобожден, однако Бригген продолжал оставаться в Туринске. Только в июне 1855 года, благодаря многочисленным просьбам родных, Бриггену было разрешено вернуться в Курган.

В мае 1856 года его представили к чину титулярного советника, что давало право на личное дворянство. В сентябре 1856 года, уже после амнистии, он получил пенсию 285 рублей серебром (до конца жизни).

В 1855 году Россия переживала поражение в Крымской войне. Декабристы чувствовали, что приближается конец царствования Николая I и ждали изменения своей участи. После сдачи Севастополя, размышляя о судьбах России, А.Ф.Бригген пишет П.Н.Свистунову:

«Ложь не может быть вечною, и никакая система, противная человеческой природе и вечным законам нравственности, освященным христианскою религиєю, не может устоять, но должна сама собою пасть. Незабвенный во все продолжение своего тридцатилетнего царствования употреблял чудовищную свою власть только к тому, чтобы попятить Россию назад...» (Бриген 1986: 336).⁶

---

⁶ Через сто лет, в 1958 году правнук А.Ф. и С.М.Бриггенов И.П. Умов писал в эмиграции о своей рано умершей дочери: *«Она была такая русская так любить Россию и ненавидела Николая I...»* (семейный архив автора)

После смерти Николая I Россия готовилась к коронации нового императора. Декабристы ждали амнистию. В апреле 1856 года Бригген пишет дочери Марии: *«Ожидают чудес от коронации, что до меня, то я думаю, это кончится, как гора, родившая мышь...»* (Бригген 1986: 329). Но все волновались и обсуждали в письмах возможные изменения в своей судьбе. *«Все мои товарищи на месте, ибо Манифест и нужные к оному распоряжения нам не объявлены»*, – писал Бригген Любе 30 сентября 1856 года, в ответ на ее приглашение приехать к ней жить в Петергоф. В тот же день он писал и Марии:

«Манифест от 26 августа, восстановивший мои дворянские титулы, дает мне возможность отправиться на жительство туда, куда я захочу, но обстоятельства, в которых я нахожусь здесь, настолько сложны, что мне потребуется время, чтобы уладить их...» (Бригген 1986: 344–345).

Родные торопили Александра Федоровича с отъездом из Кургана. Он получает деньги от дочерей, от сына и от жены. Даже мать Софьи Михайловны, Анастасия Яковлевна, прислала ему 300 рублей. *«Я теперь так богат деньгами, как никогда не бывал в Сибири»*, – писал Бригген родным (Бригген 1986: 350).

Была одна сторона жизни Александра Федоровича, о которой знали декабристы, но не знали его родные. Узнав о возможности вернуться в европейскую часть России, Бригген был поставлен перед трудным выбором и делился своими переживаниями с Е.П.Оболенским: *«Ни в коем случае я здешнего моего семейства не оставлю на произвол судьбы. Это было бы грешно перед богом и бесчестно перед людьми»* (Бригген 1986: 340).

Дело в том, что 1838 год стал переломным в жизни А.Ф.Бриггена: уехали из Кургана его друзья-декабристы, на очередное прошение Софьи Михайловны последовала жесткая резолюция Николая I, навсегда запрещающая Александру Федоровичу возвращение в европейскую часть России. Надежда на встречу с семьей была потеряна. Сибирская жизнь Бриггена была суровой, многотрудной и одинокой. Он любил Софью Михайловну и детей, но это было в другом, параллельном мире, и ему нужно было как-то наладить жизнь там, куда доступ его семье был закрыт. Он связал свою жизнь с крестьянской девушкой Александрой Тихоновной Гомниковой, помогавшей ему по хозяйству. Она была верной и любящей женой и вместе с ним пережила тяготы вторичной ссылки в Туринск.

В их семье было четверо детей. В ноябре 1856 года умер четырнадцатилетний Иван, после чего Александра Тихоновна тяжело заболела

психическим расстройством. Александр Федорович долго и мучительно решал вопрос об устройстве своей второй семьи. В конце концов он через своего сводного брата Родиона Ивановича Вальмана и мужа сестры Николая Алексеевича Терентьева сообщил все дочерям и Софье Михайловне. К этому времени он выдал замуж старшую дочь Катю, оформил свою пенсию на содержание Александры Тихоновны, вызвал для ухода за ней ее старшую сестру и раздумывал о судьбе 12-летней Маши, решив взять с собой младшего сына Колю.

Глубоко трогает письмо Софьи Михайловны, написанное ею А.Ф.Бриггену 10 февраля 1857 года:

«Исповедь твоя, любезный друг мой Александр, тронула меня до глубины души. Будь уверен, что я встретила б Машеньку и Коленьку как своих детей... Друг мой, поступай по своему пониманию отцовского сердца и рассудку... Николю вези сюда, поверь, что это будет мое дитя, он слишком еще мал, чтобы его отдавать на воспитание... Поцелуй за меня Катеньку, Машеньку, Коленьку и скажи им, что я живейшее принимаю участие в здоровье их матери. Если придется кого из них встречать здесь, приму как близких родных...» (Бригген 1986: 365).

Конечно, ей было очень больно и горько; это прорывалось иногда в письмах, но она была мудрой женщиной.

Бригген выехал из Кургана с сыном Колей 4 июня 1857 года, оставив Машу на попечение Кати и родственников Р.И.Вальмана в Омске. Путь его лежал через имение Умовых в Юрткулях Симбирской губернии, Москву, Слоут⁷ – в Петергоф, где после долгих хлопот Любочки ему разрешено было жить. В Юрткулях его встретили Анастасия с мужем и десять внуков.⁸ Вместе с Анастасией и ее старшими детьми он поехал в Москву, куда на встречу с ними приехала Любочка, а затем в Слоут. Уже из Слоута он писал в Петергоф Любе:

«... мы с Нетинькой благополучно прибыли 21 июля в Слоут. С Меринькою⁹ сделался припадок, который, однако, скоро прошел, и она успокоилась. Ее и Мишеля я в первого разу полюбил сердечно. Вскоре после моего приезда приехал сюда Иосиф Михайлович,¹⁰ с которым мы тотчас сошлись, как родные братья, и я потом отправился в Понуровку, где я и прожил с маменькою твоею, Мишелем и Нетинькою с детьми целую

---

⁷ Слоут – имение, доставшееся Софье Михайловне в наследство после смерти отца.

⁸ Первая внучка Бриггенов, родившаяся в 1846 году, была названа в честь бабушки Софьей.

⁹ Нетинька и Меринька – уменьшительные имена дочерей Анастасии и Марии.

¹⁰ Брат Софии Михайловны.

неделю... В Понуровке я был встречен чрезвычайно радушно... На другой день моего приезда начали туда съезжаться..., за стол садилось до сорока человек. Все мне полюбились, и могу сказать, что все ухаживали...». И затем чуть дальше: «С маменькой твоей мы живем на приятельской ноге. Сходимся к чаю и к обеду и живем всякий на своей половине... По первому пути я пушусь к вам, если не будет никаких особенных препятствий» (Бриген 1986: 376).

В январе 1858 года Александр Федорович и Коля уехали в Петергоф. Софья Михайловна осталась в Слоуте. Был окончен ее трудный тридцатилетний подвиг, «подвиг любви бескорыстной».

Литература

- Браиловский 1902** – Браиловский С.Н. Декабрист А.Ф.Бриген в роли воспитателя // Русская старина. 1902. №3.
- Бриген 1976** – Дело А.Ф.Бригена // Восстание декабристов. Документы. Т.ХIV. М., 1976. С.423–447.
- Бриген 1986** – Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.
- Грибовский 1988** – Записка о Союзе Благоденствия, представленная А.Х.Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С.181–187.
- Летопись 1911** – Летопись Екатеринославской Ученой Архивной комиссии. Вып.7. Екатеринослав, 1911.
- Лорер 1984** – Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
- Умов 1949** – Умов И.П. Незримый гость. Новая Чураевка (США), 1949.

Мозгалевская Е.А.

ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ МОЗГАЛЕВСКИХ

Mozgalevskaya E.A.

The Mozgalevski's Military Dynasty.

An article is dedicated to biographical and genealogical matters of N.O.Mozgalevski.

Как известно, декабристы, в большинстве своем, были дворянами, главным занятием этого сословия традиционно являлась военная служба. Может быть, именно это обстоятельство и побудило меня взглянуть на личность и служебную биографию декабриста Н.О.Мозгалевского как на одно из звеньев в цепи военной династии Мозгалевских.

Отец декабриста, Осип Федорович Мозгалевский, родился в 1750 году в семье мелкопоместного дворянина Черниговской губернии. В соответствии с законом, в январе 1765 года он был зачислен солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1766 г. произведен в капралы.

В 1768 году в городе Баре в Подолии польская католическая шляхта образовала конфедерацию для борьбы «за веру и свободу», главной целью которой было – добиться невмешательства России в польские дела. В Польше в это время находились русские войска под командованием князя Н.В.Репнина. Когда конфедераты начали военные действия против них, Екатерина II предписала Репнину применить силу и направила ему в подкрепление семь пехотных полков и казаков.

Как раз к этому времени 18-летний Осип Мозгалевский был переведен в чине подпоручика из гвардии в армию, в Нотебургский пехотный полк, который располагался в Трубчевске, на границе Орловский и Черниговской губерний. В 1769 году ему пришлось в составе

этого полка участвовать в военных действиях против польских конфедератов при местечке Свеча и в более значительном сражении при г. Торунь, в котором конфедераты потеряли 500 человек убитыми, 130 человек пленными, а также 3 трехфунтовые пушки и весь обоз. За участие в этих боях Осип Мозгалевский был произведен в чин поручика.

В русско-турецкой войне 1768–1774 г. О.Ф.Мозгалевский принимает участие в составе Вятского пехотного полка, во 2-й оборонительной армии генерал-фельдмаршала П.А.Румянцева. Видимо, он храбро сражался в знаменитом бою при Ларге, где был разбит хан Каплан-Гирей, так как в списке дворянских чинов Черниговской губернии за 1803 год указано, что Мозгалевский в 1770 г. «за отличие при разбитии хана крымского произведен капитаном в 1-ый Московский пехотный полк».¹

На этом военная карьера О.Ф.Мозгалевского закончилась. В декабре 1770 года он ушел в отставку, вернулся в родные места и в январе 1771 года поступил на гражданскую службу в Нежинский уездный суд заседателем. В 1797 году «*Правительствующим Сенатом утвержден в Поветовый Нежинский суд подсудком с переименованием титулярным советником*».² Эту должность он занимал по крайней мере до 1803 года.

К 1803 году О.Ф.Мозгалевский владел в Нежинском уезде хутором Городок с 50 душами крестьян мужского пола и был женат на Виктории Карловне де Розет, дочери метрдотеля казенного французского короля Людовика XVI. У него было 7 сыновей и 4 дочери. Следуя дворянским традициям, взрослые сыновья были определены на военную службу. Так, старший сын Кирилл, которому было 23 года, был на службе в гусарском полку корнетом. 20-летний Алексей находился уже в отставке штабс-капитаном. Захарий (19 лет) служил подпоручиком в Козловском мушкетерском полку. Еще один сын, Александр, правда, служил в малороссийском почтамте в чине коллежского регистратора. Остальные дети в 1803 году были еще малы.

О том, как складывалась военная карьера названных детей О.Ф.Мозгалевского, почти ничего не известно. Зато теперь уже довольно много известно о судьбе младшего сына, Николая Осиповича.

Военное образование Николай Мозгалевский получил в Первом кадетском корпусе, куда поступил в 1814 году. Перед тем он учился в Нежинском народном училище и «в разных пансионах», а также брал уроки у частных учителей. В кадетском корпусе из военных дисцип-

---

¹ «Список о чинах Черниговской губернии, при должностях по выборам дворянства находящихся 1803 года...» (РГИА).

² Там же.

лин преподавались артиллерийское дело, фортификация, тактика, топография, строевая подготовка и стрельба. Также Николай изучал алгебру, геометрию, тригонометрию, геодезию, российскую грамоту, историю, географию, французский и немецкий языки, рисование и закон Божий (Мозгалевский 1975: 355). Н.О.Мозгалевский состоял в числе лучших воспитанников *«по общим наукам и по строевым занятиям»*. Начальник корпуса даже поручил ему приветствовать на французском языке императора Александра, когда тот посетил корпус. *«За это кадет Мозгалевский удостоился высочайшей благодарности»*.

Из Первого кадетского корпуса в 1821 году Мозгалевский был выпущен прапорщиком и определен в Саратовский пехотный полк. В 1823 г. он получил чин подпоручика, будучи в то время офицером 3-й мушкетерской роты этого полка. Во время следствия по делу декабристов один из рядовых 3-й роты Саратовского полка показал:

«Подпоручик Мозгалевский запрещал фельдфебелю бить солдат, он говорил, что это зазорно для воина русского, как и для всякого человека. Сам подпоручик никогда никого даже пальцем не тронул, не ругал, а старался понятно объяснить, фельдфебелю и солдатам приказывал не сквернословить, не лаяться друг с другом».

Адъютант Главного штаба 1-й армии Сотников, посланный в Саратовский пехотный полк, в своем рапорте от 26 марта 1826 года дежурному генералу штаба 1-й армии сообщал, что *«о подпоручике Мозгалевском... солдаты сожалеют и говорят, что он для них был весьма добр»* (Сотников 1929: 115).

Возможно, военная карьера Н.О.Мозгалевского могла бы сложиться вполне удачно, если бы он не вступил в Общество соединенных славян. Привлек его в тайное общество в августе 1825 года скорее всего прапорщик Саратовского пехотного полка Иван Шимков. И с тех пор у подпоручика бывали многие участники общества, в том числе барон В.Н.Соловьев, М.М.Спиридов. Судя по показаниям одного вестового, у Мозгалевского бывали военные разных чинов из разных полков. *«На сборищах рядовые не стояли в присутствии господ офицеров, как полагается по уставу, а сидели запросто как ровня»*.

Сам Мозгалевский привлек в тайное общество юнкера Саратовского пехотного полка В.И.Шеколлу. Викентий Шеколла в ходе следствия при штабе 1-й армии показал:

«... в августе месяце прошлого 825 года... прислал за мною подпоручик Мозгалевский. Прибыв к нему в палатку перед вечером, где тогда никого не было, он, Мозгалевский, после обычного приветствия начал

жаловаться на притеснения начальников, на тяжесть службы, на угнетение оною солдат, потом, объявив мне, что для исправления всего того и приведения в лучший порядок составляется тайное общество, приглашал меня вступить в члены оного».

Далее Шеколл показал, что Мозгалевский вместе со Спиридовым говорили ему о том, что

«привязывать к себе солдат должно для того, что как для исполнения предприятий основана была вся на них надежда, то чтоб, когда надобность востребует, были они в готовности действовать» (Шеколл 2001: 355–356, 357–358; ср. фрагменты показаний В. И. Шеколлы: *Восстание Черниговского полка 1929*: 356–357).

Мозгалевский присутствовал почти на всех собраниях Общества соединенных славян, совместных с Южным обществом, на которых решался вопрос об объединении и открыто высказывались мысли о необходимости «военной революции», установления республики, и клялся вместе с другими «славянами» в верности задуманному делу.

Мозгалевский был арестован, как член тайного общества, а следовательно, участник заговора против существующего государственного порядка, 13 февраля 1826 года в Житомире по приказу начальника Главного штаба 1-й армии К. Ф. Толя. Оттуда он был доставлен в Петербург и первоначально заключен на Главную гауптвахту; 22 февраля отправлен в Петропавловскую крепость. В сопроводительной записке Николая I к коменданту крепости А. Я. Сукину говорилось: *«присылаемого Мозгалевского посадить по усмотрению и содержать строго»*. Поместили его в арестантский покой №39 Невской куртины. (*Декабристы 1988*: 114).

Приговором Верховного уголовного суда Н. О. Мозгалевский, как преступник восьмого разряда, был осужден к ссылке на вечное поселение в Сибирь, с лишением чинов и дворянского достоинства – за принадлежность к тайному обществу *«со знанием цели»*. Вскоре срок был сокращен до 20 лет. На этом военная карьера декабриста Мозгалевского прервалась. Оставшуюся часть жизни он прожил в Сибири, где женился на местной мещанке Евдокии Ларионовне Агеевой и имел восьмерых детей: 4 мальчиков и 4 девочек.

Военную династию Мозгалевских продлил младший сын декабриста, Виктор Николаевич. Когда Николай Осипович скончался в Минусинске в 1844 году, в возрасте 43 лет, от чахотки, Виктору было всего 9 месяцев. Судьба сына государственного преступника могла быть печальной, но надо отдать должное жене декабриста, которая,

оставшись одна, не пала духом, а приложила все свои усилия для того, чтобы устроить как можно лучше судьбу своих детей. Евдокия Ларионовна добилась разрешения для поступления Виктора Мозгалевского в Первый кадетский корпус. Денежную помощь для отправления сына в далекий путь в столицу она получила от И.И.Пущина (он, как и Е.И.Якушкин, П.И.Фаленберг и другие – ранее оказывал материальную помощь семье умершего товарища).

В Первом кадетском корпусе, где когда-то учился его отец, Виктор Мозгалевский обучался на средства, выделяемые Московским опекунским советом. Военное образование он продолжил в 1-м Павловском военном училище, откуда он был выпущен в чине прапорщика в 1867 году и назначен в 3-й С.-Петербургский гренадерский короля Фридриха-Вильгельма полк. В 1872 году он получил чин подпоручика, а в следующем году – поручика. В апреле 1877 года за хорошую службу В.Н.Мозгалевский награждается орденом Св. Станислава, и вскоре назначается командиром роты. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что служба сына декабриста в мирное время шла успешно.

Однако самых значительных успехов в военной карьере В.Н.Мозгалевский добился, конечно, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В его послужном списке указано: «...*Мозгалевский находился в походах и делах в европейской Турции во 2, 3 и 4-ом периодах компании 1877–78 гг.*» (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.18280). В войне Виктор Николаевич принял участие в составе Санкт-Петербургского гренадерского полка. В августе 1877 года этот полк был переброшен из Варшавы в Унгены, затем по территории Румынии он продвинулся на Балканы. По дороге Мозгалевский был произведен в штабс-капитаны (30 августа).

В сентябре 1877 года Санкт-Петербургский полк прибыл к Плевне. Как раз в это время, после трех неудачных атак, началась осада города. Полк принял участие в строительстве редутов под огнем неприятеля. Мозгалевский строил редут, который именовался редутом Старынкевича. Дело это было весьма опасным, хотя общие потери составили не слишком большую цифру – полк потерял около 10 человек. К ноябрю положение турок в Плевне стало критическим, они голодали уже больше месяца. Постоянные перестрелки между русскими и турецкими отрядами приводили к большим потерям с обеих сторон. В одной из таких перестрелок участвовал Мозгалевский. В конце ноября Осман-паша, который руководил обороной Плевны, принял решение вырваться из окружения. Но атака, в которой Осман-пашу ранили, не принесла желаемых результатов, и турки выбросили белый флаг. В этом бою, в присутствии самого императора Александра II, участвовал и Мозгалевский, после сражения состоялся благодарственный молебен в память

погибших, а затем – вручены награды командирам и особо отличившимся офицерам. В.Н.Мозгалевский был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами и бантом. В ходе русско-турецкой войны он участвовал в переходе через Балканы зимой 1877–1878 гг., под началом генерал-адъютанта И.В.Гурко. Наиболее яркими эпизодами этого перехода были сражение у деревень Ташкисени и Петричева. Во всех этих делах принимал участие Мозгалевский, за что был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

3–5 января 1878 года войска под командованием Гурко одержали блестящую победу при Филиппополе. Мозгалевский был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Это была третья награда за компанию, украсившая его грудь.

После взятия Филиппополя русские войска двинулись к Адрианополю, – это был тяжелый поход для обессиленных в боях и переходах офицеров и солдат; многие погибали от голода, плохих погодных условий и болезней. Из Адрианополя Мозгалевский вместе со своим полком отправился в Силиври на берегу Мраморного моря, в Россию он вернулся только в августе 1878 года.

После войны В.Н.Мозгалевский нес военную службу также исправно. В 1880 году во время показательных учений он был награжден 1-м императорским призом в 200 рублей за отличную стрельбу. В августе 1889 года он был произведен в подполковники и в этот же день награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В апреле 1890 года его назначили командиром батальона, а в 1894 году он получил чин полковника. В 1895 году Мозгалевский был переведен в Варшаву, а в следующем году – награжден серебряной медалью в память императора Александра III. В 1897 году Мозгалевский был награжден темно-бронзовой медалью за участие во всеобщей переписи населения. В 1900 году последовала очередная награда – орден Св. Владимира 3-й степени. В 1904 году В.Н.Мозгалевский стал генерал-майором. Этот чин стал для него последним, так как в 1906 году он вышел в отставку. Скорее всего, отставка была связана с состоянием здоровья. Умер Виктор Николаевич от кровоизлияния в мозг, похороны состоялись в Москве 7 сентября 1914 года на кладбище Донского монастыря.

В.Н.Мозгалевский был женат на дочери купца 2-й гильдии Марии Петровне Дементьевой. У него были два сына – Виктор и Павел – и дочь Мария. Сыновья генерал-майора пошли по стопам отца.

Старший сын, Виктор Викторович, сначала учился в Нижегородском кадетском графа Аракчеева корпусе, а затем в Павловском военном училище. Службу начал подпоручиком в лейб-гвардии Волынского полку – и, видимо, успешно, так как в первый же год своей службы (1896) он был награжден медалью «*за ревностную службу*» 2-го класса.

Но дальнейшая его судьба нам пока не известна (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.12, 28, 143 (послужной список)).

Младший сын В.Н.Мозгалевского Павел закончил те же учебные заведения, что и его старший брат. В тот же Волынский полк он пришел подпоручиком в 1900 году. В 1906 году он получил чин поручика, в 1910 году – штабс-капитана. Занимал должности заведующего полковой хлебопекарней, командира нестроевой роты, полкового казначея. Был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Он проявил способности не только по военной службе, закончив курсы венгерского языка при штабе Варшавского военного округа.

Павел Мозгалевский, будучи уже ротным командиром, принял участие в боевых действиях в ходе Первой мировой войны на Северо-западном фронте. В 1914 году у села Константинова он был ранен, награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После выздоровления в январе 1915 года снова отправился на фронт, а 16 марта того же года он принял участие в ночной атаке у м. Буды Пржссеки и был убит. Посмертно награжден орденами Св. Станислава с мечами и бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами (РГВИА. Ф.2573. Оп.2. Д.225).

Участником Первой мировой войны был еще один потомок Н.О.Мозгалевского – Василий Васильевич, правнук по линии другого сына декабриста, Александра. Он окончил семь классов Красноярской гимназии, а затем поступил в Киевское военное училище Великого князя Константина Константиновича. Начал службу в Сибирском горном артиллерийском дивизионе. В 1914 году В.В.Мозгалевский побывал у своего дяди, генерал-майора В.Н.Мозгалевского, о котором говорилось выше. Последний помог ему перевестись в лейб-гвардии Финляндский полк. Вскоре после начала Первой мировой войны полк был полностью разгромлен в составе армии Самсонова в Восточной Пруссии. Но В.В.Мозгалевский остался жив. За отличие в сражении под городом Августовым в Царстве Польском он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и вскоре произведен в младшие фейерверкеры. Затем его отправили в Киевское военное училище для продолжения учебы. Он с отличием окончил ускоренный курс, был произведен в прапорщики и отправлен в Нижний Новгород для продолжения службы (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.282. Л.743).

Участвовал Василий Мозгалевский в гражданской войне или нет – неизвестно. Скорее всего, не участвовал. Приблизительно в 1919 году он женился на Ларисе Андреевне Поповой и эмигрировал в Эстонию, где занялся предпринимательством. Там у него родились два сына, в 1922 году – Вадим, а в 1924 году – Андрей (отец автора настоящей статьи). Вскоре Лариса Андреевна развелась с мужем и вернулась в Россию к матери.

Оба сына В.В.Мозгалевского в дальнейшем явились участниками Великой Отечественной войны. Вадим погиб под Новороссийском, а Андрей Васильевич прослужил в вооруженных силах более 40 лет.

В Великой Отечественной войне приняли участие еще многие потомки декабриста Н.О.Мозгалевского: внуки, правнуки, праправнуки. Все они в той или иной степени явились продолжателями военной династии Мозгалевских. Однако материал о них так обширен, что требует отдельного исследования.

Литература

Восстание Черниговского полка 1929 – Восстание декабристов. Документы. Т. VI. М.; Л., 1929.

Декабристы 1988 – Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Мозгалевский 1975 – Дело Н.О.Мозгалевского // Восстание декабристов. Документы. Т. XIII. М., 1975. С.343-356.

Сотников 1929 – Рапорт старшего адъютанта 1-й армии капитана В.С.Сотникова от 26 марта 1826 г. // Восстание декабристов. Документы. Т. VI. М.; Л., 1929.

Шеколла 2001 – Дело В.И.Шеколлы, Л.Островского, А.С.Невенгловского, П.К.Головинского, Н.О.Красницкого, Костыры // Восстание декабристов. Документы. Т. XIX. М., 2001.

**ИСТОРИОГРАФИЯ
РЕЦЕНЗИИ**

Возобновление документальной серии «Восстание декабристов»

Рец.: Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Т. XIX. / Сост. К.Г.Ляшенко, О.В.Эдельман. М.: Издательство «РОССПЭН», 2001. 528 с. Тир. 1000.

В рамках серии «Восстание декабристов» на протяжении более 75 лет вводится в научный оборот уникальный по своему значению и объему комплекс первоисточников по истории декабристских тайных обществ – материалы процесса по «делу декабристов», сконцентрированные в особом фонде следствия и суда.

Масштабное издание имеет сложную историю, которая распадается на три периода. В первый период, отправной точкой которому послужил столетний юбилей событий 1825 г., издание документов следствия возглавил М.Н.Покровский (1925–1929; тома I–VIII, исключая VII). Тогда были введены в научный оборот такие первоклассные по своему значению источники, как «Алфавит» А.Д.Боровкова, следственные дела ведущих членов Северного, Южного обществ и Союза благоденствия (П.И.Пестеля, К.Ф.Рылеева, С.П.Трубецкого, Н.М.Муравьева и других), лидеров Славянского общества, а также дела главных участников восстания 14 декабря 1825 года и документы, освещающие мятеж Черниговского пехотного полка. Второй период, начавшийся 125-летним юбилеем выступления 1825 г., когда серию возглавила М.В.Нечкина (1950–1969; тома VII, IX–XII), был отмечен первой академической публикацией «Русской Правды» П.И.Пестеля и изданием ряда следственных дел видных деятелей тайного общества на юге. Наконец, третий период в истории документальной серии начался в связи с 150-летием выступления на Сенатской площади в 1975 г. и продлился до середины 1980-х гг. (тома XIII–XVIII). Последний по времени XVI том вышел из печати в 1986 г.

Как известно, XV томом (1979) завершилась публикация следственных дел 121 лиц – всех, кто был предан Верховному уголовному суду. После этого из печати вышли тома, включающие важнейшие документы следствия и суда – т. н. «журналы» и «докладные записки» Следственного комитета, документы Ревизионной и Разрядной комиссий и собственно материалы Верховного уголовного суда (соответственно – XVI (1986) и XVII (1980) тома серии).

Одновременно с этим, в начале 1980-х гг. было принято решение о публикации дел участников тайных обществ, не преданных Верховному уголовному суду. В 1983 г. началась последняя стадия подготовки XVIII тома, включившего 28 персональных дел членов Северного общества и северных филиалов Южного общества, не преданных суду. Он вышел в свет в 1984 г. Тогда же был составлен том, посвященный членам Южного и Славянского обществ, также не преданных суду (об этом писала во вступительной статье к XVIII тому М. В. Нечкина (1984: 7), и началась работа над XX томом, в который вошли дела членов декабристских тайных обществ до 1821 г.¹

Однако после кончины М. В. Нечкиной (1985) выход в свет новых томов серии приостановился; издание подготовленных к печати XIX и XX томов было отложено, наступила длительная пауза. Столь значительный (почти 15-летний) перерыв порою заставлял исследователей считать серию завершенной; по своей протяженности он сопоставим лишь с другим большим промежутком – между VI томом, изданным в 1929 году, и IX, появившемся в 1950 г., прошел 21 год.

Ныне публикация документов судебно-следственного процесса над декабристами возобновлена XIX томом, вышедшим под редакцией члена-корреспондента РАН В. П. Козлова и директора ГА РФ д. и. н. С. В. Мироненко. Том посвящен памяти М. В. Нечкиной, которая инициировала возобновление серии в 1950 г. и на протяжении 35 лет неизменно стояла во главе издания. Он включает дела членов Южного общества и «Общества соединенных славян», не преданных Верховному уголовному суду и наказанных в административном порядке (т. н. «исправительным наказанием»), и тем самым продолжает публикацию следственных дел этого ряда, начатую XVIII томом. Издание содержит 26 следственных дел 32 членов тайных обществ, в приложении печатается еще ряд следственных дел.

Группа декабристов, не судившихся Верховным уголовным судом, количественно мало уступает группе осужденных. В число не преданных суду входят лица, которых, как правило, не считают декабриста-

---

¹ См. об этом: «Восстание носило чисто демократический характер»: О возобновлении документальной серии «Восстание декабристов» рассказывают К. Г. Ляшенко и А. В. Семенова // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 52–53.

ми: их называют «декабристской периферией», а чаще рассматривают как «спутников» декабристов, «привлеченных к делу декабристов», «причастных к тайным обществам». Лишь немногие, наиболее известные из них (главным образом, крупные деятели ранних декабристских обществ, такие как М.Ф. Орлов, Ф.Н. Глинка, И.Г. Бурцев), включаются в число декабристов. Между тем, многие представители этой группы играли заметную роль в истории тайного общества наряду с осужденными по делу, и нередко даже более значительную, чем некоторые из осужденных, в особенности по низшим VIII–XI разрядам, иногда вовсе не состоявших в тайных обществах (например, вошедшие в декабристский заговор в период междоусобия офицеры гвардейских полков). Не меньшее право называться декабристами имеют такие видные деятели тайных обществ, не преданные суду, как секретарь Союза благоденствия и видный участник едва ли не всех тайных обществ С.М. Семенов, другое заметное лицо в декабристской конспирации – Павел И. Колошин, энергичный деятель филиала Южного общества в Петербурге А.С. Горожанский, состоявшие в тайных обществах и сыгравшие не последнюю роль в событиях 14 декабря 1825 года Д.А. Искрицкий и С.М. Палицын, возглавлявший «полууправу» Северного общества при Главном штабе 1-й армии в Могилеве П.П. Титов (дела всех перечисленных лиц опубликованы в 1984 г. в составе XVIII тома).

Декабристы, дела которых составили XIX том, – действительно, фигуры в большинстве своем малоизвестные (как многие из тех, кто был наказан без суда), редко встречающиеся на страницах даже специальной литературы. Это – лица, традиционно воспринимаемые как «второстепенные», «рядовые» члены тайного общества. Но и среди них встречаем людей интересных, значимых в общем культурно-историческом контексте. Это поэт Я.А. Драгоманов (известный украинский общественный деятель М.П. Драгоманов приходился ему племянником; см. о нем: **Драгоманов 1992**), Н.Н. Семичев – добрый знакомец А.С. Пушкина, упомянутый им в «Путешествии в Арзрум», эмигрант-француз на русской службе граф Ираклий Полиньяк (родной дядя главы французского правительства в 1829–1830 гг. О.-Ж.-А. Полиньяка), мемуарист Е.Е. Лачинов (см. о нем: **Лачинов 1994**), родственник главнокомандующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна П.И. Горленко; любопытна также фигура разжалованного из полковников артиллерии (за растрату казенных денег) 51-летнего рядового-черниговца Ф.М. Башмакова.

В XIX томе публикуются дела лиц, принадлежавших ко всем трем известным управам Южного общества. К Тульчинской управе относятся С.П. Юшневский (младший брат одного из руководителей Южного общества генерал-интенданта 2-й армии А.П. Юшневского), П.М. Ле-

ман, И.Н.Хотяинцев (состоявший еще в Союзе благоденствия), Е.Е.Лачинов, И.Ф.Юрасов, П.И.Горленко, А.Мартынов. Васильковскую управу, активно набиравшую офицеров в полках 1-й армии, представляют артиллерийские офицеры подполковник А.Н.Фролов, капитан М.И.Пыхачев и поручик Д.А.Нащокин, штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка И.П.Жуков, офицеры Ахтырского гусарского полка Н.Н.Семичев и Е.Е.Пфейлицер-Франк, а также принятый Федором Вадковским в 1823 г. его младший брат, подпоручик 17-го Егерского полка А.Ф.Вадковский. Каменскую управу представляет уехавший во Францию И.И.Полиньяк.

Вторую часть публикуемых в томе материалов составили дела членов «Общества соединенных славян». Среди них несколько достаточно известных имен. Из их числа стоит выделить давних участников Славянского общества А.Д.Высочина, Н.О.Красницкого (оба приняты еще в 1824 г.), А.В.Усовского и П.К.Головинского. Кроме того, имеются дела вступивших в общество весной-летом 1825 г. Я.А.Драгоманова, Костыры, В.И.Шеколлы, польских шляхтичей Ф.А.Жебровского, Л.Островского и А.С.Невенгловского, а также присоединившихся к «славянам» на этапе переговоров с Южным обществом Н.И.Тиханова, И.М.Черноглазова, Н.И.Бельченко и П.А.Зарецкого.

В итоге в XIX том вошли дела большого круга членов тайных обществ на юге, офицеров и чиновников как 1-й, так и 2-й армии, дела которых содержат новые подробности, связанные с конспиративной активностью как этих, так и других, в том числе влиятельных, участников декабристских союзов.

Следует особо подчеркнуть, что не все из перечисленных лиц привлекались к главному, петербургскому следствию. Некоторые из них в Петербург доставлены не были (разумеется, произошло это с санкции высшей власти, поскольку они считались «менее виновными», менее важными участниками заговора), – но в таком случае, как правило, эти лица привлекались к следствию при главных штабах 1-й и 2-й армий. Поэтому в публикуемых делах имеются копии допросов, проведенных на юге и, с другой стороны, показания находившихся в Петербурге подследственных (в основном, лидеров «южан» и «славян») о лицах, привлеченных к следствию на юге, а также материалы служебной переписки с военным руководством 1-й и 2-й армий.

Последующая судьба декабристов, не преданных Верховному уголовному суду, была различной: одних ожидал военный суд и приговор, сопоставимый по «силе» наказания с вынесенными по «большому процессу» в Петербурге: очевидно, их вина, обнаруженная следствием, была достаточно значительной: помимо черниговца А.А.Быстрицкого, к числу таковых относятся осведомленный о замыслах воинского мятежа

Ф.М.Башмаков, член Южного общества Е.Е.Лачинов и «Славянско-го» А.В.Усовский. Многих, после кратковременного заключения, перевели в другие полки, в основном на Кавказ; наконец, за некоторыми был учрежден полицейский надзор. Те же, кто был доставлен в Петербург и привлечен к главному следствию, на основании специальных «высочайших» приказов после крепостного заключения (сроком от одного месяца до нескольких лет) были переведены в отдаленные гарнизоны или в полки Кавказского корпуса с учреждением надзора.

Среди декабристов, дела которых публикуются в томе, присутствуют и те, кто находился в рядах общества продолжительное время, и те, кто получил лишь самые первые о нем сведения, кто присоединился к нему в последние месяцы и даже дни его существования (например, формально вступившие в круг тульчинских заговорщиков в смутные дни междуцарствия П.И.Горленко, Е.Е.Лачинов, И.Ф.Юрасов). В большинстве своем это лица, по оценке составителей тома, мало включенные в деятельность тайного общества.

Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что публикуемые материалы имеют малую ценность и служат лишь дополнительным материалом для историка.

Документы проясняют степень вовлеченности в тайное общество каждого из 32 человек, характеризуют их взгляды и настроения, служат ценнейшим материалом для характеристики их личностей. Но дело не только в том, что опубликованные материалы впервые в полной мере открывают перед нами новые имена декабристов, вскрывают новые обстоятельства в истории тайного общества. Не менее важно и то, что показания этих людей представляют собой новые свидетельства, касающиеся уже известных фактов, это еще одна ретроспекция событий. Ценность документов в этом отношении исключительна.

Вновь публикуемые дела содержат большое количество сведений о специфической активности участников тайного общества: о том, как искали единомышленников, как «обрабатывали» новообращаемых, как «готовили» их к вступлению в общество, какие данные сообщали им о целях тайного общества и т.д. Имеется множество сведений об организационных принципах тайного общества, программных и уставных требованиях, о собраниях, способах агитации, приобретении новых членов, о взаимоотношениях в среде членов тайных обществ.

Показания целого ряда лиц демонстрируют знание ими политических целей тайного общества, замыслов вооруженного выступления и планов государственных и социальных преобразований. К их числу относятся, например П.М.Леман и С.П.Юшневский (которым П.И.Пестель читал отрывки из своих политических сочинений, «некоторые предположения» – С.26, 70), И.П.Жуков, многие «славяне» – А.В.Усов-

ский, И. М. Черноглазов, П. К. Головинский, В. И. Шеколла и другие. При этом возникает вопрос: так ли уж эти участники обществ, по крайней мере некоторые из них, «второстепенны»? Не служат ли материалы следствия в данном случае своеобразным кривым зеркалом?

Материалы XIX тома показывают осведомленность т. н. «декабристской периферии» о важнейших событиях внутренней истории тайных обществ, о многих сторонах их деятельности (количественный рост Васильковской управы на смотре в Белой Церкви в 1824 г. и в Лещинском лагере в 1825 г., деятельность «Славянского общества» до присоединения к Южному, совещания «славян» в Лещинском лагере, сложная цепь событий декабря 1825 – января 1826 г. на юге, выступление Черниговского пехотного полка). В помещенных в томе делах отразились данные о содержании споров на собраниях членов общества, о переговорах при объединении Южного и «Славянского» обществ, о настроениях и взглядах «периферии» тайного общества и т. д.

Однако особенно важны содержащиеся во вновь публикуемых следственных делах показания о характере, целях и средствах тайного общества. Так, Н. Н. Семичев настаивал на том, что общество, о котором он узнал, хотя и преследовало политические намерения, но не являлось «разрушительным», противогосударственным заговором, а имело целью «искоренение злоупотреблений» и основывалось на правилах нравственности (С. 117). Это показание далеко не одиноко. Примерно то же, не отрицая политического характера конспирации, утверждали «славяне» А. В. Усовский и Я. А. Драгоманов (С. 294, 304).

К числу наиболее часто повторяющихся мотивов при характеристике политических намерений тайного общества относятся прежде всего ограничение власти монарха и введение конституционного правления (молодых армейских офицеров звали присоединиться к «Обществу конституционистов» – С. 246). Это еще раз демонстрирует жизненность и популярность такого рода настроений в русском обществе начала 1820-х гг., подготовленных всей предыдущей эпохой. Определенное значение имело, несомненно, недовольство хаотичностью «законов» и их «неисполнением», а также условиями военной службы. Так, юнкер Драгоманов в своих показаниях указывал на «тяжесть службы» – офицерской и солдатской (С. 308). Еще один основополагающий элемент – желание облегчить положение крепостных крестьян. О насущности этого далеко не абстрактного для армейского офицера вопроса свидетельствуют показания тех же Драгоманова и Усовского. В них сквозит искренняя убежденность в необходимости изменения положения крепостных:

«Поручик Кузьмин, слыша часто мои соболезнования о бедствиях и угнетении крестьян, воспользовался таковыми моими чувствами и победил мое несогласие и упорство. Я не мог взирать без сердечного соболезнования на сие гибельное введение крестьянства, унижающее человечество. Сие исчадие грубого невежества, лишаящее тысячи людей свободы, сего драгоценнейшего права природы, обрекает их на всю их жизнь на одни бедствия... они не имеют никакого голоса, никакого участия в политическом своем существовании» (С.292).

Эти слова принадлежат скромному «рядовому» армейскому офицеру Усовскому, воспитаннику 2-го кадетского корпуса. Не подобного ли рода откровенные высказывания стали причиной предания Усовского военному суду, между тем как его однополчанин, находившийся вместе с ним под следствием при Главном штабе 1-й армии и также признавшийся в своем членстве в Славянском обществе, юнкер Драгоманов, отделался лишь административным наказанием?

Так или иначе, документы несомненно свидетельствуют о сознательном участии многих «периферийных» членов декабристских союзов в политической конспирации, показывают, что даже те декабристы, кто не обладал большим весом в тайном обществе, кто, казалось бы, не относился к декабристскому «ядру», являлись убежденными сторонниками социальных преобразований (в частности, реформы крепостного права) и политических изменений. Среди них незаменимую ценность в этом отношении представляют показания Е.Е.Лачинова, «славян» Я.А.Драгоманова и А.В.Усовского.

Политическое направление тайного общества, которое приобрело на следствии криминальный «антигосударственный» характер, для многих его участников воспринималось накануне событий 1825–1826 гг. как нацеленность на преодоление общественного «зла» и перемены в политическом устройстве.

Сценарий реализации намерений тайного общества («средства») представлен не так четко, как его цели и общий политический характер – он колеблется от обращения к высшей власти («*довести до сведения*» императора, «*просить*» конституции) до предъявления к ней требований (С.257–258) и ориентации на военную силу, вплоть до испанского сценария – «*требовать конституции, двинувши войска*» (С.327). При этом любопытно отметить, что значительная часть рядовых участников была настроена вполне определенно: многие, одобряя введение «конституции», желали, чтобы она была дана государем: «... *хотя я и хотел Конституции, но не возмущений*», – говорил И.М.Черноглазов (С.258). Большинству же из «мало замешанных» открывалась возможность ссылаться в опасном вопросе о «средствах» на свою неосведомленность.

В агитации и расширении влияния тайного общества использовались в первую очередь мотивы нравственного (общество основано на «*правилах добродетели*») и патриотического характера, и это наглядно демонстрируют публикуемые документы. Важную роль играли корпоративные принципы – на это была рассчитана информация о том, что в тайном обществе состоит большая часть офицеров гвардии и армии, причем в высоких чинах (С.308–309).

Документы тома освещают некоторые конкретные сюжеты, связанные с членами тайных обществ, дела которых помещены в томе. Перечислим некоторые из них, наиболее значимые:

- временное сокрытие бумаг П.И.Пестеля, в том числе «Русской правды», у майора А.Мартынова (дела самого А.Мартынова, П.М.Лемана и Е.Е.Лачинова, которые служат новым ценным материалом, дополняющим опубликованные ранее дела П.И.Пестеля, Н.А.Крюкова, А.И.Черкасова, Н.Ф.Заикина, Н.С. и П.С.Бобрищевых-Пушкиных и других).

- деятельность Тульчинской управы в период междуцарствия (дела Е.Е.Лачинова, С.П.Юшневского, П.И.Горленко, И.Ф.Юрасова, И.В.Рынкевича).

- события в Ахтырском гусарском полку в дни выступления соседнего Черниговского полка (дела Н.Н.Семичева и Е.Е.Пфейлицера-Франка – оба, кстати, являлись эскадронными командирами ахтырцев).

- приезд А.Ф.Вадковского к восставшим черниговцам (дело А.Ф.Вадковского) и т.д.

Здесь имеются новые данные об активности С.И.Муравьева-Апостола и М.П.Бестужева-Рюмина (в частности, в привлечении новых членов в 1824–1825 гг.), характеристика настроений и намерений А.З.Муравьева, сведения о действиях П.И.Пестеля, А.П.Барятинского и других лидеров Тульчинской управы.

Материалы, вошедшие в состав тома, имеют большое значение и для изучения деятельности Славянского общества. Документы содержат уникальную информацию о программе, пропагандистских приемах, организационных принципах Славянского общества до его объединения с Южным. Они еще раз подтверждают, что это тайное общество, возникшее отдельно от основной линии развития декабристских союзов, до своего слияния с Южным также носило достаточно выраженный политический характер: согласно показаниям, публикуемым в XIX томе, – оно в этот период имело в виду «*улучшение правительства*» (дело Я.А.Драгоманова – С.304), ограничение власти монарха (дело П.К.Головинского – С.357).

Перечислим некоторые из важных сюжетов о Славянском обществе, нашедшие отражение в материалах тома:

– взаимоотношения с периферией общества: дела Н.О.Красницкого, польских шляхтичей Л.Островского и А.С.Невенгловского, отдавшегося от Славянского общества А.Д.Высочина, близкого к П.И.Борисову юнкера П.К.Головинского.

– объединительные собрания членов Славянского и Южного обществ в Лещинском лагере. Особенно интересны в этой связи показания М.П.Бестужева-Рюмина в деле А.В.Усовского, показания самого А.В.Усовского, а также Я.А.Драгоманова, И.М.Черноглазова и Н.И.Тиханова. Последние передают также сведения о прочитанном на собрании изложении «Русской правды» – «Конституции – Государственном завете». В делах Усовского, Тиханова и Шеколлы приводится содержание выступлений М.П.Бестужева-Рюмина, А.С.Пестова и М.М.Спиридова на объединительных собраниях в Лещинском лагере.

– планы военного выступления и намерения воздействовать на солдат (дела П.А.Зарецкого, И.М.Черноглазова, П.К.Головинского).

– попытки поднять ряд полков в поддержку Черниговского полка в связи с обнаружением тайного общества (дела «южанина» Д.А.Нащокина, П.А.Зарецкого).

Публикуемые документальные свидетельства служат новым важным источником для изучения специфических особенностей внутренней жизни Славянского общества. Все эти документы дополняют материалы уже опубликованных в V и XIII томах дел «славян».

Материалы дел, в частности, обнаруживают большое сходство в средствах пропаганды и вовлечения новых участников Славянского общества с аналогичными приемами Южного общества. Существенная особенность: если в Южном обществе при вступлении отбиралось лишь «*клятвенное обещание*» держать в тайне существование общества (С.67, 172), то в Славянском при привлечении новых членов была распространена угроза кары отступника смертью (С.304).

Публикуемые документы следственных дел проясняют малоизвестные в литературе обстоятельства, не исключая представлений о персональном составе тайных обществ. Так, в деле о Кавказском тайном обществе имеется показание П.И.Пестеля о Митавском филиале Союза спасения. Среди названных им лиц – умерший в 1818 г. на дуэли полковник Петрулин. Я.В.Петрулин – член Союза спасения, не отраженный в «Алфавите» А.Д.Боровкова.²

---

² См. о нем в нашей статье «Безвестные декабристы» в IV выпуске настоящего сборника.

Еще один пример. Названный И. П. Жуковым Лев Сенявин был переведен в Кременчугский пехотный полк из лейб-гвардии Семеновского в конце 1820 г. в связи с известной «семеновской историей» (С. 49, 51). Членство Л. Сенявина в Южном обществе М. П. Бестужев-Рюмин на следствии клятвенно отрицал (*Декабристы* 1988: 318), однако это обстоятельство не может быть несомненным доказательством того, что Сенявин не был причастен к тайному обществу. Благодаря материалам дела И. П. Жукова выясняются новые биографические данные о Л. Сенявине.

Другой бывший юнкер Семеновского полка Д. А. Молчанов, как свидетельствует дело А. Ф. Вадковского, был извещен о существовании тайного общества и предупрежден о начале выступления (С. 174). Все трое бывших юнкеров-семеновцев (Вадковский, Молчанов, Сенявин) некоторое время служили в Кременчугском пехотном полку вместе с Жуковым. Причастность к тайному обществу Сенявина и Молчанова не вызывает сомнений.

Документы вновь изданных следственных дел уточняют биографические данные, особенно малоизвестных лиц. Так, они корректируют сведения об отчестве П. А. Зарецкого. По собственному свидетельству, его звали не Петр Аникеевич, как утверждается в биографическом справочнике «Декабристы», а Петр Алексеевич (С. 325; ср.: *Декабристы* 1988: 71).

Следует добавить, что публикуемые дела содержат показания не только подследственных, дела которых включены в состав тома. Почти в каждом деле рядом с ними соседствуют показания лидеров общества – П. И. Пестеля, А. П. Юшневского, А. П. Барятинского, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, М. П. Бестужева-Рюмина, П. И. Борисова и других. Они имеют, несомненно, значительную ценность. Материалы тома доносят до нас речи и беседы лидеров тайных обществ: П. И. Пестеля (дела С. П. Юшневского, П. М. Лемана, И. Н. Хотяинцева), М. П. Бестужева-Рюмина (дела офицеров-«южан» – гусар и артиллеристов, а также «славян»), С. И. Муравьева-Апостола и С. Г. Волконского (дело В. Л. Лукашевича), П. И. Борисова (дела Н. О. Красницкого, П. К. Головинского и других) и т. д. Это существенное дополнение многих важных свидетельств, содержащихся в делах, опубликованных ранее.

Составители тома (ответственный составитель К. Г. Ляшенко, О. В. Эдельман) проделали скрупулезную работу по оценке, отбору следственных дел, подготовке документов к печати. Усилиями составителей в состав тома вошел большой комплекс дел, освещающий многие важные сюжеты, связанные с историей тайного общества на юге и выступлением Черниговского полка.

Несколько слов о критериях отбора, заявленных во вступительной статье (автор – К.Г. Ляшенко). В статье говорится, что отбор дел проводился в соответствии с установленным следствием фактом принадлежности к тайному обществу, – когда подследственные признавали себя членами общества. Но в ряде случаев, как отмечает автор, в состав тома включены дела лиц, причастность которых к обществу на следствии не была полностью установлена (С.7).

Действительно, при знакомстве с материалами следствия выявляется довольно пестрая картина: некоторые из подследственных не признались в своем членстве, вопреки имевшимся показаниям других подследственных о принадлежности их к тайному обществу (А.Н. Фролов, А. Мартынов, Костыра). Другие стремились доказать, что получили лишь самые поверхностные сведения об обществе, но не являлись его членами, не дав формального согласия на свое вступление (особенно это касается группы т.н. «*полупринятых*»). Это – вопрос тактики поведения на следствии, заслуживающий отдельного и весьма внимательного изучения, лишней раз доказывающий, насколько сложной является процедура установления причастности к декабристским обществам.

О том, что именно открывалось «*полупринятым*» членам, сообщал С.И. Муравьев-Апостол в показаниях о А.Н. Фролове: «*не открывая ему ни состава, ни средств общества, а показав ему... нрав* (т.е. политический характер и цели – П.И.) *оного...*» (С.92; ср.: С.131–132). К числу такого рода членов он отнес еще гусарских и артиллерийских офицеров. Представители данной группы знали о существовании и политической цели тайного общества, не исключая ограничения власти императора (С.131). Характерно, что поступившие в этот разряд внутри тайного общества считались сочленами, и в этом качестве фигурируют в показаниях других подследственных (С.132–133).

С другой стороны, «*полупринятым*» открывалась возможность отрицания своей формальной принадлежности к тайному обществу. Это отличало линию защиты М.И. Пыхачева, Д.А. Нащокина, А.Н. Фролова, Н.Н. Семичева и других: почти все они вплоть до окончания следствия отрицали свое членство в тайном обществе. Аналогичной ситуацией воспользовались и «славяне», прием которых в общество также, очевидно, не включал всех необходимых процедур (П.А. Зарецкий, Н.И. Бельченко, Н.И. Тиханов, И.М. Черноглазов). Так, Зарецкий и Бельченко отрицали свое членство, несмотря на то что имелись показания об их приеме, о том, что в обществе знали, что они «*приняты*». Тем не менее, упорное отрицание ими формальной принадлежности и отсутствие магического выражения – «член общества» – в показаниях главных «свидетелей» (главных обвиняемых) привели к тому, что в итоге следствие заключило, что каждый из них «*только знал*» о тайном

обществе, но не являлся его членом (С.321, 322). И это при том, что в присутствии Зарецкого обсуждалась возможность участия в мятеже Пензенского пехотного полка, а Бельченко познакомился с «*листочками Конституции*» и знал о «*злодейской цели*» общества (С.323–324, 333).

Материалы тома показывают, что стойкое отрицание своей причастности к «злонамеренному» тайному обществу (главный пункт обвинения, и это сознавалось как следователями, так и подследственными) обычно вело, даже при наличии показаний об обратном, к осторожным выводам следователей и в конечном счете к меньшему наказанию по сравнению с признавшимися в своем членстве и особенно – в знании политической цели.

Характерный пример тому дают дела А.Н.Фролова и Костыры. В отношении обоих имелись показания об их членстве в тайном обществе. Фролов упорно и категорически отрицал не только свое формальное членство в тайном обществе, но и какую-либо известность о его существовании, несмотря на показания С.И.Муравьева-Апостола и М.П.Бестужева-Рюмина о принятии его в «*3-й разряд*» членом еще в 1824 г. (С.89, 92). Тем не менее, следствие, очевидно, не поверило подполковнику и он получил жесткое административное наказание: продолжительное 6-месячное крепостное заключение. Но этот приговор был скорее исключением. Такая же линия защиты скромного провиантского чиновника 1-й армии Костыры оказалась гораздо более успешной: он был выпущен без наказания с установлением строгого надзора (С.366). Примерно тем же закончилось стойкое отрицание участия в тайном обществе майора Мартынова, несмотря на имевшиеся показания об открытии ему «*республиканской цели*» тайного общества (С.209, 214). В такого рода случаях следствие, очевидно, считало принадлежность к обществу, недоказанной. Что же касается случая Фролова, то здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что показания о его принадлежности исходили от лидеров заговора, а также его чин подполковника.

Разница в тактике на следствии и как результат – разница в выводах следователей и в «силе» наказания – особенно наглядно обнаруживается при сопоставлении дел двух офицеров, вошедших в состав Славянского общества осенью 1825 г. – Н.И.Тиханова и И.М.Черноглазова. Если Тиханов остался до конца верен отрицанию своего членства, настаивал на своем отказе вступить в тайное общество, признавая только осведомленность о существовании этого общества, и получил в итоге достаточно скромное наказание – месяц крепости и перевод в другую часть, то Черноглазов не смог провести эту линию до конца. Первоначально он также полностью отрицал и членство, и знание о существовании тайного общества. Затем, под давлением признания того же Тиханова, он признал свою осведомленность о существовании общества.

Наконец, на третьем этапе он сообщил, что ответил согласием на предложение стать членом общества, а затем подробно описал содержание своих контактов с А.С.Пестовым (прежние показания он оценил как *«ложное отрицание»* – С.255), из чего следовали знание им планов мятежа, а также известность о том, что тайное общество готово решить судьбу императора. Это привело к тому, что Черноглазов лишь чудом (наряду еще с двумя лицами) не был предан суду – только по *«снисхождению»* императора, что было особо подчеркнуто в особом дополнении к высочайшему приказу, однако его наказание не уступало приговору суда: два года крепостного заключения и перевод в дальний гарнизон (С.241, 262). И Тиханов, и Черноглазов знали примерно одно и то же, находились в одних и тех же отношениях к тайному обществу: им было открыто его существование и предложено быть членами, на что они согласились, однако почти не участвовали в собраниях. Неосторожность Черноглазова, видимо, состояла в том, что он не удержался открыть опасное политическое содержание своих разговоров, о котором Тиханов умолчал.

Наряду с достоинствами работы составителей нельзя не отметить и некоторые недостатки, оказавшие влияние на состав XIX тома. Так, за его пределами осталось следственное дело ротмистра Михаила Николаевича Паскевича (ГА РФ. Ф.48. Оп.1. Д.78). М.Н.Паскевич – офицер гусарского принца Оранского (Белорусского) полка, человек, близкий к И.П.Жукову, дело которого публикуется в томе. Офицер этот, по всей видимости, был человеком незаурядным: он перевел стихи *«на смерть дюка де Берри»* (герцога Беррийского), трактующие этот политический акт как антитираническое выступление. Он же распространил их среди сослуживцев и членов тайного общества (о чем свидетельствуют публикуемые в томе материалы дела И.П.Жукова). Паскевич, по показанию Бестужева-Рюмина, принадлежал к тому же разряду *«полупринятых»* членов Васильковской управы, что и другие гусарские офицеры и артиллеристы (Е.Е.Пфейлицер-Франк, Н.Н.Семичев, М.И.Пыхачев, Д.А.Нащокин), – лиц, не в полной мере извещенных о цели тайного общества, но давших согласие принадлежать к нему. Паскевич был арестован, привезен в Петербург, допрашивался Следственной комиссией и был наказан без суда. Почему его дело осталось за пределами тома? Причины этого составительского решения не ясны. Может быть, дело в том, что он не признался в своей формальной принадлежности к Южному обществу? Но ведь и Фролов, и Нащокин, и Пыхачев, и Мартынов в этом не признались, а их дела тем не менее в том вошли.

Освещение активности в тайном обществе на юге энергичного и деятельного Ф.Ф.Вадковского продолжили бы документы следственных дел А.Ю. и С.Н.Булгари, Ф.В.Барыкова, Ф.Я.Скарятин. О деятельно-

сти Южного общества в Москве новые сведения предоставило бы дело В.А.Бобринского. Некоторые важные дополнительные данные о тайном союзе на юге содержат дела оправданных следствием И.А.Арсеньева, Ф.Е.Врангеля и Д.А.Молчанова, по своему содержанию тесно примыкающие к опубликованным в томе. Некоторые из указанных дел вполне могли быть уместны в составе документального приложения к тому.

Еще одно решение составителей представляется достаточно спорным. Во вступительной статье отмечено, что некоторые следственные дела не были включены в состав тома по той причине, что они не содержат собственных показаний лиц, на которых были заведены:

«В тех случаях, когда следственное дело не содержало собственных показаний лица, на которое оно было заведено, а составлено из ответов других декабристов на вопрос Следственного комитета о его членстве в тайном обществе (причем, как правило, отрицательных), оно в том не включалось» (С.7).

Но принцип этот видится далеко не безупречным. Во-первых, в самом томе он нарушен: здесь публикуется дело покинувшего Россию еще до 1825 г. И.И.Полиньяка, в котором, разумеется, его собственные показания отсутствуют. Нет таких показаний и в публикуемом деле И.В.Рынкевича. Во-вторых, автор вступительной статьи отмечает, что в ряде случаев о членстве в тайном обществе того или иного человека следствие собрало информацию только от других членов, причем этот факт был известен 1—2 лицам. Наконец, многие из мало замешанных лиц в Петербург не вызывались, и показания, отобранные у них на юге, нередко отсутствуют в делах основного следствия.

В итоге читатель лишился возможности познакомиться с делами, в которых отразилась информация, полученная следствием в отношении целого ряда лиц, вошедших в орбиту Южного и «Славянского» обществ. Так, в состав тома могли бы войти материалы, собранные следствием относительно принадлежности к тайному обществу офицеров того же гусарского принца Оранского полка П.С.Веселовского и С.Поздева, членов «Славянского общества» Ольшевского, Е.Шультена, И.Скальмировского (ГА РФ. Ф.48. Оп.1. Д.127, 129, 130), о чем можно только сожалеть.

Все указанные здесь материалы в своем большинстве непосредственно примыкают к помещенным в томе и добавляют некоторые данные к опубликованным документам. Отсутствие их в данном издании приобретает особенное значение в связи с тем, что XIX том завершает публикацию дел членов Южного и Славянского обществ (Мироненко 2001: 6).

XIX том включает документальное приложение, в котором публикуются материалы еще 7 следственных дел и один отдельный документ. Стоит приветствовать эту новацию, – в предыдущих томах серии документальные приложения, как правило, отсутствовали, дополнения использовались в редких случаях. В VIII томе – это указатель Б.Л.Модзалевского и А.А.Сиверса, в XIV томе – записки В.И.Штейнгейля, не вошедшие в его следственное дело. По нашему мнению, это следует сделать постоянной практикой, что позволит публиковать источники, служащие ценным и необходимым дополнением к документам, помещенным в основной части.

В состав приложения вошли материалы, освещающие расследование вероятного существования Кавказского и Малороссийского тайных обществ. Дело о предполагаемом Кавказском обществе содержит некоторые из свидетельств, собранных в ходе незавершенного расследования о существовании политической конспирации в Отдельном Кавказском корпусе.

Логичным видится и появление в составе XIX тома объемного дела В.Л.Лукашевича, связывавшего Союз благоденствия с масонскими ложами на Украине и польскими национально-политическими союзами, а после 1821 г. контактировавшего с Южным обществом.

Другие материалы раздела касаются расследования частных, но проясняющих важные для внутренней истории тайного общества на юге обстоятельства: как С.Г.Волконский узнал о смерти Александра I прежде официального объявления, обстоятельства, связанные с отправлением письма А.Ф.Бригена к С.П.Трубецкому, написанного в связи с просьбой М.П.Бестужева-Рюмина доставить текст приказа о лишении полка И.С.Повало-Швейковского. Безусловно, определенный интерес представляют дела людей, близких к П.И.Пестелю – денщика С.Ф.Савенко и подозреваемого в качестве его порученца Д.М.Лошака, а также солдат, связанных с агитацией «славян» – И.С.Фадеева и И.Л.Гончарова. Вместе с тем полагаем, что в составе документального приложения вполне обоснованно могли найти себе место материалы расследований на юге, – в частности, допросы лиц, привлекавшихся к следствию в Могилеве или Тульчине, отложившиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива и отсутствующие в фонде петербургского следствия. Это – допросы и показания Н.И.Бельченко, П.А.Зарецкого, Костыры, В.И.Шеколы, Е.Е.Лачинова, А.Мартьянова, а также некоторых других лиц (например, Ф.Ф.Заикина, арестованного во 2-й армии в связи с участием в укрытии бумаг П.И.Пестеля), не приславшиеся в Петербург и дополняющие своим содержанием публикуемые следственные дела. Об их существовании красноречиво свидетельствуют материалы помещенных в томе дел (С.220–221).

Все документы, вошедшие в состав тома, публикуются впервые. Лишь считанные из них были введены в оборот ранее; некоторые из них цитировались в исследовательских работах (дела П.М.Лемана, Я.А.Драгоманова, В.Л.Лукашевича, о Кавказском обществе).

XIX том сохранил преемственность в серьезном уровне археографической подготовки документов, заслуженно получившей самую высокую оценку в научной литературе (Эймонтова 1976: 241–242). В подстрочных примечаниях тщательно отражены все особенности подлинника: следы работы над текстами их авторов (исправления, вставки, подчеркивания и т.д.), пометы и подчеркивания чиновников Следственного комитета и т.п.; воспроизводятся особенности оформления делопроизводственных документов.

Вступительная статья к материалам тома, написанная К.Г.Ляшенко, закономерно сосредоточена на роли каждого из подследственных, дела которых публикуются в томе, в тайном обществе, на значении документов каждого следственного дела как исторических источников. По кругу затрагиваемых вопросов она ориентируется на вступительные статьи М.В.Нечкиной, предпосланные к каждому из томов серии, начиная с IX, и составившие своеобразный комментарий к опубликованным персональным делам осужденных декабристов. По сравнению с циклом предисловий М.В.Нечкиной в данной статье, однако, почти отсутствуют сведения общеисторического и общекультурного характера, равно как и подробности биографий тех лиц, следственные дела которых вошли в состав тома: например, тех же Ф.М.Башмакова, Я.А.Драгоманова, И.И.Полиньяка.

Нельзя не указать и на некоторые неточности вступительной статьи. Так, Флегонт Башмаков был разжалован в рядовые не из офицеров Семеновского полка (С.12), он – бывший полковник артиллерии.³ Сведения о времени вступления в Южное общество С.П.Юшневского, имеющиеся в томе, противоречивы: во вступительной статье указан 1825 г., а согласно его собственным показаниям, он был принят в 1823 г. (С.10, 22). Разумеется, более авторитетным является последнее указание.

Отрадно отметить, что XIX том сохранил преемственность не только в принципах издания документов, но и в серийном оформлении. Это касается и его внешнего вида, в том числе обложки и титульного листа, и расположения материалов, структуры тома. По-прежнему публикуе-

---

³ Эта же ошибка относительно Ф.М.Башмакова повторена в статье, сообщающей о выходе в свет новых томов серии. См.: «Восстание носило чисто демократический характер»: О возобновлении документальной серии «Восстание декабристов» рассказывают К.Г.Ляшенко и А.В.Семенова // Отечественные архивы. 2000. №5. С.55.

мые документы сопровождаются именным и предметно-географическим указателями, подробным аннотированным содержанием. Каждое следственное дело комментирует развернутая справка, в которой передан ход расследования в случае каждого лица или того или иного сюжета. Степень подробности и уровень содержания справок в целом сохранены. К сожалению, не удалось избежать досадных опечаток в тексте примечаний и в оглавлении тома: «Петр Головинский» (правильно: Павел), «Л.С.Невенгловский» (следует: А.С.Невенгловский), «Я.И.Драгоманов» (правильно: Я.А.) (С.480, 522, 527). В именном указателе отсутствует командир Александрийского гусарского полка Александр Захарович Муравьев, который упоминается в показаниях А.Ф.Вадковского (С.172).

Выход в свет новых томов документальной серии «Восстание декабристов» видится нам далеко не завершенным.

Прежде всего, в рамках серии явной лакуной выглядит отсутствие специального тома, посвященного событиям на Сенатской площади, предшествующих и последующих дней. Особенно это заметно на фоне вышедшего в свет еще в 1929 г. VI тома, специально отведенного выступлению Черниговского пехотного полка, который составили документы, собранные вместе и подготовленные к печати Ю.Г.Оксманом.

В специальном томе, посвященном событиям 14 декабря 1825 года, должны быть аккумулированы как еще не опубликованные показания членов тайных обществ и участников выступления на Сенатской площади из Следственного фонда, так и материалы специальных полковых расследований в Московском и Гренадерском полках, Гвардейском экипаже. К ним примыкают документы следственных дел причастных к выступлению и к заговору офицеров ряда других гвардейских полков, на участие которых в восстании заговорщики вполне обоснованно рассчитывали, в первую очередь – Измайловского и Финляндского, которые находились «в пограничной ситуации» (иными словами – они вполне могли присоединиться к бунтующим частям), Конной артиллерии, где также происходили беспорядки при присяге, а также Конного полка. Многие из них хотя не приняли непосредственного участия в мятеже, но соглашались поднять свои полки, а некоторые даже предприняли конкретные усилия для того, чтобы присоединить их к выступлению. Материалы следственных дел лиц этого ряда представляют безусловный интерес.

Кроме того, за пределами XVIII тома (напомним, посвященного неосужденным членам Северного общества) остались дела таких примечательных участников декабристских союзов, как лейтенант В.П.Романов (впоследствии морской писатель и публицист, участник обороны Севастополя), поручик В.Д.Сухоруков (историк донского казачества),

корнет А.А.Плещеев 2-й,⁴ поручик Г.Д.Колокольцев, поручик М.М.Корсаков, участники Могилевской управы Северного общества А.Н.Гвоздев и А.А.Жемчужников; связанные с Н.С.Мордвиновым и привлекавшиеся к расследованию о причастности последнего к заговору измайловские офицеры И.П.Гудим и братья В.Ф. и И.Ф.Львовы (дети Ф.П.Львова); связанные с Д.И.Завалишиным и кружком офицеров Гвардейского экипажа морские офицеры Ф.С.Лутковский и А.М.Иванчин-Писарев, а также некоторые участники Петербургского филиала Южного общества: корнет И.Д.Лужин (в будущем московский обер-полицмейстер), поручик А.А.Добринский. Таким образом, в томе, посвященном событиям 14 декабря 1825 года, могут найти себе место некоторые из оставшихся вне серии дел членов Северного общества и Петербургского филиала Южного общества, не преданных суду.

Завершая разговор о персональных делах, представляющих несомненный интерес для издания в рамках серии, остается сказать о делах участников польских тайных союзов и масонских обществ (П.И.Мошинский, А.С.Яблоновский, Г.Ф.Олизар, А.И.Ходкевич и другие), которые предположены к публикации в отдельном томе (Мироненко 2001: 7).

Весьма ценный материал, заслуживающий публикации, безусловно представляют доносы на декабристские тайные общества, вкпе с показаниями доносчиков (М.К.Грибовского, А.К.Бошняка, И.В.Шервуда, А.И.Майбороды, М.П.Старосельского) на следствии. Рядом с этими документами может найти себе место весь комплекс доносов, отложившийся в фонде (доносы Е.С.Рейнеке, И.В.Унишевского, Кашталинского, ряд других).

Наконец, несомненно заслуживают издания документы программного характера и уставные документы, отложившиеся в составе комплекса материалов следствия и суда: «Зеленая книга», правила «Общества соединенных славян», уставные документы и конституция «Ордена русских рыцарей». Здесь же, думается, может найти себе место и первая академическая публикация знаменитого свода показаний декабристов о современном состоянии России. Значительный интерес представляют также бумаги, взятые при аресте некоторых подследственных (в первую очередь, наиболее интересными видятся бумаги М.А.Дмитриева-Мамонова, П.И.Пестеля, А.П.Барятинского,

---

⁴ В отношении А.А.Плещеева 2-го М.В.Нечкиной была допущена ошибка. По ее утверждению, он оказался настолько слабо замешанным в дела тайного общества, что на него даже не было заведено отдельного персонального следственного дела (Нечкина 1984: 14). Однако это не так: Александру Плещееву посвящено особое дело №192.

Н.А.Крюкова, Г.С.Батенькова, Д.И.Завалишина). Особое внимание при подготовке тома, посвященного письменному наследию членов тайных обществ, следует уделить автографам подследственных, сохранившимся в фонде следствия и суда.⁵

Оценивая выход в свет данного документального издания, необходимо отметить, что исследователи и широкий круг читателей, желающих познакомиться с материалами политического расследования почти 200-летней давности, получили в свое распоряжение новый ценный комплекс документов, существенно дополняющий наши представления о тайных обществах на юге России и о «декабристском движении» в целом.

П. В. Ильин

Литература

- Декабристы 1988** – Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Драгоманов 1992** – Драгоманов Яков Акимович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т.2. С.180–181.
- Лачинов 1994** – Лачинов Евдоким Емельянович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т.3. С.292–293.
- Мироненко 1987** – Мироненко С.В. 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С.24–34.
- Мироненко 2001** – Мироненко С.В. Государственный архив Российской Федерации к 175-летию юбилею восстания декабристов // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С.3–7.
- Нечкина 1984** – Нечкина М.В. Предисловие // Восстание декабристов. Документы. Т.ХVIII. М., 1984. С.7–16.
- Эймонтова 1976** – Эймонтова Р.Г. Советские публикации источников по истории движения декабристов // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С.222–243.

---

⁵ О намеченных к изданию еще в 1986 г. новых томах документальной серии и ее издательском плане см.: **Мироненко 1987**. Ср. последнее по времени сообщение о планах издания следующих томов серии: **Мироненко 2001**.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРОВ СБОРНИКА ПО ДЕКАБРИСТСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Киянская О.И.

1. Альманах К.Рылеева и А.Бестужева «Полярная Звезда» в контексте литературного и общественного движения в России 20–30-х годов XIX века // Декабристские чтения. Матер. межвузовской научно-практической конференции, посвященной движению декабристов. Вып. III. Киев, 1990. С. 51–53.
2. Н.И.Греч: Судьба человека эпохи декабризма // Декабристские чтения. Матер. республиканской научно-практической конференции, посвященной 165-летию со дня восстания декабристов. Вып. IV. Киев, 1991. С. 48–50.
3. А.С.Пушкин и издатели «Полярной Звезды» // Декабристские чтения. Программа и материалы 5-й Всеукраинской научно-теоретической конференции, посвященной 170-летию со дня образования Южного общества декабристов. Вып. V. Киев, 1991. С. 105–107.
4. К истории восстания Черниговского пехотного полка // Отечественная история. 1995. №6. С. 21–33.
5. «Главарь шайки злоумышленников...»: Из размышлений над биографией С.И.Муравьева-Апостола // Литературное обозрение. 1997. № 1. С. 81–86.
6. Профессионал от революции: К вопросу о конспиративной деятельности П.И.Пестеля в 1819–1825 годах // Литературное обозрение. 1997. №4. С. 4–18.
7. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 – 3 января 1826). М., 1997.
8. Рец.: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. I. СПб., 1997. // Отечественная история. 1998. №6. С. 192–195.

9. К вопросу о деятельности Южного общества декабристов перед восстанием // Развитие средств массовой коммуникации и культуры. Материалы научной конференции. 1–3 июня 2000 г. М., 2000. С.196–197.
10. Приєднання Товариства об'єднаних слов'ян до Південного товариства (до питання про методи «партійного будівництва» декабристів) // Декабристські читання. Тези міжнародної ювілейної науково-теоретичної конференції. Випуск VI. Київ, 2000. С.12–13.
11. Участь солдата [Д.Грохольского] // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб.; Кишинев, 2000. С.152–169.
12. Присоединение общества Соединенных славян к Южному обществу (к вопросу о методах «партийного строительства» декабристов) // Проблемы истории Украины XIX – началу XX в. Збірник наукових праць відділу історії України Інституту історії України НАН України. Київ, 2001. Вип. III. С. 21–30.
13. Службная и конспиративная деятельность П.И.Пестеля // Декабристські читання. Тези міжнародної науково-теоретичної конференції. Вип. VIII. Київ, 2001. С.89–93.
14. Кто такие декабристы и за что они боролись? // Отечественная история. 2001. №5. С.207–213.
15. Декабрист М.П.Бестужев-Рюмин // Отечественная история. 2001. №6. С.3–23.
16. Документы о финансовой деятельности П.И.Пестеля в Вятском пехотном полку // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб.; Кишинев, 2001. С.198–228. (публикация, вступительная статья, комментарии).
17. Декабристский заговор раскрыт. А «белые пятна» покраснели (Рец.: Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета: Декабристы. М.: Терра, 2001. Кн.1–2) // Ex Libris – НГ. Книжное обозрение. 21 февраля 2002 г. №6 (224). С.4.

Любарская Т.Г.

1. «Охота к перемене мест» в царствование Николая Павловича (несколько эпизодов из жизни С.С.Киселевой) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Матер. научной конференции. СПб., 1997. С.186–190.
2. Письма М.Н.Волконской 1830–1832 гг. из Сибири // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб.; Кишинев, 2000. С.60–95. (публикация, вступительная статья, комментарии).

3. «Обожаемая Вера, значит, я не увижу тебя более»: Письма Артамона Муравьева жене 1826–1835 гг. // Исторический архив. 2001. № 3. С.183–196. (публикация, вступительная статья, комментарии).
4. Письма М.Н.Волконской и А.Г.Муравьевой к В.А.Муравьевой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. Новая серия. [Т.1.]. М., 2001. С.39–61. (публикация, вступительная статья, комментарии).

Жуковская Т.Н.

1. К изучению начального этапа освободительного движения в России // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер.2. 1991. Вып.3. №16. С.79–83.
2. Н.Н.Шереметева и общественный круг декабристов // Российские женщины и европейская культура: Тез. докладов науч. конф. СПб., 1994. С.30–31.
3. Рец.: Якушкин Й.Д. Мемуары. Статьи. Документы. / Изд. подгот. В.И.Порохом и И.В.Порохом. Иркутск, 1993. // Отечественная история. 1995. №6. С.181–186. (в соавт. с А.Д.Марголисом, Ю.Д.Марголисом).
4. Свобода в представлениях русских либералистов 1810-х годов: Осмысловых смещений западных категорий // Коммуникации в культуре: Матер. научно-теорет. семинара. 14–16 марта 1996 г. Петрозаводск, 1996. С.97–104.
5. А.Е.Пресняков-декабриствед // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б.Окуня в Михайловском замке. СПб., 1997. С.81–87.
6. Зимние тетради: События зимы 1825–1826 гг. глазами современников // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып.1. СПб., 1997. С.11–28. (публикация, вступительная статья, комментарии).
5. Мадам де Сталь в России: женщина-политик в восприятии российских либералистов // «О благородстве и преимуществе женского пола»: Из истории женского вопроса в России. Сб. науч. тр. СПб., 1997. С.31–37.
6. «Мнимые тайные общества» в контексте культуры, или Петрозаводский «парламент» 1821 г. // Ситуации культурного перелома: Матер. научно-теорет. семинара. 24–26 апреля 1997 г. Петрозаводск, 1997. С.137–148.
7. «Тайные общества» 1810–1820-х гг.: феномен культуры в контексте политики // Культура: соблазны понимания: Матер. научно-теорет. семинара. 24–27 марта 1999 г. Петрозаводск, 1999. Ч.2. С.79–91.

8. Правительственные реформы и общественная мысль александровской эпохи в творчестве А.В.Предтеченского (по материалам личного архива) // Предтеченский А.В.. Из творческого наследия. СПб., 1999. С.325–361.
9. Пушкинские сюжеты в творчестве А.Н.Шебунина // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С.215–229.
10. Записки очевидцев о событиях 14 декабря 1825 года. Из архива М.А.Корфа // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. III. С.9–59 (публикация, вступительная статья, комментарии; в соавт. с Т.В.Андреевой).
11. «Россия – не Англия...»: Образ России у Н.М. Карамзина // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Матер. межвуз. научн. конференции. 4–7 сентября 2000 г. Петрозаводск, 2001. С.105–115.
12. *Рец.*: 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. // Исторический архив. 2001. № 1. С.214–220.
13. Издания эпохи Александра I в Нью-Йоркской публичной библиотеке // Россия в США. Сб. ст., посвященный 50-летию Бахметьевского архива. / Сост. А.В.Попов. М., 2001. С.205–225.
14. Тайное общество декабристов: Европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы: Матер. международной конференции. СПб., 2001. С.52–64.
15. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и рабстве в русских журналах 1800–1810-х гг. Мастер-лекция. Петрозаводск, 2002.
16. Правительство и общество при Александре I. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002.

Ильин П.В.

1. Обзор архивных материалов о деятельности «Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения» // Историческая наука и архивы. Тезисы докладов научно-практической конференции 19–20 октября 1993 г. Нижний Новгород, 1993. С.78–81.
2. Ланкастерский метод обучения и движение декабристов: О либерально-просветительской ориентации тайных обществ 1810–1820-х гг. СПб., 1994. 32 с. Рук. деп. в ИНИОН РАН, № 49828.
3. М.С.Воронцов и его окружение // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып.4. С.53–60.

4. Просветительство и «Союз благоденствия»: К проблеме «раннего декабризма» // Краеведческие записки: Исследования и материалы / Труды Государственного Музея истории Санкт-Петербурга. Вып.4. СПб., 1996. С.141–151.
5. Страницы просветительской деятельности М.С.Воронцова // Воронцовы – два века в истории России: Матер. пятых Воронцовских чтений. 11–12 октября 1995 г. Петушки, 1996. С.65–76.
6. *Ред.*: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. I.
7. 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999 (*публикация*) (*составление; подготовка текстов, комментарии – в соавт. с А.А.Копиловым, И.В.Осиповой, Н.И.Веденяпиной*).
8. Междуцарствие и события 14 декабря 1825 года // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С.12-36.
9. *Ред.*: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. II.
10. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. II. С.9–77 (*в соавт. с В.А.Пушкиной*).
11. *Ред.*: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. III.
12. Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики (к 10-летию со времени выхода в свет) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. III. С.203–257.
13. Иван Иванович Богданович – одна из трагических фигур 14 декабря 1825 года // Памяти Ю.Д.Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С.630-654.
14. «Прошу избавить меня от сего поручения»: Письмо декабриста Н.В.Басаргина П.Д.Киселеву // Исторический архив. 2000. №6. С.21–29. (*публикация, вступительная статья, комментарии*).
15. «Государь! Исповедую тебе яко боящийся Бога»: Прощения родственников декабристов о помиловании арестованных. 1826 г. // Исторический архив. 2001. №1. С.156–177 (*публикация, вступительная статья, комментарии*).
16. Из истории либеральной публицистики 1810-1820-х гг.: Н.И.Кузов и его статья «О причинах благоденствия и величия народов» // Общество и власть: Межвузовский сб. научных трудов. СПб.. 2001. Ч.1. С.104–116.

17. *Ред.*: 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV.
18. Записки очевидцев о событиях 14 декабря 1825 года. Из архива М.А. Корфа // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV. С. 93–181. (*публикация, вступительная статья, комментарии; в соавт. с Т.В. Андреевой*).
19. Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV. С. 363–468.
20. М.С. Воронцов и попытка создания Общества помещиков для освобождения крепостных крестьян (1820 г.) // Воронцовы – два века в истории России: Матер. десятых Воронцовских чтений. / Труды Воронцовского общества. Вып. 7. СПб., 2002. С. 150–165.
21. Записки члена Союза Благоденствия Н.И. Кутузова к императору Николаю I: К изучению эволюции «декабристского либерализма» после 1825 г. // История глазами историков: Межвузовский сб. научных трудов, посвященный 70-летию... проф. Е.Р. Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 45–65.

Коржов С.Н.

1. Сподвижник Пестеля [Ф.Ф. Вадковский] // Ленинградский университет. 1985. 20 декабря.
2. «И братья меч вам отдадут» [Н.И. Анненков – внук декабриста] // Куба. 1987. №8. С. 58–59.
3. Узник Кексгольма В.К. Кюхельбекер // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 147–156.
4. Новое о встрече Пушкина и В.К. Кюхельбекера на почтовой станции Залазы // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 72–82.
5. Гранитом крепостей одеты [Декабристы – узники российских крепостей] // Диалог. 1988. № 27. С. 24–31.
6. «Клянемся честью...» [Декабристы и дуэль К.П. Чернова] // Диалог. 1988. №36. С. 20–26.
7. «Горжусь своими предками...» [Е.К. Фандерфлит – потомок декабриста В.П. Ивашева] // Диалог. 1989. №14. С. 22–25; №15. С. 24–28.
8. Сомкнуть разорванную цепь [О потомках И.А. Анненкова] // Диалог. 1989. №34. С. 25–29; №35. С. 25–30; №36. С. 21–26.

9. Следы минувших лет [О родственных связях А.С.Пушкина – Ф.Ф.Вадковского – И.П.Мятлева] // Диалог. 1990. №18. С.24–28.
10. Свет мерцающей звезды [Генеалогическая цепь М.Ю.Лермонтов – Н.Ф.Иванова – Меншиковы – Вадковские] // Диалог. 1990. №29. С.27–32; №30. С.27–32.
11. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб.; Кишинев, 2000. С.99–151.

Новоселова З.А.

1. Декабристы – узники Выборгской крепости // Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. №1. С.31–35.

Туманик Е.Н.

1. Деятельность А.Н.Муравьева по благоустройству г. Иркутска // Материалы 51-й международной научно-технической конференции молодых ученых и студентов. СПбГАСУ. СПб., 1997.
2. Роль А.Н.Муравьева в преобразовании городского хозяйства Иркутска // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Вып.2. Региональная научная конференция 18–19 декабря 1997 г. Тезисы докладов. Новосибирск, 1997. С.34–36.
3. Административная деятельность А.Н.Муравьева в Вятке (1834–1835 гг.) // Материалы XXXVI международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». 20–25 апреля 1998 года. История. Ч.1. Новосибирск, 1998. С. 82–84.
4. А.Н.Муравьев и ссыльные декабристы в Тобольской губернии (1832–1834 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков. Материалы третьей научной конференции. 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С.49–53.
5. Преобразование Вятской палаты уголовного суда в 1834 г. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции 11–12 ноября 1999 г. Новосибирск, 1999. С.170–180.
6. Влияние общественно-административной деятельности А.Н.Муравьева на формирование культурного облика Иркутска // Культурологические исследования в Сибири. Вып.2. Омск, 1999. С.77–83.
7. Православно-патриотическое воспитание в русской дворянской семье начала XIX века (на примере семьи Н.Н.Муравьева) // Духов-

- ный путь России: Третьи Новосибирские Рождественские образовательные чтения. Тезисы и материалы. Новосибирск, 2000. С.89–92.
8. Новые источники к биографии декабриста А.Н.Муравьева // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2000. С.192–203.
  9. «Бунт» архиепископа Ириней: причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2000. С.399–405.
  10. А.Н.Муравьев во главе Тобольской губернии в 1832–1834 гг. (к истории конфликта с генерал-губернатором И.А.Вельяминовым) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С.334–336.
  11. Административно-градостроительная деятельность А.Н.Муравьева в Иркутске в конце 1820-х – начале 1830-х гг. // Сибирская архитектурно-художественная школа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Новосибирск, 12 марта 2001). Новосибирск, 2001. С.159–160.
  12. Административная деятельность А.Н.Муравьева в Таврической губернии (1835–1837 гг.) (по эпистолярным источникам) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2001. С.136–150.

Вершевская М.В.

1. Декабристы в Петербурге: Адресный указатель // Мера. Декабристский выпуск. 1996. №1. С.237–267.
2. Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып.4. СПб., 1996. С.91–141.
3. «Тюрьма мне в честь, не в укоризну» // Барабанова А.И., Вершевская М.В., Тихонова Н.С. Тайны «Русской Бастилии». СПб., 1996.
4. «Пред концом моим...» [Места заключения осужденных на смертную казнь в Кронверкской куртине Петропавловской крепости] // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. I. СПб., 1997. С.85–90.
5. Зубков В.П. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость: Страницы истории. СПб., 2001. С.183–220, 319–327. (публикация, вступительная статья, комментарий).

Мартынова Н.Ф.

1. Александр Федорович фон дер Бригген // Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. № 1. С.69–78.
2. Правнук декабриста И.П.Умов // Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. №1. С.155–163.

Мозгалеvская Е.А.

1. Рядовой член Общества соединенных славян Н.О.Мозгалеvский // Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. №1. С.63–68 (*в соавт. с А.В.Мозгалеvским*).
2. Слово о моем отце // Мера. Декабристский выпуск. СПб., 1996. №1. С.133–138.

Уже первый выпуск этого издания был достаточно интересен (см. отзыв: НЛО 1999. №38 С.374-375), а рецензируемые еще более содержательны. Прежде всего отметим как характерную черту сборника – стремление не только к фактической точности, полноте представления источников, но и к прояснению методологических оснований своей работы, методической четкости... По сравнению с 1-м выпуском в полиграфическом плане, сменив формат верстки, сборник стал более удобным и привлекательным. Можно утверждать, что исследователи получили полезное, близкое к образцовому издание, которое представляет интерес не только для историков декабристского движения, но и вообще для всех, занимающихся изучением русской истории и культуры первой половины XIX в.

Г. Лаврентьев «Новое литературное обозрение». 2001. №2.

Общее впечатление от содержания первых трех выпусков сборника вполне положительное: сделан твердый, уверенный шаг к достижению поставленной цели. Совершенно естественно и оправданно центральное место в сборниках, которое отведено материалам историографического плана. Действительно, прежде чем идти дальше, надо определиться, где мы находимся и какие вопросы требуют первоочередного решения... В заключении остается сказать о хорошем полиграфическом уровне издания, простой и удобной системе отсылок к источникам, об удачно найденном в последних двух выпусках сборника формате книг.

М. Рахматуллин «Отечественная история». 2000. № 6.

Журнал «Нестор»:

*Ежеквартальный журнал истории и культуры
России и Восточной Европы*

- 2000 №1 Православная церковь в России и СССР.
2000 №2 Банки и финансы Российской империи.
2000 №3 Россия между революциями (1905-1917гг.)
2000 №4 Наука и власть (XVIII-XX).
2001 №1 Народ и власть (1-я половина XX в.)

Библиотека журнала «Нестор»:

*Источники и исследования
истории и культуры
России и Восточной Европы*

- Том I 14 декабря 1825 года. Источники.
Исследования. Историография.
Библиография. Вып. II. СПб; Кишинев. 2000.
- Том II 14 декабря 1825 года. Источники.
Исследования. Историография.
Библиография. Вып. III. СПб; Кишинев. 2000.
- Том III Н.П. Игнатъев. Земский собор.
СПб; Кишинев. 2000.
- Том IV 14 декабря 1825 года. Источники.
Исследования. Историография.
Библиография. Вып. IV. СПб; Кишинев. 2001

Другие издания издательства «Nestor-Historia»:

Русская история. Экспресс-курс.
Краткие ответы. Ключевые слова.
Опорные сигналы.
Ч. I. От Рюрика до Николая II.
Ч. II. От Ленина до Горбачева. СПб. 1995.

14 декабря 1825 года. Источники.
Исследования. Историография.
Библиография. Вып. I. СПб. 1997.

Русская история. 1917-1991.
Ч. I. Структурный курс.
Ч. II. Ключевые слова. Опорные сигналы.
СПб. 1997.

Стратум: Структуры и катастрофы.
Сборник символической индоевропейской
истории. СПб. 1997.

По всем вопросам обращайтесь
nestor@nestor.mldnet.com
www.nestor.md

ISBN 9975-9693-0-5

9 789975 963077

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА Вып. V